

Е.С.СЕНЯВСКАЯ

**ПРОТИВНИКИ РОССИИ
В ВОЙНАХ XX ВЕКА**

**ЭВОЛЮЦИЯ «ОБРАЗА ВРАГА»
В СОЗНАНИИ АРМИИ И ОБЩЕСТВА**

Е.С.СЕНЯВСКАЯ

ПРОТИВНИКИ РОССИИ В ВОЙНАХ XX ВЕКА

**ЭВОЛЮЦИЯ «ОБРАЗА ВРАГА»
В СОЗНАНИИ АРМИИ И ОБЩЕСТВА**

Елена Спартаковна Сеньявская – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, профессор Российского государственного гуманитарного университета. Лауреат Государственной премии РФ за выдающиеся достижения в области науки и техники (1998 г.), Медали Российской академии наук (2001 г.), Премии Международной ассоциации исторической психологии за большой личный вклад в развитие исторической науки (2003 г.). Действительный член Академии военных наук (2001 г.). Основатель и лидер нового научного направления «Военно-историческая антропология и психология», Президент Ассоциации военно-исторической антропологии и психологии «Человек и война», главный редактор ежегодника «Военно-историческая антропология».

Автор более 200 научных трудов, в том числе 3-х монографий, удостоенных высоких научных наград и получивших широкий отклик в отечественной и зарубежной научной печати: «1941–1945. Фронтовое поколение. Историко-психологическое исследование» (М., 1995); «Человек на войне. Историко-психологические очерки» (М., 1997); «Психология войны в XX веке: исторический опыт России» (М., 1999).

Предлагаемая читателю новая книга Е.С.Сеньявской продолжает исследование «человеческого измерения» войны и посвящена формированию и эволюции «образа врага» в сознании наших соотечественников на протяжении XX столетия. Она основана на уникальных документах и свидетельствах современников, в том числе материалах «устной истории».

Острота проблемы, новые подходы к изучению военной истории, научная глубина исследования в сочетании с отточенным литературным стилем привлекут внимание не только специалистов, но и всех, кому небезразлична история Отечества.

Российская Академия Наук
Институт российской истории

Е.С.СЕНЯВСКАЯ

**ПРОТИВНИКИ РОССИИ
В ВОЙНАХ XX ВЕКА**

**ЭВОЛЮЦИЯ «ОБРАЗА ВРАГА»
В СОЗНАНИИ АРМИИ И ОБЩЕСТВА**

серия «ЧЕЛОВЕК И ВОЙНА»

Москва • РОССПЭН • 2006

Рецензенты:

*доктор исторических наук Ф.И.Новик,
кандидат исторических наук Ю.Н.Шведов*

С 31 **Сенявская Е.С.**

Противники России в войнах XX века: Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. – 288 с., илл.

Монография посвящена комплексному изучению одной из актуальных проблем социальной и «ментальной» истории – раскрытию социокультурного и психологического феномена восприятия «чужого» в экстремальной ситуации войны. Впервые в историографии в данном ракурсе рассматривается массовое сознание общества и армии России/СССР в условиях основных внешних войн в XX столетии (русско-японской, Первой мировой, иностранной интервенции в период Гражданской войны, советско-финляндской, Великой Отечественной, Афганской, а также военных кампаний против японской армии накануне и в ходе Второй мировой войны). Исследование основано на широком круге архивных документов и историко-социологических источников, агитационно-пропагандистских материалов, источников личного происхождения и др. Среди важнейших задач монографии – изучение роли социальных институтов (государственных структур, СМИ, литературы и искусства, и т.д.) в формировании отношения к врагу и эволюции его образа, а также исследование влияния идеологических и психологических факторов на восприятие противника.

Книга основана на редких архивных документах, письмах, дневниках, воспоминаниях участников войн и материалах «устной истории». Она будет интересна не только специалистам, но и всем, кому небезразлична история Отечества.

ISBN 5-8243-0782-2

© «Российская политическая энциклопедия», 2006.

© Институт российской истории РАН, 2006.

© Сенявская Е.С., 2006.

*«Внук: – Дедушка, а сколько человек ты убил на войне?
Дед: – Ни одного, внучек. Я убивал не людей, а врагов!..»*

Владимир Ильин «Пока молчат оракулы»

*«Самое непростительное для советского разведчика –
не уметь разглядеть во враге человека».*

Вадим Кожевников «Щит и меч»

Вместо введения

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ ИЗУЧЕНИЯ «ОБРАЗА ВРАГА»*

В процессе любого вида взаимодействий стран, государств и их народов формируются определенные представления друг о друге, «образ». Это весьма сложное явление, так же как и механизмы формирования образа, включающие субъект, объект, предмет, обстоятельства и формы взаимодействия и т.д.

Войны – одна из форм (и стадий) конфликтного взаимодействия государств, существовавшая на протяжении практически всей истории человечества. Форма, в которой государства стремятся путем вооруженного насилия реализовать свои интересы и цели за счет другой стороны или отстоять их от внешних посягательств. Естественно, условия вооруженного противостояния государств являются экстремальными ситуациями не только «взаимодействия» стран и народов, но и их взаимовосприятия, которое подчиняется определенным закономерностям. Вооруженный противник, несущий смерть и разрушения, воспринимается принципиально иначе, нежели партнер в области экономики, культуры, образования, науки и т.д. Стереотипы взаимовосприятия народов мирного времени в период войн неизбежно трансформируются в «образ врага», особенно если государство оказывает целенаправленное воздействие на свое население.

Ушедший в прошлое XX век оказался предельно насыщен войнами и вооруженными конфликтами. Он же стал веком идеологий, веком невиданного развития и распространения средств массовой информации, а также технологий воздействия на сознание и подсознание людей. И не случайно «образ врага» – как идеолого-психологическая конструкция – среди многочисленных феноменов массового сознания именно в прошлом веке занял столь значимое место. Не стало исключением и сознание российского общества на всех его уровнях.

Данное монографическое исследование направлено на комплексное изучение одной из актуальных проблем социальной и «ментальной» истории – раскрытие социокультурного и психологического феномена восприятия «чужого» в экс-

* Монография подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 05-01-01086а).

тремальных условиях войны, а также эволюции «образа врага» в послевоенное время, его бытования и трансформации в исторической памяти.

Актуальность проблемы определяется той значимостью, которую имели войны для всей истории России в XX столетии, в том числе для трансформации массового сознания, формирования как временных, так и весьма устойчивых социально-психологических, социокультурных и идеологических категорий и стереотипов. Войны не только занимали «хронологически» важную часть российской истории XX века, но и в значительной мере влияли на периоды мирного развития. Почти неизученный гуманитарный аспект военно-исторического опыта приобретает особую остроту в текущей международной ситуации и в результате сложного положения внутри России. Без учета психологических и социокультурных факторов взаимодействия с чужими социумами невозможно адекватное научное осмысление новейшей отечественной истории, причем не только военной, но и «гражданской». Немалое значение осмысление этого опыта имеет и для социальной практики в условиях современности, в том числе для построения отношений с государствами и народами – бывшими военными противниками России.

Поставленная проблема столь многообразна по входящей в нее и соприкасающейся с ней тематике, что, рассматривая процесс ее научной разработки и степень изученности, нельзя ограничиваться освещением собственно историографии, тем более что она весьма ограничена – исследование во многом только начинается. Между тем, предмет исследования данной книги в значительной своей части связан с новым междисциплинарным направлением – имагологией¹, которая занимается изучением взаимовосприятия народов, социумов, культур и в последние годы весьма интенсивно развивается, делая успехи, в том числе и на историографическом поле. В рамках этой междисциплинарной отрасли для нас значимы как теоретико-методологические разработки, так и – относительно скромные – историографические результаты.

Проблема восприятия представителей иных народов, социумов и культур в разные исторические эпохи до недавнего времени затрагивалась в основном в философской, культурологической и политологической литературе². Для исторической науки это сравнительно новое направление³, в рамках которого в разных странах разрабатывается несколько «избранных» сюжетов. Так, в ФРГ с 1982 г. работает исследовательская группа «Вуппертальский проект по изучению представлений немцев и русских друг о друге», выпускающая многотомное научное издание «Западно-восточные отражения» в двух сериях – «Русские и Россия глазами немцев» и «Немцы и Германия глазами русских». В России в Институте российской истории РАН с 1994 г. проводится ежегодный «круглый стол» «Россия и мир: проблемы взаимовосприятия», материалы которого регулярно публикуются⁴. В мае 2001 г. в Санкт-Петербурге Международной ассоциацией исторической психологии была проведена международная научная конференция «Наши» и «чужие» в российском историческом сознании⁵. Также с 1990-х гг. стали выходить сборники статей и отдельные публикации на близкие темы в исторических журналах и альманахах⁶, появились первые монографические исследования⁷.

В контексте истории насыщенного войнами XX века важнейшее место в процессе взаимовосприятия разных народов приобретает понимание механизма превращения «образа чужого» в «образ врага». Следует подчеркнуть определенную «деликатность» данной темы: долгое время ее разработка в нашей стране (а отчасти и за рубежом) являлась преимущественно прерогативой спецслужб, решавших задачи спецпропаганды и психологической войны. Их исследования оставались во многом засекреченными или публиковались под грифом «для служебного пользования». За ряд десятилетий лишь небольшой круг «открытых» советских и переводных работ, которые можно отнести к этому направлению, получил доступ к массовому отечественному читателю⁸. Лишь в постсоветский период этот пласт проблем стал освещаться гораздо более активно как в теоретическом⁹, так и историческом ракурсах¹⁰.

В последние годы происходит, во-первых, осознание большого гуманитарного значения данной проблемы; во-вторых, – она все чаще становится предметом изучения «гражданских» исследователей, хотя в этом направлении делаются только первые шаги, в том числе и в методологическом аспекте. О междисциплинарном характере проблемы свидетельствует то, что ее параллельно разрабатывают психологи и этнопсихологи¹¹, социологи¹², политологи¹³, культурологи, филологи, искусствоведы¹⁴ и, разумеется, историки¹⁵.

Однако собственно исторических исследований, посвященных формированию «образа врага» применительно к российским войнам XX века, за исключением разработок автора данной книги¹⁶, на сегодняшний день в отечественной историографии сравнительно немного¹⁷, а существующие работы по смежной проблематике до недавних пор освещали процессы не столько военного, сколько мирного времени¹⁸, а также войн иных исторических периодов¹⁹, либо других стран и народов²⁰.

Вместе с тем, в последние годы появился ряд работ, посвященных советской пропаганде в канун Великой Отечественной войны, в том числе и в кинематографе, непосредственно выходящих на проблему «образа врага»²¹, а в вышедшем в 2005 г. втором выпуске Ежегодника «Военно-историческая антропология»²² есть специальный раздел «Психология взаимовосприятия и взаимодействия военных противников», где опубликованы материалы как по отечественной военной истории XX века²³, так и по российской и зарубежной истории более ранних периодов²⁴. Появились публикации, выделяющие отдельные коллективные и индивидуальные субъекты восприятия реальных и потенциальных противников России/СССР²⁵.

Безусловно, нельзя рассматривать формирование образа врага в лице страны, ведущей войну, вне более широкого исторического контекста взаимовосприятия двух стран и народов. Поэтому весьма значимы исторические исследования, посвященные восприятию стран – противников России в XX веке как собственно в период ведения боевых действий, так и в мирное время. Весьма значимо восприятие в России Запада как целого²⁶, в том числе в контексте внешней военной угрозы²⁷. Ряд статей посвящен главному противнику России в войнах XX века – Германии и ее сателлитам²⁸, Японии²⁹, Польше³⁰, Финляндии³¹, Афганистану³², образу

союзника в целом³³, а также конкретным временным союзникам, готовым стать (и становящимся в конкретных условиях) противниками – Англии³⁴ и США³⁵.

Вместе с тем, оценивая степень изученности темы и констатируя определенные позитивные наработки в области изучения «образа врагов» России в истории войн XX века, следует сделать вывод: изучались лишь отдельные аспекты темы, в том числе и самим автором, но в целом пока проблема исследована фрагментарно.

Основным объектом исследования в данной монографии выступают российские участники и современники всех основных внешних войн России/СССР в XX столетии. Они являются коллективным социальным субъектом восприятия противника, причем в качестве важнейшего субъекта «синхронного» восприятия врага рассматривается армия, а «ретроспективного» – ветераны войн. В объект исследования – в той части, что касается исторической памяти – включены также другие поколения россиян.

Предметом изучения являются социально-психологические процессы в массовом сознании общества и армии, характеризующие многочисленные параметры восприятия противника и отношения к нему в конкретно-исторических условиях каждой из войн. Предмет изучения включает механизмы, формы и результаты восприятия противников России в войнах XX века субъектами разного уровня: и центрами принятия решений, и аналитическими структурами, и «простым человеком». Особый «массовый» субъект, непосредственно соприкасавшийся с противником – российская армия, и ей в книге уделяется максимальное внимание.

В исторической и других социальных науках это явление нашло отражение в категории «образ врага», изучение формирования и эволюции которого в различных вооруженных конфликтах, а также сравнительно-исторический анализ этих процессов являются основной целью исследования. В монографии решается комплекс теоретико-методологических, источниковедческих и конкретно-исторических аспектов проблемы, которая в указанном ракурсе и на обозначенном материале ставится в историографии впервые. Вместе с тем, автор опирается на уже проведенные собственные разработки отдельных вопросов в рамках данной проблематики.

Ключевыми задачами, на решение которых направлено исследование, являются:

- разработка методологического, источниковедческого и методического инструментария сравнительно-исторического исследования проблемы формирования и эволюции «образа врага» в условиях войн и вооруженных конфликтов;

- конкретно-исторический анализ механизмов, форм, содержания процессов формирования и эволюции «образа врага» в основных внешних войнах России в XX в. (в русско-японской, Первой мировой, советско-финляндской, Великой Отечественной, Афганской, а также в рамках иностранной интервенции в период Гражданской войны и в военных кампаниях против японской армии накануне и в ходе Второй мировой войны);

- проведение сравнительно-исторического анализа явления путем сопоставления его в условиях перечисленных войн, определения специфического и типического в этих процессах;

– компаративный анализ конкретных составляющих процессов восприятия противника и отношения к нему, в том числе изучение соотношения и взаимосвязей идеологических, социокультурных и психологических факторов конкретных войн.

Данное монографическое исследование впервые в историографии направлено как на комплексное изучение проблемы формирования и эволюции «образа врага» в главных внешних войнах России/СССР в XX в., так и на компаративный анализ на основе сопоставления этих процессов в различных исторических условиях. В книге впервые на данном материале применена разработанная автором методика сравнительно-исторического исследования таких психологических феноменов вооруженных конфликтов, как механизмы, формы и модели восприятия противника и формирование стереотипов «образа врага».

Исследование базируется на использовании широкого круга в значительной степени впервые вводимых в научный оборот источников, в том числе материалов военной цензуры, политеводов и политдонесений, боевых донесений и докладов, данных фронтовой и агентурной разведки, протоколов допросов военнопленных, материалов проведенных автором социологических обследований (интервьюирования и анкетирования участников и современников войн), а также источников личного происхождения, периодической печати, произведений литературы и искусства, и др. Привлекаются материалы Российского государственного военно-исторического архива, Российского государственного военного архива, Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации, Российского государственного архива социально-политической истории, личных и семейных архивов участников разных войн, и др.

Отправным пунктом в решении поставленных в монографии целей и задач является как общенаучная методология (логический, системно-структурный анализ, использование классификаций, и др.), так и конкретно-методологические подходы, разработанные в ряде гуманитарных дисциплин при изучении социокультурных и социально-психологических феноменов. Естественно, конкретно-исторический характер исследования ставит во главу угла собственно исторические методы.

В «синтетическом» подходе к изучению психологии войн находят отражение основополагающие принципы социальной истории, в центре внимания которой оказывается человек, причем не сам по себе, а как член социума. Широко применен инструментальный психоистории и «устной истории», изучение общественных процессов не только «сверху», через «официальный дискурс», который воплощает язык власти и идеологии, но и «снизу» (взгляд на войну «из окопа», «из-за станка» и т.д.). Наряду с ключевым для задач исследования историко-сравнительным методом, в нем применен целый комплекс общеисторических методов: историко-генетический, историко-типологический, историко-системный и др., а также весь арсенал собственно источниковедческих методов, которые используются при проверке достоверности и репрезентативности источников. Мета-научные для истории подходы в исследовании историко-психологической проблематики дополнены методологическими принципами и инструментарием, разработанными в смежных гуманитарных дисциплинах, прежде всего в психологической и социологической науках, а также в культурологии.

Особое методологическое значение для тематики данного монографического исследования имеет новая междисциплинарная область, превращающаяся в самостоятельную научную дисциплину – имагология.

Историческая имагология: исследовательский потенциал и инструментарий

Для конкретно-исторического анализа проблемы формирования «образа врага» необходимо предварительно очертить ее границы, раскрыть содержание основных понятий, определить инструментарий и источники.

В целом проблема восприятия противника, отношения к нему является частью более широкой историко-психологической проблематики «мы и они», «свой-чужой», различные аспекты которой нашли отражение в историко-психологической и социально-психологической литературе³⁶. Она имеет междисциплинарный характер, что предполагает изучение на стыке не только социальной и исторической психологии, но и культурологии, этнологии, конфликтологии и других наук. В последние десятилетия эта область исследований выделилась в самостоятельное направление, на основе которого сформировалась целая междисциплинарная научная дисциплина – имагология, оформившаяся в 1950-х гг. и получившая развитие во Франции и Германии. Она начала формироваться в результате достижений школы «Анналов», опиравшейся на культурологические подходы в исторических исследованиях и поставившей проблему «чужого в культуре». Основным объектом исследования имагологии – то, как в национальных культурах формируются «образы» «своего» и «чужого».

Основные понятия – имагема или национальный образ, национальные стереотипы.

В основе концепции лежит предположение, что любая культура делится на свою и чужую, причем своя воспринимается как «естественная», сама собой разумеющаяся, а чужая – нет. Соприкосновение с другой культурой, взаимодействие с ней вызывает ощущение и понимание относительности ценностей, культур и самой социальной реальности. «Национальные имагема определяются их Янусовой амбивалентностью и противотиворечивой природой. Результат такой амбивалентной полярности – различные их проявления (национальные образы в таком виде, как мы фактически с ними сталкиваемся), невосприимчивые к собственному устареванию»³⁷. Национальные образы обычно принимают характер стереотипов – т.е. упрощенных, весьма жестких, устойчивых представлений, возникающих у человека – как социального существа – под влиянием культурного окружения. Именно так человек воспринимает окружающий мир: через «картину в голове», через призму искусственных образов, которые возникли до того, как человек столкнулся и стал непосредственно наблюдать конкретное явление. «Стереотип является определенной формой генерализации отдельных явлений, он унифицирует представления об этнических и общественных группах, институтах, явлениях культуры, личностях, событиях и т.д. и обладает исключительной силой убеждения благодаря удобству и легкости его восприятия»³⁸.

Термин «стереотип» был введен в научный оборот американским социологом У.Липпманом, который в 1922 г. в книге «Общественное мнение» определил влияние стереотипов на восприятие окружающего мира, на индивидуальное и массовое сознание: «В большинстве случаев мы не сначала видим, а потом даем определение, мы сначала определяем для себя то или иное явление, а потом уже наблюдаем его. Во всей ... неразберихе внешнего мира мы выхватываем то, что навязывает нам наша культура, и мы имеем очевидную тенденцию воспринимать эту информацию в форме стереотипов»³⁹. Роль стереотипов весьма противоречива. С одной стороны, они помогают каждому человеку – с его ограниченным личным опытом, как правило, узким географическим и социальным жизненным пространством ориентироваться в мире, опираясь на более широкий опыт своего социума, своей культуры, на основе которого он формирует представление о мире в целом и многих вещах, в том числе тех, с которыми лично никогда не соприкоснется. Стереотипы экономят усилия в познании индивидуумом сложного, меняющегося мира, используя потенциал общества. С другой стороны, стереотипы обычно упрощают, а во многом и искажают реальность, опираясь на ограниченный опыт конкретного социума, а также его предрассудки. Кроме того, стереотипы очень устойчивы, передаются из поколения в поколение, и воспринимаются как сама реальность. То есть они обычно отстают от изменений социальной реальности, неизбежно внося определенные искажения в ее восприятие.

В тех случаях, когда личный опыт противоречит стереотипу, большинство людей предпочитают не замечать этого противоречия и сохранить неизменными свои взгляды. Лишь относительно немногие, психологически наиболее гибкие и восприимчивые люди способны преодолеть стереотип при восприятии противоречащей ему реальности.

Стереотипы могут быть в основном адекватными реальности, частично адекватными или совершенно ей неадекватными.

«Чужое» воспринимается по-разному, в зависимости от многих факторов. Прежде всего, разной бывает сама готовность восприятия иного, диапазон которой широк: от интереса и любопытства до безразличия и далее – до активного неприятия, отторжения, отказа воспринимать. Как правило, отношение к чужому настроенное, а часто – и негативное.

При восприятии «чужого», с которым был или, тем более, сохраняется негативный контакт, и особенно когда чужое угрожает «своему» (интересам, самооценке, комфортной стабильности и т.д.), отношение к нему преимущественно или полностью негативное. Эти факторы, вносящие сильный эмоциональный компонент, особенно затрудняют объективное восприятие реальности «иного».

Ситуация опасности, исходящей от «чужого» угрозы и составляет тот социальный и социокультурный контекст, в котором формируется «образ врага». В рамках нашей книги наиболее близок к проблематике «образа врага» тот тематический пласт, который связан с взаимовосприятием стран и народов.

Взаимоотношения и взаимовосприятие стран и народов – очень непростое явление, в котором важнейшее значение имеет психологическая составляющая. Она подразумевает – на основе психологической закономерности «мы-они», «свои-чужие» – прежде всего, взаимовосприятие, в результате которого у одного народа складывается образ другого и отношение друг к другу.

Взаимовосприятие народов зависит от множества факторов, имеющих определенную соподчиненность. Условно это явление можно отразить в виде упрощенной схемы: субъект, объект, обстоятельства восприятия, смысловое наполнение формируемого образа. Субъектами восприятия могут быть государственные структуры, формирующие политику в отношении другого государства; определенные социальные категории населения и, наконец, конкретные граждане страны. Объект восприятия также может быть целостным (страна и народ в целом) и дифференцированным – государство, народ, его история, культура и т.д. На конкретные субъекты восприятия в большей или меньшей степени влияют различные источники информации, каналы и инструменты воздействия: официальные и пропагандистские материалы, пресса и другие СМИ, произведения искусства и культуры и т.д., а также опыт непосредственного контакта в той или иной форме.

Сложнейшие социально-психологические процессы взаимовосприятия определяются множеством факторов: величиной и исторической значимостью народов, этническими и социокультурными различиями или близостью; существованием в рамках одного или разных государств; территориальной удаленностью или соседством; интенсивностью или слабостью контактов, их характером (враждебность, нейтральность или дружелюбность), видами и направленностью взаимодействий (экономические, политические, культурные) и т.д.

То, каким содержанием наполняется понятие «они» – дружелюбным, нейтральным или враждебным, – зависит от очень многих обстоятельств. Здесь и историческая память, и конкретно-историческая ситуация, и жизненный опыт и мировоззрение отдельных людей, которые являются субъектами взаимоотношений. Как правило, особенно непросты взаимоотношения соседних народов, у которых накопился многовековой исторический груз взаимных претензий и обид, но также есть и немалый позитивный опыт контактов и сотрудничества.

Следует отметить, что и сами взаимоотношения народов, и влияющие на них обстоятельства не являются статичной величиной, и в различных исторических условиях могут меняться в широком диапазоне: от активных взаимосвязей до почти полного их прекращения; от вражды к дружбе и наоборот. Соответственно и образ другой страны никогда не бывает статичным. Его формирование всегда происходит исторически, подвергается изменениям и коррективам вместе с изменением условий взаимоотношений стран и народов, исторического опыта, смены поколений и т.д. Вместе с тем, уже сформированные в этносе и культуре стереотипы могут быть весьма устойчивыми, сохраняя свое смысловое и оценочное наполнение веками и влияя на восприятие иных народов в течение многих поколений, несмотря на существенные изменения как самих народов и их стран, так и их реальных взаимоотношений.

Этнический стереотип – комплекс представлений одной этнической группы о другой. Они всегда существуют в контексте автостереотипов – представлений народа-этнуса о себе самом, которые соотносятся с инородным, внешним, иным, и только так и могут восприниматься и оцениваться. «Свое» есть точка отсчета для восприятия чужого, «матрица» для сопоставления, мерило и критерий для оценки. Соотнесение, сопоставление, сравнение своего и чужого, – основной механизм формирования образа иного. Но для формирования образа иного народа, его стереотипа важно не только, *что* сравнивается, но и *кто* сравнивает, т.е. качества народа – субъекта восприятия, прежде всего его национальный характер. Этнические стереотипы опираются на сложившуюся этнокультурную традицию, представляют собой схемы восприятия инокультурного опыта, играют активную роль в формировании мировосприятия и мировоззрения нации, Они же во многом отражают саму нацию, продуцирующую стереотип иного, многое говорят о национальном характере, ментальности народа.

Сопоставление своего и чужого, как правило, бывает комплиментарным по отношению к «своему» и весьма критичным или даже негативным, отторгающим по отношению к чужому. Неадекватность само- и ино-восприятия ведет к мифологизации образов – как автостереотипов, так и образов-стереотипов чужого. «Имагология ставит своей задачей выявить истинные и ложные представления о жизни других народов, стереотипы и предубеждения, существующие в общественном сознании, их происхождение и развитие, их общественную роль и эстетическую функцию в художественном произведении... Имагология, как это явствует из самого названия, изучает «образы», «картины» чужого мира и, стало быть, не сводится к исследованию стереотипов, которые являются «застывшим» образом, некой постоянной, идеальной моделью, не существующей в реальном мире. Однако она по необходимости занимается в первую очередь именно стереотипами – долгоживущими общественно-историческими мифами»⁴⁰.

Этнические стереотипы формируются в соответствии с определенными механизмами массовой психологии. «Каждый народ осознанно, полусознанно или неосознанно – несет свою идею, свой мир представлений и о себе, и о другом. И поэтому эти естественные и даже необходимые различия своего и чужого на фоне бесспорно общих задач жизнеобеспечения становятся предлогом, почвой, местом, где начинаются несогласия, различия, споры и ссоры»⁴¹. В основе стереотипов – этноцентризм, свойственный всем народам.

Причем существуют народы, у которых этноцентризм, в силу разных причин, становится гипертрофированным, что влияет на их национальный характер в целом: «На национальный характер накладывает отпечаток и такая черта, как акцентирование своей национальной особенности. Она может вести и ведет к национальной обособленности, изоляции, национализму в его худших проявлениях. Как правило, такая черта свойственна народам, у которых именно национальность подвергается опасности в результате национального гнета, национальных пресле-

дований и т.п. К таким народам относится и польский, и не случайно, что вопрос о «польскости» находится в центре его внимания до настоящего времени. Так, на международной научной конференции в Варшаве, посвященной 70-летию возрождения Польши, он рассматривался специально: анализировались характерные признаки «польскости», и, в частности, высказывалось мнение, что одной из ее черт является смакование своей особенности, сосредоточенность на том, что отличает поляков от других народов, и игнорирование того, что сближает»⁴².

Формирование этнического стереотипа определяется большой совокупностью факторов. «Национальные стереотипы вырабатываются в результате длительного процесса. Важными факторами его развития являются сами исторические судьбы народов, их переплетение, степень их родства, соседство, взаимоотношения на протяжении веков. Особенно сильно влияют на этот процесс войны и соперничество народов, завоевания и захваты, национальный гнет и национально-освободительное движение, взаимодействие различных социальных систем, экономическое и культурное сотрудничество, идейное и культурное взаимовлияние, совместная борьба против общего врага и пр.»⁴³

Действительно, на оценку другого народа сильно влияют не только величина различий, но и исторический опыт взаимоотношений двух народов. Так, многие этнокультурно близкие народы-соседи, в истории которых было немало «принудительных контактов» и конфликтов, могут иметь друг о друге более негативные представления-стереотипы, нежели о дальних народах, с которыми были в основном торговые и культурные контакты, добровольные и позитивные. Например, те же поляки испытывают симпатии к не имеющим с ними общих границ французам, американцам, итальянцам, а негативно относятся к своим соседям – русским, украинцам, чехам, немцам, с которыми и сейчас имеются более тесные контакты, но историческая память отягощена тяжелыми конфликтами в разные времена. Например, отношения с русскими были у поляков среди наиболее интенсивных в течение последних трех-четырёх столетий, причем главными являлись преимущественно негативные формы взаимоотношений: в XVI–XVII в. – войны, геополитическое соперничество, религиозная вражда; в XVIII–XIX вв. – участие России в разделах Польши, подавление национально-освободительной борьбы поляков; в XX в. – создание Советского и Польского государств с различным социальным строем, войны 1920 и 1939 гг., репрессии, совместная борьба против фашизма, участие ПНР в просоветском военно-политическом блоке и т.д. Свой исторический счет могут предъявить и русские: от польской интервенции начала XVII в., участия поляков в походе Наполеона 1812 г. до польской агрессии в 1920 г. и участи советских военнопленных после нее. Все это, несомненно, оставалось фоном даже в периоды тесного сотрудничества, причем польским национальным сознанием воспринималось – и до сих пор воспринимается (в отличие от русского) – весьма болезненно.

Безусловно, этнические стереотипы далеко не всегда совпадают с исторической реальностью.

Этнические стереотипы – при всей их нечеткости, размытости, – имеют определенную структуру. Она включает и те аспекты образа народа – объекта восприятия, которые воспринимаются и оцениваются (черты национального характера, образа жизни, традиции, обычаи, культура, поведение, психология и т.д.), и механизм устойчивого воспроизведения (позиция наблюдателя, его ценности, критерии оценки и др.). Стереотип и его составляющие приобретают символические значения, позволяющие ему длительно сохраняться, воспроизводиться и, даже в случае «затухания» некоторых параметров и оценок, актуализироваться, в том числе и под целенаправленным влиянием определенных групп и институтов общества.

Собственно, в любом этносе всегда есть преобладающие категории населения – пассивные и воспринимающие, но также есть и продуцирующие внешние этнические и инокультурные стереотипы группы. Элиты общества, государственные общественные институты являются основными субъектами, продуцирующими представления и ценности общества в любую конкретно-историческую эпоху. То же происходит и с инокультурными стереотипами. Причем, активность в формировании внешних образов проявляется, как правило, далеко не всегда, а именно тогда, когда они становятся инструментом мобилизации населения против врага (внешнего или внутреннего). И здесь либо государство и его институты создают или актуализируют негативный образ другой страны – реального или потенциального противника, либо – в редких случаях, когда внутри общества совершается радикальная трансформация, – активно формируют позитивный образ страны-культуры «образца», которому идущая или пришедшая к власти группа собирается следовать. Естественно, когда осуществляется мобилизация, направленная на борьбу с политическим и тем более военным противником, формируется «образ врага», который включает и негативный образ народа, против которого ведется борьба. Механизмы, используемые для распространения вражды между странами и народами включают политическую пропаганду, религию, СМИ, сферу образования, литературу, кинематограф.

При этом субъект восприятия – народ, этнические группы, превращаются в объект воздействия, нередко – прямой манипуляции. И легкость формирования позитивных и негативных стереотипов, и их устойчивость оказываются зависимы как от эффективности технологий и инструментов воздействия, так и от психологических качеств массового субъекта-объекта – народа, этноса (структуры ценностей и ее устойчивости, уровня образования и уровня критичности, наличия модели-образа этноса, о котором «вбрасывается» внушаемая информация, авторитетности воздействующих структур, правдивости информации и т.д.). «...У одних народов существуют длительные и устойчивые представления друг о друге, которые не так легко меняются и выдерживают „испытание временем“, а другим народам достаточно недельной кампании средств массовой информации и политического давления, чтобы не только повлиять, но и даже серьезно изменить на массовом уровне представления о каком-либо народе и отношение к нему»⁴⁴.

«Образ врага» в условиях войны как предмет историко-психологического исследования

Взаимодействие стран, государств, народов неизбежно ведет к формированию определенных представлений друг о друге, которые тем ярче, отчетливее и детальнее, чем более масштабны, разносторонни и интенсивны контакты. Чем больше объективных противоречий между государствами и их народами, чем более напряженны их отношения, тем больше в этих представлениях накапливается негативного, которое, актуализируясь в конфликтных ситуациях (необязательно военных), перерастает в образ врага.

Войны и военные конфликты представляют собой один из крайних вариантов межгосударственного взаимодействия, в котором противоречие интересов приобретает радикальную форму вооруженного насилия, используемого для достижения своих целей путем нанесения максимального ущерба или даже полного уничтожения другой стороны. Естественно, что такие обстоятельства «взаимодействия» порождают и особые формы взаимовосприятия, в которых образ противника предельно упрощается, схематизируется, насыщается почти исключительно негативными характеристиками.

Подобное восприятие носит сугубо прагматический характер: в экстремальной ситуации вооруженной борьбы «на взаимоуничтожение» имеет ценность только то, что способствует уничтожению противника, то есть всё, обеспечивающее мобилизацию собственных сил, в том числе и морально-психологических. Эта мобилизация, помимо всего прочего, предполагает неременное возбуждение в массовом сознании сильных негативных эмоций по отношению к противоборствующей стороне, вплоть до чувства ненависти к врагу.

Однако столь острые чувства в широких слоях народа обычно не могут возникнуть и распространиться сами по себе. Как правило, в их формировании участвует мощный пропагандистский аппарат государства и различные общественные институты, средства массовой информации и т.д. Причин несколько: и существование довоенных стереотипов государств и народов-противников, которые редко бывают настолько негативными, насколько это необходимо для ведения войны, а потому требуют «корректировки»; сжатые сроки, в которые необходимо создать соответствующие представления о неприятеле; массовый характер тех категорий населения, которые должны «усвоить» новый стереотип; искусственность конструкции «образа врага», даже если он опирается на реальные характеристики страны, народа, армии противника, поскольку в нем символически выделяются и подчеркиваются особо значимые и специфические для данного противника элементы, и др. «Образ врага» из стихийного стереотипа (всегда в той или иной степени мифологизированного) приобретает свойства идеологемы.

Так формируется искусственный, пропагандистский образ врага. Причем, он может формироваться и заранее, в ходе и в результате пропагандистской работы против «потенциального противника», задолго до начала войны, которая, впрочем, как вооруженное столкновение, может и не начаться. Пример – пропаганда взаимного недоверия и враждебности двух социально-экономических систем

(и военно-политических блоков НАТО и стран Варшавского договора) в период «холодной войны». Пропагандистская обработка населения может вестись превентивно и «по всем азимутам» – против всех стран – близких и дальних соседей, как это было в Советской России и СССР в межвоенный период 1920-х – 1930-х гг. В этом случае в массовое сознание внедрялись определенные мобилизующие идеологемы: «враждебное капиталистическое окружение», «страна – осажденная крепость». Причем, эта идеологема хотя и содержала немало мифологического, опиралась на недавний исторический опыт и в целом адекватное представление об отношениях с внешним миром: молодая послереволюционная Советская Россия стала жертвой иностранной интервенции с участием всех ведущих мировых держав, способствовавшей разжиганию Гражданской войны. Советская страна бросила вызов капиталистическому миру не только идеологически, но и самим фактом своего существования; от военной обороны перешла к политическому и идеологическому наступлению, провозгласив идеи экспорта революции и сделав немало в этой области практических шагов; испытывала постоянную враждебность Запада в многочисленных формах и сферах взаимоотношений, в том числе и военно-политическое давление. Постоянно висящая над страной угроза внешнего вторжения, более или менее реальная, неоднократно актуализировавшаяся и нагнетаемая извне и изнутри, превращала образ внешнего врага в устойчивый элемент массового советского сознания того периода, выполнявшего функцию социальной мобилизации и дополнявшего образ «внутренних классовых врагов» – стойкого наследия периода революции и Гражданской войны.

Последний выразился в идеологическом клише «враги народа», который конкретизировался и персонафицировался в зависимости от задач и этапов внутренней политики сталинского режима, и использовался для консолидации общества в мирное время, особенно в условиях радикальных трансформаций конца 1920-х – 1930-х гг. В этой связи следует заметить, что в период Великой Отечественной войны, когда стала реальной не только ранее абстрактная внешняя угроза, но и опасность уничтожения самого государства, идеологема «враги народа» практически исчезла из употребления: в целях мобилизации власть перешла от классовых к преимущественно патриотическим установкам, подчеркиванию внутреннего единства народа, всенародному, *отечественному* характеру войны.

В научной литературе по-разному ставился вопрос о механизмах формирования образа врага. Приведем один из вариантов: «Моделирование процессов возникновения «образа врага» во взаимоотношениях различных стран и народов привело исследователей к пониманию того, что в основе этих процессов находится неверное восприятие – «взаимная мисперцепция». Механизм ее действия в упрощенном виде выглядит следующим образом: неверные образы внешнего мира, как правило, навязываются «сверху», проникая затем в массовое сознание. Считается, что тоталитарная система, аналогом которой являлся сталинский режим, в большой степени была подвержена стереотипному мышлению, а поэтому более склонна к мисперцепциям»⁴⁵. На наш взгляд, такой подход упрощает существо дела. Во-первых, воздействие «сверху», преимущественно пропагандистское, никогда не

бывает единственным механизмом формирования образа врага: существует немало каналов восприятия (в том числе и военного противника) помимо манипулятивных воздействий власти. Тем более в обществе, где развиты культурные, гражданские и коммуникативные институты (система образования, разделение властей, средства массовой информации, искусство и т.д.). Во-вторых, даже пропаганда, безусловно, оперируя искусственно сконструированными стереотипами, далеко не только искажает реальность, но вынуждена использовать в значительной степени адекватную информацию – тем в большей степени, чем более образованным и критичным является население. Наконец, степень подверженности стереотипному мышлению западного «демократического» обывателя, а значит и склонность его к мисперцепциям была (и остается) отнюдь не меньшей, чем в «тоталитарном» советском обществе, в том числе и при сталинском режиме. Такое «комплиментарное» отношение автора цитаты, например, к населению США, отнюдь не соответствует многочисленным социологическим исследованиям западного менталитета, да и развитость и эффективность манипулятивных технологий на Западе явно преуменьшает (при переоценке их на Востоке). Да и более универсальным закономерностям социальной психологии, в том числе и политического мышления, эта позиция противоречит. В этом контексте, говоря о генезисе «образа врага» как структурного элемента общественного сознания, можно согласиться с рассуждениями И.Б.Гасанова: «Для обеих сторон характерны самооправдание и обвинение другой стороны по образцу: мы невиновны – они виноваты; мы говорим правду – они лгут; мы информируем – они пропагандируют; мы лишь обороняемся – они нападают; наши ракеты предназначены для сдерживания – их ракеты предназначены для первого удара. Таким образом, логика традиционного политического мышления неизбежно приводит к формированию особой психологии «гомо хостилис», *человека враждебного*, который воспринимает окружающий мир априори как враждебный, полный врагов. Такая деформированная картина мира подкрепляется двойным стандартом в оценке своих и чужих действий. Кроме того, сознание «гомо хостилис» находится под властью того, что в психологии называется когнитивным диссонансом, когда «образ врага» понуждает к заведомо неразумным и неоправданным действиям, которые в свою очередь оправдываются тем, что «врагу» приписываются еще более злостные намерения, в результате чего возникает заколдованный круг враждебности»⁴⁶. Пропаганда в этом процессе, конечно же, играет свою роль, но не всегда решающую. Корни этих явлений восходят к древним социокультурным и психологическим механизмам: «В различных обществах и культурах, у различных народов «образ врага» приобретает некоторые общие черты. При всех различиях в причинах и обстоятельствах конфликтов и войн, на протяжении истории существует повторяющийся набор изображения противника – некий «архетип» врага, который создается, как мозаика, по частям. Враг изображается: чужаком, агрессором, безликой опасностью, богоненавистником, варваром, ненасытным захватчиком, преступником, садистом, насильником, воплощением зла и уродства, смертью. При этом главное в «образе врага» – это его *полная дегуманизация, отсутствие в нем человеческих черт, человеческого*

лица. Поэтому «абсолютный враг» практически безличен, хотя может и персонализироваться. Восприятие чужака в качестве врага уходит корнями в родоплеменное общество человечества. Именно тогда закладывались социально-психологические механизмы «образа врага», как правило, вне своей микросреды. Появились антитезы «мы – они», «свои – чужие», «племя – враг племени»⁴⁷. Эти древние механизмы продолжают действовать, хотя их действие и видоизменяется соответственно эпохе, нации, культуре.

Пропаганда как инструмент формирования «образа врага» даже в «тоталитарном обществе» отнюдь не всемогуща. Например, классовый «интернациональный» подход, приведший к мифологизации в оценках внешнего потенциального противника в лице «пролетариата Германии, сочувствующего СССР» или «обманутого немецким капиталом», в общем-то, не особенно ввел в заблуждение советское население. Политически конъюнктурные пропагандистские колебания относительно германского фашизма в 1930-е годы (от вражды к «дружбе» и далее к войне), хотя и внесли некоторую сумятицу в умы, но также не особенно дезориентировали массовое сознание советских людей. Слишком доверчивые к пропаганде были быстро отрезвлены – в первые же часы фашистского нападения.

Пропагандистский образ врага является далеко не единственным, бытующим в любом конкретном обществе. Так, государство в целом как аппарат управления и отдельно его специализированные структуры, которые должны принимать адекватные решения, стремятся к максимально полному и точному знанию о противнике, к пониманию его, без чего невозможна не только победа, но и скольконибудь эффективное ведение войны вообще. На центры принятия военно-политических решений работают многочисленные разведывательные, информационно-аналитические и другие подобные структуры разных уровней. Они создают свой «образ», который существенно более адекватен, но и он может содержать (по разным причинам) не только неверные факты и оценки, но и мифологические элементы – как следствие влияния тех же стереотипов и идеологем.

Есть в обществе и другие субъекты восприятия противника, – те категории населения, которые непосредственно соприкасаются с ним. С одной стороны, это гражданское население, оказавшееся в зоне ведения боевых действий и на оккупированной неприятелем территории (в тех случаях, когда война ведется в границах собственной страны). С другой стороны, субъектом такого восприятия всегда является действующая армия. Как правило, армия является самым массовым субъектом прямого взаимодействия с противником. Весьма специфический характер этого взаимодействия (вооруженная борьба на взаимное уничтожение), безусловно, влияет на механизмы, формы и содержание восприятия противника.

Конечно, опыт такого взаимодействия различен у видов и родов войск, представителей разных военных профессий, да и у конкретных военнослужащих. Однако в ходе войны формируется некий общеармейский коллективный опыт восприятия противника и соответствующий ему «образ врага», который может существенно отличаться и от представлений государственных аналитических служб высоких уровней, и от пропагандистского образа, внедряемого в общество,

и от некоторых иных образов, формируемых, например, у гражданского населения. В «армейском» образе значительно меньше пропагандистских штампов и идеологических клише, мало в нем и обобщающей «информационной аналитики». Зато доминируют непосредственный прагматический опыт, здравый смысл и связанные с ними эмоциональные компоненты.

Синхронное восприятие противника в действующей армии, – в отличие от структур, принимающих решения, – не опосредовано многочисленными промежуточными звеньями. Весьма важно, что именно этот непосредственный опыт и формируемый на его основе «образ врага» участники боевых действий впоследствии доносят и до «гражданского» общества, и именно их воспоминания становятся основой коллективной исторической памяти, а пропагандистские клише времен войны постепенно стираются и уходят в прошлое. Конечно, механизм формирования исторической памяти общества очень сложен, но «пассионарность» ветеранов войн, их социальная энергетика выплескивается в различных формах, интенсивно формирующих образ военного прошлого, – в произведениях литературы, искусства, кинематографа, в мемуаристике, общественно-пропагандистской деятельности ветеранских организаций и т.д.

Именно по этим причинам действующая армия как субъект восприятия противника, хотя и является частью совокупности таких субъектов в обществе и государстве, представляется нам наиболее важным и интересным объектом изучения в этом ряду. Поэтому именно армия, в наибольшей степени определяющая синхронное и ретроспективное восприятие противника всем обществом, поставлена нами на первое место в названии этой книги.

Следует также подчеркнуть, что широко используемый сегодня и в журналистике, и в различных научных дисциплинах термин «образ врага», – во многом затертый, размытый и потерявший свое отчетливое содержание, – используется нами отнюдь не как идеологическое клише, не как идеологема (что делается, как правило, в околонучной «демократической» публицистике)⁴⁸, а как синоним разнотипного, многообразного, в том числе и адекватного восприятия противника.

* * *

Итак, «образ врага». Для конкретно-исторического анализа проблемы необходимо предварительно очертить ее границы и раскрыть содержание основных понятий. В литературе представлено немало вариантов смыслового наполнения, определений этого термина.

Немало есть сторонников позиции, что «образ врага» – это всего лишь искусственная пропагандистская конструкция, своекорыстно формируемая в массовом сознании «сверху». Она получила распространение в перестроечный и постсоветский период в контексте атаки на коммунистическую систему, которую обвиняли во всех смертных грехах, в том числе в продуцировании «образа врага» как инструмента консолидации «тоталитарного общества». В этом было немало правды, но далеко не вся правда, поскольку подход был основан на «двойных стандартах» в оценке «демократического» Запада и «тоталитарного» Востока.

Например, создатели выставки «Скажи мне, кто твой враг» отстаивали простой тезис: «Настойчиво формируемый «образ врага», в действительности является пропагандистским мифом, «пустышкой», политическим приемом, призванным отвлечь людей от реальных проблем, предъявить им вымышленных виновников их тяжелого положения. Образ врага – это социально-политический миф, который живет на эгоистическом интересе и имеет в своей основе стремление отдельных политических групп к расширению влияния, сохранению или захвату власти»⁴⁹. Безусловно, в образе врага может содержаться мифологический компонент, но им это явление массового сознания никогда не ограничивается. Это подтверждает и сам автор позиции: «Образ врага наполняется конкретным содержанием в зависимости от социальных и культурно-исторических условий... Образ врага впитывает в себя традиционные предрассудки в отношении представителей определенных национальностей и государств. Путем наложения искусственно создаваемого мифа на издавна существующие стереотипы появляется необходимый кому-то «образ врага»⁵⁰. Эти утверждения, в основном, верны: действительно, образ врага исторически конкретен, он зависит от социокультурных условий, он сочетает пропагандистские мифы и стереотипы. Но уже этим он шире «пропагандистской мифологии», поскольку стереотипы, наряду с мифологическими, почти всегда включают и адекватные элементы – фактические и оценочные. А кроме того есть индивидуальный и коллективный текущий опыт, почти всегда есть и разнообразные источники более или менее объективной информации (научные, справочные сведения, система образования, СМИ, в которых «просачиваются» факты и т.д.).

По мнению А.В.Фатеева, «образ врага» – идеологическое выражение общественного антагонизма, динамический символ враждебных государству и гражданину сил, инструмент политики правящей группы общества...»⁵¹. С этим определением можно было бы в значительной степени согласиться, если бы оно не претендовало на универсальность и при этом также не сводило бы определяемое понятие к идеологеме. В действительности «образ врага» не выражает, а отражает восприятие и оценку одного социального субъекта другим, причем этот субъект не обязательно «государство или гражданин». Безусловно, образ врага имеет символический характер, является динамичным, изменчивым, но далеко не всегда выступает инструментом «политики правящей группы общества» (например, субъект восприятия может как раз противостоять этой группе, и она сама быть «врагом»).

Весьма значим вопрос о роли «образа врага» для возникновения войн и в ходе самих войн. «...Человек фиксирует окружающий мир в своем сознании в виде различных образов, которые могут не точно либо вовсе неверно отражать действительность, окружающую его. При этом создаваемые в человеческом сознании образы в значительной степени определяют его поведение. Отсюда следует, что поведением человека можно управлять, формируя в его сознании нужные образы-представления, поддерживая одни, затеняя другие»⁵². Безусловно, таким способом можно влиять и на массовое сознание, и на сознание людей, принимающих государственные решения. Но нельзя и переоценивать значение «образов» в реальной политике.

Однако и здесь также существует позиция, согласно которой субъективный фактор, роль массового сознания, в том числе утверждение негативных стереотипов, и особенно, «образа врага» явно преувеличивается: «Образ врага обладает собственной инерцией и может становиться так называемым «самоосуществляющимся пророчеством», которое ведет к спиралевидной эскалации напряженности и враждебности»⁵³.

На наш взгляд, адекватна позиция И.Б.Гасанова: «Большинство войн и конфликтов было порождено не ложными представлениями и отнюдь не негативными национальными стереотипами, а реальными экономическими, политическими, социальными причинами, различными интересами и противоречиями, и сводить конфликты и войны лишь к неправильному восприятию окружающего мира или какой-либо страны, отдельного народа было бы неправомерным. Вместе с тем, сама ситуация напряженности, особенно ведущая к вооруженным конфликтам, породила и одновременно подкреплялась «образом врага»⁵⁴. То есть причинами конфликтов, в том числе военных, всегда являются реальные интересы и противоречия, а не национальные стереотипы и образы врага. «Не «образы врага» или «негативные национальные стереотипы» рождают конфликты, а ситуация конфликта, напряженности, взвинченности являет собой почву для возникновения, становления и развития «образа врага»⁵⁵.

Таким образом, не следует упрощать ни механизм формирования «образа врага», ни его содержание (сводя к некой «матрице»), ни его структуру и т.д.

Образ врага – это представления, возникающие у социального (массового или индивидуального) субъекта о другом субъекте, воспринимаемом как несущий угрозу его интересам, ценностям или самому социальному и физическому существованию, и формируемые на совокупной основе социально-исторического и индивидуального опыта, стереотипов и информационно-пропагандистского воздействия. Образ врага, как правило, имеет символическое выражение и динамический характер, зависящий от новых внешних воздействий информационного или суггестивного типа.

Образ врага никогда не формируется произвольно, на чисто ментальном уровне, а потому и не может быть сведен к «пропагандистскому продукту». Он не может быть и постоянной величиной: ни в структурном, ни в смысловом, ни в аксеологическом (ценностно-оценочном) отношениях. «Враждебность есть определенное общественное отношение, которое возникает не на пустом месте, а основывается на объективно данных материальных предпосылках, определяющих характер отношений даже внутри отдельной человеческой группы, так что об их внешнем выражении в виде определенных, устойчивых общественных форм связи одной группы с другой говорить не приходится»⁵⁶.

Проблема формирования «образа врага» являет частью более широкой проблемы «мы и они». «Проблема «свой-чужой», «мы и они» относится к сфере массового сознания и является универсальной для социальной психологии и культуры. Смысл ее заключается в самоидентификации социальной общности путем соотнесения с другими и выработке отношения к «иному». Предметом осознания своего является некий набор качеств членов социума, который может быть различен в зависимости от типа и масштабов общности. Поэтому набор признаков

«инаковости» всегда зависит от параметров, по которым происходит сопоставление»⁵⁷. Поэтому содержание и структура образа врага, при всем их упрощении и схематизации, во многом зависят от качеств самого социума, его структуры, ключевых ценностей и др. Например, в средние века, когда религиозный фактор играл столь весомую роль в общественной жизни, и внешний враг-иноверец нередко оценивался в первую очередь именно по этому параметру: «язычники», «нехристи», «неверные» и т.п. – в зависимости от религиозной принадлежности социума.

В условиях вооруженного конфликта проблема «мы и они», «свой-чужой» обостряется до предела, выступая в гипертрофированных формах: потенциально опасный «чужой» превращается в реального смертельного врага. «Они», всегда «чужие», иные, не до конца понятные и уже потому являющиеся источником мнимых или реальных опасностей, в экстремальной ситуации противостояния «не на жизнь, а на смерть» становятся прямым источником угрозы самому существованию общности «мы» и составляющих ее индивидов. Расплывчатый образ оборачивается вполне конкретными проявлениями несчастий, исходящих от «чужого». Отсюда и преобладание эмоционально-субъективного начала в оценках противника: те его качества, которые у своих оцениваются как исключительно позитивные, применительно к врагу рассматриваются, как правило, в негативном ключе. Весьма точно характеризует это явление ветеран Великой Отечественной, бывший командир взвода разведки П.В.Бучумов. Отвечая на вопрос «Как вы оценивали моральный дух противника?», он сказал: «Я знаю случаи, когда немцы, попадая в безвыходное положение, отстреливались до последнего патрона. Притом в одиночку, когда, кроме нас, не было свидетелей их отчаянного боя. По воинским меркам свои бы назвали таких героями, а у нас для них было другое слово – головорезы. Такова война»⁵⁸.

Враг должен быть «плохим», потому что иначе война в нравственном (и психологическом!) отношении вообще оказывается невозможной: убийство человека находится за пределами общепринятых норм человеческой морали, религиозной этики и здоровой психики. Однако врага нужно и можно убивать, потому что он как бы изначально выносится за рамки категорий, на которые эти нормы распространяются. В общественном сознании (в том числе и в массовом бытовом) враг наделяется свойствами, «противными человеческой натуре». Действительно отрицательные его качества гипертрофируются, а качествам, по обычным «мирным» меркам оцениваемым положительно, придается негативный смысл. При этом механизм конструирования образа врага, как правило, универсален: он направлен на обоснование своей правоты в войне (подчеркивание агрессивности противника, его жестокости, коварства и т.п.), а также собственного превосходства, которое должно стать основанием для победы над неприятелем. И то, и другое достигается путем противопоставления своим собственным качествам, которые рассматриваются как позитивные ценности.

Конкретный набор этих ценностей различен для разных народов, культур, исторического времени и даже этапов одной и той же войны, хотя их диапазон, в общем-то, ограничен и достаточно традиционен. Так, в зависимости от исторической эпохи и конфессиональной принадлежности воюющих сторон, в качестве таких ценностей доминируют или, напротив, исчезают религиозные мотивы и

соответствующая оценка противника с их позиций («язычники», «нехристи», «неверные», «безбожники» и т.п.). Исторически более устойчива оценка противника по критерию «цивилизованности»: враг почти всегда «варвар», причем конкретный смысл в этот оскорбительный термин может вкладываться разный (от нечеловеческой жестокости до несоблюдения правил гигиены). «Принижение» врага происходит путем приписывания ему всех человеческих слабостей: подверженности пьянству, разврату, воровству, мародерству и др. Наконец, почти всегда присутствует оценка таких качеств, которые имеют действительно существенное значение в ходе военного противостояния: собственной смелости противопоставляется трусость врага, а мужественные и даже героические его поступки оцениваются как бездумный фанатизм под действием пропаганды или пьяного угара. Собственной смекалке противопоставляется глупость врага, а его военная хитрость и нахочдивость воспринимаются как коварство, и т.д.

Интересно отметить тот факт, что в русском национальном сознании, нашедшем отражение в фольклоре и литературном творчестве разных эпох (начиная с былинного времени и кончая Первой мировой войной), а значит, представленном в концентрированной символической форме, враг «всегда силен, многочислен, жесток и коварен, но зачастую глуп и обязательно некрасив». Причем, победы русских объясняются их естественным превосходством в смекалке, силе духа и воинском умении, тогда как поражения – невезением или Божьим наказанием за грехи⁵⁹. Впрочем, такой подход к оценке врага в условиях военного противостояния внационален и присущ не только массовому сознанию, но и пропагандистским институтам любых воюющих государств.

В психологическом контексте войны слово «враг» более точно, нежели его нейтральные синонимы, отражает восприятие противника или неприятеля, так как содержит определенную эмоциональную составляющую, оно более «психологично». Что касается категории «образ», то это достаточно многозначный термин. Главное, что можно в нем выделить, – это обобщенность представления о чем-то, некоторая схематичность, хотя и с элементами конкретного, индивидуального восприятия, сильной эмоциональной окраской. Его можно рассматривать как определенную психологическую конструкцию, из чего следует, что у каждого человека был свой образ врага, во многом основанный на собственном опыте или своих «источниках информации». Кроме того, это категория социальная, так как противник всегда воспринимался через стереотипы общественного, в том числе национального сознания, его образ формировался под влиянием государственных идеологий, непосредственного пропагандистского воздействия на население и армию.

Образ врага – категория динамичная. И у каждого человека, и у армии, и у общества в целом он менялся под влиянием множества факторов. Прежде всего, факторов восприятия. Их можно подразделить на несколько основных групп, а именно, – относящиеся: 1) к субъекту восприятия; 2) к объекту восприятия; 3) к условиям и обстоятельствам восприятия. Наша задача представить обобщенный образ врага, насколько его можно реконструировать из индивидуальных образов, отраженных в исторических источниках.

Субъект восприятия. Образ врага формировался в процессе восприятия, через конкретный опыт каждого человека, и личностные факторы имели здесь огромное значение. Социальное положение военнослужащего, уровень его образования и культуры, национальная и религиозная принадлежность, непосредственный служебный статус в армии не только накладывали на это восприятие отпечаток, но и во многом его определяли, решающим образом воздействуя на сферу мировоззрения, а значит, и на оценочно-аналитическую часть этого образа. Следует отметить, что образ противника у каждого военнослужащего в определенной мере складывался еще до войны, а непосредственно в ходе боевых действий менялся, переходя от абстрактно-обобщенных очертаний к более конкретным, приобретая глубоко личностную, эмоциональную окраску.

По-разному виделся противник из солдатского окопа, через оружейный прицел, смотровую щель танка или из кабины самолета. Не только род войск, но и принадлежность к рядовому, младшему и старшему командному составу влияла на это восприятие. И уж тем более расстояние до передовой. Здесь прослеживается следующая тенденция: чем выше были должность и звание, тем, как правило, большей, но опосредованной информацией о противнике располагал человек, и в его индивидуальном образе врага сильнее было представлено не эмоциональное, а аналитическое начало. Чем ближе к линии фронта и особенно переднему краю, тем больше в этой информации было представлено личного или коллективного, но непосредственного опыта, тем сильнее чувства и эмоции накладывались на отношение к неприятелю и представления о нем.

Весьма дифференцированным было восприятие противника и гражданским населением. Социальная принадлежность, уровень образования и культуры, демографические параметры (пол, возраст и др.), место жительства (город – деревня), – все это и многое другое влияло на формирование стереотипа и дальнейшее складывание «образа врага» в ходе самой войны.

Но и сам **объект восприятия**, то есть противник, не был однородным и статичным. Далеко не одним и тем же выступал он в начале и в конце войны. Кроме того, на формирование образа у каждого конкретного человека влияло то, с каким именно недругом, хотя бы в одной и той же войне, лично ему приходилось иметь дело. Например, по-разному воспринимался неприятель на русско-австрийском, русско-германском и кавказском фронтах в Первую мировую войну; или в боевых действиях против немецких, финских, румынских, итальянских, венгерских и других частей в Великую Отечественную. Вместе с тем, сам противник также по-разному воспринимал членов неприятельской коалиции, выражая большую или меньшую антипатию к России и ее союзникам. Поэтому, говоря о взглядах и представлениях своей стороны, нельзя игнорировать соответствующие взгляды на нее со стороны неприятеля.

В качестве объекта данного исследования по мировым войнам мы рассматриваем преимущественно образ врага-немца. И в Первую, и во Вторую мировые войны у Германии было немало союзников-сателлитов разных национальностей, и на них естественно переносились основные негативные характеристики противни-

ка в целом, хотя и в ослабленной, по сравнению с главным врагом – Германией, форме. Немцы и их союзники в сознании российских участников обеих войн воспринимались дифференцированно. Но на тех участках фронта, где приходилось иметь дело непосредственно с союзниками Германии, негативных моментов в отношении к ним было больше, чем в других местах.

Третья группа факторов, определяющих формирование образа врага, – *условия и обстоятельства восприятия* противника. В этой связи необходимо сказать об общих чертах и специфике двух мировых войн. Безусловно, они имели много общего: обе были мировые, отличались от всех предшествующих войн вовлечением в боевые действия огромных масс населения, высокой степенью жесточести, многочисленностью жертв, длительностью, особой ролью технических факторов. Вместе с тем, чрезвычайно велика была их специфика. Прежде всего, эти конфликты характеризуются столкновением разных типов государств: в первом случае – империй, во втором – праворадикального и леворадикального тоталитарных режимов. Первая мировая война имела преимущественно национально-государственную окраску, Вторая – мощную классово-идеологическую. Отличались они и по тяжести, количеству жертв, степени жесточести, – Великая Отечественная была для СССР войной на выживание, причем не только государственное, но и национальное. Различались эти войны и по типу: первая была преимущественно позиционной, вторая – мобильной. Соответственно, разной была и степень взаимного проникновения стран-участниц в глубь национальных территорий. Таким образом, Первая мировая была преимущественно войной армий, окопной войной, а Вторая – войной тотальной, войной народов, с уничтожением огромных масс не только живой силы противника, но и гражданского населения, с развертыванием со стороны СССР массового партизанского движения в тылу врага. Иными были формы борьбы, а значит, и взаимодействия, контактов с противником и его восприятия. Наконец, различной была динамика, ход и результаты войны: первая для России развивалась от ситуационных побед к общему поражению, вторая для СССР – от временных поражений к конечной победе.

Но условия и обстоятельства восприятия врага были не только общими для всех, но и индивидуальными для каждого из участников войны. Это и место в боевых действиях, и включенность в них на том или ином этапе войны, и участие в конкретных операциях, и принадлежность к роду войск, и многое другое. К этим обстоятельствам можно отнести и моменты личной биографии: например, были ли погибшие от рук врага в семье, остался ли кто-нибудь из близких на оккупированной территории, побывал ли человек в плену и т.п.

Аналогично и гражданское население делилось на тех, кто имел опыт непосредственного соприкосновения с противником (проживание в прифронтовой зоне или на оккупированной территории, опыт общения с военнопленными и т.д.), и то, чьи представления складывались только из вторичных источников информации, в т.ч., и по преимуществу, пропагандистских.

Типология образа врага. Тот факт, что существовало многообразие субъектов, условий и обстоятельств восприятия противника, определяло и *многообразие*

образов врага, которые формировались в общественном сознании. Среди них (по времени возникновения) выделяются две больших категории, которые, в свою очередь, можно условно подразделить на несколько основных типов, хотя в индивидуальном сознании они, как правило, сливались и присутствовали в разной пропорции. Так, обобщенный образ врага, формировавшийся в ходе самой войны (условно его можно обозначить как «*синхронный*»), включал в себя *официально-пропагандистский, служебно-аналитический и личностно-бытовой* образы. А *ретроспективный*, послевоенный образ соединял в себе *индивидуальный образ-воспоминание* ветеранов-участников событий, *художественно-обобщенный, историко-аналитический* и другие типы образа. Официально-пропагандистский элемент преобладал до приобретения человеком личностного опыта общения, контакта с врагом; служебно-аналитический, как правило, доминировал у командного состава и разного рода спецслужб, которым требовался адекватный образ врага на основе объективной и большой по объему информации для принятия оперативных и стратегически важных решений; наконец, личностно-бытовой тип образа оказывался самым распространенным и присутствовал как основной на всех армейских уровнях, непосредственно вовлеченных в боевые действия.

Можно говорить и об определенной *эволюции образа врага* на протяжении войны с точки зрения пропорций этих типов в индивидуальном сознании. Основной тенденцией в его развитии был переход от доминировавших пропагандистских стереотипов накануне и в начале войны к личностно-бытовому, эмоционально-конкретному образу, формировавшемуся в результате индивидуального опыта.

* * *

«Образ врага» – даже если рассматривать его на уровне представлений отдельного человека – принадлежит сфере массового сознания: каждый человек – член социума, и индивидуальная психология на уровне смыслового наполнения неизбежно отражает менталитет общества в целом.

Массовое сознание – явление чрезвычайно сложное и противоречивое, в нем переплетаются элементы социальной психологии, нравственные и мировоззренческие установки. При этом оно представляет собой синтез явлений, уходящих корнями в национальные традиции, в обыденную жизнь людей, с идеологическими установками, целенаправленно формируемыми структурами власти.

Война как экстремальное состояние общества в его противостоянии внешним силам предъявляет к массовому сознанию особые требования. В условиях войны особое значение имеет моральный дух армии и народа, в формировании которого важную роль играет совокупность факторов: убежденность в справедливом характере войны, вера в способность государства отразить нападение врага при всех трудностях и даже временных неудачах, наличие духовных и нравственных ценностей, ради которых граждане страны готовы стать солдатами и отдать свою жизнь.

Свое место в ряду этих факторов занимает и «образ врага» – в той его части, которая целенаправленно, идеолого-пропагандистскими средствами формируется властью и элитами.

Идеологическая и психологическая составляющая в любой войне теснейшим образом взаимосвязаны. Целью любой войны является победа, а достичь ее невозможно без определенного морально-психологического состояния населения страны в целом и ее армии в особенности. При этом и народ, и армия должны быть убеждены в своем, прежде всего, моральном превосходстве над противником, и, разумеется, в конечной победе над врагом. Все это относится не только к умонастроениям, но и к области собственно массовых настроений, чувств народа. Однако, как можно заметить, смысловое содержание этих психологических явлений принадлежит к сфере идеологии. Поэтому любая морально-психологическая подготовка к войне, а также обеспечение определенного морального духа в ее ходе, осуществляются прежде всего идеологическими средствами и инструментами.

Важнейшим среди них является пропаганда официальной мотивации войны. Каждая война имеет свое идеологическое оформление, своеобразную идеологическую мотивацию, которая может выражаться как в официальном определении войны высшими политическими и идеологическими институтами, так и в непосредственных лозунгах, используемых в пропагандистской работе в войсках и среди населения. «Образ врага» является составной частью системы этой мотивации как до, так и в ходе войны, а также ретроспективно, для закрепления государством своих позиций не только в мировой исторической памяти и особенно в памяти своего народа, но прежде всего – в международных отношениях.

Таким образом, формируемый по отношению к военным противникам «образ врага» имеет важное значение не только в предвоенный и собственно военный период, но и в после того, как война давно уже закончилась, влияя не только на массовую психологию населения страны, но и на ее внутреннюю и внешнюю политику и социальную практику.

Глава I

ЯПОНИЯ КАК ПРОТИВНИК РОССИИ В ВОЙНАХ XX ВЕКА

Русско-японская война 1904–1905 гг.

Значение исследований в области психологии взаимовосприятия народов, социумов, культур не ограничивается собственно наукой. Стереотипы восприятия имеют не только культурологическое, но и прагматическое значение, в том числе в такой важной области, как внешняя политика. В частности, они существенно влияют на важные политические решения и даже могут в значительной степени предопределить исход войны. В качестве примера, подтверждающего этот вывод, может служить русско-японская война.

Британский военный агент при Первой японской армии генерал-майор сэра Ян Гамильтон оставил дневниковые записи, в которых, основываясь на собственном опыте участника нескольких колониальных войн и наблюдениях за японскими воинскими традициями, культивировавшимися не только в армии, но и во всех проявлениях общественной жизни Японии, высказывал серьезные и оправданные опасения относительно притязаний этой страны на новую роль в мире: «...Европейских государственных людей должно тревожить то обстоятельство, что их народы, казалось, позабыли, что вне заколдованного круга западной цивилизации живут миллионы народов, готовых вырвать скипетр из их нервных рук, коль скоро позволят исчезнуть духу старинной воинской доблести. Странно читать о конференциях, обсуждающих желательность мира и побуждающих к подавлению воинского духа, как будто бы они полагают, что, кроме них, нет никого на свете. Это напоминает овец, рассуждающих о бесполезности сторожевых собак и забывающих о волках. Как будто бы Азия и Африка уже не волнуются в своем беспокойном сне, мечтая о завоеваниях и войне. Если я не особенно ошибаюсь, этот небольшой народ [японцы – *Е.С.*], восточный до мозга костей, вполне готов доказать выстрелами своих орудий, что шесть великих держав – только часть всего мира. Что участь их в конце концов зависит от храбрости их солдат, как и участь накопленных ими богатств, свободы и всего того, что они считают для себя наиболее дорогим»¹.

В начале XX века расстановка сил и интересов в Китае, Маньчжурии и Корее сложилась таким образом, что всему миру было ясно: Россия и Япония стоят накануне войны. Осенью 1903 г. русский посланник в Токио барон Розен отмечал, что «войны с нами жаждет весь японский народ, жертвоприношения текут со всех сторон, принесено столько жертв, что война неизбежна»². К 1904 г. на Дальнем Востоке японцы имели следующее численное превосходство над русской армией и флотом: в живой силе – в 3 раза, в артиллерии – в 8 раз, в пулеметах – в 18 раз, в

кораблях – в 1,3 раза³. Японские войска проводили постоянные маневры, носившие характер демонстрации, и явно готовились к боевым действиям. После одного из таких учений, где присутствовал представитель русской армии полковник барон Таубе, на банкете к нему подошел японский майор и, чокнувшись, сказал:

«– Вот, барон, сейчас я пью ваше здоровье, но скоро и очень скоро уже не буду пить за него, а буду ... рубить вас...

Глаза его сверкнули и он схватился за эфес»⁴.

В связи со сложившейся обстановкой, 2 октября 1903 г. заместником Российского Императора на Дальнем Востоке адмиралом Е.И.Алексеевым была направлена секретная депеша в Петербург о необходимости немедленно объявить войну и нанести удар первыми, дабы предупредить подобный шаг со стороны японцев. Однако ответом на нее стала телеграмма, смысл которой заключался в том, что «Государь император не допускает возможности Великой России объявить войну маленькой Японии»⁵.

В Европейской России явно не разбирались в стратегической обстановке на Дальнем Востоке, к тому же так называемая «русская общественность», утверждая, что «война не встретит сочувствия в широких кругах населения», оказывала упорное давление на правительство, призывая «не бряцать оружием», чтобы не давать японцам повода объявить нам войну⁶.

А обстановка продолжала накаляться. В январе 1904 г., понимая, что война начнется в самое ближайшее время, адмирал Е.И.Алексеев обратился к царю с просьбой объявить мобилизацию на Дальнем Востоке. 12 января Николай II разрешил перевести на военное положение крепости Порт-Артур и Владивосток, но начать общую мобилизацию запретил, вновь заявив о том, что «желательно, чтобы японцы, а не мы открыли военные действия»⁷.

Утром 25 января Алексеев получил телеграмму о разрыве дипломатических отношений с Японией (командиры японского флота узнали об этом на два дня раньше!), а 26 января японская эскадра атаковала русский крейсер «Варяг» и канонерскую лодку «Кореец», стоявшие на рейде в Сеуле для охраны русской дипломатической миссии. Отвергнув предложение неприятеля сдаться, русские моряки приняли неравный бой, а когда стало ясно, что прорваться и уйти к своим невозможно, офицеры приняли решение свезти личный состав на берег, а корабли затопить⁸. Несколькими часами позже, в ночь на 27 января, японские миноносцы внезапно напали на русскую эскадру на внешнем рейде у Порт-Артура. Так началась эта полуторогодовая, неудачная для России, завершившаяся позорным Портсмутским миром и первой русской революцией, трагическая по своим последствиям война.

Что же произошло? Почему Россия оказалась неподготовлена к ней? И какую роль сыграли здесь психологические факторы, в частности, формирование образа врага?

Безусловно, особое место в этом процессе занимал «изначальный», сформированный еще в мирной жизни стереотип восприятия Японии и японцев как противника, представлявшего этнически, культурно, религиозно чуждую, «иную» цивилизацию. Нужно учитывать, что эти стереотипы формировались у определенного субъекта восприятия, а именно: у людей, принадлежавших к специфической

российской цивилизации, преимущественно восточных европейцев-славян, православных по вероисповеданию и культуре. Эти штампы восприятия сводились в основном к нескольким обобщенным представлениям о японцах как «азиатах», язычниках, а значит, не просто «других», но еще и отсталых, «дикарях», варварах.

Не случайно все эти негативные штампы, во время войны многократно усиленные естественной враждебностью по отношению к противнику, к тому же вероломно напавшему (как «азиаты»!), находили отражение как в публично выражаемых, так и в частных оценках в пренебрежительной и даже оскорбительной форме. Причем оценки эти делались людьми самого разного общественного положения и культурного уровня и нашли отражение в политических документах, в письмах, дневниках, воспоминаниях, художественной литературе и даже в фольклоре.

Как к «макакам» относился к японцам и сам император Николай II, ненависть которого была вызвана, в частности, тем, что, еще будучи наследником престола, он посетил Японию, где подвергся нападению фанатика и был ранен мечом в голову. Как к «макакам» относилось к ним и следовавшее за императором «высшее общество», и генералитет, и офицерство, и даже солдатская масса. Естественно, армия заимствовала это отношение у «гражданского» общества.

В «высшем обществе» на восприятие японцев оказывала влияние еще и принадлежность к основным политическим группировкам. Их было две. Одна из них, заинтересованная в колониальной экспансии России в Корею и Маньчжурию и, соответственно, в выведении из игры основного конкурента, которым была Япония, выступала за решительные «инициативные» действия, за агрессивный курс на Дальнем Востоке. Эта группировка получила название «безобразовской клики» (по имени члена особого комитета по делам Дальнего Востока А.М.Безобразова). В ее состав входили лица весьма влиятельные: великий князь Александр Михайлович, контр-адмирал А.М.Абаза, М.В.Родзянко, И.И.Воронцов, В.К.Плеве и др.⁹.

Позицию этой группировки, в которой как раз и отразилось неадекватно стереотипное, пренебрежительное отношение к потенциальному противнику, наиболее рельефно обозначил министр внутренних дел и шеф жандармов В.К.Плеве. «Поверьте мне, – заявлял он, – что нам маленькая победоносная война необходима, иначе нам внутри России будет грозить беда»¹⁰. Войну с Японией он представлял только так: как «маленькую» и обязательно «победоносную».

Более адекватен в своих оценках был принадлежавший к той же группировке адмирал Е.И.Алексеев – наместник императора на Дальнем Востоке. Он приходил к тому же выводу о необходимости первыми начать войну против Японии, но исходя из совершенно иных посылок: адмирал был хорошо осведомлен о действительной обстановке в этом регионе и реальной силе японцев, а также о фактической неизбежности войны и готовности противника напасть первым. Не случайно именно он был одним из немногих, кто настаивал на серьезной подготовке к войне.

К противоположной группировке принадлежал генерал А.Н.Куропаткин. В начале осени 1903 г. он посетил Страну Восходящего Солнца, после чего уверял всех в неподготовленности японцев к войне, при этом их вооруженные силы недооценивались до такой степени, что вступление Японии в борьбу с «русским колоссом» счита-

лось невероятным¹¹. Согласно его собственным дневниковым записям, на обеде у императрицы, куда он был приглашен, разговор зашел о военном положении России. Куропаткин заметил, что «оно далеко не блестяще, нет денег, все поглощает Дальний Восток, в чем большая ошибка», и призывал все внимание обратить на Запад, где «зреет главная опасность». Александра Федоровна не соглашалась, заявляя, что именно на Востоке «может вспыхнуть война, и мы должны быть сильны», что до Европейской войны в ближайшие несколько лет не допустят, и что «сейчас страшна желтая раса». Не сумев выиграть этот спор, Куропаткин записал в дневнике: «Буду бороться, дабы увлечение Дальним Востоком не принесло России вреда...»¹².

И именно этот человек, не сумевший разглядеть угрозы со стороны Японии, впоследствии, с началом войны, станет командующим Маньчжурской армией, а с 13 октября 1904 г. по 3 марта 1905 г. – главнокомандующим вооруженными силами на Дальнем Востоке. Лишь после поражения под Мукденом он будет смещен и назначен вновь командовать армией.

Неадекватные оценки потенциального противника накануне войны привели к тому, что вооруженные силы России на Дальнем Востоке в несколько раз уступали по численности японским. Так, в октябре 1903 г. на все требования Штаба Квантунской армии, в столь тревожной обстановке располагавшей в Квантуне всего двадцатью тысячами войск, прислать подкрепления, Главный Штаб отвечал, что «при исчислении сил нужно исходить из отношения, что один русский солдат соответствует четырем японским»¹³.

Да и сам Николай II, который еще летом 1903 г. в беседе с германским морским министром адмиралом Тирпицем, убеждавшим его от имени своего императора «принять спешные меры к усилению вооруженных сил на Востоке», утверждал, что «ненавидит японцев, не верит ни одному их слову и отлично сознает всю серьезность положения»¹⁴, до последнего момента продолжал верить в то, что «макаки» напасть не посмеют.

Такие же пренебрежительно-беспечные настроения существовали и в армии, причем, на восприятие противника оказывало влияние и ее состояние. По записанному в дневнике 21 июля 1904 г. свидетельству дивизионного врача В.П.Кравкова, в русской армии всюду процветали «интрига, несогласие среди начальствующих лиц, коими назначаются люди не по достоинству, а по протекции и влиянию тетенок, маменек и всех прочих... Хаос в командной части – невероятный... Единодушное мнение компетентных лиц, что война нами ведется преотвратительно и начата без надлежащей организации обоза, снаряжения и проч.»¹⁵.

Эта беспечность, проявившаяся не только перед войной, но и в самом ее ходе, во многом определялась инертностью стереотипа восприятия Японии как противника, заведомо неполноценного и слабого. Недооценка врага отразилась не только на складывании неблагоприятного для России фактического соотношения сил (в живой силе и технике), но и в недостаточном внимании к качеству комплектования личного состава и к назначению командных кадров.

Вскоре после начала военных действий в действующей армии настолько распространились настроения недовольства командованием, что пришлось прини-

мать специальные, порой даже комичные меры. Например, в дневнике В.П.Кравкова содержится такая запись: «Развешаны всюду (на станциях и других местах) плакаты, строго воспрещающие публичную критику действий начальствующих лиц под угрозой больших наказаний»¹⁶.

Как же происходила эволюция восприятия противника в ходе войны? Вне-сло ли непосредственное соприкосновение с ним (а значит, и приобретение конкретного опыта) какие-либо коррективы в это восприятие?

Это можно проследить даже на материалах дневника уже упомянутого офицера-врача В.П.Кравкова, награжденного в период русско-японской войны тремя орденами, в том числе двумя – за бои под Лаояном.

Его оценки неприятеля довольно противоречивы. То он отзывается о нем вполне уважительно: «Нужно, говорят, ожидать со стороны японцев ночных внезапных движений, преимущественно обходных, до чего они большие охотники и ловкие артисты» (14 июля 1904 г.). То высказывается более чем непочтительно: «Мечтаем иногда о таком шахматном ходе с нашей стороны: Балтийская эскадра прямо пойдет в Японию для десанта – тогда мат косоглазым макакам!» (18 июля 1904 г.)¹⁷. Так стереотип общественного сознания накладывается на сознание индивидуальное, причем такое пренебрежительно-презрительное отношение проскальзывает даже в оценках людей весьма культурных и стремящихся (и способных!) быть объективными.

Однако с течением времени, по мере непосредственного приобретения знания о противнике, довоенные стереотипы все больше сменяются трезвой и объективной оценкой. Хотя, конечно, отношение к японцам как к врагу на этой оценке сказывается.

Описывая сражение под Лаояном (11-21 августа 1904 г.), В.П.Кравков упоминает о настроении раненых, доставленных в лазарет 19 августа, в трагическом финале битвы: «Солдаты осатанели от страха. С дрожью в теле и с изображавшими сплошной ужас и отчаяние лицами они, друг друга нервируя, рассказывали в чудовищной окраске о силе и ловкости японцев, которые осыпали нас снарядами, направляя на нас какие-то ослепительные огни, искусно обходили нас, предупреждая наш каждый против них замысел, морочили нас разными командными окриками на русском языке и проч.»¹⁸.

На следующий день, 20 августа, в лазарет, все время находившийся на линии огня, доставили пленного. Вот как пишет об этом русский врач, еще недавно называвший японцев «косоглазыми макаками»: «Всего раненых с утра перевязано более 200 человек. Среди них был один тяжелораненый японский солдат, очевидно сильно, но терпеливо страдавший от боли. На умном, интеллигентном лице его я прочитал как бы ожидание беспомощно лежащего человека, что его здесь могут совсем добить. Мне было его невыразимо жаль, и я не удержался высказать ему, как мог, сострадание. Он меня понял и на мое к нему внимание ответил с признательностью кивком головы, сделавши даже тщетную попытку поднять свою раненую руку для отдания мне чести»¹⁹. Там, где люди равны перед страданиями и смертью, нет места политике: личные, человеческие отношения выходят на первый план.

Еще больше вынуждены были корректировать свои стереотипные оценки солдаты и офицеры, непосредственно участвовавшие в боевых действиях и сопри-

касавшиеся в бою с неприятелем. Участник обороны Порт-Артура полковник П.В.Ефимович так описывает в своих воспоминаниях штурм крепости: «Первые дни японцы наступали густыми колоннами, думая массой задавить защитников крепости. Строгая дисциплина, суровый военный закон, фанатизм и личная доблесть японцев приводили к тому, что японские батальоны, неся невероятные потери, все же доходили до цели своих атак, хотя бы в составе нескольких человек и схватывались с нашими в штыки»²⁰.

Он же вспоминает одну из характеризующих неприятеля деталей штурма. В начале осады японцы обстреливали русские военные госпитали, расположенные в Порт-Артуре. Два из них были полностью разрушены, погибли раненые и медперсонал. Представитель Русского Красного Креста Балашов отправился к противнику парламентаром и заявил протест. Ему ответили, что госпитали попадают под обстрел случайно, так как расположены возле объектов, имеющих для японцев стратегическое значение, и предложили сосредоточить их все в одном районе. После того, как больных перевели в бывшие казармы и водрузили над ними флаг Красного Креста, ни один японский снаряд не был туда выпущен²¹.

Другой защитник крепости, командир батареи Б.И.Бок рассказывает о джентльменском поведении неприятеля при сдаче Порт-Артура. Сначала, описывая настроение русских войск в этот трагический момент, он вспоминает эпизод времен японо-китайской войны, когда ворвавшиеся в тот же Артур японцы перерезали всех китайцев до последнего. Поэтому и русские в Порт-Артуре почти не надеялись остаться в живых. Но условия сдачи оказались на удивление почетными: офицерам оставлялось оружие и предлагалось под честное слово – не воевать больше с Японией – возвратиться на Родину, а тем, кто желал разделить участь своих экипажей, разрешалось идти в плен²². Поразило мемуариста и другое: пока в городе оставались уже плененные русские войска, над Золотой Горой развевался Андреевский флаг. «Японцы показали себя очень тактичными и заменили его своим флагом только тогда, когда последний эшелон скрылся из виду... Это был со стороны неприятеля рыцарский поступок, так же, как и вхождение их войск лишь после выхода последнего эшелона пленных»²³.

Среди офицеров, не пожелавших расстаться со своей командой и добровольно отправившихся в плен, был и будущий контр-адмирал Б.И.Дудоров. Он вспоминает тяжелый пеший переход колонны военнопленных от Порт-Артура до Дальнего и удивительный случай во время привала. «Приближалась полночь, – пишет он. – Кажется, никто из нас не вспомнил, что это был канун Нового года по старому стилю. Вдруг из темноты ночи раздался шум подъезжающих повозок и вышедший в свет костров с фонарем японский переводчик на ломаном русском языке спросил: «Где здесь русские морские офицеры?» Мы откликнулись. «Японские морские офицеры поздравляют русских морских офицеров с их Новым годом и прислали им подарки», низко кланяясь, торжественно объявил он. Удивленные, мы обступили повозки. Обе они были наполнены небольшими бутылочками. Виски, коньяк, всевозможные европейские крепкие напитки быстро разошлись по рукам. Кто-то из старших передал через доставившего их переводчика нашу благодарность за внима-

ние и подарки и повозки скрылись в темноте... Вино согревало прозябшие тела, но еще теплее стало в наших сердцах. Друзьями, подумавшими о нас, оказались те самые враги, с которыми не на жизнь, а на смерть только что боролись мы весь прошедший год»²⁴, – так закончил моряк свой необычный рассказ.

Таким образом, воспринимавшиеся на расстоянии как «макаки» представители другой, непонятной европейцу культуры, при непосредственном соприкосновении оказались людьми вполне цивилизованными, да еще и способными на благородные поступки. В официальных сообщениях японской Главной Квартиры постоянно встречались фразы: «Тела убитых русских воинов погребены со всеми почестями», «Русские офицеры преданы земле с отданием особых почестей». Признавая доблесть своего противника, японцы говорили защитникам Порт-Артура: «Нет никого лучше нас в атаке, нет никого выше вас в обороне. Если бы мы соединились, то завоевали бы весь мир!» А один из русских полков, храбро дравшийся при Сандепу и Мукдене, получил георгиевское знамя по представлению ... неприятельского главнокомандующего! О его награждении просил русского императора японский маршал Ойяма²⁵. Но вот характерная деталь: ведя себя вполне рыцарски в отношении европейцев-русских, японцы проявляли поистине варварскую «азиатскую» жестокость по отношению к «своим» – представителям «желтой» расы – китайцам, в том числе хладнокровно рубили им, пленным, головы в нарушение Гаагской конвенции, которую сами же подписали.

Что же в это время происходило в тылу, в «гражданском» обществе? Несомненно, что неудачи русской армии, сведения о мужестве солдат неприятеля и его военных успехах на фоне очевидной бездарности собственных полководцев, заставили русское общество уважительнее относиться к противнику. Естественно, на это отношение наложились чувства горечи от поражений русских войск, которые неоднократно проявляли массовый героизм и стойкость, а также стыд за позорные провалы операций, допущенные командованием. Безусловно, все это отразилось на общем умонастроении российского общества. Существовавшая в нем уверенность в непобедимости русского оружия была жестоким образом обманута. Разочарование и горечь оказались еще сильнее от того, что поражение было нанесено маленькой и «отсталой» азиатской страной. Причем, наряду с геройством, русская армия узнала и позор, последовавший от некомпетентности военачальников, а иногда и прямого предательства. Вот как вспоминает эту атмосферу С.Е.Трубецкой, бывший в 1905 г. четырнадцатилетним мальчиком: «Еще куда тяжелее, чем поражения, переживались мною ... сдача Порт-Артура и эскадры адмирала Небогатова. Душевные раны от военных поражений в конце концов затягиваются и заживают; память о геройстве и позоре навсегда остается живой: она возвышает душу или невыносимо жжет ее...»²⁶.

Двойственность отношения к японцам в русском обществе во время войны нашла отражение не только в источниках личного происхождения (письмах, дневниках, воспоминаниях), но и в художественных произведениях. В данном случае их тоже можно рассматривать как источник для изучения общественного сознания. Одним из ярких примеров этого является рассказ А.И.Куприна «Штабс-капитан Рыбников», созданный непосредственно по горячим следам событий, в

1905 году, а потому весьма психологически достоверный. В нем описывается, как журналист Щавинский пытается спровоцировать разоблаченного им шпиона то восторженными отзывами о мужестве неприятеля, то презрительными высказываниями о Японии и японцах. В первом случае он упоминает примеры «чертовской храбрости и презрения к смерти», проявленные вражескими офицерами в бою, и особенно восхищается «подписями самураев», когда генерал Ноги вызвал добровольцев идти в передовой колонне на ночной штурм Порт Артура, и целый отряд выразил желание принять как награду столь почетную смерть. При этом каждый написал прошение удостоить его этой чести, а самураи, согласно древнему обычаю, приложили к своей подписи отрубленный палец²⁷. Во втором случае тот же персонаж Куприна заявляет, что «японец – азиат, получеловек, полуобезьяна», «одним словом – макаки», и причина побед Японии над Россией – вовсе не культура или политическая молодость, а героический припадок, приступ бешенства, после которого неизбежно наступит бессилие и маразм²⁸.

Эта двойственность восприятия весьма характерна для европейца, столкнувшегося с загадочными традициями и чуждым менталитетом Востока: здесь и невольное восхищение утонченной древней культурой, и страх перед непредсказуемостью «дикарей», и стыд за поражение своей «цивилизованной» страны, которое она потерпела от «варваров».

Психологическая точность отраженного в рассказе А.И.Куприна восприятия японцев русским обществом в ходе войны подтверждается и другим литературным примером, в котором показаны также приемы и методы антияпонской военной пропаганды.

В повести «Белеет парус одинокий» в художественную форму облечены собственные детские впечатления Валентина Катаева. Его юные герои рассматривают «разноцветные лубочные литографии патриотического содержания, главным образом морские сражения». Как же воспринимают Петя и Мотя эти пропагандистские шедевры? Как отражается на детской психологии то, что их страна находится в состоянии войны?

«Узкие лучи прожекторов пересекали по всем направлениям темно-синее липкое небо. Пали сложенные мачты с японскими флагами. Из острых волн вылетали белые фонтанчики взрывов. В воздухе звездами лопались шимозы.

Здрав острый нос, тонул японский крейсер, весь охваченный желто-красным пламенем пожара. В кипящую воду сыпались маленькие желтолицые человечки.

– Япончики! – шептала восхищенная девочка, ползая на коленях возле картины.
– Не япончики, а япошки, – строго поправил Петя, знавший толк в политике»²⁹.

Как мы видим, восьмилетний мальчик успел научиться от взрослых надменно-презрительному отношению к врагу. Но ему не приходит в голову, что все изображенное на рисунках, мягко говоря, не соответствует действительности. А ведь это август 1905 года – и Россия войну уже проиграла.

Далее В.Катаев описывает содержание остальных творений лубковой пропаганды:

«На другой картине лихой казак, с красными лампасами, в черной папахе набекрень, только что отрубил нос высунувшемуся из-за сопки японцу. Из японца была

дугой толстая струя крови. А курносый оранжевый нос с двумя черными ноздрями валялся на сопке совершенно отдельно, вызывая в детях неудержимый смех.

– Не суйся, не суйся! – кричал Петя, хохоча, и хлопал ладонями по теплой сухой земле, испятнанной известковыми звездами домашней птицы.

...Третья картина изображала того же казака и ту же сопку. Теперь из-за нее виднелись гетры удирающего японца. Внизу было написано:

*Генерал японский Ноги,
Батюшки,
Чуть унес от русских ноги,
Матушки!*

– Не совайся, не совайся! – заливалась Мотя, прижимаясь доверчиво к Пете. – Правда, пускай тоже не совается!»³⁰.

Ну чем не «Окна РОСТА» или карикатуры Кукрыниксов, только времен русско-японской войны? Стоит прочесть хотя бы подписи к ним: «Русский богатырь на Востоке и желтые карлики», «Русский матрос отрубил японцу нос», «Не лезь к Порт-Артуру - береги свою желтую шкуру» и т.п. В лубках периода 1904–1905 гг. японцы именовались исключительно «косоглазыми вояками», «желтолицыми врагами», «желтыми макаками» и т.п., в газетной пропаганде и брошюрах «для народа» использовались такие их описания, как «жизнь ставят ни во что», «налитые кровью глаза, оскаленные зубы, хмельное выражение лица», «характерные черты японской природы – отсутствие великодушия и душевной психической выдержки», «японец тщедушный, низкорослый и все время кланяется»³¹.

Кстати, столь комично изображенный и частушечно высмеянный в русском лубке японский генерал (впоследствии маршал) Марязуке Китен Ноги вошел в историю под именем «последнего самурая». Потомок древней самурайской фамилии, он командовал 3-й японской армией, осаждавшей Порт-Артур. Во время одного из многочисленных штурмов погибли два его сына, а сам он жил на войне как простой солдат. Верный слуга императора Мутсихито, он после смерти своего государя в 1912 г., согласно самурайской традиции, сделал себе харакири. У себя на Родине он признан национальным героем³².

Итак, в русско-японской войне 1904–1905 гг. проявились как универсальные закономерности восприятия представителей иной культуры и даже цивилизации (азиатов-японцев европейцами-русскими), так и специфика, обусловленная историческим временем, ситуацией, обстоятельствами вооруженного конфликта. На это восприятие, безусловно, наложились устойчивые стереотипы: европейский миф о «диких азиатах», об отсталости и неполноценности «желтой расы», ее варварстве, природном коварстве и жестокости. Казалось бы, кровавая, неудачная для России война, да еще действительно «коварно», без традиционных европейских ритуалов начатая Японией, должна была только подкреплять эти психологические (и отчасти политические) штампы. Однако война парадоксальным образом способствовала их разрушению. Она привела в непосредственное массовое соприкосновение представителей двух народов в разнообразных экстремальных обстоятельствах, позволив им посмотреть друг на друга без идеологических «фильтров» – в рукопашной схватке, во время переговоров,

на госпитальной койке, в плену и т.д. Чувства естественной вражды к неприятелю при этом дополнялись вполне трезвыми и объективными оценками на основе накапливаемого личного и коллективного опыта.

Сложнее этот процесс протекал в русском тылу, куда информация поступала с запозданием и искажением, как правило, преобразованная средствами пропаганды, преломленная в слухах и домыслах, и т.д. То есть идеологический (и культурологический) «фильтр» здесь не только действовал сильнее, чем на фронте, но зачастую оказывался определяющим. Таким образом, существенно повлияв на сознание русского общества, в том числе на его отношение к Востоку (оказывается, «дикие азиаты» способны победить цивилизованную Европу!), русско-японская война, тем не менее, не смогла полностью разрушить довоенные стереотипы. При этом в основном уцелела не только «модель» (образ), но и сохранились прежние механизмы восприятия.

Японская интервенция на Дальнем Востоке

23 августа (5 сентября по новому стилю) 1905 г. в Портсмуте (США) был подписан мирный договор. Россия признала Корею сферой влияния Японии, уступила ей южную часть Сахалина, права на Ляондунский полуостров с Порт-Артуром и Дальним, Южно-Маньчжурскую железную дорогу³³. Так завершилась русско-японская война.

Но противостояние на этом не закончилось. Япония просто выжидала благоприятного момента, чтобы отторгнуть у России Дальний Восток. Хотя на короткое время в русско-японских отношениях, казалось, возникло некоторое «потепление»: в период Первой мировой войны 1914–1918 гг. Россия и Япония стали формальными союзниками. Впрочем, Япония выступила в войне на стороне Антанты с единственной целью – поживиться за счет германской сферы влияния в Китае и колоний на островах Тихого океана. После их захвата осенью 1914 г., в ходе которого японцы потеряли 2 тыс. человек, активное участие Японии в мировой войне закончилось. На обращения западных союзников с просьбой послать японский экспедиционный корпус в Европу, японское правительство отвечало, что «ее климат не подходит для японских солдат».

3 июля 1916 г. Россия заключила с Японией секретное соглашение о разделе сфер влияния в Китае, где был пункт, декларирующий военный союз между двумя странами: «В случае, если третья держава объявит войну одной из договаривающихся сторон, другая сторона по первому же требованию своего союзника должна прийти на помощь»³⁴. При этом японцы намекали, что готовы пойти и на большее, если им уступят Северный Сахалин, но русское правительство отказалось даже обсуждать подобный вариант.

Что касается настроений в Русской армии, то там отношение к новому «союзннику» было вполне определенным: события русско-японской войны были еще свежи в памяти, и все понимали, что с Японией придется воевать в не слишком далеком будущем. Вот как описывал отправку Русского экспедиционного корпуса во Францию через порт Даолян Р.Я.Малиновский: «На причале построились рус-

ские войска. Тут же два оркестра – наш и японский. Сначала исполнили японский гимн, а потом «Боже царя храни». На высокой палубе в парадной форме появился командир 1-го Особого полка полковник Ничволодов. Вокруг него – группа японских офицеров и генералов. Всюду сверкали золотом эполеты и сияли ордена.

– Братцы! Русские солдаты, богатыри земли русской! – начал свою речь полковник Ничволодов. – Вы должны знать, что город Дальний построен русскими людьми, они принесли сюда, на азиатские берега, русский дух, русский нрав, гуманность и культуру, чего, кстати, не скажешь о новоявленных «аборигенах» этой земли.

...Японские генералы, очевидно, не понимали смысла слов русского полковника и покровительственно скалили зубы. А тот продолжал:

– Мы сейчас покидаем эти берега. Перед нами дальний путь, но мы никогда не забудем, что здесь каждый камень положен руками русских людей, и рано или поздно захватчики уберутся отсюда. Да здравствует наша победа! Ура, братцы!

Загремело громогласное «ура», перекатываясь над толпой русских солдат, сгрудившихся на пристани, на палубах и корме парохода. Все кричали «ура» что есть мочи, одобряя тем самым короткую речь русского полковника. Оркестры исполняли «Боже царя храни». Господа генералы и японские офицеры вытянулись в струнку и держали под козырек, а японские солдаты замерли по команде «Смирно» и держали «на караул». Многие из японцев, не понимая, что происходит, по команде офицеров кричали «банзай», троекратно повторяя этот клич... Можно было вообразить гнев японских генералов и офицеров, когда они получают перевод речи русского полковника³⁵.

Временный и «противоестественный» характер союза России и Японии был очевиден для русского общественного сознания, тем более что японцы не скрывали своих территориальных притязаний и готовились их реализовать при первом удобном случае.

Благоприятный для японских экспансионистских планов в отношении России момент наступил в связи с государственным переворотом в Петрограде в октябре 1917 г. Сразу же было заключено соглашение между США и Японией «по проблемам» дальневосточных владений бывшей Российской Империи. Страна Восходящего Солнца с энтузиазмом восприняла идею США и Антанты о расчленении России и создании марионеточных режимов на ее окраинах для использования их в качестве полукolonий. Японские газеты с циничной откровенностью писали, что «независимость Сибири представляла бы особый интерес для Японии», и намечали границы будущего марионеточного государства – к востоку от Байкала со столицей в Благовещенске или Хабаровске³⁶.

Предлогом для высадки японского десанта с военных кораблей, прибывших во Владивосток еще в январе 1918 г., послужил инцидент, когда в ночь на 5 апреля 1918 г. «неизвестные злоумышленники» совершили вооруженное нападение с целью ограбления владивостокского отделения японской торговой конторы «Исидо», в ходе которого были убиты два гражданина Японии³⁷. Тотчас эскадра Антанты с внешнего рейда Владивостока переместилась к причалам его внутренней гавани – бухты Золотой Рог. 5 апреля под прикрытием корабельных орудий, нацеленных на городские кварталы, высадились две роты японских пехотинцев и полурота английской морской пехоты, которые заняли важные объекты в порту и городе. 6 апреля

десантировался отряд из 250 японских моряков, захвативший остров Русский с береговыми укреплениями, артиллерийскими батареями, военными складами и казармами. Адмирал Хирохару Като обратился к населению с воззванием, в котором извещал, что Япония берет на себя «охрану общественного порядка в целях обеспечения личной безопасности иностранных граждан», в первую очередь подданных японского императора³⁸. Через полгода японских подданных на российском Дальнем Востоке «защищало» уже свыше 70 тыс. японских солдат и офицеров.

Во время Гражданской войны и интервенции в 1918–1922 гг. японцы оккупировали Приамурье, Приморье, Забайкалье и Северный Сахалин, заняли Владивосток. На этих направлениях было сосредоточено более половины имевшихся тогда у Японии войск, то есть 11 дивизий из 21. Численность японских интервентов намного превосходила силы западных держав, высадившихся на Дальнем Востоке. Только с августа 1918 по октябрь 1919 г. Япония ввела на территорию дальневосточного края 120 тыс. человек, в то время, как общая численность интервентов в этом регионе в начале 1919 г. составила 150 тыс.³⁹ Это объяснялось решимостью японского правительства «пойти на любые жертвы, только бы не опоздать к дележу территории России, которое произойдет после вмешательства США, Англии и Франции»⁴⁰. Именно японцы стали ударной силой интервентов на Дальнем Востоке. И если англо-американские и другие силы Антанты совместно с Японией участвовали в интервенции в период с 1918 по март 1920 г., после чего были выведены с советских территорий, то сама Япония сохраняла там свое присутствие дольше всех – до осени 1922 г. Таким образом, период с апреля 1920 по октябрь 1922 г. был полностью самостоятельным японским этапом интервенции⁴¹. Как позднее напомнит об этом факте И.В.Сталин, «Япония, воспользовавшись враждебным тогда отношением к Советской стране Англии, Франции, Соединенных Штатов Америки и опираясь на них, – вновь напала на нашу страну ... и четыре года терзала наш народ, грабила Советский Дальний Восток»⁴².

Японцы поддерживали Белое движение на Дальнем Востоке и в Сибири, стараясь при этом сохранять выгодную для них расстановку сил: активно помогали атаману Забайкальского казачьего войска Г.М.Семенову и даже спровоцировали его конфликт с адмиралом А.В.Колчаком, посчитав, что деятельность последнего на посту Верховного правителя России может повредить дальневосточным интересам Страны Восходящего Солнца. Интересно в этой связи мнение самого Колчака об интервентах. 14 октября 1919 г. генерал Болдырев записал в своем дневнике о встрече с адмиралом: «Среди многих посетителей был адмирал Колчак, только что прибывший с Дальнего Востока, который, кстати сказать, он считает потерянным если не навсегда, то, по крайней мере, очень надолго. По мнению адмирала, на Дальнем Востоке две коалиции: англо-французская – доброжелательная и японо-американская – враждебная, причем притязания Америки весьма крупные, а Япония не брезгует ничем. Одним словом, экономического завоевание Дальнего Востока идет полным темпом»⁴³.

За время своего хозяйничанья на Дальнем Востоке японцы вывезли немало пушнины, древесины, рыбы, ценностей, захваченных на складах порта Владивосток и

других городов. Поживились они и за счет золотого запаса России, захваченного в Казани мятежным Чехословацким корпусом, а затем оказавшегося в распоряжении правительства Колчака, которое расплачивалось им со странами Антанты за поставку оружия и снаряжения. Так, на долю Японии пришлось 2672 пуда золота.

Присутствие японского экспедиционного корпуса подогревало накал Гражданской войны и рост партизанского движения на Дальнем Востоке. Бесцеремонное и наглое поведение захватчиков возбуждало ненависть и озлобление местного населения. Красные партизаны Приамурья и Приморья устраивали засады и нападения на вражеские гарнизоны.

Упорное сопротивление местных жителей интервентам привело к жестоким карательным акциям со стороны японских войск, пытавшихся такими мерами утверждать свое господство на оккупированной территории: сожжение за «неповиновение» целых деревень и показательные массовые расстрелы непокорных с целью запугивания местного населения вошли в повсеместную практику. Например, в январе 1919 г. японские солдаты дотла сожгли деревню Сохатино, а в феврале деревню Ивановку. Вот как описывал эту акцию репортер японской газеты «Урадзио ниппо» Ямаути: «Деревню Ивановка окружили. 60-70 дворов, из которых она состояла, были полностью сожжены, а ее жители, включая женщин и детей (всего 300 человек) – схвачены. Некоторые пытались укрыться в своих домах. И тогда эти дома поджигались вместе с находившимися в них людьми»⁴⁴. То, что действовали японцы с особой жестокостью, отмечали даже их союзники-американцы. Так, в донесении одного американского офицера описывается казнь арестованных местных жителей, схваченных японским отрядом 27 июля 1919 г. на железнодорожной станции Свиагино, охранявшейся американцами: «Пятеро русских были приведены к могилам, вырытым в окрестностях железнодорожной станции; им были завязаны глаза и приказано встать на колени у края могилы со связанными назад руками. Два японских офицера, сняв верхнюю одежду и обнажив сабли, начали рубить жертвы, направляя удары сзади шеи, и, в то время как каждая из жертв падала в могилу, от трех до пяти японских солдат добивали ее штыками, испуская крики радости. Двое были сразу обезглавлены ударами сабель; остальные были, по-видимому живы, так как наброшенная на них земля шевелилась»⁴⁵.

В феврале-марте 1920 г. все войска интервентов, кроме японских, покинули Владивосток, передав «представительство и охрану интересов союзников» на русском Дальнем Востоке и в Забайкалье Стране Восходящего Солнца. При этом Япония формально заявила о своем «нейтралитете». Однако в начале апреля японцы начали карательные действия против населения Владивостока и других городов, произвели нападения на революционные войска и организации Приморья. В качестве повода был использован так называемый Николаевский инцидент в марте 1920 г., во время которого в городе Николаевске-на-Амуре партизаны под командование анархиста Я.И.Тряпицина, расстрелянного вскоре по приговору народного суда, уничтожили более 850 захваченных в плен японских военнослужащих и гражданских лиц⁴⁶. Воспользовавшись этим, 31 марта 1920 г. японское правительство отказалось от эвакуации своих войск, которые 4–5 апреля внезапно нарушили

договоренность о перемирии и приступили к «акции возмездия», в результате которой за несколько дней уничтожили во Владивостоке, Спасске, Никольске-Уссурийском и окрестных селениях около 7 тыс. человек⁴⁷. Сохранились фотографии японских интервентов, «с улыбками позирующих рядом с отрезанными головами и замученными телами русских людей»⁴⁸.

В продолжение «акции» и под предлогом защиты служащих японской нефтяной компании «Хокусинкай» японские войска в июне 1920 г. оккупировали Северный Сахалин. 3 июля была опубликована декларация, в которой Япония заявляла, что ее войска не покинут его тех пор, пока Россия не признает своей полной ответственности за гибель японцев в Николаевске и не принесет официальные извинения⁴⁹. Кстати, впоследствии этот эпизод – в соответствующей пропагандистской упаковке – фигурировал как «неопровержимое доказательство агрессивности русских» на многих международных конференциях, влияя на формирование и в самой Японии, и в других странах образа врага – Советской России.

После овладения Красной Армией Иркутском в начале 1920 г. сложились благоприятные условия для дальнейшего продвижения советских войск на Восток. Однако Советская Россия была не готова вести войну с Японией⁵⁰. В этой обстановке по указанию В.И.Ленина наступление было приостановлено, а на территории Дальнего Востока образовано буферное государство – Дальневосточная Республика (ДВР), имевшая регулярную Народно-революционную армию⁵¹.

Между тем, на протяжении всего 1920 г. эскалация японцев в регионе нарастала: с японских островов на континент прибывали все новые вооруженные силы. Однако после успешного наступления Народно-революционной армии ДВР и партизанских отрядов и освобождения ими в октябре 1920 г. Читы, японцы вынуждены были покинуть Забайкалье и Хабаровск. При отступлении они угнали, затопили или привели в негодность большинство кораблей Амурской флотилии, разрушили железнодорожную ветку от Хабаровска до базы флотилии, разграбили ее мастерские, казармы, уничтожили водопровод и систему отопления, и т.д., всего нанеся ущерб на 11,5 млн золотых рублей⁵².

Оставив Забайкалье, японские войска сосредоточились в Приморье. Боевые действия продолжались еще два года. Наконец военные успехи Народно-революционной армии Дальневосточной Республики и партизан, с одной стороны, и ухудшение внутреннего и международного положения Японии, – с другой, все же вынудили японских интервентов в конце октября 1922 г. на кораблях своей эскадры покинуть Владивосток, что знаменовало собой окончание Гражданской войны в этом регионе. Но хотя официальной датой освобождения Владивостока и Приморья от белогвардейцев и интервентов считается 25 октября 1922 г., только через семь месяцев после установления советской власти во Владивостоке, 2 июня 1923 г. в 11 часов утра с рейда Золотого Рога снялся с якоря и ушел последний корабль интервентов – японский броненосец «Ниссин»⁵³.

Но и после вывода войск Япония не оставляла свои агрессивные замыслы: в 1923 г. генеральным штабом японской армии был разработан новый план войны против СССР, которым предусматривалось «разгромить противника на Дальнем

Востоке и оккупировать важные районы к востоку от озера Байкал. Основной удар нанести по Северной Маньчжурии. Наступать на Приморскую область, Северный Сахалин и побережье континента. В зависимости от обстановки оккупировать и Петропавловск-Камчатский»⁵⁴.

У порога «большой войны»: Хасан и Халхин-Гол

В 1925 г. между Советским Союзом и Японией были установлены дипломатические отношения, советское правительство признало Портсмутский мирный договор и добросовестно его выполняло. Что касается Японии, то она, в нарушение условий договора, разрабатывала планы новой войны. Так, в известном меморандуме генерала Танака, врученном им японскому императору 25 июля 1927 г., говорилось, что «в скором будущем неизбежно наступит момент, когда наша страна столкнется с Красной Россией в районе Северной Маньчжурии... По велению судьбы нашей стране неизбежно придется вновь скрестить мечи с Россией...»⁵⁵ Японцы прямо заявляли, что «пока этот скрытый риф [имелся в виду СССР – *Е.С.*] не будет взорван, наше судно не сможет пойти быстро вперед», и советский посол в Японии А.А.Трояновский с тревогой информировал свое правительство о том, что «в военных кругах бродят мысли о занятии Сахалина, Приморья и Камчатки»⁵⁶.

В 1929 г. Япония поддержала нападения «белокитайцев» на Китайскую восточную железную дорогу, а в 1931 г. оккупировала Маньчжурию, лишив СССР возможности нормально эксплуатировать КВЖД. На границе наращивалось японское военное присутствие, организовывались учения, постоянно устраивались провокации, попытки проникновения на советскую территорию. Япония явно готовилась к крупномасштабной агрессии. В ее долгосрочные планы входил захват всего Дальнего Востока. Но вначале потребовалась «проба сил». Местом для нее было избрано советское Приморье.

20 июля 1938 г. японский посол в Москве предъявил Советскому правительству требование об отводе советских войск к западу от озера Хасан и передачи Японии сопки Заозерная, якобы принадлежащей территории Маньчжоу-Го. В ноте Советского правительства от 22 июля эти требования отклонялись как ничем не обоснованные. В тот же день кабинет министров Японии утвердил план нападения на СССР в районе озера Хасан. Его ближайшей целью было отторгнуть у Советского Союза стратегически важные высоты, расположенные в 10 км от побережья Тихого океана, откуда можно было держать под постоянным наблюдением и прямым артиллерийским огнем участок советской территории к югу и западу от залива Посьета, угрожать всему побережью в направлении на Владивосток⁵⁷.

Вторжение началось 29 июля, когда отряд японцев численностью до роты атаковал пограничный наряд из одиннадцати человек на сопке Безымянная. Подоспевшее на помощь подкрепление сумело отбросить противника. Но 30 и 31 июля нападение повторилось более крупными силами. Японцам удалось потеснить советские части и продвинуться вглубь нашей территории до четырех километров.

Советское командование на Дальнем Востоке спешно сосредоточило в районе Хасана имевшиеся поблизости силы. На 2 августа была намечена общая атака захваченных японцами позиций. Но это наступление не принесло успеха. Советские части понесли большие потери.

Новый штурм начался 6 августа силами двух стрелковых дивизий и механизированной бригады при поддержке артиллерии и авиации. 9 августа после упорных боев советская территория была очищена от неприятеля, государственная граница полностью восстановлена. 10 августа японский посол в Москве запросил мира. На следующий день боевые действия были прекращены⁵⁸.

Хасанский «опыт» заставил японское правительство отложить «большую войну» против Советского Союза. Но теперь объектом агрессии оказалась Монголия. Ее захват позволил бы японцам выйти к границам СССР в районе Иркутска и озера Байкал, тем самым подготовив плацдарм для дальнейшего продвижения на Дальний Восток.

11 мая 1939 г. части Квантунской армии вторглись в пределы Монгольской Народной республики в районе реки Халхин-Гол, у поселка Номон-Хан-Бурд-Обо. Завязались кровопролитные бои. При этом «номон-ханский инцидент» выдавался японской стороной за пограничный конфликт, возникший из-за отсутствия четкой демаркационной линии.

Выполняя долг перед союзником, Советский Союз прислал на помощь монгольской армии свои войска. Командовал объединенной советско-монгольской группировкой комкор Г.К.Жуков. Боевые действия в районе Халхин-Гола продолжались с мая по сентябрь 1939 г. и завершились полным разгромом японцев.

Правительство Японии вынуждено было признать свое поражение. 15 сентября 1939 г. в Москве было подписано советско-японское соглашение о прекращении военных действий, а в июне 1940 г. государственная граница Монгольской Народной Республики была полностью восстановлена.

Следует отметить, что в советской историографии халхин-гольские события, как правило, скромно именуются «военным конфликтом». В то же время многие японские историки признают, что это был отнюдь не конфликт, а самая настоящая локальная война, причем некоторые авторы называют ее «второй японско-русской войной» – по аналогии с войной 1904–1905 гг.⁵⁹

Каким же представлялся этот ставший уже традиционным противник в новых вооруженных конфликтах? Изменился ли образ врага в сознании теперь уже советских бойцов и командиров по сравнению с образом, сложившимся у солдат и офицеров дореволюционной армии? Да и сам неприятель – остался ли он прежним или приобрел новые, неотмеченные ранее черты?

Безусловно, за три десятилетия существенно меняется как субъект, так и объект восприятия. С одной стороны, это связано с изменениями внутри самих этих двух стран. При этом, если для Японии было характерно эволюционное развитие и преимущественно реализация и усиление тех тенденций, которые лишь обозначились в начале XX века, то для России эти десятилетия стали временем радикальных трансформаций: общественного строя, экономических механизмов, политической системы, социальной структуры, идеологии, и т.д. Геополитически это были, в основном, те же

самые противники, но теперь, в отличие от начала века, императорской полубуржуазной-полуфеодальной милитаризовавшейся Японии противостояла не аналогичная по своим характеристикам самодержавная, полуфеодальная, хотя и более «модернизированная» Россия, а прошедшая через революционные потрясения страна, избравшая путь форсированной модернизации на основе обобществления собственности, плановой экономики и социальной уравнительности под руководством жесткой партийной диктатуры. Этот путь предполагал жесткий идеологический контроль власти над обществом, причем новая идеология радикально отличалась от дореволюционной и, безусловно, влияла на массовое сознание. Так что восприятие японцев преимущественно православным, монархически настроенным, происходившим из крестьян малограмотным русским солдатом в первой русско-японской войне, неизбежно должно было отличаться от восприятия в конце 1930-х гг. бойцом Красной Армии, хотя и вышедшим в основном из той же крестьянской среды, но уже имевшим иное мировоззрение. Этот боец уже, как правило, не был религиозен, имел начальное или неполное среднее образование, был лоялен к Советскому государству и в значительной мере воспринял основные идеологические постулаты новой власти. Среди последних, кстати, был и «пролетарский интернационализм», что в частности означало невозможность в пропагандистской работе изображать врага (японцев) как «мартышек», то есть акцентировать внимание на расовых признаках. Идеология была классовой, а союзники-монголы относились к той же расе, что и противники-японцы. Акцент как раз и делался на классовой ненависти – не к японскому народу, а к японским эксплуататорам-милитаристам, феодалам-самураям, во главе которых к тому же стоял император.

Следует отметить, что как субъект восприятия еще сильнее различался командный состав российских армий в этих двух войнах. Если в первой русско-японской войне офицерство происходило в основном из высшего дворянского сословия, то к концу 1930-х годов низшее и среднее командное звено Красной Армии происходило из той же рабоче-крестьянской массы, что и рядовой состав. Были близки они и по уровню образования и культуры, тогда как в 1904–1905 гг. офицерство культурно стояло неизмеримо выше.

Конечно, и Япония в эти десятилетия не стояла на месте. Прежде всего, выросли ее экономические и технические возможности, модернизировалась армия. Росли и политическое, и военно-стратегическое влияние Японии в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Вместе с возможностями росли и политические амбиции и территориальные аппетиты имперского государства. Япония давно и последовательно проводила империалистическую, агрессивную политику. Она продолжала активно создавать обширную колониальную империю в Азии, претендуя в будущем на мировое господство⁶⁰. При этом в японском народе воспитывалось чувство национальной исключительности, подкрепляемое легендами о божественном происхождении японской нации, о ее превосходстве над другими, широко пропагандировалась «паназиатская» доктрина: «Азия для азиатов» (читай – японцев), «Долой белых варваров!», «Великая Японская империя до Урала!» и т.п. Особо почитался культ войн: «Тот, кто идет воевать, того защищает бог!»⁶¹.

Что касается собственно армии, то в основу воспитания японского солдата был положен древний кодекс «Бусидо», воспевающий слепое повиновение и самопожертвование, по которому раньше воспитывались самураи. Он гласил:

«Пока ты жив, ты должен быть потрясен великим императорским милосердием. После смерти ты должен стать ангелом-хранителем японской империи. Тогда ты будешь окружен почетом в храме.

...На случай безвыходной обстановки обязательно оставь для себя одну пулю, чтобы покончить жизнь самоубийством. Ни в коем случае ты не должен сдаваться в плен.

...Рассуждающий воин не может принести пользы в бою. Путь воина лишь один – сражаться бешено, насмерть. Только идя этим путем, выполнишь свой долг перед владыкой и родителями.

...В сражении старайся быть впереди всех. Думай только о том, как преодолеть вражеские укрепления. Даже оставшись один, защищай свою позицию. Тотчас же найдется другой, чтобы образовать фронт вместе с тобой, и вас станет двое»⁶².

Таким образом, японский солдат сознательно формировался как нерассуждающий инструмент агрессии, весьма эффективный в бою, презирающий смерть и абсолютно преданный своей стране, армии и ее командованию. Милитаристское сознание находило очень мощное религиозное подкрепление, так что сама смерть в бою для самурая являлась самостоятельной, высшей ценностью.

В 1939 г. в Монголии нашим войскам пришлось воевать с отборными, так называемыми императорскими частями японской армии. Вот какую оценку этому противнику дал Г.К.Жуков: «Японский солдат, который дрался с нами на Халхин-Голе, хорошо подготовлен, особенно для ближнего боя. Дисциплинирован, исполнительен и упорен в бою, особенно в оборонительном. Младший командный состав подготовлен очень хорошо и дерется с фанатическим упорством. Как правило, младшие командиры в плен не сдаются и не останавливаются перед «харакири»»⁶³.

Следует отметить, что Г.К.Жуков всегда выступал против недооценки противника, говорил о том, что нельзя унижительно отзываться о враге, потому что в итоге получается неправильная оценка собственных сил. Эту же мысль мы находим в стихотворении К.Симонова «Танк», посвященном халхин-гольским событиям:

*«Когда бы монумент велели мне
Воздвигнуть всем погибшим здесь в пустыне,
Я б на гранитной тесаной стене
Поставил танк с глазницами пустыми...
На постамент взобравшись высоко,
Пусть как свидетель подтвердит по праву:
Да, нам далась победа нелегко.
Да, враг был храбр.
Тем больше наша слава»⁶⁴.*

Мнение комкора Г.К.Жукова о японцах перекликается со свидетельствами младшего и среднего командного состава, участвовавшего в боях на Халхин-Голе. Так, командир полка майор И.И.Федюнинский (в Великую Отечественную – про-

славленный генерал) перед боевой операцией рассказывал молодым, только что прибывшим в часть офицерам, что представляют собой японские солдаты. «Особо подчеркнул, что в плен японцы не сдаются и, попав в критическую ситуацию, кончают жизнь самоубийством. Ночью, в дождь, туман самураи особенно активны. В такое время и при такой погоде они бесшумно подползают к нашим окопам, снимают зазевавшихся часовых, пробираются в тыл и внезапно открывают огонь, создавая видимость окружения. Нередко группы японских солдат, переодетые в форму нашей или монгольской армии, проникают в глубокий тыл и совершают диверсии.

– Что касается офицеров японской армии, – продолжал Федюнинский, – похвалить не могу. Подготовлены слабо, действуют по шаблону, проявляют растерянность при всякой неожиданности. Танки и артиллерия у японцев хуже наших. А вот авиация неплохая...»⁶⁵.

Кстати, японских асов называли «дикими орлами», и они имели к тому времени двухлетнюю практику войны в Китае⁶⁶. Для наших летчиков бои на Халхин-Голе начались крайне неудачно, в первый месяц потери были огромны, и лишь после того, как прибыла новая техника и летный состав, имевший опыт воздушных боев в Испании, советской авиации удалось изменить соотношение сил в свою пользу⁶⁷.

В словах И.И.Федюнинского обращает на себя внимание упоминание многих приемов и способов ведения боевых действий, известных еще по русско-японской войне: ночные вылазки, отвлекающие маневры, попытки посеять панику и т.п. Очевидно, корнями они уходят в национальные, еще самурайские боевые традиции и опыт, по образцу воспроизводившиеся и в войнах XX века.

Среди примеров японской военной хитрости были как шаблонные, часто повторяющиеся, так и весьма неожиданные. Об одном из таких нестандартных эпизодов вспоминает ветеран боев на Халхин-Голе бывший командир батареи Н.М.Румянцев:

«В воскресенье 13 августа [боец] Епифанов, наблюдая в стереотрубу, доложил:

– Товарищ лейтенант, вдоль японских окопов прогуливается раздетая женщина.

Я подошел к стереотрубе. Действительно, по брустверу японской траншеи взад и вперед неторопливо и вызывающе-нагло прохаживалась молодая нагая женщина. Она ходила минуты две-три, затем исчезла в траншее. За это время с японской стороны прозвучало несколько одиночных выстрелов.

Через полчаса позвонил командир батальона...

– Видели приманку? – И, не дожидаясь ответа, продолжал: – В седьмой роте от огня снайперов погибли два бойца, в восьмой – один. Высунулись посмотреть и поплатились жизнью.

Это был очередной трюк японцев, предвидеть который было трудно. Выпустив раздетую женщину, японские снайперы ловили на мушку любопытствующих зевак»⁶⁸.

Примечательно и такое важное обстоятельство, отличавшее советско-японский конфликт от русско-японской войны: если в войне с царской Россией Япония строго соблюдала нормы международного права в обращении с военнопленными, то в конфликте с СССР она не считала себя ими связанной. Поэтому обычной практикой были пытки и смертная казнь японцами советских военнопленных. По

свидетельству уже упомянутого Н.М.Румянцева, его подчиненные лично убедились в том, что японцы зверски расправлялись с красноармейцами и командирами, попавшими к ним в плен, когда однажды во время боя противник окружил окоп, где находились четыре бойца во главе с лейтенантом. «Пятерка храбрецов отстреливалась до последнего патрона. Однако самураям удалось ползком приблизиться к окопу и забросать его гранатами. Оглушенные взрывами, израненные осколками, наши воины были захвачены в плен. Японцы связали пленных проволокой, положили их на землю и в тело каждого вбили по несколько десятков винтовочных гильз. Тело лейтенанта Зуева, кроме того, было изрублено тесаками... Сняв каски и стиснув зубы, мы минутой молчания почтили память своих однополчан»⁶⁹.

В то же время японское командование использовало эти факты для «воспитания» своих солдат, что должно было подкрепить общую установку кодекса самурая о невозможности сдачи в плен. Им внушалось, что подобная участь ожидает и их самих в советском плену. «Во время боя на горе Баян-Цаган были взяты в плен два раненых японских солдата, – вспоминает бывший военврач В.В.Фиалковский. – Им велели снять брюки, чтобы осмотреть и перевязать раны, но японцы категорически отказались снимать одежду, сопротивлялись и плакали. Все же их заставили это сделать, осмотрели и перевязали раны. Тут выяснилась причина их страха: оказывается, офицеры им внушали, что русские всем пленным отрезают половые органы»⁷⁰.

На передовой образ врага-японца складывался не только из контактов и наблюдений за ним в сугубо боевой обстановке, но и в различных бытовых ситуациях, отражающих уклад жизни этого чужого народа, его национальные и культурные традиции. Так, весьма часто советским бойцам приходилось сталкиваться с абсолютным непонятным, чуждым русским (христианским) традициям, явлением: японцы не погребали своих убитых солдат в земле, а предавали их огню. Так, в мемуарах участников халхин-гольских событий постоянно встречаются подобные примеры: «Впереди в долине горели костры, от которых ветер доносил тошнотворный запах: японцы сжигали на кострах трупы погибших»⁷¹.

Конечно, о быте японцев, их обычаях и традициях советские бойцы могли получать сведения, как правило, лишь косвенным путем: при наступлении захватывались позиции противника, где находились не только военные сооружения и техника, но и жилища с оставленными в них вещами. Вот одно из характерных свидетельств того времени: «К вечеру мы встали на позиции по соседству с уничтоженной японской батареей... Я подошел к одному из орудий: горы стреляных гильз, в погребках – сотни снарядов. Окопы полного профиля, их стенки выложены мешками с песком. Позади батареи добротные землянки для личного состава с надежными железобетонными перекрытиями... Я вошел в землянку... На земляных нарах, оплетенных ивовыми прутьями, лежали циновки, одеяла, шинели зелено-желтого цвета с офицерскими знаками различия. На одной из дощатых стен висела сабля. На полу валялись фотографии, открытки с видом горы Фудзияма, котелки, маленькие мешочки с сушеной рыбой и галетами, водочные бутылки, фигурки идолов. Среди этого хлама выделялся своим красочным оформлением иллюстри-

рованный журнал. Этот журнал я взял с собой и после окончания боев показал переводчику. Оказывается, это был журнал «Кингу», в котором описывались различные подвиги самураев»⁷².

Лишь немногим красноармейцам удавалось непосредственно увидеть, а точнее – подглядеть поведение японцев в их обычном фронтовом быту. Поскольку из попадавших в японский плен практически никто не оставался в живых, такие сведения могла приносить только разведка. Вот, например, какая картина предстала перед нашими бойцами, пробравшимися в расположение неприятеля:

«За передним краем противника увидели такую картину: в долине горели многочисленные костры. Возле них группами сидели солдаты. Японцы варили ужин. Мы этому не удивились, так как знали, что кухни в передовых пехотных частях японской армии нет и каждому солдату выдается на руки паек из риса, сахара, галет, чая и сушеной рыбы. Справа в глубоком котловане пылал огромный костер: японцы сжигали трупы своих солдат и офицеров, погибших в дневном бою.

Послышались звуки восточной музыки... За высоткой в глубоком котловане стоял легкий шатрового типа домик с открытой сценой. Он был освещен фонарями. На высоком дощатом настиле танцевали красочно разодетые гейши. Перед этой импровизированной сценой за маленькими столиками, сплошь уставленными бутылками, сидели японские офицеры. Никто не ел и не пил, все внимательно смотрели на сцену, попыхивая короткими трубками.

Притаившись в кустах караганника, мы какое-то время наблюдали за происходившим. Вот музыка смолкла. Гейши закончили танец и поклонились. Среди офицеров поднялся шум. На сцену полетели трубки, портсигары и другие предметы. Подобрал все это, гейши ушли за сцену»⁷³.

Это выступление своеобразных (на японский национальный манер) «фронтовых бригад» должно было показаться нашим бойцам весьма необычным: в Советской Армии «культурный досуг» в боевых условиях стал практиковаться лишь в годы Великой Отечественной войны (выездные концерты артистов и т.п.). В сравнительно недолгом (четырёхмесячном) конфликте в центре «дикой» Азии, в глубине территории чужой страны, подобная практика и не могла получить распространение: в отличие от японцев, СССР не создавал постоянных наступательных плацдармов, а его боевые части в Монголии не успели «обжиться» и обзавестись хозяйством.

В целом, у непосредственных участников боевых действий 1938–1939 гг. было достаточно фактов для формирования образа японцев как опасного и жестокого, умелого и опытного врага, не только относящегося к чужой культуре, но и во многом непонятного. Эта его «загадочность» была связана как с фактическим отсутствием массовых контактов между гражданами двух стран, так и с весьма ограниченным культурным кругозором рядовых советских бойцов. Поэтому непосредственно полученные ими в ходе боевых действий опыт и информация о противнике далеко не всегда могли быть верно истолкованы. В самом советском обществе такой неискаженной информации было еще меньше. Японцы воспринимались через идеологический фильтр средств массовой информации, а также организованных властью массовых митингов протеста и демонстраций «против японских

милитаристов». В результате элемент мифологичности оказался в этот период не меньшим, а может быть, и большим, чем в русско-японской войне начала века. Вместе с тем, в главном Япония в советском массовом сознании оценивалась достаточно верно: несмотря на свое поражение, она воспринималась как опасный и коварный потенциальный противник, готовый нанести удар, как только для этого представится благоприятная возможность.

Япония и СССР во Второй мировой войне

Разгром японских войск в районе озера Хасан в 1938 г. и в Монголии в 1939 г. нанес серьезный удар по пропагандистскому мифу о «непобедимости императорской армии», об «исключительности японского воинства». Американский историк Дж.Макшерри писал: «Демонстрация советской мощи на Хасане и Халхин-Голе имела свои последствия, она показала японцам, что большая война против СССР будет для них катастрофой»⁷⁴. Вероятно, понимание этого оказалось для Японии основным сдерживающим фактором в период 1941–1945 гг. и одной из главных причин того, что с началом Великой Отечественной Советский Союз был избавлен от войны на два фронта.

Впрочем, это вовсе не означает, что после своего поражения в «номонханском инциденте» Япония не готовилась к новому нападению на СССР. Даже подписанный 13 апреля и ратифицированный 25 апреля 1941 г. пакт о нейтралитете между двумя странами носил, по мнению японского руководства, временный характер, дающий возможность обезопасить свои северные границы, «следить за развитием обстановки» и спокойно «набираться сил», чтобы «в нужный момент» нанести Советскому Союзу внезапный удар⁷⁵. Вся внешняя политика Японии в этот период, в особенности активное сотрудничество с союзниками по Тройственному пакту – Германией и Италией, свидетельствует о том, что она просто выжидала наиболее благоприятного момента. Так, военный министр Тодзио неоднократно подчеркивал, что вторжение должно произойти тогда, когда Советский Союз «уподобится спелой хурме, готовой упасть на землю», то есть, ведя войну с Гитлером, ослабнет настолько, что на Дальнем Востоке не сумеет оказать серьезного сопротивления⁷⁶. Однако прибывший в начале июля 1941 г. из Европы и убежденный в превосходстве сил Германии и ее неизбежной победе над СССР генерал Ямасита был настроен более решительно. «Время теории «спелой хурмы» уже прошло... – заявлял он. – Даже если хурма еще немного горчит, лучше стрясти ее с дерева»⁷⁷. Он опасался, что Германия победит слишком быстро, и тогда осторожная Япония может опоздать к разделу «пирога»: ненасытный союзник, не считаясь с интересами Страны Восходящего Солнца, сам захватит Сибирь и Дальний Восток, ранее обещанные азиатской империи в качестве платы за открытие «второго фронта».

Однако война на советско-германском фронте приняла затяжной характер, и Япония так и не решилась предпринять против СССР прямых военных действий, хотя в нарушение пакта о нейтралитете постоянно задерживала и даже топила советские пароходы. В связи с этим в период с 1941 по 1945 г. Советское прави-

тельство 80 раз выступало с заявлениями и предупреждениями по поводу японских провокаций⁷⁸. По опыту зная коварство соседа, на дальневосточных рубежах страны приходилось держать несколько армий в полной боевой готовности, в то время, когда на западе нужна была каждая свежая дивизия.

В ноябре 1943 г. в Тегеране на конференции глав государств антигитлеровской коалиции в ряду других решался вопрос о ликвидации очага войны на Дальнем Востоке. Советская делегация дала союзникам согласие вступить в войну против Японии сразу после разгрома гитлеровской Германии. На Ялтинской конференции в феврале 1945 г. это согласие было закреплено секретным соглашением, согласно которому СССР возвращал себе Южный Сахалин и прилегающие к нему острова, восстанавливал права на аренду Порт-Артура и эксплуатацию Китайско-Восточной и Южно-Маньчжурской железной дороги, получал Курильские острова⁷⁹. Таким образом, Портсмутский мирный договор 1905 г. полностью терял свою силу.

5 апреля 1945 г. правительство СССР денонсировало советско-японский пакт о нейтралитете от 13 апреля 1941 г. После капитуляции Германии, 26 июля на Потсдамской конференции от имени США, Англии и Китая было опубликовано обращение, в котором Япония также призывалась к безоговорочной капитуляции. Требование было отклонено. При этом премьер-министр Судзуки заявил: «Мы будем неотступно продолжать движение вперед для успешного завершения войны»⁸⁰.

8 августа 1945 г., выполняя союзнические обязательства, Советский Союз заявил о своем присоединении к Потсдамской декларации и сообщил японскому правительству о том, что с 9 августа будет считать себя в состоянии войны с Японией. Началась Маньчжурская наступательная операция.

В общей сложности Советский Союз выставил на поле боя полтора миллиона войск, которым противостояла полуторамиллионная Квантунская армия. Кстати, командовал ей генерал Отодзо Ямада, имевший опыт войны 1904–1905 гг. в качестве командира эскадрона⁸¹. Вопреки прогнозам западных стратегов о том, что на разгром Квантунской армии СССР потребуется не менее шести месяцев, а то и год, советские войска покончили с ней за две недели⁸².

2 сентября 1945 г. на американском линкоре «Миссури» состоялось подписание акта о безоговорочной капитуляции Японии. Вторая мировая война закончилась.

В своей речи, в тот же вечер произнесенной по радио, И.В.Сталин напомнил об истории непростых взаимоотношений нашей страны с Японией с начала XX века, подчеркнув, что у советских людей имеется к ней «свой особый счет». «...Поражение русских войск в 1904 году в период русско-японской войны оставило в сознании народа тяжелые воспоминания, – заявил Верховный Главнокомандующий. – Оно легло на нашу страну черным пятном. Наш народ верил и ждал, что наступит день, когда Япония будет разбита и пятно будет ликвидировано. Сорок лет ждали мы, люди старого поколения, этого дня. И вот, этот день наступил»⁸³.

Эта оценка, данная лидером Советского государства в условиях его высшего военно-политического триумфа и в значительной мере окрашенная в государственственно-националистические тона, в тот момент была полностью созвучна настроением страны, в которой «пролетарский интернационализм» был провозглашен

официальной идеологией. Эта идеология формально сохранялась, но практика Второй мировой войны со всей очевидностью показала, что «пролетариат» враждебных стран (фашистской Германии и всех ее сателлитов, в том числе и Японии) отнюдь не готов прийти на помощь своему «классовому союзнику». И в официальной пропаганде, и в массовых настроениях идеи защиты и торжества национально-государственных интересов СССР как преемника тысячелетнего Российского государства были доминирующими. И это обстоятельство следует учитывать как важнейшую часть общей ситуации восприятия противника в последней в XX веке русско-японской войне.

В целом эта ситуация отличается несколькими важными особенностями, характеризующими как состояние субъекта и объекта восприятия, так и его обстоятельства. Прежде всего, весь контингент, участвовавший в боевых действиях на Дальнем Востоке, четко делился на две основные категории: участников боев против фашистской Германии, и «дальневосточных сидельцев» – большой группировки, все четыре года Великой Отечественной простоявшей на границе на случай японского нападения. Последние в большинстве своем не имели боевого опыта, но являлись свидетелями многочисленных японских провокаций, были лучше информированы о потенциальном противнике и его реальной силе, опыте и коварстве. Лучше разбирались они и в природно-климатических условиях, особенностях местности и т.п. Ветераны боевых действий на западе, напротив, имели большую практику сражений, но не разбирались в местных особенностях. У них был самый высокий боевой дух, но он нередко переходил в «шапкозакидательские» настроения. Ведь советский солдат вышел победителем из тяжелейшей многолетней войны на европейском театре военных действий. После такого могучего противника, как фашистская Германия, японцы, которых, кстати, не так давно «побили» на Хасане и Халхин-Голе, в массовых армейских представлениях и не рассматривались как враг достаточно серьезный. Вероятно, последнее обстоятельство не раз негативно сказалось в ходе дальневосточной кампании. В частности, недостаточно учитывались особенности пустынной местности, а в результате на ряде участков плохое водоснабжение армии повлияло на эффективность передвижения и боеспособность отдельных частей.

В целом же в соотношении сил (хотя количественно оно было примерно равным) превосходство советской стороны оказалось безусловным. Особенно это проявилось в техническом обеспечении, боевом опыте и моральном духе войск. Армия на Дальний Восток пришла опытной, отмобилизованной, с настроением победителя и желанием как можно быстрее вернуться к мирной жизни. Однако бои ей предстояло вести в глубине чужой территории, преодолевать десятилетиями создававшиеся укрепления, продвигаться в незнакомой местности с неблагоприятными климатическими условиями. Да и противник был значительно опытнее, чем в конце 1930-х годов: уже много лет японская армия вела успешные боевые действия на море, на суше и в воздухе против американских, британских и других вооруженных сил. Так что «двухнедельная» военная кампания отнюдь не оказалась для нашей армии легкой прогулкой, как сегодня нередко пытаются представить в западной историографии.

Об ожесточенности этой войны и ее опасности для советских солдат свидетельствует и такой факт, как широкое распространение именно на этом этапе боевых действий феномена «камикадзе». Не случайно именно он лучше всего запечатлелся в памяти участников тех событий и чаще всего отмечается советскими мемуаристами.

В нашей и японской трактовке это явление имеет различное толкование. Мы понимали под «камикадзе» любых японских «смертников», независимо от рода войск, к которым они принадлежали, а японцы – только вполне определенную их часть. И «камикадзе» в официальном, более узком понимании (как летчики, таранящие боевые корабли противника, следуя лозунгу «Один самолет за военный корабль!»), и в более широком (как все солдаты-смертники) – сугубо японское явление, уходящее корнями глубоко в историю, в национальные и религиозные особенности страны. Согласно легенде, в конце XIII века внук Чингисхана Хубилай пытался завоевать Японию, но его корабли уничтожил тайфун – «священный ветер» («божественный ветер»), «камикадзе». Через семь лет попытку повторили – и снова тайфун разметал монгольские корабли. Так и возник этот термин, а от него в XX веке – движение добровольцев-смертников⁸⁴.

В действительности оно подразделялось на ряд категорий. К собственно «камикадзе» относились элитные летчики-самоубийцы, призванные топить боевые корабли противника. Первый вылет «камикадзе» был произведен 21 октября 1944 г. на Филиппинах. О распространении явления свидетельствует то, что за период войны на Тихом океане их усилиями было осуществлено 474 прямых попадания в корабли ВМС США или близких взрывов у их бортов. Однако эффективными оказались не более 20% вылетов «камикадзе». По американским данным, они потопили 45 боевых кораблей, а повредили около 260⁸⁵.

В конце войны получило широкое распространение и движение «тейсинтай» («ударные отряды»), к которым относились человеко-торпеды «кайтэн», управлявшиеся вручную, начиненные взрывчаткой катера «сине», парашютисты-смертники, человеко-мины для подрыва танков, пулеметчики, приковывавшие себя цепью в дотах и дзотах, и т.п.⁸⁶ Причем наши войска сталкивались преимущественно с «сухопутными» категориями японских смертников.

Однако впервые советские солдаты столкнулись с этим феноменом еще 3 июля 1939 г. в боях за сопку Баин-Цаган на Халхин-Голе. Японцы бросались на краснозвездные танки с минами, связками гранат, поджигали их бутылками с горючей жидкостью. Тогда от огня вражеской артиллерии и солдат-смертников в тяжелейшем бою советская танковая бригада потеряла почти половину боевых машин и около половины личного состава убитыми и ранеными⁸⁷.

Новая, еще более тяжелая встреча с «ударными отрядами» предстояла нашим войскам в августе 1945 г. в Маньчжурии во время боев с Квантунской армией. Вот как вспоминает об этом участник боев на Хингане А.М.Кривель: «В бой были брошены спецподразделения – японские «камикадзе». Они занимали по обе стороны Хинганского шоссе ряды круглых окопов-лунок. Их новенькие желтые мундиры резко выделялись на общем зеленом фоне. Бутылка с сакэ [рисовой водкой – Е.С.] и мина на бамбуковом шесте тоже были обязательными атрибутами

«камикадзе». Мы кое-что слышали о них, этих фанатиках, одурманенных идеей «Великой Японии»... Но живых «камикадзе» не видели. А вот и они. Молодые люди, чуть старше нас. Полурасстегнутый воротничок, из-под которого выглядывает чистое белье. Матовое, восковое лицо, ярко-белые зубы, жесткий ежик черных волос и очки. И выглядят-то они совсем не воинственно. Не зная, что это «камикадзе», ни за что не поверишь. Но мина, большая, магнитная мина, которую даже мертвые продолжают крепко держать в руках, рассеивает все сомнения»⁸⁸.

Следует отметить, что подвиги «камикадзе» прославлялись всеми средствами японской пропаганды, и число таких добровольцев-смертников стремительно росло. В Квантунской армии из «камикадзе» была сформирована специальная бригада, кроме того их отряды были в каждом полку и батальоне. В задачу смертников входило взорваться вместе с танком, самоходным орудием, убить генерала или высшего офицера. При отступлении японские войска часто оставляли их в тылу противника, чтобы сеять там панику.

Как же описывают действия «камикадзе» в Маньчжурии сами японцы? «Один танк вспыхнул, – вспоминает бывший японский офицер Хаттори. – Другие, развернувшись в боевой порядок, упрямо двигались вперед. Это и были те самые «Т-34», которые овеяли себя славой в боях против германской армии. Они, используя складки местности, заняли оборону. Было видно, как из укрытия по соседству с русскими выскочили несколько японских солдат и побежали по направлению к танкам. Их тут же сразили пулеметные очереди. Но вместо убитых появились новые «камикадзе». С криками «банзай!» они шли навстречу своей гибели. На спине и груди у них была привязана взрывчатка, с помощью которой надо было уничтожить цель. Вскоре их трупами была устлана высота. В лощине горели три подожженных ими русских танка...»⁸⁹.

Нельзя сказать, чтобы действия «камикадзе» принесли серьезные результаты. Они так и не сумели сдержать наступающую лавину советских войск. А метод борьбы со «священным ветром» нашелся быстро и оказался простым и эффективными: на броню танков садились десантники и расстреливали в упор из автоматов поднимающихся с миной смертников⁹⁰.

Интересно, как оценивали феномен «камикадзе» ретроспективно, уже после войны, в своих мемуарах советские военные: «Тысячи японцев становились смертниками. Смертники – чисто японское изобретение, порожденное слабостью техники Японии. Там, где металл и машина слабее иностранных, – Япония вталкивала в этот металл человека, солдата, будь то морская торпеда, предназначенная для взрыва у борта вражеского судна, или магнитная мина, с которой солдат бросается на танк, или танкетка, нагруженная взрывчатым веществом, или солдат, прикованный к пулемету, или солдат, оставшийся в расположении противника, чтобы, убив одного врага, покончить с собой. Смертник в силу своего назначения может произвести лишь какой-то один акт, к которому готовится всю свою жизнь. Его подвиг становится самоцелью, а не средством достижения цели...»⁹¹.

Сравнивая действия «камикадзе» с подвигами советских солдат, сознательно жертвующих собой в тяжелую минуту боя ради спасения товарищей, мемуаристы

подчеркивают, что для советского воина важно было «не только убить врага, но и уничтожить их как можно больше», и, будь у него хоть какой-нибудь шанс сохранить жизнь «во имя будущих боев», он, безусловно, постарался бы выжить. И вот вывод, который делается из этого сравнения: «Японский смертник – самоубийца. Жертвующий собой советский солдат – герой. Если же учесть, что японский смертник до осуществления своего назначения получает повышенное содержание, то окажется, что его смерть – оплата расхода, произведенного на него при жизни. Так тускнеет ореол, который пыталась создать вокруг этого явления японская пропаганда. Смертник – это пуля, она может сработать только один раз. Смертничество – свидетельство авантюристичности, дефективности японской военной мысли»⁹².

Но такая оценка мемуаристами феномена «камикадзе» несколько упрощена: это явление связано со спецификой национальных традиций, культуры, менталитета, религиозных установок японцев, не вполне понятной представителям российской культуры, тем более в советский, атеистический период. Смесь буддизма и синтоизма, культ воина в самурайской традиции, почитание императора, представления об избранности Страны Восходящего Солнца, – все это создавало предпосылки для особого рода фанатизма, возводимого в ранг государственной политики и военной практики.

Становились смертниками только добровольцы, которых собирали в отдельные отряды и специально готовили. Перед боем они обычно писали завещания, вкладывая в конверт ноготь и прядь волос, – на тот случай, если не останется праха солдата, чтобы похоронить его с воинскими почестями. Что же двигало этими людьми? В одном из завещаний смертников сказано: «Дух высокой жертвенности побеждает смерть. Возвысившись над жизнью и смертью, должно выполнять воинский долг. Должно отдать все силы души и тела ради торжества вечной справедливости». Другой «камикадзе» обращается к своим родителям со словами: «Высокочитимые отец и мать! Да вселит в вас радость известие о том, что ваш сын пал на поле боя во славу императора. Пусть моя двадцатилетняя жизнь оборвалась, я все равно пребуду в извечной справедливости...»⁹³.

Так что этот феномен нельзя объяснить меркантильными соображениями, хотя и известно, что «камикадзе» получал повышенное армейское довольствие, а после его гибели фирма, где он раньше работал, обязана была выплатить семье тридцатитрехмесячное жалованье⁹⁴. «Материальное поощрение» было просто инструментом государственной «социальной» политики, проявлением «заботы» о национальных героях, стимулированием распространения данного явления, однако рождено оно было особенностями японской цивилизации и было возможно только на этой национально-культурной почве.

Идея жертвенности, вплоть до предпочтения добровольной смерти, самоубийства принятию поражения своей страны и, тем более, позору плена, приобрела массовое распространение в конце войны ввиду краха японской империи и ее вооруженных сил. Узнав о безнадежном положении Квантунской армии, военный министр Японии Анами заявил: «Если мы не сумеем остановить противника, 100 миллионов японцев предпочтут смерть позорной капитуляции». 10 августа он издал приказ: «...Довести до конца священную войну в защиту земли богов... Сра-

жаться непоколебимо, даже если придется грызть глину, есть траву и спать на голой земле. В смерти заключена жизнь – этому учит нас дух великого Нанко [*герой японской мифологии – Е.С.*], который семь раз погибал, но каждый раз возрождался, чтобы служить родине...»⁹⁵.

Однако конец был уже predetermined. И вот 2 сентября 1945 г. на американском линкоре «Миссури» состоялось подписание акта о безоговорочной капитуляции Японии.

Сотни людей на дворцовой площади в Токио рыдали и бились головой о камни. Прокатилась волна самоубийств. Среди тех, кто «исполнил завет Анами», было более тысячи офицеров, не считая сотен военных моряков и гражданских лиц. Покончил с собой и сам военный министр, и несколько других крупных правительственных чиновников.

Даже после объявления капитуляции еще долго сохранялись отдельные очаги сопротивления японских фанатиков. Известны случаи, когда японские солдаты на заброшенных островах продолжали сохранять верность присяге своему императору в течение многих послевоенных лет (и даже десятилетий), порой просто не зная об окончании войны, а иногда отказываясь признать и принять поражение.

Здесь, наверное, стоит сопоставить понимание героизма в европейском, в том числе и в советском сознании, с японским явлением смертников, включая «камикадзе». И в том, и в другом случаях ядром героизма является жертвенность, сознательный выбор человеком готовности отдать свою жизнь во имя своей страны. Однако в японской культуре это понятие расширено. Оно включает даже бессмысленную, с точки зрения рационалистического европейского ума, смерть путем самоубийства, которая с позиции японцев являлась демонстрацией верности долгу, своему императору и презрения к смерти. Таким образом, если для европейцев жизнь является самоценностью, которой жертвуют ради других, более значимых социальных ценностей, то для японских воинских традиций самоценностью оказывалась «правильная», почетная смерть. С этих позиций и следует оценивать феномен «камикадзе».

Если европейский солдат идет на смерть, повинуясь приказу или совершая сознательный выбор в момент действия, мотивационное поле его выбора оказывается очень широким. Это может быть и эмоциональный порыв, и трезвый расчет при оценке ситуации, учитывающий целесообразность собственной гибели для достижения какой-либо значимой цели (спасение товарищей ценой собственной жизни, уничтожение максимально возможного числа врагов, оборона важных объектов и т.п.). Японец-смертник совершает выбор заранее, задолго до момента реализации принятого решения. Он причисляет себя к определенной категории добровольно обреченных на смерть, с этого момента лишая себя выбора и фактически превращаясь в живой автомат, ищущий повода умереть. При этом реальная целесообразность и цена собственной гибели становятся для него незначимыми: сам факт смерти в бою оказывается почетным, соответствующим выполнению высшего долга. Причем, героем в равной степени является и тот, кто подорвал танк, бросившись под него с миной, и тот, кто до этого танка не добежал. Не случайно советских солдат поражало бессмысленное упрямство лезших напролом под

автоматные и пулеметные очереди «камикадзе». Они действовали шаблонно, как бездушные автоматы, в то время как обычные войска могли бы предпринять гораздо более эффективные действия при существенно меньших потерях. Добровольная обреченность, казалось, лишала смертников способности соображать.

В целом при столкновении с японскими вооруженными силами советские военнослужащие воспринимали того же противника, который в конце 1930-х годов дважды потерпел от них поражение. Новыми были лишь масштабы боевых действий, количество вовлеченных в них войск, глубина проникновения на территорию противника, жесточенность его сопротивления в ситуации политической и стратегической обреченности. Так, в то время нередко отмечались особенности поведения японцев, о которых, в частности, говорится в секретном меморандуме союзных войск: «Неоднократно наблюдалось, что в непредвиденной или новой обстановке многие японцы проявляют такую неуверенность, которая представляется почти ненормальной большинству европейцев. Их поведение в этих условиях может варьироваться от крайней апатии и физической прострации до безудержного неистовства, направленного против самих себя или любого объекта их окружения»⁹⁶. Военно-политический крах и капитуляция как раз и представляли собой такую ситуацию, к которой японцы, десятилетиями воспитывавшиеся милитаристской пропагандой, в массе своей оказались не готовы.

Ситуация поражения оказалась особенно драматичной для японского массового сознания еще и потому, что для этой национальной культуры было издревле характерно самовосприятие как исключительной, а своих государства и народа – как «избранных». В условиях первой половины XX века, когда постоянно возрастали имперские амбиции, а в мире получили распространение расовые теории, эти культурно-идеологические установки попали на благоприятную почву. Не случайно союзником милитаристской Японии стала фашистская Германия: важными оказались не только близость геополитических и стратегических интересов, но и идеи исключительности и национального превосходства. Лидерам Японии льстило, что гитлеровцы называли японцев «арийцами Дальнего Востока», то есть высшей расой Азии⁹⁷.

Именно эти расистские и гегемонистские установки руководителей Японии явились основой пренебрежения международными правовыми нормами, перешедшего в преступления против человечества. Вступление советских войск на оккупированные японцами обширные территории Дальнего Востока, включая Маньчжурию, Северный Китай и Корею, позволило раскрыть множество таких преступлений, от подготовки бактериологической войны до фактически поголовного уничтожения военнопленных. В мае 1946 г. в Токио состоялся Международный трибунал по рассмотрению дел японских военных преступников. Подсудимые обвинялись в нарушении международного права, договоров и обязательств, законов и обычаев войны. Так, на захваченной китайской территории в 20 км от Харбина в течение десяти лет действовал секретный исследовательский центр Квантунской армии, разрабатывавший бактериологическое оружие массового уничтожения, которое собирались использовать в войне против СССР. Эксперименты проводились на живых людях, включая женщин и детей⁹⁸.

В ходе процесса выяснились чудовищные подробности расправ, которые устраивались в японской армии над пленными: «людей обезглавливали, четвертовали, обливали бензином и сжигали живыми; военнопленным вспарывали животы, вырывали печень и съедали ее, что являлось якобы проявлением особого самурайского духа»⁹⁹. Секретная директива японского командования от 1 августа 1944 г. требовала тотального уничтожения всех пленных, попавших в японские застенки. «Неважно, как будет происходить ликвидация: индивидуально или группами, – говорилось в ней, – неважно, какие методы будут использоваться: взрывчатка, отравляющие газы, яды, усыпляющие препараты, обезглавливание или что-либо еще – в любом случае цель состоит в том, чтобы ни одному не удалось спастись. Уничтожены должны быть все, и не должно остаться никаких следов»¹⁰⁰.

Все это, включая факты зверств японской военщины на оккупированных территориях, становилось известным советским войскам уже в ходе наступления, влияя на общее восприятие и оценку японцев как противника.

В целом, заключительная кампания Второй мировой войны, проведенная Советской Армией на Дальнем Востоке, не только приблизила завершение войны, ускорив окончательный разгром последнего сателлита фашистской Германии, не только обеспечила принципиально иной расклад стратегических сил в послевоенном мире, но и способствовала окончательному изживанию комплекса побежденной страны, который все еще сохранялся в исторической памяти советских людей, будучи унаследованным от царской России и в какой-то мере подкрепленным в период японской оккупации Дальнего Востока в годы Гражданской войны и интервенции. По этому комплексу был нанесен удар еще в конце 1930-х годов, но сам факт сохранения за Японией отторгнутых еще в начале века российских земель, а также постоянно нависавшая угроза удара в спину в тяжелейшие моменты Великой Отечественной войны, сохраняли в массовом сознании образ этой страны как главного после Германии потенциального, коварного и сильного врага. И этот образ был вполне адекватен реальному положению вещей: японские стратеги активно готовились к войне и не решились напасть лишь потому, что из-за соотношения сил риск был слишком велик. И вышеприведенная оценка Сталина о значении разгрома милитаристской Японии была абсолютно точной политически и созвучной настроениям советского общества.

* * *

Восприятие других народов и стран всегда находит отражение в массовой культуре. Одним из ее проявлений является песенное творчество и бытование песни в народной среде. В этой связи стоит, пожалуй, отметить три песни, весьма популярных или, по крайней мере, широко известных вплоть до настоящего времени. Все они возникли по следам исторических событий, драматичных для народного сознания, и вполне выразили его состояние. Именно поэтому они и сохранились в исторической и культурной памяти народа. Первая песня – «Варяг», посвященная подвигу русских моряков в русско-японской войне. В ней отражены не

только драматические моменты боя, но и отношение к врагу, причем, с явным намеком на его расовую принадлежность:

*«Из пристани верной мы в битву идем,
Навстречу грозящей нам смерти,
За родину в море открытом умрем,
Где ждут желтолицые черти!»¹⁰¹*

Примечательно, что при исполнении «Варяга» уже в советское время именно это четверостишие из песни «выпало»: интернационализм – одна из ключевых составляющих официальной коммунистической идеологии – не позволял использовать подобные «расистские» характеристики даже по отношению к противнику, а вездесущая цензура «вымарывала» неугодные строчки даже из народных песен.

Косвенно в этот ряд произведений, фиксирующих русско-японские конфликтные отношения, можно включить и революционно-романтическую песню о Гражданской войне «По долинам и по взгорьям», имевшую в основе народное происхождение и родившуюся на Дальнем Востоке. В одном из ее фольклорных вариантов говорится не только об освобождении Приморья, но и непосредственно об изгнании интервентов¹⁰². Для слушателя было совершенно ясно, что речь идет в первую очередь о японцах, а ее пророческие заключительные строчки *«И на Тихом океане свой закончили поход»* стали особенно популярны в 1945 году. Здесь уже иная доминирующая тональность: вся эта песня – своеобразное эпическое повествование о мощном людском потоке, вытесняющем врага с родной земли.

И наконец, третья знаменитая песня про трех танкистов из фильма конца 1930-х гг. «Трактористы». В ней постоянно упоминается противник, который коварно, ночью перешел «границу у реки». Противник этот, конечно же, самураи, которых разгромила доблестная Красная Армия:

*«Мчались танки, ветер поднимая,
Наступала грозная броня.
И летели наземь самураи
Под напором стали и огня».*

Эта песня стала результатом прямого социального заказа, так же как и сам фильм, для которого она была написана. Режиссер И.А.Пырьев поручил поэту Борису Ласкину написать произведение, в котором «нашла бы отражение тема обороны наших границ, подвиг славных героев-танкистов, участников боев на Хасане»¹⁰³. И песня действительно оказалась актуальной: появление фильма на экранах совпало с новыми осложнениями на юго-восточных рубежах страны, с событиями на Халхин-Голе. Именно поэтому воинственные слова и маршевая музыка «Трех танкистов» пользовались такой популярностью. Здесь уже, в отличие от предыдущих песен, утверждалась наступательная, победоносная мощь современной армии.

В период Великой Отечественной войны эта песня чаще бытовала в измененном виде: бойцы на фронте переделывали ее слова в соответствии с новой обстановкой и новым противником. И только части, стоявшие на Дальнем Востоке, продолжали петь ее так, как она звучала в фильме. Зато в августе-сентябре 1945 г.

песня обрела «вторую жизнь»: ее традиционный, антияпонский вариант снова стал актуален. Стоит отметить и тот факт, что сама дальневосточная кампания 1945 г., несмотря на всю свою историческую значимость, не вызвала к жизни столь же популярного произведения, как вышеупомянутые песни: вероятно, на трагическом и масштабном фоне Великой Отечественной русско-японское столкновение оказалось на периферии народного сознания.

Необходимо сказать и о таком факторе, влияющем на бытование произведений массовой культуры в качестве формы проявления общественного сознания, как внешняя политика и межгосударственные отношения. Например, в 1970-е годы та же песня про трех танкистов довольно часто звучала в концертах и по радио, однако цензура внесла в текст характерные поправки. Теперь в нем фигурировали не вполне конкретные враги-самураи, а абстрактная «вражья стая». Замена образа врага на более обобщенный, очевидно, имела ряд причин. Прежде всего, существовали соображения дипломатического характера: СССР был заинтересован в нормализации отношений со своим восточным соседом, чьи научно-технические и экономические достижения становились все более значимыми в мировой политике. В условиях сохранявшейся проблемы так называемых «северных территорий» (мирный договор с Японией после окончания Второй мировой войны так и не был заключен) любой фактор, способный усугубить напряженность, был нежелателен. Тем более, нецелесообразны были пропагандистские штампы, возникшие в 1930-е годы и проникшие в произведения массовой культуры: всем было известно, что и художественное творчество, и средства массовой информации контролировались Советским государством, а потому сохранение этих старых клише в новых условиях могло восприниматься как знак недоброжелательности в межгосударственных отношениях. Да и образ Японии как врага не отвечал задачам пропаганды.

Следует также заметить, что в народной памяти события 1938–1939 гг. оказались прочно «перекрыты» более масштабными событиями Великой Отечественной, где главным врагом была не Япония, а Германия. Так что само понятие «самураи» для молодых поколений уже требовало разъяснения.

Русско-японское военное противостояние в историческом сознании двух народов

Выступая с лекцией в Институте мировой экономики и международных отношений РАН в 1997 г., японский посол в России Того Такэхиро заявил, что «большое воздействие на формирование в глазах японцев образа России оказала экспансия Российской империи на восток, борьба за влияние в Китае и Корее, а после коммунистической революции – и возникшая «красная угроза». Кроме того, из памяти японцев до сих пор не изгладились вступление СССР в войну против Японии, оккупация северных территорий, удержание в Сибири шестисот тысяч японских солдат и офицеров...» Впрочем, ему пришлось признать, что «было не-

мало ситуаций, когда и Япония выглядела далеко не лучшим образом в глазах россиян. В период борьбы за господство в Китае и Корее Япония считалась «врагом». Итоги русско-японской войны (1904–1905 гг.) Россия восприняла как унижительные. Глубокие раны в душе советских людей оставила военная интервенция в Сибири после революции. Можно сказать, что вступление СССР в войну против Японии в 1945 г. было в известном смысле актом отмщения. В эпоху «холодной войны» Япония, будучи союзником США, воспринималась Советским Союзом как источник угрозы». И делает вывод, что в этих условиях «совсем нелегко избавиться от взаимного чувства страха, который народы наших стран испытывали друг к другу в течение длительного времени», поэтому «ни японский, ни российский народ до сих пор не смогли отрешиться от прежних представлений друг о друге»¹⁰⁴. Разумеется, вспомнил господин посол и о якобы существующей между нашими странами территориальной проблеме, посетовав на то, что она оставляла в душе обоих народов «глубокие раны», «служила фактором недоверия и конфронтации», «мешала строить отношения истинной дружбы и доверия». А также о том, что мирный договор между Россией и Японией до сих пор не подписан, и не мешало бы подвести черту под Второй мировой войной на Дальнем Востоке...

Действительно, отношения Японии и России в XX веке воспринимаются в первую очередь сквозь призму военных событий, а взаимовосприятие двух народов по-прежнему несет на себе отпечаток образа врага. И это закономерно: именно драматические моменты истории, как правило, занимают прочное место в памяти переживших их народов. При этом существует категория войн, являющихся для страны и ее народа источником психологической фрустрации (в ряде случаев – национальным позором). Такие войны стараются вытеснить из исторической памяти или трансформировать, исказить их образ, «переписать историю» с тем, чтобы избавиться от неприятных эмоций, травмирующих массовое сознание, вызывающих чувство вины, активизирующих комплекс «национальной неполноценности» и т.п.

Так, русско-японская война 1904–1905 гг. нанесла психологическую травму российскому обществу в начале XX века, когда великая военная держава потерпела поражение от далекой азиатской, еще недавно «дикой» и отсталой страны. Болезненный след в сознании русских людей оставила и японская интервенция в Сибири и на Дальнем Востоке во время Гражданской войны в 1918–1922 гг. И эти обстоятельства имели весьма долговременные последствия, повлияв на расклад мировых сил и принятие политических решений уже в середине столетия. Не случайно 2 сентября 1945 г. И.В.Сталин напомнил советскому народу все обиды, нанесенные России Японией, все ее агрессивные и захватнические действия, подчеркнув, что теперь, наконец, отторгнутые в 1905 г. территории будут возвращены СССР и «мы можем считать нашу Отчизну избавленной от угрозы ... японского нашествия на востоке»¹⁰⁵.

В свою очередь, для Японии психологическим шоком на многие десятилетия стало ее поражение в 1945 г. Память о Второй мировой войне в этой стране определяется целой совокупностью факторов и обстоятельств. Здесь и глубокие многовековые традиции, и связанный с ними специфический национальный харак-

тер, и особое мировосприятие, ментальность, которая во многом принципиально отличается от европейской. Наконец, чрезвычайно важно, что эта память – о поражении, которое сильно травмировало национальное самосознание японцев. «В отличие от Германии и Италии, Япония единственная страна, которая даже через 60 лет еще не преодолела свой комплекс побежденной державы»¹⁰⁶.

Окончание войны провело глубокий рубеж между старой и новой японской историей, в которой возникли существующие и поныне политическая и экономическая система, внешнеполитическая ориентация на Запад в целом и особенно на США. Вот уже более полувека Япония следует в фарватере американской политики и во многом под ее влиянием формирует свое отношение к миру, в том числе и историческую память о войне в Европе. Не случайно японским ученым и аналитикам, которые до сих пор активно используют риторику времен «холодной войны», очень свойственно «сознательное очернение и принижение роли СССР в победе над фашизмом»¹⁰⁷. Однако, что касается войны на Дальнем Востоке, то здесь историческая память непосредственно затрагивает японские национальные интересы. В Японии воспоминания о войне до сих пор болезненны для национального самодлюбия, а потому в этой стране «очень сильны праворадикальные националистические настроения, и именно представители этого политического крыла выступают с наиболее громкими политическими заявлениями относительно результатов Второй мировой войны, и, конечно, в первую очередь по поводу российско-японских отношений»¹⁰⁸. Если относительно роли Соединенных Штатов в войне существует немало различных точек зрения, что объясняется в первую очередь тем, что Япония в течение последних 60 лет устойчиво следовала проамериканским курсом, то к России как к государству, находившемуся в период «холодной войны» на противоположной стороне, отношение более однозначное, а точнее – негативное. При этом историческую память актуализирует так называемая «проблема северных территорий», а именно – передача СССР в результате капитуляции Японии Курильских островов, которую японцы считают незаконной. Обостряет ситуацию и отсутствие мирного договора между Россией и Японией. Политиками вокруг этого на протяжении десятилетий нагнетается негативная эмоциональная атмосфера, что отражается и на исторической памяти о войне в целом.

Японцы активно предъявляют России претензии не только территориального, но и морального порядка. Военные действия Советского Союза против Японии в 1945 г. они называют «предательскими»: во всех школьных учебниках утверждается, что СССР вступил в войну против Японии не потому, что на этом настаивали его союзники по антигитлеровской коалиции США и Великобритания, а вопреки Пакту о нейтралитете, который должен был оставаться в силе до апреля 1946 г.¹⁰⁹ Отсюда навязчивые требования к России о «покаянии». Следует отметить, что «покаяние – очень важный момент в японском менталитете, своего рода очищение, которое убирает из исторической памяти японского народа все совершенные им злодеяния, чем обычно бывают очень недовольны соседние азиатские страны... Покаявшись перед своими соседями, Япония, причисляя СССР к разряду агрессоров, требует покаянных объяснений от нынешней России»¹¹⁰. Все настойчивее звучат требования япон-

цев к России «покаяться» за «агрессию СССР против Японии» и за «порабощение множества японских граждан» (имеются в виду интернированные в СССР военнопленные)¹¹¹. Вместе с тем, «независимые японские аналитики отмечают тот факт, что по удивительному стечению обстоятельств или в результате четко продуманной стратегии, японцы не питают ни малейшей обиды к американцам, принесшим Японии не меньше беды и горя, чем Советский Союз»¹¹², и не требуют от США публичного покаяния за атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки. В этой связи особенно показателен опрос общественного мнения, проведенный в июле 2005 г. агентством «Киодо цусин»: 68% американцев считают проведенные бомбардировки «абсолютно необходимыми для скорейшего окончания войны» и лишь 75% японцев сомневаются в такой необходимости, то есть для 25% японских граждан – четверти населения страны! – «деяния американских военных не только не носят преступный характер, но и вовсе не вызывают озабоченности»¹¹³.

Но память японцев о войне касается не только отношений с Россией и США, но и с многими азиатскими странами. «Вопрос оценки истории, в особенности новейшего ее периода, связанного с агрессией японской императорской армии в XX веке, не раз становился «камнем преткновения» в отношении Японии со своими азиатскими соседями. Одним из серьезных раздражителей для стран Азиатско-Тихоокеанского региона, в первую очередь для Китая и обеих Корей, являются японские учебники истории для средних школ и вузов. В них, по мнению восточно-азиатских стран, «идеализируется милитаризм времен Второй мировой войны», обеляются или умалчиваются вовсе «преступления японской военщины»¹¹⁴. В этом весьма отчетливо проявляется закономерная для побежденных психологическая тенденция найти самооправдание и предпринять попытки самоутверждения. Так, в новейших учебниках истории, представленных на рассмотрение министерства образования Японии, содержатся такие положения, как «вынужденная роль Японии в войне как великой державы, противостоявшей колонизации Азии западными странами», «неизбежность войны с Китайской империей», «спорный вопрос ущерба» от японской агрессии, «поразившая весь мир смелость самоубийц-камикадзе, отдавших свои жизни за родину и семьи», и др. Стоит ли удивляться тому, что сегодня 70% японских школьников искренне считают, что во Второй мировой войне пострадала именно Япония?¹¹⁵ Так историческая память превращается в «историческую амнезию».

Глава II
**ГЛАВНЫЙ ПРОТИВНИК В МИРОВЫХ ВОЙНАХ:
ГЕРМАНИЯ В СОЗНАНИИ РОССИЯН**

Образ врага в сознании участников Первой мировой войны

Любая война начинается задолго до ее объявления, которому обязательно предшествует идеологическая и психологическая обработка населения официальными пропагандистскими структурами, внушающими народу мысль о необходимости и неизбежности грядущей войны, о защите национальных интересов, происках врагов, внешней угрозе и т.д. и т.п. Играя на патриотизме, национальных чувствах, традициях и предрассудках, объявляя свои цели благородными и справедливыми, а цели потенциальных противников – низменными и корыстными, пропаганда каждой из сторон – участниц будущей войны закладывает в сознание своего народа образ врага, воскрешая старые обиды и выискивая новые, на которые можно опереться в современной ситуации. Психология «свой – чужой» в кризисный период обостряется до предела, проходя путь от высокомерно-пренебрежительного отношения до полного неприятия иной культуры, носителем которой является враг.

Каким же предстает образ врага в сознании современников и участников Первой мировой войны? Существуют три основных вида источников, в которых зафиксированы представления людей того времени о неприятеле, причем освещение в каждом из них «образа врага» существенно различается. Первый вид источников, отражающий официальную точку зрения, носит в основном пропагандистский характер. Это в первую очередь *периодическая печать*, в том числе фронтовые, армейские газеты и листовки, адресованные непосредственно солдатам.

Автор книги по истории информационных войн Н.Л.Волковский выделяет несколько этапов пропагандистского воздействия печати на массовое сознание в предвоенный и собственно военный периоды. До начала войны существуют три этапа, на каждом из которых пресса выполняет особые задачи. Приводя в пример ситуацию кануна Первой мировой войны, Н.Л.Волковский делает вывод, что *на первом*, «раннем этапе задачей прессы было создать не только в своей стране, но и у общественности всего мира твердое убеждение в миролюбии своего государства и в том, что мероприятия, осуществляемые его правительством, являются вынужденными и проводятся для улучшения благосостояния своего народа и в интересах всего человечества»; *на втором*, «более близком к войне этапе печать старалась показать всю несправедливость домогательств противника и указывала населению на те опасности, которые могут возникнуть у них со стороны нарушителей мира»; *на третьем*, «предмобилизационном этапе печать должна была приводить неоп-

ровержимые доказательства того, что ожидаемая война является для данного государства единственным и притом вынужденным выходом из создавшегося положения, осветить непримиримость противника, враждебность его намерений и действий, о которых до этого она молчала. Причем пресса должна довести эти доказательства до сведения общественности всего мира. Словом, печать должна мобилизовать в пользу своего государства мировое общественное мнение до того, когда будет объявлена мобилизация в вооруженные силы»¹. Так, например, немецкая пресса накануне 1914 г. изображала Германию как миролюбивую, слабую и беззащитную страну, на которую готовятся напасть агрессивные и вооруженные до зубов соседи, а идеолог прусского милитаризма Альфред фон Шлиффен писал, что в центре Европы «стоят незащищенные Германия и Австрия, а вокруг них расположены за рвами и валами остальные державы... Существует настойчивое стремление соединить эти державы для совместного нападения на срединные государства»².

Новые задачи появляются у печати в ходе самой войны. Именно тогда ее воздействие на общественное мнение и сознание населения своей страны, союзных, нейтральных и враждебных государств возрастает, а все силы концентрируются на главном направлении – формировании образа врага. При этом «на начальном этапе вооруженной борьбы внимание печати было особенно заострено на виновности противной стороны в войне. Печать представляла войну своего государства в глазах народа как борьбу против угрожающего жестокого зачинщика. В развязывании войны обвинялся неприятель. Он за все ответствен. Печать показывала несправедливые, захватнические цели противника в этой войне, угрожающие существованию всей нации. Справедливая цель войны – борьба с врагом за независимость – сплачивала народ. Однако причиной войны не выставлялась мировая система международных отношений, а показывались только исключительно жутьнические инстинкты неприятеля. Это направлялось на то, чтобы у народа не было колебаний по отношению к тому, кого следует ненавидеть...»³. Пожалуй, впервые в истории во всех странах пропагандистский аппарат заработал столь масштабно и интенсивно. «Все средства тогдашней пропаганды истощно заголосили вдруг о родине, свободе, защите отечества, о миролюбии и гуманности... Осенью 1914-го большинство немцев, русских, французов и англичан были твердо убеждены в том, что именно на их страну напал враг, что их страна – невинная жертва агрессии»⁴.

Затем наступил следующий этап: «когда общество было убеждено, что войну начал противник и тем нарушил мир, печать указывала общественному мнению на примеры наглости и развращенности неприятеля, его алчности и преступности»⁵. Для такого рода материалов характерно изображение врага в образе зверя, чудовища, дикаря, варвара, отрицается сама принадлежность его к «культурному миру», и здесь, используя подлинные или мнимые факты, преуспевают обе воюющие стороны. Так, в начале Первой мировой войны в англо-французской прессе очень широко были распространены различного рода публикации о зверствах и дикости германцев на захваченной ими у Франции территории, вплоть до леденящих душу рассказов о поднятых на штыки младенцах, отрубленных детских ручках и об изнасиловании монахинь. Эта пропаганда ужасов, по большей части

фальсифицированных, имела большую силу воздействия на массовое сознание противника⁶. Подобные материалы заполняли газеты и журналы немцев и австрийцев, только здесь жестокими варварами изображались русские и их союзники. Достаточно сравнить заголовки русских и немецких газетных статей того времени: «Невероятное зверство германцев» и «Казачьи козни», «Христиане ли немцы?» и «Мародерство русских при Эйткунене», «Германские неистовства» и «Люди или звери», «Как воюют палачи» и «Партизанская война в России»⁷.

Каждая из сторон старается представить истинным виновником войны своего противника, выставляя себя невинной жертвой. Немецкие газеты называют главной причиной войны «зависть других держав к Германии, которая могла бы сделаться самым могущественным государством, а чтобы этому воспрепятствовать, нужно было ее уничтожить». Далее следует убийственная характеристика членов неприятельской коалиции: «С этой целью [уничтожения Германии – Е.С.] и соединились такие противоположности, как Россия, представительница самого крайнего абсолютизма, и мать революции и гильотины Франция. Россия, в которой каждый монарх без исключения погибает насильственной смертью, протягивает руку Сербии, оскверненной цареубийством, самое старое на свете конституционное государство Англия не стыдится стать в одном ряду с царскими живодерами, подавляющими свободу при помощи кандалов, кнута и виселицы. Англия, связанная с Германией узами крови, разыгрывает до последнего момента роль приятеля, чтобы в конце концов погрузить свои руки в братскую кровь»⁸.

В свою очередь газеты государств Антанты возлагают ответственность за развязывание войны на Германию с ее «извечной агрессивностью», нацеленной на миролюбивых соседей, и не жалеют ярких эпитетов для нее и ее союзниц. В печати обоих враждующих блоков всячески подчеркиваются систематические нарушения противником законов и обычаев войны, определенных международным правом. При этом нарушение «правил игры» своей стороной либо отрицается, либо объявляется актом возмездия за аналогичные действия неприятеля. Так, пытки, издевательства и изощренные убийства пленных казаков немецкая сторона пыталась оправдать жестокостью самих казаков в отношении мирных жителей на оккупированных русской армией территориях, а расправы над гражданским населением во Франции и Бельгии – массовым партизанским движением в этих странах. Французы, в свою очередь, поднимали вопрос о необходимости ответного применения отравляющих газов против германских войск, использовании разрывных пуль и другого запрещенного Гаагской конвенцией оружия по принципу «око за око, зуб за зуб».

На протяжении всей Первой мировой войны «пресса путем информации о военных событиях и определенного освещения фактов формировала определенные взгляды и мнения, воздействовала на духовное состояние армии и населения страны, настраивала к действиям. Она содействовала формированию благоприятного общественного мнения в союзных и нейтральных странах и вносила разложение в ряды противника»⁹. Таким образом, война 1914–1918 годов показала, «какую огромную роль имеет печать как средство воздействия на общественное мнение и психологию масс», продемонстрировала «значение печати как мощного фактора

вооруженной борьбы»¹⁰, в том числе в деле формирования образа врага и его внедрения в массовое сознание.

С первых дней войны важнейшие пропагандистские задачи стояли и перед военным руководством. Следует признать, что русское армейское командование находило в целом адекватные формулы для мотивации участия России в войне, подчеркивая справедливый и оборонительный ее характер, ориентируя войска на победу, опираясь при этом на славные боевые традиции русской армии, в том числе и на победоносный опыт в борьбе с собственно немецким противником. Так, подобная мотивировка присутствует в приказе № 1 главнокомандующего войсками Северо-Западного фронта генерала Я.Г.Жилинского от 20 июля (2 августа) 1914 г.: «20 июля 1914 г. Германия объявила России войну и открыла уже военные действия. Мы должны отстоять нашу родину и честь нашего оружия. Не в первый раз приходится нашим войскам воевать с немцами; они испытали наше оружие и в 1757 г., и в 1812 г., причем всегда мы оставались победителями. Убежден, что вверенные мне войска проявят присущую им доблесть в наступившую войну и, как всегда, честно и самоотверженно выполнят свой долг»¹¹. Однако мотивировка эта, как видно даже из приведенного выше документа, была, как правило, слишком общей, абстрактной и не вполне понятной для основной массы населения и армейских низов, состоявших в основном из неграмотного или малограмотного крестьянства. Можно привести еще пример образчика такой пропаганды целей России в войне, присутствующей в другом приказе – по 2-й армии от 4 июня 1915 г.: «В настоящей войне с вековым врагом славянства – с немцем, мы защищаем самое великое, что только когда-либо могли защищать, – честь и целостность Великой России»¹².

Однако подобная абстрактность в сочетании с высокопарностью явно не могли затронуть ни ум, ни сердце малообразованного, но прагматичного крестьянина, плохо представлявшего себе не только умозрительные понятия «о чести и величии России», но и не имевшего представления о таких более конкретных категориях, как славянство, Германия, Австро-Венгрия и их взаимоотношения между собой и Россией. Обо всех этих проблемах, упиравшихся не только в неэффективность пропагандистского аппарата империи, но и, в конечном счете, в глубочайшую пропасть между менталитетом государственной элиты и основной массы населения, в том числе и рядового состава армии в Первой мировой войне, написал в своих мемуарах генерал А.А.Брусилов. Сетую на то, что техническое оснащение русских войск было значительно хуже, чем у противника, он отмечал: «Еще хуже была у нас подготовка умов народа к войне. Она была вполне отрицательная... Моральную подготовку народа к неизбежной европейской войне не то что упустили, а скорее не допустили». Далее он свидетельствует о полном непонимании народными массами причин и целей войны: «Даже после объявления войны прибывшие из внутренних областей России пополнения совершенно не понимали, какая это война свалилась им на голову, – как будто бы ни с того ни с сего. Сколько раз я спрашивал в окопах, из-за чего мы воюем, и всегда неизбежно получал ответ, что какой-то там эрц-герц-перц с женой были кем-то убиты, а потому австрияки хотели обидеть сербов. Но кто же такие сербы – не знал почти никто, что такое славяне – было также темно, а почему немцы из-за Сербии вздумали

воевать – было совершенно неизвестно. Выходило, что людей вели на убой неизвестно из-за чего, то есть по капризу царя. Что же сказать про такое пренебрежение к русскому народу?!»¹³. И наконец А.А.Брусилов делает неутешительный вывод о причинах отсутствия в народных низах чувства патриотизма: «Можно ли было при такой моральной подготовке к войне ожидать подъема духа и вызвать сильный патриотизм в народных массах?! Чем был виноват наш простолудин, что он не только ничего не слышал о замыслах Германии, но и совсем не знал, что такая страна существует, зная лишь, что существуют немцы, которые обезьяну выдумали, и что зачастую сам губернатор – из этих умных и хитрых людей. Солдат не только не знал, что такое Германия и тем более Австрия, но он понятия не имел о своей матушке России. Он знал свой уезд и, пожалуй, губернию, знал, что есть Петербург и Москва, и на этом заканчивалось его знакомство со своим Отечеством. Откуда же было взяться тут патриотизму, сознательной любви к великой родине?!»¹⁴.

Патриотическая пропаганда того времени, по признанию многих современников, была малоэффективна и почти не действовала собственно на солдат. Однако попытки такого воздействия, безусловно, имели место, о чем свидетельствуют хотя бы названия выпускаемых в то время пропагандистских брошюр: «Священный порыв России на великий подвиг в защиту угнетенных братьев славян» (1914), «Почему Россия не может не победить Германию» (1914), «Как воюем мы и как воюют немцы» (1914), «Что делают немки, когда немцы воюют» (1915), «Россия борется за правду» (1915), «Война за правду» (1915), «О значении современной войны и о долге довести ее до победного конца» (1915), «Что ожидает добровольно сдавшегося в плен солдата и его семью» (1916) и т.п.¹⁵ Уже в самих этих заголовках заметны и основные направления этой пропаганды (объяснение причин, целей и характера войны, формирование образа врага, призывы к исполнению воинского долга), и эволюция ее методов – от возвышенных обращений и абстрактной риторики в начале войны до предостережений и прямых угроз на ее завершающих этапах, когда у солдатской массы накопилась усталость от войны, усилились антивоенные настроения, падала дисциплина и нарастала угроза разложения армии. Интересно, что русские пропагандисты попытались нащупать те струны народного сознания, которые могли отозваться на соответствующее воздействие. Низкий образовательный уровень, культурная ограниченность, зачастую даже мировоззренческая примитивность солдат требовали адекватных форм обращения к личному составу армии: простоты идей, близких народному сознанию понятийных категорий, упрощенной лексики, разговорного языка. Надо отметить, что несмотря на то, что в начале века идеологические инструменты обработки массового сознания еще не получили такого мощного развития как в последующие десятилетия, военным идеологам-пропагандистам русской армии удалось найти некоторые эффективные приемы и адекватные формы, которые, однако, не получили достаточно широкого распространения. Например, от непонятных для солдата-крестьянина идей защиты славянства, поддержания славы русского оружия и т.п. они нередко переходили к смутной, абстрактной, но отзывающейся в русской православной душе идеи борьбы «за правду» как главной мотивировке войны против Германии.

Другой официальный источник отличается большей сдержанностью и объективностью оценок и часто носит аналитический характер. Это *боевые донесения и доклады*, содержащие информацию о настроениях в войсках неприятеля и внутри враждебного государства, наблюдения о боевых качествах врага, его стратегии и тактике, основанные на данных разведки и показаниях военнопленных. Так, опросные листы свидетельствуют о том, что германские и австрийские офицеры запугивали солдат русским пленом, утверждая, будто русские всех расстреливают и добивают раненых¹⁶. То же самое говорилось в русской армии о немецком плене, что, в отличие от предыдущего заявления, подтверждалось многочисленными фактами. По признанию одного из военнопленных, рядового австро-венгерской армии, от 2 декабря 1914 г., «сказкам о русской жестокости теперь уже мало верят, так как в действительности она почти нигде не подтвердилась, а лично с пленным кубанские казаки, его захватившие, обращались хорошо: накормили и, узнав, что он болен, приказали хозяину той избы, где он находился тогда, запрячь коня и на возу довели до русского госпиталя»¹⁷. Между тем, по утверждению лейтенанта австрийского пехотного полка, издевательство над русскими пленными в немецкой и австро-венгерской армиях было возведено в систему. «В конце апреля и в мае [1915 г. – Е.С.], при отходе русских к реке Сан, ко мне неоднократно прибегали мои солдаты – чехи, поляки и русины – и с ужасом докладывали, что где-нибудь поблизости германские и часто австрийские солдаты-немцы занимаются истязанием русских пленных, замучивая их до смерти, – рассказывал он. – Сколько раз я обращался по указанному направлению и видел действительно ужасную картину. В разных местах валялись брошенные обезображенные и изуродованные трупы русских солдат. Находившиеся поблизости германские солдаты каждый раз мне объявляли, что они лишь исполняют приказания своих начальников. Когда я обращался к германским офицерам с вопросом, правда ли это, то они мне отвечали: «Так следует поступать с каждым русским пленным, и пока вы, австрийцы, не будете делать того же, вы не будете иметь никакого успеха. Только озверелые солдаты хорошо сражаются, но для этого наши солдаты должны упражняться в жестокости на русских пленных, которые, как изменники своей Родины и добровольно сдавшиеся в плен, ничего, кроме пытки, не заслуживают»¹⁸.

Несмотря на подобные факты, характеризующие облик врага, русские войска придерживались «рыцарского кодекса» ведения войны, в традициях которого был воспитан офицерский корпус. Отступление от кодекса считалось не только позорным, но и вредным для успеха на поле боя. Нарушители немедленно призывались к порядку¹⁹.

Примером рыцарского отношения к врагу (впрочем, не одобренного ни начальством, ни общественным мнением) может служить поведение генерал-майора В.П.Форселя, командира порта Императора Александра III в г.Либаве, который неоднократно нарушал специальные распоряжения командования «не допускать проявления особого внимания и побряжек по отношению к военнопленным» и чуть было не организовал торжественный обед в честь немецких офицеров со сбитого «Цепелина», по поводу чего органы контрразведки провели особое расследование²⁰.

«Несанкционированное» уважение к врагу проявлялось порой и с немецкой стороны. Так, в письме неизвестного офицера с французского фронта есть любопытный эпизод, в котором даны восторженные оценки мужеству неприятеля: «Французов гораздо больше, чем нас, и они безумно храбры... Что это за люди! Идут на верную смерть... Сегодня был такой случай. Начали, как всегда. Впереди – офицер. Но солдаты замялись. Половина осталась в траншеях. Другую половину мы моментально смели, как метлой. Остался целым один офицер. Машет шпагой и бежит на нас... И вот мгновенно без команды затихла стрельба. Ни мы, ни французы, не стреляем. Храбрец постоял перед жерлами наших пулеметов, рука со шпагой бессильно повисла. Повернулся и сконфуженно, как провинившийся школьник, пошел к своим...»²¹ Но в целом для немецкой армии такие настроения были нетипичны.

Третий вид источников (кстати, последний из приведенных выше документов относится именно к этому виду) содержит субъективные оценки частных лиц, в которых тесно переплелись взгляды, сложившиеся под влиянием пропаганды, и зачастую противоречащий этим первоначальным убеждениям собственный жизненный опыт. Это *источники личного происхождения – письма, дневники, воспоминания*. Причем, в письмах с фронта отражаются взгляды той части народа, которая ведет непосредственную вооруженную борьбу с врагом, находясь с ним в постоянном прямом контакте, а письма из тыла отражают опосредованное влияние военных событий на сознание людей, для которых противник по-прежнему остается обезличенной символической фигурой.

Приведем для сравнения несколько писем, найденных у военнопленных и убитых немецких солдат и офицеров. 21 августа 1914 г. командир 33 эрзац-батальона капитан фон Бессер пишет о боях в Восточной Пруссии: «Мои люди были настолько озлоблены, что они не давали пощады, ибо русские нередко показывают вид, что сдаются, они поднимают руки вверх, а если приблизишься к ним, они опять поднимают ружья и стреляют, а в результате большие потери»²². В ответе его жены от 11 сентября 1914 г. мы находим следующий отклик: «Ты совершенно прав, что не допускаешь никакого снисхождения, к чему? Война – это война, и какую громадную сумму денег требует содержание в плену способных к военной службе людей! И жрать ведь тоже хочет эта шайка! Нет, это слишком великодушно, и если русские допускали такие ужасные гнусности, какие ты видел, то нужно этих скотов делать безвредными! Внуши это также своим подчиненным»²³. Но если в письмах начала войны, преисполненных бодрости и патриотического подъема, отношение к врагу чаще всего высокомерно-презрительное, то чем дольше длится война, чем сильнее проявляется усталость, тем чаще неприятель воспринимается в облике такого же измученного, уставшего от войны человека. Характерно, что подобные настроения распространяются как на фронте, так и в тылу. Вот что пишет жена немецкого солдата 17 декабря 1914 г. из Берлина: «Ты боишься, как ты мне пишешь, что когда-нибудь можешь попасть в плен? Я не думаю, дорогой Вилли, но когда случится, ведь русские тоже люди и с вами тоже будут обращаться, как с людьми. Я говорила с русскими беглецами, и они мне описывали русских как добродушных людей, но я все-таки прошу тебя – не попа-

дайся в плен. Слышали ли вы про великую победу в Польше? Сегодня весть эта стала распространяться у нас. Но сколько людей, вероятно, опять при этом должны были погибнуть? Не захотят ли русские скоро мира? Когда подумаешь, не поймешь, почему, почему все это?»²⁴

Жизнь на передовой постоянно создавала ситуации, когда сходство солдатского быта, повседневных житейских мелочей волей-неволей заставляли почувствовать некую «общность» с противником, таким же «пушечным мясом», бесправной «пешкой» в непонятной ему игре. В письмах с фронта унтер-офицера И.И.Чернецова говорится о том, как немцы и русские отмечали на передовой Рождество и Новый год, заключив что-то вроде негласного перемирия на все время праздников. «Немецкое Рождество прошло на нашем фронте вполне спокойно, без выстрелов орудийных и ружейных, а также спокойно прошла и ночь на их Новый год, только сами немцы сильно шумели: пели песни, свистали, хлопали в ладоши и прыгали, не смущаясь присутствием нас, а мы очень близко находились в это время от них. Сейчас уже вот несколько дней на фронте так же спокойно, но только интересно, как-то пройдет наше Рождество и не потревожат ли нас сами немцы на наш праздник или на Новый год», – пишет он сестре 22 декабря 1914 г., а уже 29 декабря сообщает: «Рождество Христово нам пришлось встречать на передней позиции, как я и писал ранее вам. Немцы нас совершенно не тревожили ни в сочельник, ни в самый праздник. В сочельник у артиллеристов была зажжена елка, поставленная перед землянками. Вечер был тихий и свечей не задувало. Потом им раздавали подарки и заказанные ими вещи»²⁵. Так под влиянием личных впечатлений, приобретенных на войне, образ врага-зверя, воспитанный средствами пропаганды, постепенно трансформировался в образ врага-человека²⁶.

Невольное сравнение себя с противником можно обнаружить во многих немецких письмах и дневниках, особенно там, где речь идет о снабжении армии обмундированием и продовольствием (по свидетельствам документов, немецкие и австрийские войска на Восточном фронте часто голодали). Так, солдат 51 пехотного полка пишет 19 ноября 1914 г.: «Вечером выступили и по дороге опять встретили несколько больших партий военнопленных русских. Это довольно крепкие и, можно сказать, хорошо кормленные люди»²⁷. А в одной из немецких газет за 5 апреля 1915 г. не без зависти говорится: «Русский пехотинец хорошо одет и обут. Что касается питания, то много жаловались после сдачи в плен, что несколько дней ничего не ели, имея при этом внешний вид очень хороший. У немецких офицеров сложилось уже давно мнение, что русские солдаты это говорят для вызова к ним чувства сожаления. При обыске у русских военнопленных при каждом пехотинце всегда находили кусок хлеба»²⁸. Но вот автор доклада русской военной разведки, отмечая факты плохого снабжения австрийской армии, негодует совсем по другому поводу: «Офицеры и интенданты объясняли отсутствие провианта действиями русской кавалерии, постоянно взрывавшей в тылу у неприятеля мосты и портившей дороги, благодаря чему своевременный подвоз был невозможен. Офицеры были в изобилии снабжены консервами и даже вином. Когда на привале они начинали пиршествовать, запивая еду шампанским, голодные солдаты приближа-

лись к ним и жадно смотрели на это, когда же кто-нибудь из них просил дать хоть кусочек хлеба, офицеры отгоняли их ударами сабель»²⁹. В каждой строке этого официального документа сквозит сочувствие к вражеским солдатам!

Особый интерес вызывает характеристика боевых качеств неприятеля, которая в той или иной форме встречается в каждом из перечисленных видов источников. Так, например, в дневниках и воспоминаниях участников событий нередко приводятся сравнительные оценки германских и австрийских войск. «Белый с красным дым разрывов [*австрийских снарядов – Е.С.*] лучше белого германского», – утверждали русские солдаты, оборонявшиеся в апреле 1915 г. в Западной Галиции. Прибывшие на смену австрийским частям «германцы сразу заставили их быть более осторожными и бдительными как в окопах, так и в сторожевой службе, благодаря своей активности», – отмечал капитан Д.Н.Тихобразов из штаба 3-й армии Юго-Западного фронта, а военврач Л.Н.Войтоловский месяц спустя записал такой диалог с ранеными той же армии, находящимися в полевом госпитале:

«– Разве с германцами так трудно воевать?

– Трудно, – отвечает хор голосов.

– Крепкий народ.

– Хитер больно.

– Хитрее хитрого. Его не собьешь...

– С австрийцем легче воевать?

– Да, с ним полегче. Он пужливый. Сейчас в плен сдается...

– ...Герман – тот лютый. Хитер. Сильный. С ним никакого сладу»³⁰.

Однако даже в официальных докладах наряду со взвешенными деловыми оценками имеются высокомерные выпады в адрес противника вплоть до обвинения его в трусости. Вот лишь некоторые из оценок, данных немцами русской армии: «Недостаток образования и военной подготовки у русского пехотинца заменяется его выносливостью, т.е. способностью легко переносить все невзгоды природы... Русский пехотинец, послушный и исполнительный, не имеет, однако, жилки желания победы»; «У русских не хватает духа офензивы [*наступления – Е.С.*], тогда как они отлично обороняются и очень способны к партизанской войне»; «Русские казаки рыщут везде, но лихости у них никакой. Зато они отлично умеют прятаться, их укрытия совсем нельзя заметить»; «Русские очень хитры, но зато трусливы»³¹. Впрочем, и русские не остаются в долгу, делая свои заключения по поводу стойкости и боевого духа неприятеля. И здесь особенно показательны выводы, сделанные армейской разведкой на основе показаний военнопленных и наблюдений за ними: «Вместо прежнего упорства при допросах и высокомерного тона у германских офицеров, на смену явились покорный тон, сравнительная откровенность и плохо скрываемая удовлетворенность, что попали в плен»; «Нижние чины германской армии, за малыми исключениями, охотно отвечают на все вопросы. Нижние чины в последнее время имеют очень исхудалый и измученный вид, обмундирование оборвано, а вместо нижнего белья одно отрепье»; «Настроение германских солдат неважное, но офицеры подбадривают их ложными сообщениями о победах»; «По словам пленных, настроение в войсках угнетенное»³².

Впрочем, «угнетенное настроение» постепенно зреет в армиях всех воюющих государств, а вместе с ним, вместе с усталостью и желанием скорейшего мира, растет озлобление против «виновников войны». Вопрос в том, кого считать виновником и каким теперь видится образ врага. Декабрь 1914 г., Восточный фронт: «Австрийские войска недовольны этой войной, которая надоела как нижним чинам, так и офицерам. Против Германии существует довольно сильное озлобление, так как войска теперь убеждены, что война возникла по проискам и наущению соседки. Офицеры желали бы во что бы то ни стало заключить мир, но Германия не позволяет этого, и потому недовольство ею только растет»³³. Июль 1915 г., Восточный фронт: «Все пленные германские офицеры и нижние чины убежденно говорят, что Россия объявила войну и имеет завоевательные стремления, а офицеры, кроме того, уверяют, что русская армия была за две недели до объявления войны мобилизована»³⁴. Июль 1915 г., из письма немецкого офицера с французского фронта: «Зачем, почему этот ад?! Душит злоба на тех, кто вызвал катастрофу. Я умолял перевести меня на английский фронт. Хочу упиться муками этого трижды проклятого народа. О, да, трижды, сто раз проклятого!!! Ибо они одни всему причиной. Они зажгли пожар»³⁵.

Таким образом, психология «свой – чужой» остается в силе: «Свой всегда прав, чужой всегда виноват». Правда, обостряются отношения между союзниками в блоке центральных держав, но они всегда были довольно натянутыми. Образ врага претерпевает некоторые изменения на «бытовом» уровне и сохраняется в прежнем виде на уровне «глобальном»: ни один народ не готов признать свою страну зачинщицей конфликта, он ищет и находит для нее оправдания – из патриотических чувств, национальной гордости или инстинкта самосохранения. Но пройдет еще немного времени – и усталость возьмет свое, недовольство перейдет в революционное брожение, ненависть масс перекинется с врага внешнего на «врага внутреннего», обрушится на собственные правительства. Одна всемирная катастрофа повлечет за собой другую, не менее страшную, которая будет стоить человечеству еще большего числа жертв. А пока в перерыве между боями на Восточном фронте 23 декабря 1914 г. немецкий офицер записывает в своем дневнике: «Мы теперь все устали от войны. Самая сокровенная наша мечта, о которой мы часто говорим, – это мир. Мирные переговоры для всех нас были бы избавлением от этого кошмара. Но куда ни помотришь – нет выхода, нет надежды»³⁶. Впрочем, политиков не волнует, о чем думает «пушечное мясо».

Итак, в сознании участников Первой мировой войны существовало два основных образа врага. Первый, «глобальный», сформировавшийся под воздействием пропаганды, включал в себя представления о враждебном государстве или блоке государств; второй, «бытовой», возникал в результате непосредственных контактов с лицами из противоположного лагеря – военнопленными и интернированными, неприятельскими солдатами в бою и мирным населением оккупированных территорий. На изменение образа врага влияли такие факторы, как продолжительность войны, ход и характер боевых действий, победы и поражения, настроения на фронте и в тылу, причем, более «мобильным» был именно второй образ. Что каса-

ется первого, то он закрепляется в сознании нескольких поколений, приобретая характер стойкого «послевоенного синдрома».

Именно в период 1914 – 1918 гг. «рыцарский кодекс» в соблюдении законов и обычаев войны постепенно уходит в прошлое, открывая дорогу оружию массового уничтожения, задавая зловещую «программу» грядущим войнам XX века.

Вторая мировая война реализовала все наиболее страшные тенденции, заложенные в Первой, приобретя особое ожесточение в советско-германском противоборстве.

Германия и СССР в межвоенный период: динамика взаимовосприятия

В межвоенный период представления о Германии и отношение к ней в Советской России прошли весьма сложную эволюцию.

Революционный взрыв 1917 г. не только сокрушил Российскую Империю, но и подорвал мощь российского государства. Стремление Временного правительства остаться верным союзническим обязательствам, продолжать войну «до победного конца» и даже попытка наступления на фронте обернулись углублением революционного кризиса и взятием власти левыми радикалами – большевиками, заключившими с Германией Брестский мир на унижительных для страны условиях. Однако выход России из войны не спас от поражения кайзеровскую Германию, в которой вскоре также разразилась революция, приведшая к капитуляции страны. Страны Антанты, в свою очередь, продиктовали Германии унижительные условия мира, сформировав новую Версальско-Вашингтонскую систему международных отношений, продержавшуюся менее двух десятилетий.

Гражданская война в Советской России и Интервенция 1918-1920 гг. крайне ослабили страну, которая к тому же оказалась в международной изоляции. Выйдя победителями во внутреннем военно-политическом противостоянии, большевики искали возможные пути прорыва фактической внешней блокады. И здесь интересы двух недавних противников, постреволюционных стран, потерпевших одна за другой поражение в Первой мировой войне и понесших наибольший в ней урон, во многом – на некоторое время – совпали. Советская Россия нуждалась в официальном международном признании, в развитии торговли, в получении промышленных товаров и технологий, в обучении кадров и т.п. Будучи преимущественно аграрной, к тому же разоренной военными и революционными событиями страной, Россия искала партнеров, которые помогли бы обеспечить ее экономические потребности. Послевоенная Германия, жестко ограниченная условиями Версальского мира, выплачивающая огромные репарации, также находящаяся на положении изгоя среди стран-победителей, нуждалась в сотрудничестве с Россией, способной предоставить ее индустрии рынок сбыта, и, с другой стороны, обеспечить сырьем и продуктами сельского хозяйства.

Германия стала первой державой, признавшей Советскую Россию де-юре. 16 апреля 1922 г. в Рапалло был подписан советско-германский договор об отказе от

взаимных претензий и установлении дипломатических отношений. С тех пор стало налаживаться тесное сотрудничество двух стран в торгово-экономической области.

Но были и другие, не менее важные основания для сотрудничества: обе страны нуждались в военной кооперации. По условиям Версальского мирного договора 1919 г. Германия была резко ограничена не только в сфере производства вооружения и оснащения им своих армии и флота, но и в возможности подготовки военных кадров. Крупной европейской державе запрещалось иметь авиацию, подводный флот, большие надводные корабли, производить броневики, танки, самолеты и химическое оружие.

Сотрудничество двух стран было взаимовыгодным и равноправным. Россия получала техническую помощь, существенные финансовые вливания, что способствовало и экономическому развитию, и повышению обороноспособности страны. Взамен Германия обретала возможность обойти военно-технические ограничения, наложенные Версальским договором, получая в свое распоряжение секретные базы для нелегального производства оружия на территории Советской России.

В августе 1922 г. было заключено соглашение о сотрудничестве рейхсвера и Красной армии. Германия получала право создавать военные объекты для проведения технических испытаний и обучения личного состава рейхсвера на советской территории, а советская сторона – не только возможность участия в военно-промышленных разработках и испытаниях, но и плату за использование этих объектов.

Военно-техническое сотрудничество двух стран было непростым, однако активно развивалось в течение одиннадцати лет, вплоть до 1933 г. Оно осуществлялось в разных формах подготовки и переподготовки военных кадров, организации танковой и авиационной школ в СССР, совместных химических опытах, и др. Советский комсостав неоднократно ездил в Германию для совершенствования в военном искусстве, участия в маневрах. Один из многих побывавших в Германии советских военачальников командарм И.П.Уборевич, проработавший там тринадцать месяцев, писал: «Немцы являются для нас единственной пока отдушиной, через которую мы можем изучать достижения в военном деле за границей, притом у армии, в целом ряде вопросов имеющей весьма интересные достижения. Очень многому удалось поучиться и многое еще остается нам у себя доделать, чтобы перейти на более совершенные способы боевой подготовки. Сейчас центр тяжести нам необходимо перенести на использование технических достижений немцев, главным образом в том смысле, чтобы у себя научиться строить и применять новейшие средства борьбы: танки, улучшения в авиации, противотанковые мины, средства связи и т.д. ...Немецкие специалисты, в том числе и военного дела, стоят неизмеримо выше нас...»³⁷. Комсостав РККА многому научился у рейхсвера и в области военного искусства, и в сфере применения новейшей военной техники. Не менее активно велось и обучение немецких кадров в СССР.

Однако и в период лояльных межгосударственных отношений и активных деловых контактов Веймарской республики с Советской Россией в Германии продолжал культивироваться антисоветский и антирусский образ врага. Одним из корней его является идея исключительности немецкой нации, с XIX в. культиви-

ровавшаяся в стране и внедрявшаяся в массовое сознание немцев, которым – от глухой деревушки до университета – твердили: «все величайшие в истории военные подвиги – прусские, все величайшие творения искусства – немецкие, самая лучшая промышленность – германская, а самые толковые рабочие – немцы»³⁸. При этом «величие немецкого духа» противопоставлялось «низким» качествам других народов. И 1920-е годы не стали здесь исключением. Так, в одном из школьных учебников в 1925 г. утверждалось, что «русский дух как таковой, видимо, не приспособлен к творческой созидательной деятельности; почти всем, что создано Россией во внешних и внутренних делах, она обязана немцам, состоявшим на русской службе, или прибалтийским немцам»³⁹. Но не только давние национальные предрассудки влияли на отношение к русским. У большинства населения сохранялись стойкие воспоминания о России как о главном противнике в Первой мировой войне. К тому же старые клише были дополнены идеологическим противостоянием, которое в наиболее радикальной форме выражал набиравший силу национал-социализм, опиравшийся на всё ту же идею немецкой исключительности, возведенную им на уровень теории «расового превосходства». Именно он внедрял в сознании немецкого общества стереотип «еврейского большевизма», стремящегося через мировую революцию к господству над миром. Будущий фюрер Адольф Гитлер в 1927 г. в «Майн Кампф» написал: «В русском большевизме мы должны видеть предпринятую в XX столетии попытку евреев завоевать мировое господство. ...Германия является сегодня ближайшей крупной целью большевизма»⁴⁰.

С приходом в 1933 г. к власти в Германии НСДАП происходят резкое изменение взаимоотношений двух стран и усиление враждебной пропаганды с обеих сторон – антисоветской в Германии и антигерманской, приобретшей характер антифашистской, – в СССР. В это же время по инициативе советского руководства было прекращено и военное сотрудничество.

Идеологическая и политическая разнополюсность режимов в СССР и Германии не могли не привести к их жесткому противостоянию. К середине 1930-х гг. между двумя государствами шла настоящая пропагандистская война. В Германии не жалели красок для изображения «большевистской угрозы». Так, инструкция имперского Министерства пропаганды от 31 марта 1937 г. гласила: «Борьба против мирового большевизма – генеральная линия немецкой политики. Его разоблачение – главная задача национал-социалистической пропаганды. ...Задача пропаганды состоит в том, чтобы показать немецкому народу, что большевизм его смертельный враг, и доказать миру, что он враг всех народов и наций и тем самым мировой враг»⁴¹. При этом главной идеей становится программа расширения «жизненного пространства» на Востоке, исходя из которой будущая война против СССР рассматривалась как неизбежная и политически оправданная.

В свою очередь в Советском Союзе средства массовой информации характеризовали Германию как агрессивное государство и потенциального военного противника СССР. В наиболее известном пропагандистском фильме «Если завтра война» зритель мог без труда увидеть этого предполагаемого противника – фашистскую Германию. В том же качестве она изображена и в известной повести

Н.Н.Шпанова «Первый удар», и в ряде других литературных произведений 1930-х гг.⁴². Однако образ врага в этот период продолжал рассматриваться через призму классовой идеологии, а Красной Армии в будущей войне отводилась роль освободительницы трудящихся, в том числе и Германии, от гнета эксплуататоров. Характерные настроения в этом отношении выражены в поэме Константина Симонова «Ледовое побоище», опубликованной в 1938 г.:

*«Настанет день, когда свободу
Завоевавшему в бою,
Фашизм потряхнувшему народу
Мы руку подадим свою.
В тот день под радостные крики
Мы будем славить всей страной
Освобожденный и великий
Народ Германии родной»⁴³.*

Однако в преддверии Большой войны неудачи в поиске союзников в лице стран «демократического Запада», которые фактически поощряли агрессивную политику Германии и стремились повернуть ее экспансионизм на Восток, против СССР, вынудил советское руководство пойти на временное, тактическое соглашение с национал-социалистской Германией, заключив 23 августа 1939 г. пакт о ненападении. Это позволило, во-первых, отсрочить военное столкновение; во-вторых, решить ряд геополитических проблем, существенно отодвинув на запад границы, вернув ряд территорий, исторически входивших в Российскую Империю и утраченных в результате Первой мировой войны, революции и Гражданской войны; в-третьих, предотвратить возможную коалицию Гитлера с Западными странами, направленную против СССР, и, напротив, сделать их потенциальными союзниками в результате того, что они сами стали жертвой германской агрессии⁴⁴. Между тем, советское военно-политическое руководство отнюдь не питало иллюзий относительно экспансионистских стремлений Германии на Восток, хотя и допустило просчет в прогнозах, касающихся времени начала будущей войны.

Заключение Пакта «Молотова-Риббентропа» привело к резкому свертыванию антифашистской и антигерманской пропаганды в стране. Это, безусловно, внесло определенную дезориентацию и в массовое сознание, и в деятельность пропагандистских структур. Однако официально провозглашенный советским руководством «курс на сближение и даже «дружбу» с нацистской Германией ... не находил широкого отклика в общественном сознании. Он фактически «отнимал» формировавшийся годами враждебный стереотип германского фашизма. Однако неизменно «срабатывал» более всеобъемлющий образ «капиталистического окружения»⁴⁵, которое «ни за что не оставит в покое первое в мире социалистическое государство».

На восприятие будущей войны и формирование образа основного врага, безусловно, влиял целый комплекс разноплановых факторов: и «архитипические» механизмы массовой психологии россиян, воспринимающей войну как «бедствие народное», но мобилизующей все свои силы в условиях национальной угрозы; и очень сложное и противоречивое по своим последствиям влияние идеологических

механизмов, пропагандистской машины, с одной стороны, готовящей страну к будущей войне, а с другой, – дезориентировавшей население относительно сроков ее начала, характера, масштабов и тяжести, и даже относительно конкретного противника, с которым придется вступить в смертельную схватку и вести многолетнюю борьбу на выживание.

В воздухе пахло грозой. Это чувствовали все – и народ, и власть. На границах было беспокойно. Хасан, Халхин-Гол, начало Второй мировой войны и связанное с ней присоединение к СССР западных областей Украины и Белоруссии, затем Бессарабии и прибалтийских государств, Зимняя война с Финляндией – все эти события 1938–1940 гг. были лишь прелюдией к «большой войне», близкой и неизбежной, у порога которой стоял Советский Союз.

Страна готовилась к войне, в том числе и психологически. Советской пропагандой уже многие годы осуществлялась милитаризация массового сознания, формировалась установка на готовность к будущей войне как неизбежной в условиях «враждебного капиталистического окружения». Однако, характер этой «большой» войны представлялся в конце 1930-х гг. совершенно неадекватно. Так, советская стратегическая доктрина исходила из односторонней, поверхностной формулы: «Если враг навяжет нам войну, Рабоче-Крестьянская Красная Армия будет самой нападающей из всех когда-либо нападающих армий. Войну мы будем вести наступательно, перенеся ее на территорию противника. Боевые действия Красной Армии будут вестись на уничтожение, с целью полного разгрома противника и достижения решительной победы малой кровью»⁴⁶. Такая доктрина фактически исключала саму возможность масштабного и длительного вторжения вражеских войск на советскую территорию, предусматривая в случае агрессии мгновенный и массированный ответный удар. Отсюда и оборонительные мероприятия в приграничных районах проводились недостаточно энергично, особенно в глубине от границы. Исходя из этой доктрины («малой кровью», «на чужой территории»), действовала и вся пропагандистская система страны.

Весьма значительным пропагандистским воздействием на сознание людей, особенно молодежи, обладало искусство того времени. Бравурные песни и бодрые киноленты о непобедимости Красной Армии притупляли готовность к длительной и тяжелой борьбе, вызывали самоуспокоенность и восприятие возможной войны как парадного шествия. Конечно, неудачи в советско-финляндской войне несколько поколебали этот радужный образ, однако и она в конце концов закончилась результатом, которого добивался СССР. Весьма сильным фактором, работавшим на этот оптимистичный стереотип, было продвижение советских границ на запад – по всей линии от Балтийского до Черного морей (присоединение прибалтийских республик, западных Украины и Белоруссии, Бессарабии и Северной Буковины).

Прозрение наступило потом. Об этом, оглядываясь назад из июля 1942 г., написал в своем фронтовом дневнике М.Т.Белявский: «Вот посмотрел сейчас фильм «Моряки» и еще больше окрепло убеждение в том, что наше кино с его «Моряками», «Истребителями», «Четвертым перископом», «Если завтра война», фильмами о маневрах и литература с романами «На Востоке» и «Первым ударом» ... во многом виноваты

перед страной, так как вместо мобилизации демобилизовывали своим «шапкозакидательством»... Большой долг и большая ошибка»⁴⁷.

Другой ошибкой была дезориентация относительно будущего конкретного врага. В значительной степени это объясняется «большой игрой», которую вели лидеры всех крупных держав, включая «западные демократии», накануне Второй мировой войны. Дипломатическое сближение СССР с Германией, направленное в первую очередь на то, чтобы оттянуть начало войны на как можно более длительный срок, неизбежно влияло на публичную политику и пропаганду, в том числе и внутри страны. Если до середины 1939 г. средства пропаганды, несмотря на все недостатки, вели последовательную воспитательную работу в духе ненависти к фашизму и его идеологии, то уже в конце сентября ситуация резко изменилась. После заключения 23 августа 1939 г. Пакта о ненападении и 28 сентября Договора о дружбе и границе с Германией последовал отказ от публичной антифашистской пропаганды в средствах массовой информации, а произведения искусства, в которых имелись антифашистские мотивы, были «отсеяны» и исполнять их более не разрешалось⁴⁸. Такой внезапный поворот в политике руководства страны оказывал дезориентирующее воздействие на сознание советских людей, хотя и не ослабил полностью антифашистских чувств, воспитанных в предшествующие годы.

«Уже с зимы 40-го года пошли разговоры, что Гитлер на нас непременно нападет, – вспоминал москвич Ю.Лабас. – Но в «Окнах ТАСС» – плакаты с совсем иным противником. На одном из них изображен воздушный бой: наши самолетики красные, а вражеские – из них половина уже сбита и горит – черные, с белыми кругами на крыльях (белый круг – английский опознавательный знак)»⁴⁹. Между тем в июне 1940 г. генеральный штаб немецких сухопутных войск приступил к непосредственной подготовке вооруженных сил и театра военных действий для нападения на СССР. Началась скрытая переброска войск с запада на восток⁵⁰.

14 июня 1941 г. в газетах «Правда» и «Известия» было опубликовано сообщение ТАСС с опровержением «слухов» о близости войны между СССР и Германией. «По данным СССР, – говорилось в сообщении, – Германия так же неуклонно соблюдает условия советско-германского пакта о ненападении, как и Советский Союз, ввиду чего, по мнению советских кругов, слухи о намерении Германии порвать пакт и предпринять нападение на СССР лишены всякой почвы...»⁵¹ Это заявление, которое впоследствии объяснялось как обычный «дипломатический зондаж», волей-неволей ввело в заблуждение, дезинформировало и успокоило миллионы советских людей, привыкших верить тому, что «пишут в газетах». Вместе с тем, многих и особенно в армии, на западной границе, это заявление только насторожило. «14 июня было опубликовано сообщение ТАСС, где опровергалось, что немцы собираются на нас напасть, – вспоминал участник войны, служивший летом 1941 г. на Западной Украине, В.А.Виноградов. – Но мы восприняли это опровержение как подтверждение того, что война приближается и буквально осталось несколько дней...»⁵²

Несмотря на успокаивающие заявления высших официальных инстанций, атмосфера последних мирных дней была буквально пронизана предчувствием войны, которое у всех проявлялось по-разному. Разговоры о близости войны шли в

самых разных социальных кругах уже за несколько месяцев до нее. Это было связано и с реалиями военных действий в Европе, с пониманием многими агрессивной сущности германского фашизма, всей напряженной международной обстановкой, а также обрывками сведений из высших эшелонов власти, просачивавшихся в форме слухов в народ. «У нас в ИФЛИ на философском факультете работал Георгий Федорович Александров – будущий академик философии, – вспоминал участник войны Ю.П.Шарапов. – И где-то в середине мая он откровенно рассказывал нам, естественно, неофициально, о выступлении Сталина 5 мая 1941 г. перед выпускниками военных академий, на котором Сталин прямо сказал, обращаясь к залу, что вот вам, выпускникам академий Вооруженных Сил СССР, предстоит сломать гитлеровскую военную машину... Выступление Сталина было довольно большим, до часа. В печати была только строчка – и все... Мы и так понимали, что война на носу, а из этого сделали вывод, что она начнется совсем скоро, как говорится, вот-вот... Поэтому, когда 22 июня в воскресенье выступил Молотов и объявил о войне, неожиданным в полном смысле слова это не было»⁵³.

Но, пожалуй, самым необычным, пророческим образом «предчувствие войны» воплотилось в дневниках московского школьника Левы Федотова. 5 июня 1941 г. он записал: «Хотя сейчас Германия находится с нами в дружественных отношениях, но я твердо убежден (и это известно также всем), что это только видимость. Я думаю, что этим самым она думает усыпить нашу бдительность, чтобы в подходящий момент всадить нам отравленный нож в спину... Рассуждая о том, что, расстав свои войска вблизи нашей границы, Германия не станет долго ждать, я приобрел уверенность в том, что лето этого года будет у нас в стране беспокойным... Ясно, что к лету концентрация войск окончится и, явно боясь выступить против нас зимой, во избежание встречи с русскими морозами, фашисты попытаются втянуть нас в войну летом... Я думаю, что война начнется или во второй половине этого месяца (т.е. июня), или в начале июля, но не позже, ибо ясно, что германцы будут стремиться окончить войну до морозов»⁵⁴. За 17 дней до начала войны мальчик из «дома на набережной» предсказал ее неизбежность, определил сроки вторжения, ход и характер боевых действий на разных ее этапах. Он предвидел поражение немцев и нашу победу, и цену этой победы, оказавшись во многом мудрее и дальновиднее тех, кто стоял у руководства страной.

Особенно напряженной была атмосфера в армейских частях, дислоцировавшихся в западных приграничных областях. Близость войны здесь буквально ощущалась: из многочисленных разнородных фактов складывалась картина, оставлявшая мало сомнений в скором начале боевых действий. «Война застала меня в Ровно, – вспоминал В.А.Виноградов. – Она не была неожиданной ни для меня, ни для всех расположенных там подразделений. Примерно дней за десять до начала войны во всех полках нашей дивизии по утрам начались тревоги. В пять-шесть часов утра мы выезжали, делали бросок на машинах, затем возвращались обратно в казармы, завтракали и приступали к обычным полевым занятиям военной подготовки. Некоторые части 5-й армии были расположены около самой границы. Оттуда поступали сведения о ситуации на другом берегу реки Западный Буг. Это было в районе Владимир-Волынского.

Поступали тревожные сведения, что на другом берегу ведутся приготовления, сосредотачиваются войска, все время наблюдаются передвижения, видны оптические приборы, с помощью которых следят за нашей территорией. Были нарушения границы немецкими самолетами. Все это создавало обстановку напряжения. Ночью через Ровно проходили воинские части, летели самолеты в сторону границы... Все это, естественно, подсказывало, что ситуация сложная, что могут быть в самое ближайшее время начаты военные действия... За три дня до 22 июня пришел приказ осуществить в казармах затемнение и спать только в обмундировании. Разрешалось снимать сапоги и ремень. Командный состав был переведен на казарменное положение. Вечером 21 июня командир полка созвал всех командиров и политработников и еще раз подчеркнул, чтобы никто не отлучался из части, потому что с границы самые тревожные сообщения, и все может случиться»⁵⁵.

Однако у большинства населения не было ни реального представления о будущей войне, ни адекватного образа противника, с которым придется иметь дело. Настроения легкой победы над врагом имели место даже в первые дни войны – не среди тех, кто уже вступил в неравную, смертельную схватку, но там, где еще не успели столкнуться с реальной силой агрессора. «В тот день [22 июня – Е.С.] многим казалось, что начавшаяся война будет стремительной, победоносной. Такой, какой она изображалась в популярных в те годы кинофильмах «Город под ударом», «Эскадрилья номер пять», в романе Павленко «На Востоке», в песнях, которые ... пели чуть не каждый день, – вспоминает бывший офицер-артиллерист А. Дмитриев. – Никто ... и представить себе не мог, какой долгой, жестокой, опустошительной, испепеляющей будет эта война, какого огромного напряжения она потребует, каких колоссальных жертв»⁵⁶.

Между тем, в Германии давно и весьма четко определили истребительный характер предстоящей войны с СССР, ее цели и средства, и отношение к противнику. Все это раскрывалось, в частности, в инструкции по развертыванию и боевым действиям по плану «Барбаросса» от 2 мая 1941 г.: «Война против России – один из важнейших этапов борьбы за существование немецкого народа. Это древняя битва германцев против славянства, защита европейской культуры от московитско-азиатского нашествия, оборона против еврейского большевизма. Цель этой войны – разгром сегодняшней России, поэтому она должна вестись с небывалой жестокостью. Каждая боевая операция и в планировании, и в ее проведении должна осуществляться с непреклонной волей к беспощадному тотальному истреблению противника. В особенности никакой пощады по отношению к представителям русско-большевистской системы»⁵⁷.

Таким образом, германская пропаганда в краткосрочном плане оказалась более эффективной в подготовке массового сознания немцев к войне против СССР, и более последовательно формировала образ врага, способствовавший «психологической мобилизации». В то же время советская пропаганда, в целом выполнив свою мобилизующую функцию в подготовке к будущей войне, создала ложный образ Германии как противника, внеся в него классовые иллюзии, а также неадекватность в оценке соотношения сил двух армий и государств.

Образ врага в сознании участников Великой Отечественной войны

Как и в Первой мировой войне, начало Великой Отечественной отличалось доминированием пропагандистских стереотипов в восприятии противника. Однако принципиальным отличием на этот раз было то, что в смертельном противоборстве сошлись совершенно иные типы государств – два тоталитарных режима противоположных политических полюсов. Поэтому и роль идеологической составляющей в массовом общественном сознании, а значит, и в сознании армии, была на порядок выше.

Высшее руководство было гораздо больше, чем рядовые граждане, осведомлено о реальном положении дел. Однако и оно не представляло себе в полной мере всей тяжести и перспектив разворачивавшихся событий. Вместе с тем, власть, прежде всего в лице самого Сталина, быстро осознала всю значимость и опасность начавшейся схватки с фашистской Германией. Стратегический просчет, допущенный в определении времени и условий начала войны, сделал эту схватку еще более драматичной. В такой войне и государство, и народ могли выжить и победить лишь при предельной мобилизации и напряжении всех сил. Поэтому с самого начала власть обратилась к гражданам своей страны, откровенно заявив о всей сложности ситуации. Уже в первом обращении Советского Правительства к народу, сделанном 22 июня 1941 г. заместителем Председателя Совета Народных Комиссаров СССР и Наркомом Иностранных Дел В.М.Молотовым, была проведена параллель между начавшейся войной и событиями 1812 года, объявлены цели войны – «за родину, за честь, за свободу», прозвучали ключевые лозунги – «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами», а сама война была провозглашена Отечественной⁵⁸. Затем, в выступлении И.В.Сталина 3 июля был подчеркнут ее особый, патриотический характер. «Войну с фашистской Германией нельзя считать войной обычной, – говорилось в нем. – Она является не только войной между армиями. Она является вместе с тем великой войной всего советского народа против немецко-фашистских войск. Целью этой всенародной Отечественной войны против фашистских угнетателей является не только ликвидация опасности, нависшей над нашей страной, но и помощь всем народам Европы, стонущим под игом германского фашизма»⁵⁹.

Тем не менее, в самые первые дни войны реакция населения на агрессию Германии в целом соответствовала тем пропагандистским штампам, которые были выработаны в предвоенный период, и противоречила драматизму ситуации. Весьма распространены, особенно в тылу, были шапкозакидательские настроения. Руководителей противника многие советские граждане сочли за безумцев: «На кого полезли, совсем, что ли, с ума сошли?! Конечно, немецкие рабочие нас поддержат, да и другие народы поднимутся. Иначе быть не может!» Не было недостатка в радужных прогнозах. «Я так думаю, – говорил один из рабочих металлического завода в Ленинграде, – что сейчас наши им так всыпят, что через неделю все будет кончено...» – «Ну, за неделю, пожалуй, не кончишь, – отвечал другой, – надо до Берлина дойти... Недели три-четыре понадобится»⁶⁰.

Однако отрезвление произошло очень быстро. Сведения, поступавшие с фронтов, свидетельствовали о страшной опасности, нависшей не только над советским государством, но и над всем народом. Враг оказался не только коварен, но и очень силен и беспощаден. Так что всем стало ясно, что предстоит схватка не на жизнь, а на смерть, которая коснется каждой семьи и каждого гражданина. И здесь вступили в действие глубинные психологические механизмы, которые не раз в российской истории спасали страну, находившуюся на краю пропасти. Произошел подъем всех моральных сил народа, оказались задействованы его вековые традиции, готовность к самоотверженности, самоотречению и самопожертвованию во имя спасения своей страны. При этом достаточно быстро преодолевались ложные пропагандистские стереотипы.

Советский солдат был воспитан в классовой пролетарской идеологии и через эту призму пытался воспринимать врага, вычлняя рабочего и крестьянина из общей массы врагов, отделяя их от «господ-эксплуататоров». Но уже в первые дни войны рассеялись иллюзии, наивные надежды на сознательность «братьев по классу», воспитанные в довоенное время и быстро вытравлявшиеся беспощадной реальностью. Вот что записал в своем фронтовом дневнике М.И.Березин: «20 июля 1941 года поджигаем два танка, взяв в плен трех танкистов. Какими же мы были наивными человеколюбцами, пытаясь при их допросе добиться от них классовой солидарности. Нам казалось, что от наших бесед они прозреют и закричат: «Рот фронт!» Мы хорошо знали произведения из времен Гражданской войны и совершенно не знали современного немца-фашиста. А они, нажравшись нашей каши из наших же котелков, накурившись из наших же добровольно подставленных кисетов, с наглой, ничего не выражающей рожей отрыгивают нам в лицо: «Хайль Гитлер!» Кого мы хотели убедить в классовой солидарности – этих громил, поджигающих хаты, насильников и садистов, с губной гармошкой во рту убивающих женщин и детей? Мы стали понимать и с каждым днем боев все больше убеждаться, что только тогда фашист становится сознательным, когда его бьешь»⁶¹.

Как оказалось, с противной стороны тоже работала мощная идеология, но с иной направленностью. Она ориентировала не на классовую солидарность, а на немецкую исключительность, национально-расовое и государственное превосходство Германии. Советский официально-идеологический стереотип восприятия врага отразился и в пропаганде на войска противника, которая оказалась абсолютно неэффективной. Вот что говорил об этом в 1943 г., уже находясь в советском плену, немецкий фельдмаршал Ф.Паулюс: «Ваша пропаганда в первые месяцы войны обращалась в своих листовках к немецким рабочим и крестьянам, одетым в солдатские шинели, призывала их складывать оружие и перебежать в Красную Армию. Я читал ваши листовки. Многие ли перешли к вам? Лишь кучка дезертиров. Предатели бывают в каждой армии, в том числе и в вашей. Это ни о чем не говорит и ничего не доказывает. И если хотите знать, кто сильнее всего поддерживает Гитлера, так это именно наши рабочие и крестьяне. Это они привели его к власти и провозгласили вождем нации. Это при нем люди из окраинных переул-

ков, парвеню, стали новыми господами. Видно, в вашей теории о классовой борьбе не всегда сходятся концы с концами»⁶².

Классово-идеологические иллюзии рассеивались с каждым шагом врага в глубь советской территории. Война приобретала характер смертельной схватки за выживание, причем не только существовавшей системы и государства, но и населявших огромные пространства СССР народов. Война действительно становилась Отечественной и национально-освободительной. И образ врага-фашиста также все сильнее принимал национальную окраску, превращаясь в массовом сознании в образ врага-немца.

На этот феномен общественного сознания неоднократно обращал внимание Константин Симонов, очень чуткий к исторической правде. В одном из своих писем в 1963 г. он отмечает: «Что касается фразеологии военного времени, то я думаю, что писатель должен употреблять ее без политиканства, употреблять исторически верно. Как тогда говорили – так и писать. Чаще всего тогда говорили «немцы», говорили «немец», говорили «он». «Гитлеровцы» больше писали в сводках и всяких официальных донесениях об уничтожении противника. «Фашист», «фашисты» говорили, и довольно часто, хотя, конечно, гораздо реже, чем «немец» или «немцы». В особенности часто говорили про авиацию: «Вон, фашист полетел». Тут почему-то чаще говорили именно «фашист», а не «немец»»⁶³. Обращался К.Симонов к этому вопросу и позднее. В другом письме он пишет: «По поводу упоминаний слов «фашисты» и «немцы» в романе «Живые и мертвые». Я принципиальный противник того, чтобы вводить в книгу, написанную об одном времени, – фразеологию, взятую из другого времени. Это режет мне ухо. В моем романе люди говорят о немцах так, как мы говорили о них тогда, в разных случаях и в разных обстоятельствах называя их по-разному. И когда в романе немцы называются то «немцами», то «фашистами» – это реальный язык того времени»⁶⁴.

В самом деле, два этих обозначения врага существовали как бы параллельно. Вот что писал родным 10 сентября 1941 г. из-под Ельни капитан П.М.Себелев: «Красивая панорама наступления!.. Радостно было смотреть, как за передним краем взлетали фонтаны земли, клубы огня и дыма. Я говорю это как командир батальона, а как человек думаю о другом: чем грандиознее панорама боя, тем больше земля пропитывается человеческой кровью, тем больше материнских слез с обеих сторон, тем больше отцов, сжимающих кулаки. Мы знаем, что не все немцы – фашисты, но война есть война!»⁶⁵.

Разделение врага на «фашистов» и «немцев» по инерции продолжало существовать в начале войны, но по мере нарастания ее ожесточенности эти понятия в сознании народа все более сливались. Если в первую мировую представление о противнике прошло путь от образа «врага-зверя» к образу «врага-человека», то теперь все было наоборот: недавние «братья по классу» превратились в «бешеных псов», которых нужно убивать.

«Черная тень легла на нашу землю, – писал 18 октября 1941 г. Алексей Толстой. – Вот поняли теперь: что жизнь, на что она мне, когда нет моей Родины?.. По-немецки мне говорить? Подогнув дрожащие колени, стоять, откидывая со страху голову перед мордастым, свирепо лающим на берлинском диалекте гитле-

ровским охранником, грозящим добраться кулаком до моих зубов? Потерять навсегда надежду на славу и счастье Родины, забыть навсегда священные идеи человечности и справедливости – все, все прекрасное, высокое, очищающее жизнь, ради чего мы живем... Видеть, как Пушкин полетит в костер под циническую ругань белобрысой фашистской сволочи и пьяный гитлеровский офицер будет молиться на гранитный камень, с которого сорван и разбит бронзовый Петр, указавший России просторы беспредельного мира? Нет, лучше смерть! Нет, лучше смерть в бою! Нет, только победа и жизнь!»⁶⁶. Такой образ врага куда больше соответствовал реалиям военного времени.

На восприятие врага, безусловно, оказала влияние основная эмоциональная доминанта на разных этапах войны. Естественным был шок от чудовищного несоответствия довоенных легковесных представлений о будущей войне, сформированных пропагандой («малой кровью», «на чужой территории»), и реального хода событий. Такая недооценка образа врага и переоценка собственных сил в ходе катастрофических поражений 1941 года обернулась сначала недоумением от обманутых ожиданий («Как посмели на нас, непобедимых, напасть?!»), затем широким распространением подавленности, страха, представлений о враге как о хорошо отлаженной машине, которая прет стальной обезличенной лавиной, и ее невозможно остановить. «О немце, как о противнике, можно сказать, что это был сильнейший противник, – вспоминает полный кавалер ордена Славы Константин Мамедов. – Я думал над этим, – кто бы еще был в состоянии таким противником оказаться? И не могу найти хотя бы ближайшего сравнения. Это была вымуштрованная, владевшая боевой техникой военная машина, которой, пожалуй, не было, – да не пожалуй, а просто не было равной в мире...»⁶⁷.

Конечно, была и героическая оборона многих городов, и попытки контрнаступлений местного значения, но в целом ощущение, что «мы бежим», неоднократно переходившее в панические настроения, с соответствующим формированием образа врага как огромной сокрушительной силы, стали доминировать в массовом сознании на первом, самом трудном этапе войны. И многочисленные «котлы», в которых оказались целые дивизии и корпуса регулярной армии, несколько миллионов попавших и сдавшихся в плен за первые месяцы, казалось, лишь подтверждали складывавшийся образ непобедимого фашистского рейха. Перелом наступил лишь когда убедились, что врага можно бить, – особенно во время контрнаступления под Москвой. «Произошла гораздо более важная вещь, чем взятие десяти или двадцати населенных пунктов, – писал в декабре 1941 г. К.Симонов. – Произошел гигантский, великолепный перелом в психологии наших войск, в психологии наших бойцов... Армия научилась побеждать немцев. И даже тогда, когда ее полки находятся в трудных условиях, когда чаша военных весов готова заколебаться, они все равно сейчас чувствуют себя победителями, продолжают наступать, бить врага. И такой же перелом в обратную сторону произошел у немцев. Они чувствуют себя окруженными, они отходят, они непрерывно пытаются выровнять линию фронта, они боятся даже горстки людей, зашедших им в тыл и твердо верящих в победу... Пусть не рассчитывают на пощаду. Мы научились побеждать, но эта наука далась нам слишком дорогой и жестокой ценой, чтобы ща-

дить врага»⁶⁸. А вот аналогичная запись в его фронтовом дневнике со слов простого солдата: «Немец, если на него не нахрапом, конечно, а ловким ходом насесть, немец боится. Немец, когда чувствует, что на него идет человек, который не боится, он его сам боится. А если от него тикают, ясно, он бьет! Кто-то кого-то должен бояться»⁶⁹.

Изменение отношения к себе у советских бойцов, появление у них веры в собственные силы вызвало и соответствующее изменение их отношения к врагу. А это, в свою очередь, вместе с первыми крупными успехами советской армии, изменило настроения и самооценку армии вражеской. «Как переменялись за шесть месяцев эти солдаты «непобедимой» армии! – отмечали наши газеты в разгар контрнаступления под Москвой, говоря о поведении немецких военнопленных. – В июле было непонятно, кто из них храбр, кто труслив. Все человеческие качества в них заглушал, перекрывал гонор – общая, повсеместная наглость захватчиков. Видя, что их не бьют и не расстреливают, они корчили из себя храбрецов. Они считали, что война кончится через две недели, что этот плен для них, так сказать, вынужденный отдых и что с ними по-человечески обращаются только от страха, что бояться их мести впоследствии. Сейчас это исчезло. Одни из них дрожат и плачут, говорят, захлебываясь, все, что они знают, другие – таких единицы, – угрюмо молчат, замкнувшись в своем отчаянии. Армия наглецов в дни поражения переменялась... Это естественно в войске, привыкшем к легким победам и в первый раз подвергшемся поражению»⁷⁰.

И в целом образ врага становился более конкретным и одушевленным: это уже не была несокрушимая машина. По мере роста страданий и бедствий народа враг-фашист все больше воспринимался как свирепый зверь – сильный, жестокий, опасный, но, тем не менее, вполне уязвимый, с которым и следует обращаться как с диким зверем. Чем дольше длилась война, тем яснее становилась глубина народного горя, тем сильнее разгоралась ненависть к захватчикам – особенно, когда советская армия перешла в наступление и собственными глазами увидела те зверства, которые творил враг на оккупированной им земле.

Не случайно, именно к 1942 году относятся известные плакаты с близким сюжетом – «Воин Красной Армии, спаси!», «Отомсти!» и «Папа, убей немца!». Именно в этот период, пережив трагическое начало войны, горький опыт потерь друзей и близких, советский солдат проникся чувством ненависти к агрессору, принесшему смерть и разрушение на родную землю. Так, весной 1942 г. в одной из дивизионных газет Карельского фронта встречается очерк красноармейца под красноречивым заголовком «Мы научились ненавидеть». И эта справедливая ненависть была одним из доминирующих чувств в действующей Красной Армии на всем протяжении войны. Наивысшим выражением этого чувства стало стихотворение Константина Симонова «Убей его!», впоследствии больше известное под названием «Если дорог тебе твой дом»:

*«...Если ты фашисту с ружьем
Не желаешь навек отдать
Дом, где жил ты, жену и мать,
Все, что родиной мы зовем, –*

*Знай: никто ее не спасет,
Если ты ее не спасешь;
Знай: никто его не убьет,
Если ты его не убьешь.
...Так убей же хоть одного!
Так убей же его скорей!
Сколько раз увидишь его,
Столько раз его и убей!»⁷¹*

Тогда же, в 1942 г., появился лозунг, брошенный Ильей Эренбургом, – «Убей немца!» – и различия между «немцами» и «фашистами» стерлись уже окончательно. Сейчас многие западные политики пытаются представить этот лозунг как нацеленный на «геноцид немецкого народа», забывая, что он возник в то время, когда немцы находились в центре России, и любой немец, которого могли встретить советские солдаты, был агрессором, оккупантом и убийцей, в том числе и мирных советских граждан, женщин, детей, стариков. В таких условиях, когда шла война на выживание, страна не могла позволить себе философствовать на тему «плохой немец – хороший немец». Надо было воевать, воевать жестоко. А это значит – убивать любого врага. И лозунг И.Эренбурга в той ситуации был абсолютно верным и необходимым, пока советские войска освобождали свою землю. Этот лозунг в действительности означал «Убей оккупанта!» и был использован в нужном месте в нужное время. Даже студенты-филологи, глубоко уважавшие немецкую культуру, хорошо знавшие немецкий язык, нисколько не сомневались в том, что тех немцев, которые вторглись на нашу землю, следует убивать. «И чем больше ты их убьешь, тем быстрее закончится война... Жалости у меня к ним не было, – вспоминал один ветеран, который, уходя на фронт, взял с собой томик Гёте. – Они ведь нас не жалели...»⁷². Но к моменту вступления советских войск на территорию Германии ситуация изменилась, и лозунг «Убей немца!» официально, на уровне высшего политического руководства, был выведен из употребления.

Образ врага-зверя, безусловно, имел под собой основания: воспитанные фашистской идеологией, немцы воспринимали себя как расу господ, «сверхчеловеков», а по отношению к другим народам вели себя как худшие из варваров.

«Что ты делаешь в России? Где находишься? – спрашивал своего приятеля в письме из-под Сталинграда от 16 ноября 1942 г. немецкий солдат Герман. – Ты пишешь о партизанах – я еще ни одного не видел. Особенно не возитесь с ними, самое лучшее – сразу расстреливать. Мы еще слишком гуманно обращаемся с этим свинским народом»⁷³. Другой немецкий солдат писал своему знакомому 26 мая 1942 г.: «Я сейчас надзирателем над русскими женщинами. Каждое утро в пять часов забираю сто таких деревенских красоток из комендатуры, и мы отправляемся на работы. Очень спокойное занятие. Настоящих женщин я среди них еще не видел: слишком много помесей. Черные, желтые, китайцы, монголы, и кто знает, какие там еще расы. Все они очень ленивы»⁷⁴.

Разительный контраст между представлением о европейской культуре и поведением «носителей» этой культуры в лице немецких оккупантов очень четко

фиксируются простыми советскими людьми, даже малограмотными крестьянами. Вот как в октябре 1942 г. передает разговор местных жителей о немцах в недавно освобожденном от оккупантов селе в районе Ржева Алексей Сурков:

« – Вот они, немцы, культурными считались. А культура у них какая-то неладная. Остудят в избе, и все зябнут. Велят круглые сутки печь топить. И жаришь до тех пор, пока пожар не случится. Ты им говоришь – почто зря дрова изводить, лучше дверь в сени закройте... Гневаются, того гляди, тумака дадут – «молчи, матка!» – и опять велят за дровами идти.

– А когда они, бесстыжие, при женщинах голиком раздеваются, в корыте плещутся, когда они за столом воздух портят, когда они под себя в избе ходят, – это культура по-ихнему называется?

– Опять же на девок и молодых, как жеребцы стоялые, набрасываются... Ка-торжная ихняя культура, бесстыжая... Неужели они и у себя дома такие?»⁷⁵.

Как видно из этих свидетельств, такое поведение оккупантов во многом диктовалось именно идеологией расового превосходства, отношением как к полноценным людям только к «своим». И шло оно не столько от специфики национальной культуры, сколько от фашистской пропаганды и политики рейха в отношении славянских народов. Лишь немногие немцы в начале войны оценивали ситуацию и противника более адекватно. «Война – это не только наши победы, у нее есть много других сторон. Здесь разыгрываются настоящие трагедии, а мы, их виновники, ни о чем не думаем, и делаем то, что приказано. Приказано считать, что истреблять русских – это гуманно, ведь они люди «второго разряда»... – писал 28 июля 1942 г. с Восточного фронта домой немецкий солдат Хайнрих Линднер, а далее признавал: – Русские – хорошие солдаты, хотя у них ничего нет, только пехота и танки. Русская пехота выросла как единственное оружие против нашей армии. Она воюет, чтобы спасти свою страну, и верит, что имеет на это право. Мы тоже надеемся победить, чтобы все это, наконец, закончилось»⁷⁶.

О роли гитлеровской пропаганды в формировании образа советских людей и соответствующего к ним отношения среди немецкого населения, включая, естественно, армию, свидетельствует еще один немецкий документ, а именно – служебный циркуляр СД «Сообщения из рейха» об образе русского у населения Германии, составленный в апреле 1943 г. В нем отмечается, что до начала войны с СССР немецкий народ узнавал о жизни в Советском Союзе исключительно из прессы, кино, подцензурной литературы и других каналов, проводивших пропагандистскую линию нацизма. Поэтому большинство немцев видело в СССР лишь бездушную систему подавления, а народ представляло как «полуголодную и тупую массу». Поток военнопленных и остарбайтеров (восточных рабочих), вывезенных в Германию, существенно изменил данные представления, поскольку эти люди воспринимались как «живые свидетели большевистской системы, на которых можно проверить существовавший до сих пор образ России и порожденные пропагандой представления о советском человеке». Реальность, как отмечается в циркуляре, оказалась во многом противоположной пропагандистскому образу. В основе его было представление о большевистском безбожии, искоренении интел-

лигенции и обольванивании масс, о низком интеллекте, неграмотности русских, разрушении семьи как ячейки общества, жестоких методах господства и системе наказаний в СССР. Оказалось, что многие остарбайтеры из Советского Союза носили нательные крестики и были религиозны, поражали немцев своими способностями и технической сообразительностью, чрезвычайно низким процентом неграмотных, причем «сравнение знаний немецких и русских сельских рабочих показывает, что русские образованнее», «...что именно у остарбайтеров ярко выражены чувство семьи и высокая нравственность поведения», и что они «не знают телесных наказаний». «Из-за этих выводов, – отмечается в циркуляре, – ...значительно меняется представление о Советском Союзе и его людях. Сталкиваясь с противоречиями такого рода, немцы начинают задумываться. Там, где антибольшевистская пропаганда работает старыми методами и знакомыми аргументами, она не находит доверия и интереса, как это было до и в начале войны с Советским Союзом». Вместе с тем, в циркуляре СД делается вполне утешительный для фашистской пропаганды вывод, что «контакты с людьми, попавшими в рейх, недостаточны для того, чтобы изменить существовавший до сих пор образ России, не говоря уже о том, что многие не дают себе труда поразмышлять об этом»⁷⁷.

У фашистской армии эти контакты были значительно более тесными и двоякого рода – с населением оккупированных территорий и с советскими Вооруженными Силами. Отсюда и более точный образ советских людей, формировавшийся у представителей действующей немецкой армии. «Подавляющее большинство населения не верит в победу немцев, – отмечает в секретном донесении «Настроение местного населения» командир Судетской дивизии генерал-лейтенант Деттлинг в 1943 г., – ...Молодежь обоего пола, получившая образование, настроена почти исключительно просоветски. Она недоверчиво относится к нашей пропаганде. Эти молодые люди с семилетним и выше образованием ставят после докладов вопросы, позволяющие сделать заключение об их высоком умственном уровне. Обычно для маскировки они прикидываются простаками. Воздействовать на них чрезвычайно трудно. Они читают еще сохранившуюся советскую литературу. Эта молодежь сильнее всего любит Россию и опасается, что Германия превратит их родину в немецкую колонию... Молодые люди чувствуют себя с начала немецкой оккупации лишенными будущего»⁷⁸.

И все сильнее были сомнения в собственной победе, ощущение мощи и естественной правоты загадочного русского народа, который воспринимался немцами как часть природной стихии, противостоящей им: «Из этой борьбы против русской земли и против русской природы едва ли немцы выйдут победителями... – писал 5 сентября 1943 г. в своем дневнике лейтенант К.-Ф.Бранд. – Здесь мы боремся не против людей, а против природы... Это – мечь пространства, которой я ожидал с начала войны»⁷⁹.

В зависимости от этапа войны отношение к врагу у советских людей приобретало различные оттенки. «Пусть те, кто начал войну, те, кто принес столько горя и страданий, те, кто покрыл нашу землю огнем и кровью, на своей гнусной шкуре чувствуют, что несет с собой война», – записал в сентябре 1942 г. в своем фронто-

вом дневнике М.Т.Белявский. А спустя ровно два года появились там такие строки: «В Германию придут суровые солдаты справедливости. Теперь это не пророчество, не предсказание, не надежда. Теперь это справка о близком будущем»⁸⁰.

Ненависть к врагу, принесшему столько горя, была естественным доминирующим чувством и в тылу, и особенно на фронте. В ряде случаев она распространялась и на пленных. «В тыловых районах нашей страны отношение к немцам было различным, – вспоминает Р.А.Медведев. – Это зависело от дальности фронта или длительности оккупации. Оно было более терпимым в тех городах, которые не знали немецкой оккупации. В некоторых районах Москвы немецкие военнопленные строили небольшие дома. В Тбилиси, где жила в годы войны моя семья, группы немецких военнопленных ремонтировали трамвайные пути. Они работали молча, но без охраны. Их не жалели, но и не оскорбляли. Однако в Киеве, где в конце 1943 г. немецкие военнопленные расчищали разрушенный центр города, их приходилось охранять»⁸¹.

На фронте ненависть к врагу являлась важнейшим условием боеспособности наших войск, мощной мотивацией их готовности к самопожертвованию, к битве не на жизнь, а на смерть. Почти каждый советский солдат имел личный счет к фашистским оккупантам. У многих погибли родные, были захвачены и разрушены их города и села, многие сами были свидетелями жестокости противника на оккупированной территории. «Мне лично довелось видеть своими глазами следы зверств и поголовного уничтожения фашистскими выродками всего на нашей земле, – говорил на красноармейском собрании своей роты в августе 1944 г. пулеметчик 279 стрелкового полка 19 армии Карельского фронта ефрейтор Соловьев. – Я видел сожженные дотла деревни и села, убитых и замученных наших людей, поруганную нашу русскую землю. Немцы ничего не оставляли в живых, кругом сеяли смерть и разорение... Кровь замученных советских людей зовет нас к кровной мести. Я клянусь, что совершенствую свою выучку, в первом же бою жестоко отомщу фашистским зверям за их злодеяния»⁸².

Ненависть к врагу и жажда мести были естественной основой политической работы и пропаганды в Красной Армии вплоть до разгрома фашистов на их собственной территории. Советским политработникам не нужно было ничего выдумывать, чтобы возбудить у людей эти чувства. Они и так были сильны, и чтобы подкрепить их, достаточно было собрать и обобщить личный опыт каждого. И этим достаточно широко пользовались, собирая «счета мести»⁸³. Об этой форме политической работы в войсках говорится в политдонесении об опыте работы комсомольской организации 28 гв. Краснознаменного Киркенесского стрелкового полка 10 гвардейской стрелковой дивизии 19-й армии 2-го Белорусского фронта от 5 апреля 1945 г.: «24 февраля незадолго до атаки было проведено комсомольское собрание роты с вопросом «За что я мщу немецким захватчикам?» К этому собранию ... провели большую подготовительную работу, собрали у всех комсомольцев и молодежи счета мести гитлеровским громадам, а также другие материалы, показывающие чудовищные злодеяния немецко-фашистских захватчиков. Счета мести собирались так. В каждой роте была сделана тетрадь, в которую все солдаты, сержанты и офицеры записали, какое несчастье им

лично принесли фашисты. Затем этот материал суммировался и представлял внушительный обвинительный акт на немецких палачей»⁸⁴.

Факты зверских убийств и истязаний гитлеровцами советских военнопленных также включались в счета мести, тем более, что свидетельств такого рода было предостаточно: «В связи с проводимыми раскопками могил расстрелянных и замученных немцами советских людей и работой Государственной комиссии Карело-Финской ССР по установлению и расследованию совершенных немцами злодеяний, во всех частях проведены беседы о зверствах немцев на Севере, – говорится в донесении политотдела одной из армий Карельского фронта за октябрь 1944 г. – Вопросам мести немецко-фашистским захватчикам посвящены выпущенные боевые листки и наглядная агитация. При раскопках могил в Сальском лагере присутствовали бойцы и командиры частей, расположенных вблизи этого района, которые рассказали в подразделениях о тех зверствах, истязаниях, которым подвергали немцы наших бойцов, попавших к ним в плен. Рассказы бойцов, видевших следы зверств, взволновали личный состав и еще больше усилили ненависть к врагу. Так, когда в 279 стрелковом полку коммунист Буряга рассказал бойцам о том, что он видел при раскопках могил, то беспартийный красноармеец Платонов не вытерпел и заявил: «О, зверюга немец! Не уйдешь от расплаты! Мы будем в Германии, твоей берлоге, все вспомним, за все ответишь своей кровью. После этой войны немцы будут помнить русских тысячелетиями. Мы выполним волю Сталина, волю всех народов. Скорее бы в бой!»⁸⁵.

Как видно из этого документа, оснований для ненависти к врагу и жажды праведной мести хватало. И приведенные в нем слова бойца о том, что «мы будем в Германии ... и все вспомним», отражали общее настроение народа и армии. Так, весьма созвучна взглядам миллионов советских людей оказалась тема «коллективной ответственности» немцев за преступления фашистского режима и армии. В августе 1944 г. К.Симонов опубликовал в «Красной звезде» статью «Лагерь уничтожения». В ней он описал действие чудовищной машины убийств в концлагере «Майданек» и то, как пленные немцы, которых приводили сюда на «экскурсию», отрицали свою причастность к происходившему в лагере, сваливая вину на СС и СД. Вывод писателя был беспощаден: «Не знаю, кто из них жег, кто из них просто убивал, кто снимал ботинки и кто сортировал женское белье и детские платяца, не знаю. Но когда я смотрю на этот склад вещей [*казненных узников – Е.С.*], я думаю, что нация, породившая тех, кто сделал это, должна нести на себе и будет нести на себе всю ответственность за то, что сделали ее представители»⁸⁶.

На протяжении Великой Отечественной войны тема возмездия была одной из центральных в агитации и пропаганде, а также в мыслях и чувствах советских людей. Задолго до того, как армия приблизилась к вражеской границе, проходя по истерзанной оккупантами родной земле, видя замученных женщин и детей, сожженные и разрушенные города и деревни, советские бойцы клялись отомстить захватчикам сторицей и часто думали о том времени, когда вступят на территорию врага. И когда это произошло, были – не могли не быть! – акты мести, психологические срывы, особенно среди тех, кто потерял свои семьи, убитые оккупантами.

В январе-феврале 1945 г. советские войска развернули Висло-Одерскую и Восточно-Прусскую наступательные операции и вступили на немецкую землю. «Вот она, проклятая Германия!» – написал на одном из самодельных щитов около сгоревшего дома русский солдат, первым перешедший границу⁸⁷. День, которого так долго ждали, наступил. И на каждом шагу встречались советским воинам вещи с нашими фабричными клеймами, награбленные гитлеровцами; освобожденные из неволи соотечественники рассказывали об ужасах и издевательствах, которые испытали в немецком рабстве. Немецкие обыватели, которые поддержали Гитлера и приветствовали войну, беззастенчиво пользовались плодами грабежа других народов, не ожидали, что война вернется туда, откуда она началась – на территорию Германии. И теперь эти «гражданские» немцы, испуганные и заискивающие, с белыми повязками на руках, боялись смотреть в глаза, ожидая расплаты за все, что совершила их армия на чужой земле.

Жажда мести врагу «в его собственном логове» была одним из доминирующих настроений в войсках, тем более, что оно долго и целенаправленно подпитывалось официальной пропагандой. Еще накануне наступления в боевых частях проводились митинги и собрания на тему «Как я буду мстить немецким захватчикам», «Мой личный счет мести врагу», где вершиной правосудия провозглашался принцип «Око за око, зуб за зуб!». И теперь, оказавшись в Германии, немало военнослужащих считало, что в качестве победителей они могут позволить себе все, в том числе и произвол в отношении гражданского населения. Однако после выхода нашей армии за государственную границу СССР у советского правительства появились соображения иного рода, диктовавшиеся, прежде всего, необходимостью достойно и цивилизованно выглядеть в глазах союзников, а также планами на послевоенное устройство в Европе. Негативные явления в армии-освободительнице наносили ощутимый урон престижу Советского Союза и его вооруженным силам, могли отрицательно повлиять на будущие взаимоотношения со странами, через которые проходили наши войска. Советскому командованию приходилось вновь и вновь обращать внимание на состояние дисциплины в войсках, вести с личным составом разъяснительные беседы, принимать особые директивы и издавать суровые приказы. Советский Союз должен был показать народам Европы, что на их землю вступила не «орда азиатов», а армия цивилизованного государства. Поэтому чисто уголовные преступления в глазах руководства СССР приобретали политическую окраску. В этой связи по личному указанию Сталина было устроено несколько показательных судебных процессов с вынесением смертных приговоров виновным, а органы НКВД регулярно информировали военное командование о своих мерах по борьбе с фактами разбоя в отношении мирного населения⁸⁸.

Известная политическая оценка «Гитлеры приходят и уходят, а народ германский, а государство германское остается», данная в Приказе № 55 Наркома обороны еще 23 февраля 1942 г., была активно взята на вооружение пропагандой и имела немалое значение для формирования новой (а в сущности, реанимированной старой, довоенной) психологической установки советских людей в отношении противника⁸⁹. Но одно дело умом понимать эту очевидную истину, и совсем другое – стать выше своего горя и ненависти, не дать волю слепой жажде мести. Последовавшие в начале 1945 г.

разъяснения политотделов о том, «как следует себя вести» на территории Германии, явились для многих неожиданностью и часто отвергались.

Вот как вспоминал об этом писатель-фронтовик Давид Самойлов: «Лозунг «Убей немца!» решал старинный вопрос методом царя Ирода. И все годы войны не вызывал сомнений. «Разъяснение» 17 апреля (статья Александрова, тогдашнего руководителя нашей пропаганды, где критиковалась позиция Ильи Эренбурга – «Убей немца!» – и по-новому трактовался вопрос об ответственности немецкой нации за войну) и особенно слова Сталина о Гитлере и народе как бы отменяли предыдущий взгляд. Армия, однако, понимала политическую подоплеку этих высказываний. Ее эмоциональное состояние и нравственные понятия не могли принять помилования и амнистии народу, который принес столько несчастий России»⁹⁰.

Кстати, закономерность ненависти к Германии со стороны вступавших на ее территорию советских войск понимали в то время и сами немцы. Вот что записал в своем дневнике 15 апреля 1945 г. о настроении берлинского населения 16-летний Дитер Борковский: «...В полдень мы отъехали в совершенно переполненном поезде городской электрички с Анхальтского вокзала. С нами в поезде было много женщин – беженцев из занятыми русскими восточных районов Берлина. Они тащили с собой все свое имущество: набитый рюкзак. Больше ничего. Ужас застыл на их лицах, злость и отчаяние наполняло людей! Еще никогда я не слышал таких ругательств... Тут кто-то заорал, перекрывая шум: «Тихо!» Мы увидели невзрачного грязного солдата, на форме два железных креста и золотой Немецкий крест. На рукаве у него была нашивка с четырьмя маленькими металлическими танками, что означало, что он подбил 4 танка в ближнем бою. «Я хочу вам кое-что сказать», – кричал он, и в вагоне электрички наступила тишина. «Даже если вы не хотите слушать! Прекратите ныть! Мы должны выиграть эту войну, мы не должны терять мужества. Если победят другие – русские, поляки, французы, чехи – и хоть на один процент сделают с нашим народом то, что мы шесть лет подряд творили с ними, то через несколько недель не останется в живых ни одного немца. Это говорит вам тот, кто шесть лет сам был в оккупированных странах!» В поезде стало так тихо, что было бы слышно, как упала шпилька»⁹¹.

Акты мести были неизбежны. И нужно было прилагать специальные усилия, чтобы не допустить их широкого распространения. Не случайно, выйдя на земли Восточной Пруссии, командующий 2-м Белорусским фронтом маршал К.К.Рокоссовский вынужден был издать приказ № 006, призванный «направить чувство ненависти людей на истребление врага на поле боя», карающий за мародерство, насилия, грабежи, бессмысленные поджоги и разрушения. Отмечалась опасность такого рода явлений для морального духа и боеспособности армии. 20 апреля 1945 г. была принята специальная директива Ставки Верховного Главнокомандования о поведении советских войск в Германии⁹². Политическая работа в войсках также была направлена на то, чтобы «направить чувство ненависти к врагу по правильному руслу»⁹³.

Впрочем, бесчинствовали в основном тыловики и обозники. Боевым частям было просто не до того – они воевали. Их ненависть выплескивалась на врага воо-

руженного и сопротивляющегося. А с женщинами и стариками «сражались» те, кто старался быть подальше от передовой. Вспоминая бои в Восточной Пруссии, Л.Копелев, бывший политработник, впоследствии писатель, рассказывал: «Я не знаю статистики: сколько там было среди наших солдат негодяев, мародеров, насильников, не знаю. Я уверен, что они составляли ничтожное меньшинство. Однако именно они и произвели, так сказать, неизгладимое впечатление»⁹⁴. Следует отметить, что многие солдаты и офицеры сами решительно боролись с грабежами и насилиями. Их пресечению способствовали и суровые приговоры военных трибуналов. Однако судили они не только за мародерство и насилие, но и за «буржуазный гуманизм» по отношению к побежденным⁹⁵.

На противоречие политических установок до и после вступления на вражескую территорию обращали внимание и сами политработники. Об этом свидетельствует выступление 6 февраля 1945 г. начальника Политуправления 2-го Белорусского фронта генерал-лейтенанта А.Д.Окорокова на совещании работников отдела агитации и пропаганды фронта и Главпура РККА о морально-политическом состоянии советских войск на территории противника: «...Вопрос о ненависти к врагу. Настроение людей сейчас сводится к тому, что говорили, мол, одно, а теперь получается другое. Когда наши политработники стали разъяснять приказ № 006, то раздавались возгласы: не провокация ли это? В дивизии генерала Кустова при проведении бесед были такие отклики: «Вот это политработники! То нам говорили одно, а теперь другое!» Причем, надо прямо сказать, что неумные политработники стали рассматривать приказ № 006 как поворот в политике, как отказ от мести врагу. С этим надо повести решительную борьбу, разъяснив, что чувство ненависти является нашим священным чувством, что мы никогда не отказывались от мести, что речь идет не о повороте, а о том, чтобы правильно разъяснить вопрос. Конечно, наплыв чувств мести у наших людей огромный, и этот наплыв чувств привел наших бойцов в логово фашистского зверя и поведет дальше в Германию. Но нельзя отождествлять месть с пьянством, поджогами. Я сжег дом, а раненых помещать негде. Разве это месть? Я бессмысленно уничтожаю имущество. Это не есть выражение мести. Мы должны разъяснить, что все имущество, скот завоеваны кровью нашего народа, что все это мы должны вывезти к себе и за счет этого в какой-то мере укрепить экономику нашего государства, чтобы стать еще сильнее немцев. Солдату надо просто разъяснить, сказать ему просто, что мы завоевали это и должны обращаться с завоеванным по-хозяйски. Разъяснить, что если ты убьешь в тылу какую-то старуху-немку, то гибель Германии от этого не ускорится. Вот немецкий солдат – уничтожь его, а сдающегося в плен отведи в тыл. Направь чувство ненависти людей на истребление врага на поле боя. И наши люди понимают это. Один сказал, что мне стыдно за то, что я раньше думал – сожгу дом и этим буду мстить. Наши советские люди организованные и они поймут существо вопроса. Сейчас имеется постановление ГКО о том, чтобы всех трудоспособных немцев-мужчин от 17 до 55 лет мобилизовать в рабочие батальоны и с нашими офицерскими кадрами направлять на Украину и в Белоруссию на восстановительные работы. Когда мы по настоящему воспитаем у бойца чувство ненависти к немцам, тогда боец на немку не

полезет, ибо ему будет противно. Здесь нам нужно будет исправить недостатки, направить чувство ненависти к врагу по правильному руслу»⁹⁶.

И действительно, пришлось немало потрудиться для изменения сформировавшейся ходом самой войны и предшествующей политической работы установки армии на месть Германии. Пришлось опять разводить в сознании людей понятия «фашист» и «немец». «Политотделы ведут большую работу среди войск, объясняют, как надо вести себя с населением, отличая неисправимых врагов от честных людей, с которыми нам, наверное, еще придется много работать. Кто знает, может быть, еще придется им помогать восстанавливать все то, что разрушено войной, – писала весной 1945 г. работник штаба 1-й гвардейской танковой армии Е.С.Катукова. – Сказать по правде, многие наши бойцы с трудом принимают эту линию тактичного обращения с населением, особенно те, чьи семьи пострадали от гитлеровцев во время оккупации. Но дисциплина у нас строгая. Наверное, пройдут годы, и многое изменится. Будем, может быть, даже ездить в гости к немцам, чтобы посмотреть на нынешние поля боев. Но многое до этого должно перегореть и перекипеть в душе, слишком близко еще все то, что мы пережили от гитлеровцев, все эти ужасы»⁹⁷.

Особую проблему являла собой психология восприятия советскими людьми границы, прежние представления о которой сильно расходились с увиденным в действительности. Годами внушаемые идеологические догмы пришли в противоречие с реальным жизненным опытом. Недаром так тревожили политотделы «новые настроения», когда в письмах домой солдаты описывали жизнь и быт немецкого населения «в розовых красках», сравнивая увиденное с тем, как жили сами до войны, и делая из этого «политически неверные выводы». Бедные по европейским стандартам дома казались им зажиточными, вызывая, с одной стороны, зависть и восхищение, а с другой, озлобляя своей, по их понятиям, роскошью. Так, в документах того периода часто упоминаются разбитые часы, рояли, зеркала. «Наступаем, можно сказать, совершаем триумфальное шествие по Восточной Пруссии, – рассказывала в письме своему фронтовому другу Ю.П.Шарапову от 9 февраля 1945 г. из-под Кенигсберга военврач Н.Н.Решетникова. – Ничего общего нет с нашим лесным наступлением [в Карелии]. Двигаемся по прекрасным шоссе. Всюду и везде валяется разбитая техника, разбитые фургоны с различным ярким тряпьем. Бродят коровы, свиньи, лошади, птицы. Трупы убитых перемешались с толпами беженцев – латышей, поляков, французов, русских, немцев, которые двигаются от фронта на восток на лошадях, пешком, на велосипедах, детских колясках, и на чем только они не едут. Вид этой пестрой, грязной и помятой толпы ужасен, особенно вечером, когда они ищут ночлега, а все дома и постройки заняты войсками. А войск здесь столько, что даже мы не всегда находим себе дома. Вот, например, сейчас расположились в лесу в палатках... Жили здесь культурно и богато, но поражает стандарт везде и всюду. И после этого окружающая роскошь кажется ничтожной, и, когда замерзаешь, то без сожаления ломаешь и бьешь прекрасную мебель красного или орехового дерева на дрова. Если бы ты только знал, сколько уничтожается ценностей Иванами, сколько сожжено прекраснейших, комфортабельных домов. А в то же время солдаты и правы. С собой на тот свет

или на этот всего взять не может, а, разбив зеркало во всю стену, ему делается как-то легче, – своеобразное отвлечение, разрядка общего напряжения организма и сознания»⁹⁸. Однако это распространенное явление – бессмысленное уничтожение предметов роскоши и быта на вражеской земле, отмеченное военным медиком, служило не только для психологической разрядки. И своим «разрушительством», и отдельными актами насилия, направленными на гражданское население Германии, люди выплескивали чувство мести за гибель семьи и друзей, за разрушенный дом, за свою сломанную жизнь. Не трудно понять чувства солдата, крушившего предметы быта, дававшего выход своей горечи. Или отправлявшего домой, в разрушенную родную деревню разрешенную командованием посылку из трофейных вещей. «Фриц бежит, все свое бросает, – писала родным 20 февраля 1945 г. из действующей армии В.Герасимова. – Невольно вспоминается 41-й год. В квартирах все оставлено – шикарная обстановка, посуда и вещи. Наши солдаты теперь имеют право посылать посылки и они не теряются. Я уже писала, что мы были в барских домах, где жили немецкие бароны. Они бежали, оставляя все свое хозяйство. А мы питаемся и поправляемся за их счет. У нас нет недостатка ни в свинине, ни в пище, ни в сахаре. Мы уже заелись и нам не все хочется кушать. Теперь перед нами будет Германия, и вот иногда встречаются колонны фрицев, как будто чем-то прибитых, с котомками за плечами. Пусть на себе поймут, как это хорошо. Иногда встречаются и наши, возвращающиеся на Родину люди. Их сразу можно узнать. И вот невольно сравниваешь 41-й год с 45-м и думаешь, что этот 45-й должен быть завершающим»⁹⁹.

Конечно, дошедшие до нас документы не могут охватить все многообразие взглядов, мыслей и чувств, которые возникли у советских людей, когда они перешли государственную границу СССР и двинулись на запад. Но и в них ясно видны и новые политические настроения, и отношение к ним сталинской системы, и проблемы дисциплинарного характера, которые возникают перед любой армией, воюющей на чужой территории, и целый ряд нравственных и психологических проблем, с которыми пришлось столкнуться советским солдатам в победном 1945 году.

Для подавляющего большинства советских воинов на этом этапе войны характерным стало преодоление естественных мстительных чувств и способность по-разному отнестись к врагу сопротивляющемуся и врагу поверженному, тем более к гражданскому населению. Преобладание ненависти, «ярости благородной», справедливой жажды отмщения вероломно напавшему, жестокому и сильному противнику на начальных этапах войны сменилось великодушием победителей на завершающем этапе и после ее окончания. «Перешли границу – Родина освобождена, – вспоминает бывший санинструктор Софья Кунцевич. – Я думала, что когда мы войдем в Германию, то у меня ни к кому пощады не будет. Сколько ненависти скопилось в груди! Почему я должна пожалеть его ребенка, если он убил моего? Почему я должна пожалеть его мать, если он мою повесил? Почему я должна не трогать его дом, если он мой сжег? Почему? Хотелось увидеть их жен, матерей, родивших таких сыновей. Как они будут смотреть нам в глаза?.. Все мне вспомнилось, и думаю: что же будет со мной? С нашими солдатами? Мы все помним... Пришли в какой-то поселок, дети бегают – голодные, несчастные. И я, которая клялась, что всех их ненавижу, я соберу у своих

ребят все, что у них есть, что осталось от пайка, любой кусочек сахара, и отдам немецким детям. Конечно, я не забыла, я помнила обо всем, но смотреть спокойно в голодные детские глаза я не могла»¹⁰⁰.

Гуманность советских войск по отношению к немецкому населению после всего, что совершили гитлеровские войска на оккупированной ими территории, была удивительна даже для самих немцев. Тому есть немало свидетельств. Вот одно из них, зафиксированное в донесении от 15 мая 1945 г. члена Военного совета 5-й ударной армии генерал-лейтенанта Ф.Е.Бокова командующему войсками 1-го Белорусского фронта о политическом настроении жителей Берлина в связи с проводимыми советским командованием мероприятиями: «Домохозяйка Елизавета Штайм заявила: «Я имею троих детей. Мужа у меня нет. Я предполагала, что всем нам придется погибнуть от голодной смерти. Нацисты говорили, что большевики расстреливают все семьи, в которых кто-нибудь участвовал в войне против России. Я решила открыть вены своим детям и покончить самоубийством. Но мне было жалко детей, я спряталась в подвал, где мы просидели голодными несколько суток. Неожиданно туда зашли четыре красноармейца. Они нас не тронули, а маленькому Вернеру даже дали кусок хлеба и пачку печенья. А сейчас мы видим, что все советское командование беспокоится о том, чтобы население не умирало с голоду. Больше того, выдают всякие нормы и беспокоятся о восстановлении наших жилищ. Я беседовала со всеми жильцами нашего дома. Все они очень довольны таким отношением русского командования к нам. От радости мы завели патефон и танцевали целый вечер. Некоторые высказывали только такую мысль – неужели так и будет дальше, неужели так и дальше будут снабжать. Если будет так, то остается только одно – устроиться на работу и восстанавливать разрушенное...»¹⁰¹.

Вряд ли только политические директивы и грозные приказы могли остановить праведный гнев побеждавшей Советской Армии, который имел достаточно оснований вылиться в слепую месть поверженному врагу. И такие случаи, конечно же, были. Но они не превратились в систему. Причины этого, на наш взгляд, достаточно точно определил Д.Самойлов: «Германия подверглась не только военному разгрому. Она была отдана на милость победного войска. И народ Германии мог бы пострадать еще больше, если бы не русский национальный характер – незлобливость, немстительность, чадолубие, сердечность, отсутствие чувства превосходства, остатки религиозности и интернационалистического сознания в самой толще солдатской массы. Германию в 45-м году пощадил природный гуманизм русского солдата»¹⁰².

Эти качества проявились и по отношению к немецким военнопленным. «Народ мой и в запальчивости не переходит границ разума и не теряет сердца, – писал 19 июля 1944 г. Леонид Леонов после того, как по Москве провели многотысячную колонну немцев. – В русской литературе не сыскать слова брани или скалозубства против вражеского воина, плененного в бою. Мы знаем, что такое военнопленный. Мы не ждем пленных, не уродуем их: мы не немцы. Ни заслуженного плевка, ни камня не полетело в сторону врагов, переправляемых с вокзала на вокзал, хотя вдовы, сироты и матери замученных ими стояли на тротуарах, во всю длину шествия. Но даже русское благородство не может уберечь от ядовитого слова презренья эту по-

павшуюся шпану: убивающий ребенка лишается высокого звания солдата...»¹⁰³. И символом этого народного презрения стали десятки поливочных машин, пущенных за колонной пленных, чтобы смыть самый след, самый дух их с московских улиц. Даже в гуманном обращении с пленными согласно международному праву содержалось подчеркнутое противопоставление собственного образа человека и образа фашистского врага-зверя, находящегося за рамками всех цивилизованных норм.

Итак, в ходе Великой Отечественной войны и образ врага, и отношение к нему прошли достаточно сложную эволюцию. Перед войной и в самом ее начале имели существенное значение идеологические стереотипы. Так, если в предвоенные годы в сознание масс была внесена идея о некоей «исторической миссии страны победившего социализма» – лидера мирового пролетариата, а характер будущей войны виделся наступательным и победоносным, при безусловной поддержке со стороны трудящихся Европы, и, прежде всего, Германии, то с началом войны, принявшей сразу характер оборонительный, при жестокой борьбе за само выживание, на первый план выдвинулись национально-патриотические чувства. Иллюзии, в том числе порожденные идеологическими догмами, в столкновении с жестокой реальностью прямого противоборства с фашизмом рассеялись, а идея мировой революции и освобождения «братьев по классу», принесенного на штыках Красной Армии, быстро сменилась ненавистью к врагу, независимо от его классового происхождения, несшему разрушения и смерть, попрание национального достоинства и святынь. Под знаком этих чувств – любви к Родине и ненависти к врагу – советский солдат прошел всю войну. Однако, в плане психологическом с ненавистью к врагу не все обстояло так просто. Нужно было пережить первый трагический период войны, горький опыт потерь друзей и близких, чтобы советский солдат проникся этим чувством к агрессору, принесшему смерть и кровь на родную землю. Наивысшим его выражением стало стихотворение К.Симонова «Убей его!» В дальнейшем тема ненависти к врагу становится обычной для листовок, фронтовых и центральных газет, политзанятий, публицистики.

Справедливая цель, во имя которой боролся наш народ, – защита Родины от агрессора, – по своему морально-политическому и социально-психологическому воздействию на массы оказалась сильнее идеологии фашизма, умело насаждавшейся милитаристской психологии и теории расового превосходства. Они внушались хорошо отлаженной системой гитлеровской пропаганды целому поколению немцев, принимавших участие в грабительских, завоевательных походах, за которые каждому были обещаны крупная сумма денег и участок земли с рабами из числа жителей покоренных стран¹⁰⁴. Гитлер возвел низменные инстинкты в ранг государственной морали и политики, «освободил» немецких солдат от «химеры совести», а фашистская пропаганда формировала в сознании своего народа образ русского человека как низшего, ущербного существа, недостойного европейской цивилизации и неспособного противостоять натиску «избранной» арийской расы. Но хотя немецкая армия сражалась с огромным упорством и ожесточением и показала достаточно примеров храбрости, нет свидетельств совершения немецкими солдатами и офицерами ни воздушных таранов, ни актов самопожертвования,

подобных подвигам Александра Матросова и Николая Гастелло. Напрасно уже в конце войны фашистское правительство призывало немецкий народ развернуть партизанскую войну против советских войск на территории Германии, а участникам обороны Берлина ставило в пример стойкость защитников Москвы. Когда пропаганда не находит других средств, кроме как сослаться на пример героизма собственного противника, это говорит о многом. Французский историк М.Ларан, занимающийся изучением истории России и Советского Союза, констатирует в своей книге, что «самоотверженность, которую в войне проявили советские люди, достойна самого искреннего восхищения. Духовно они оказались неизмеримо выше своего врага»¹⁰⁵. И это духовное превосходство проявилось, в частности, на последнем этапе войны, когда чувства ненависти и праведного гнева советских воинов не переросли в слепую месть поверженному противнику, не вылились в массовую резню гражданского населения и немецких военнопленных.

Сталинградские письма советских и немецких солдат: компаративный анализ ментальностей

Особый ракурс проблемы «образ врага» раскрывается при изучении солдатских писем. По ним можно проследить состояние и динамику морального духа, всего комплекса социально-психологических качеств личного состава советской и германской армий, сравнить их ментальности, то есть, по сути, выявить глубинные истоки конечного исхода противостояния двух сторон во Второй мировой войне. И здесь особенно интересно сопоставить письма противников применительно к одному периоду и театру военных действий, когда солдаты противоборствующих армий находились в примерно одинаковых условиях, и у исследователя есть уникальная возможность рассмотреть совокупность их психологических проявлений «одномоментно», ситуационно, в контексте какого-либо военного события и эпизода.

В этом смысле очень удобный объект изучения представляет собой Сталинградская битва, поскольку фиксирует определенную, переломную стадию Великой Отечественной войны, достаточно протяженную во времени и характеризующуюся рядом специфических для нее параметров.

Особое значение имело осознание обеими воюющими сторонами во многом решающего характера этого сражения, и как следствие – его крайняя жесточность и упорство обеих сторон. Причем развитие этой битвы стало как бы зеркальным для противников: немецкая сторона прошла путь от стадии успешного наступления через длительные позиционные бои к полному краху, тогда как советская сторона, напротив, – от этапа отступления и тяжелых оборонительных боев до триумфальной победы в главном сражении Второй мировой войны. То есть сама битва на Волге представляет собой своеобразную естественную социально-психологическую модель динамики массовых настроений и поведения воинов в предельно экстремальной обстановке на грани жизни и смерти, в которой решалась судьба ключевых ценностей воюющих сторон, участь не только отдельных людей, но и целых народов. Она позволяет проводить весьма эффективный компаративный

анализ психологического состояния и морального духа двух противостоящих армий в динамике военных событий на общем театре боевых действий. А уникальным источником для такого анализа как раз и могут служить солдатские письма.

С точки зрения источниковедения, весьма важен вопрос, насколько адекватно и полно фронтовые письма как вид источника отражали действительные умонастроения бойцов на фронте. Здесь следует принимать во внимание целый ряд «внешних» по отношению к человеку и «внутренних» факторов.

Так, когда советские бойцы писали письма, они, безусловно, учитывали неизбежность их прохождения через военную цензуру, а значит, обычно прибегали к самоцензуре (которую условно можно назвать «политической»), стараясь не допускать в своих посланиях той информации, которая могла бы вызвать неприятности для них самих и их адресатов, как правило, – близких людей. Существовало и такое явление, как психологическая самоцензура, когда в письмах, направляемых родным и близким, бойцы сознательно умалчивали об опасности и тяготах фронтовой жизни, чтобы не волновать дорогих им людей. Поэтому следует учитывать степень откровенности в письмах в зависимости от их адресата: далеко не всегда то, что боец честно рассказывал другу, он мог написать матери, сестре, жене или невесте, щадя их чувства.

Современные исследователи, конечно же, не могут с абсолютной точностью определить степень влияния этой самоцензуры на содержание писем, т.е. насколько она искажала действительные настроения. Однако мы можем косвенно судить о тенденциях в этих настроениях по сохранившимся сводным данным о работе Отделений военной цензуры Особых Отделов НКВД (далее – ОВЦ ОО НКВД), обработавших сотни тысяч писем и осуществивших их статистический анализ. Эти данные тем более важны, что даже при сознательной самоцензуре их авторов многие письма оказывались, с точки зрения цензоров, «неправильными». Поэтому, при всех оговорках, фронтовые письма являются, пожалуй, самыми уникальными и искренними массовыми свидетельствами того времени. Они отражают, по сути, весь спектр солдатской жизни в боевых и прифронтовых условиях, но больше всего характеризуют ее бытовые аспекты.

Именно быт наиболее ярко выявляет закономерности, общие черты солдатской психологии. Как правило, людей на передовой волновали одни и те же житейские вопросы, о чем в частности свидетельствуют их письма домой. Так, во всех письмах участников Великой Отечественной войны преобладало описание деталей военного быта: устройство жилого помещения, распорядок дня, рацион питания, денежное довольствие, состояние обуви, досуг, нехитрые солдатские развлечения. Казалось бы, мелочи, но те мелочи, без которых нельзя жить... Затем следовали характеристики боевых товарищей и командиров, взаимоотношений между ними, то есть проблемы человеческого общения. Нередки были воспоминания о доме, родных и близких, о довоенной жизни, мечты о мирном будущем, о возвращении с войны. Давались описания погодных условий, местности, где приходилось воевать, и собственно боевых действий. Встречались рассуждения о патриотизме, воинском долге, об отношении к службе и должности, но этот «идеологический мотив» был явно вторичен, возникал там и тогда, когда «новостей нет» и «больше писать не о чем», хотя это вовсе не отрицало искренности самих патрио-

тических чувств. Попадались и высказывания в адрес противника, как правило, иронические или ругательные. И все же «героический» аспект войны, отраженный в письмах, явно уступал по значимости житейскому, будничному, повседневному, потому что даже под пулями, рядом с кровью и смертью, люди пытались просто жить. И кроме того, старались успокоить своих близких, показать им, что живут неплохо и что на войне «не так уж страшно».

Вот отрывок из типичного солдатского письма, в котором есть и бытовые подробности, и забота о близких, и оптимистический настрой, вопреки всем тяготам войны. Морской пехотинец Виктор Барсов писал 8 сентября 1942 г.: «Здравствуйте, мои дорогие! Извините за мое вынужденное молчание. Во-первых, был в окружении, во-вторых, ведем жестокие бои – некогда выбрать время для письма, да и бумаги с конвертом не так-то просто достать. Пользуясь кратковременной передышкой, – пишу. Я жив, здоров, питаюсь отлично, так как Родина для нас, защитников города Сталинграда, не жалеет ничего, но и мы для Родины готовы всем пожертвовать, вплоть до самой жизни. Сталинград должен быть наш и будет!.. Впрочем, у меня все в порядке, прошу обо мне не беспокоиться. Вот от вас давно уже ничего не получал... Ну, а как дома дела? Как с продуктами? Как учится Нина? Как здоровье папы?.. Мне пришлите свои фотокарточки... Пишите мне почаще и обо всем... Пока до свидания. Целую всех крепко»¹⁰⁶.

Материалы военной цензуры, пожалуй, с наибольшей адекватностью позволяют оценить состояние и динамику массовых настроений в армии на протяжении всей Сталинградской битвы. Они в целом подтверждают общую закономерность преобладания в переписке бойцов писем семейно-бытового содержания. Так, в Спецсообщении отделения ВЦ 62-й армии в ОО НКВД Сталинградского Фронта «О перлюстрации красноармейской почты» за период с 15 июля по 1 августа 1942 г. указано, что из 67380 просмотренных писем 64392, то есть 95,6%, носят бытовой характер¹⁰⁷.

Подавляющая часть писем, посвященных исключительно бытовым вопросам, в «политическом» плане оценивалась органами военной цензуры как «нейтральная». Значительная часть писем определялась ими как «положительная», как правило, отражающая, наряду с житейскими вопросами, «здоровое политико-моральное состояние личного состава частей армии, высокий дух патриотизма, преданность Родине и готовность вести борьбу с фашизмом до полного разгрома немецкой армии», выражающая «уверенность военнослужащих в полной победе над врагом»¹⁰⁸. Так, в Докладной записке ОО НКВД Сталинградского фронта в Управление ОО НКВД СССР и Политуправление Сталинградского фронта «О настроениях военнослужащих частей Сталинградского фронта, по материалам ВЦ от 4 ноября 1942 г. говорится: «Проверкой писем, исходящих от бойцов и командиров частей Сталинградского фронта, установлено, что большая часть писем содержит в себе положительные реагирования по вопросу защиты города Сталинграда и борьбы с немецкими оккупантами... Бойцы передовой линии в письмах своим родным и знакомым, делятся своими боевыми подвигами, выражают свою ненависть к немецким захватчикам и стремление бороться с врагом до полного его уничтожения»¹⁰⁹.

Даже в самый напряженный период сражения на Волге люди верили в его успешный исход. С 17 июля по 18 ноября 1942 года продолжался оборонительный этап Сталинградской битвы, в ходе которого советские воины выдержали чудовищный натиск превосходящих сил вражеской группировки и обескровили ее. Но уже в конце октября в письме к матери старший лейтенант Борис Кровицкий написал пророческие слова: «...На Волге бои идут тяжелейшие. И все-таки чувствуем: скоро перелом. Я уверен, что разгром немцев начнется так же внезапно, как и началась война. Собственно, это закономерно. В ходе войны накоплены опыт и силы. И это неизбежно приведет к резкому перелому на фронте (диалектика!) даже и без вмешательства наших упорно разговаривающих союзников»¹¹⁰.

Лишь незначительный процент писем оценивался военной цензурой как «отрицательный», причем к таковым относились как «провокационные», содержащие «антисоветские высказывания», «упаднические и религиозные» настроения, так и жалобы на плохое питание, вшивость, сообщения о смерти товарищей и т.п. При этом «вредных политических оценок» в письмах было гораздо меньше, чем выражений недовольства по поводу бытовых условий. По сути, цензура оценивала как негативные в подавляющей части просто критические, нередко здравые высказывания относительно положения на фронтах и компетентности командования, отношения с союзниками, плохих условий снабжения и быта, попытки трезво оценить действия и силу противника и т.д. Например, те редкие письма, в которых говорилось, что у немцев хорошая авиация или артиллерия, расценивались как «восхваление неприятеля». Некоторые авторы «отрицательных» писем брались «на учет» и «разрабатывались» органами НКВД.

Интересно сопоставить эти психологические характеристики советских бойцов с психологией противника, то есть немецких солдат на том же Сталинградском фронте, которая также нашла отражение в письмах.

Немецкие солдаты находились в такой же экстремальной ситуации на грани жизни и смерти, что и советские бойцы. Но отличалась она тем, что воевали они на чужой земле, на которую пришли оккупантами, находились за тысячи километров от своей страны, в глубине вражеской территории, и динамика ситуации развивалась не в их пользу.

Доминирующим настроением немецких солдат в этих условиях, в противоположность тому, что внушалось гитлеровской пропагандой, было отнюдь не стремление к подвигам во имя приобретения Рейхом новых пространств на Востоке, а стремление домой, к своей семье, тоска по прошлому, по мирному, отлаженному быту, уютному семейному очагу. Вот мнение американского исследователя Томаса А. Кохута и его немецкого коллеги Юргена Ройлекке, изучавших комплекс немецких писем из Сталинграда: «Одной из наиболее бросающейся в глаза особенностей этих солдатских писем Второй мировой войны является отсутствие в них рефлексий по поводу героического военного опыта... Весьма примечательно, как мало содержится в этих письмах описаний боевых действий, как редко выражают солдаты восторг по поводу своих военных переживаний, как откровенно мало гордятся они своими боевыми победами, орденами и повышениями в долж-

ности, как мало упоминают о психологическом и моральном значении товарищества, как редко говорят о враге в презрительном или резко пренебрежительном тоне, да и вообще как редко о нем упоминают и как мало в письмах, адресованных женщинам, шовинистических выражений»¹¹¹. В немецких письмах, как и в письмах советских солдат, преобладают бытовые вопросы. Однако их доминанту можно определить как «жалобное нытье» по поводу утраченного бытового благополучия мирного времени, несмотря на то, что и в немецкой армии активно работала военная цензура, существование которой авторы писем не могли не учитывать. Не могли они не знать и того, что их жалобы вызовут естественное волнение и беспокойство их адресатов, прежде всего близких людей. Однако тенденция деморализации армии, прошедшей от успехов и побед к аду сталинградского «котла», атрофировала многие нормальные человеческие качества, способность адекватно оценивать и свое положение, и последствия своих действий.

Так, например, обер-ефрейтор Герман Вигребе писал брату 29 сентября 1942 г.: «О себе хорошего писать нечего – 4 недели нет подвоза мяса и жиров, и единственная мысль, беспокоящая меня – это о моем желудке. Но сегодня мой приятель (он ездовой) принес мне целый котелок требухи, так что ворчания в желудке я сейчас не чувствую. Не можете себе представить, однако, как меня мучает жажда. Мы находимся южнее Сталинграда, очень недалеко от Волги, но «близок локоть, да не укусишь» – воду достать очень трудно... Мы находимся в обороне уже две недели, Сталинград почти что в наших руках. Но мы не наступаем, так как мало снарядов. У русских тоже снарядов нет и жрать нечего, но та небольшая горстка людей, которая осталась здесь от их многочисленных дивизий, бросается порой вперед, как будто их подгоняют сзади каленым железом... На днях мы отправились в разведку и увидели двух русских. Одного пристрелили, другой убежал, при этом бросив вещевой мешок, в котором оказались сухари и концентрат. Мы его немедленно стали варить, но я не утерпел и съел полусырым... Вообще вы не можете себе представить того, что здесь происходит и порой приходится пережить... На днях пробегали собаки, я стрелял, но та, которую я подстрелил, оказалась очень тощей... По ночам я страдаю от холода и вообще нервы очень напряжены. Вы бы меня не узнали, так я изменился...»¹¹².

Письмо Г. Вигребе написано в конце сентября 1942 г., когда до «сталинградского котла» еще очень далеко, исход битвы еще не ясен, и советская армия находится в гораздо худшем положении, чем германская. Однако каждая строчка наполнена жалобами и натуралистическими подробностями «желудочных» проблем. В этой связи весьма характерными представляются дневниковые записи немецкого солдата Альфреда Риммера, в которых эта тема также является доминирующей, но уже в ином ракурсе – как иллюстрация типичного поведения захватчиков на советской территории. Еще 24 июня 1942 г., за два месяца до выхода его воинской части в район Сталинграда, он приводит весьма своеобразное описание и восприятие боевой обстановки: «Рота расположилась у цели в предместье г. Изюма. В 3 часа началась атака. В городе уничтожили большое количество танков и взяли много пленных. Это было относительно весело, так как нам досталось приличное

количество моркови и редиса. При обыске домов ели очень много яиц, пили много молока, ели хлеб и колбасу, масло, мармелад, сахар и т.д. Колбасу мы ели без хлеба, т.к. просто уже не могли больше. Нашему отделению посчастливилось достать 3 куска копченого сала. После жиров и яиц мы облизывали пальцы». 15 июля следует еще одна запись аналогичного свойства: «Поехали в село, достали вишен. В обед были картофель и телятина. После обеда наше отделение уничтожило еще две курицы, гуся, жареный картофель и вишни с сахаром. В 6 часов дали еще картофель с гуляшом. Это настоящий день обжорства. Из наших продуктов ничего не использовано, так как вдоволь добычи. Кухня режет ежедневно не меньше одной головы скота и солит свинину»¹¹³.

В докладной записке ОО НКВД Сталинградского фронта в УОО НКВД СССР от 31 октября 1942 г. «О дисциплине и морально-политическом состоянии армий противника», составленной на основе агентурных материалов, показаний военнопленных и трофейных документов, говорится о том, что «огромное разлагающее влияние на германскую армию оказывает установившаяся в ней система грабежей, мародерства, издевательств над мирным населением... Грабеж и насилия по существу поощряются командованием. Случаи наказания виновных неизвестны, а в ряде изданных распоряжений по существу узаконивается грабеж и вводится лишь в известные рамки»¹¹⁴. При этом «изъятие у местного населения продовольствия» грабежом не считалось вовсе. Стоит ли удивляться тому, что привыкшие «ни в чем себе не отказывать» за счет мирных жителей оккупированных ими территорий, немцы так болезненно воспринимали ситуацию с ухудшением продовольственного снабжения своих войск в районе Сталинграда? И спешили поделиться с родственниками своими проблемами, пожаловаться на тяготы фронтовой жизни...

Приведем еще одно достаточно типичное, далеко не самое мрачное немецкое письмо из Сталинграда, в котором отразились и рефлексия по поводу довоенной жизни, и жалобы на бытовые трудности, и пессимистическая доминанта солдатских настроений перед лицом военных неудач с главной установкой на выживание, и стремление «приобщить» близких к своим проблемам. Вот что писал 3 декабря 1942 г. своим родным Курт Ройбер: «Внешне все выглядит так: мы сидим, скрючившись, в норах степных оврагов. Кое-как окопались и разместились. Грязь и глина. Кроме этого под руками нет ничего. Нет дерева для укрепления землянок. Огневые позиции очень неудобны. Воды в обрез, ее привозят издалека. Продовольствия хватает настолько, чтобы не умереть с голоду. Однообразный ландшафт наводит грусть и уныние. Обычная зимняя погода, мороз усиливается. Снег, поземка, холода, а то вдруг – дождь со снегом. Обмундирование нормальное: ватные штаны, куртки на меху, валеные сапоги. Моя драгоценная шуба в такой ситуации была бы незаменима. После отпуска ни разу не раздевался. Вши. Ночью мыши. Сверху сыплется песок. Вокруг все грохочет, но у нас хорошее прикрытие. Делимся остатками сэкономленной пищи... Вспоминается прекрасная прежняя жизнь с ее радостями, искушениями и любовью. Каждый мечтает только об одном – жить, выжить! И это – правда, может быть, она кажется грубой и примитивной. Сердце мое переполнено: внутри – серьезные размышления о Боге и мире, снаружи: страшные звуки разруши-

тельной бойни. Я хочу, чтобы Вы знали, что я делаю сейчас и что делал недавно. Вы не должны оставаться в неведении...»¹¹⁵.

Казалось бы, все в этом письме отражает только факты, однако при том, что и «обмундирование нормальное», и острого голода еще не испытывают (тем более, что К.Ройбер лишь в 20-х числах ноября прибыл в Сталинград), и «прикрытие хорошее», автор постоянно акцентирует внимание на своих страданиях, навязчиво делится своими проблемами, осознанно или бессознательно пытаясь пробудить к себе жалость. «Вы должны знать, мои дорогие, как я здесь страдаю!» – так и слышится в этом и особенно в последующих его письмах.

Поражает коренное отличие менталитета российского и немецкого солдата, заключающееся в том, что советские бойцы в подавляющем большинстве случаев старались оберегать своих близких, ограничивая сообщаемые им «неприятные сведения», тогда как немецкие солдаты очень часто «грузят» своих родных собственными проблемами, передавая им чувства страха, отчаяния и безнадежности, пробуждая комплекс вины за невозможность помочь. Хотя по оценке Т.А.Кохута и Ю.Ройлекке немецких писем, их характеризует «большая сдержанность солдат, с которой они пишут о своем положении»¹¹⁶, в действительности, с точки зрения русского читателя, эти письма воспринимаются как крайне эгоистические, лишённые психологической деликатности и заботы о моральном состоянии близких людей. Кроме того, очень многие немецкие военнослужащие настойчиво просят своих родных о регулярных продовольственных посылках, при том, что, как известно, в немецком тылу продовольственное снабжение тоже было весьма скромным. Так, Вильгельм Корн 1 января 1943 г. пишет: «Могу честно сказать, что в этом году я провел самое грустное Рождество. Меня мучит едва выносимый голод. Дорогой брат, ... пожалуйста, выполни мою просьбу, о которой я матери уже писал. Пусть мама высылает мне каждый день по 3 посылочки по 100 грамм с печеньем или сухарями... Если каждый день вы печенье высылать не сможете, то высылайте по несколько ломтей хлеба... Остальные товарищи почти все получают такие посылки»¹¹⁷.

Психологическая динамика, которая прослеживается в немецких письмах в ходе Сталинградской битвы, может быть охарактеризована как переход от состояния неопределенности и некоторой надежды к полной безнадежности и обреченности. Существует версия, согласно которой гитлеровское командование предполагало опубликовать с пропагандистскими целями некоторые письма из последних почтовых мешков, вывезенных самолетом из Сталинграда, а именно те, которые отражали бы героическую выдержку солдат в «котле». Однако писем, в которых высказывалось положительное отношение к войне, оказалось ничтожно мало – около 2%, и от планов соответствующей публикации отказались¹¹⁸. В дошедших до нас трофейных письмах, хранящихся в Москве, «...отражается глубокое отчаяние, тоска по дому и те условия, когда у человека не остается ничего, кроме самых элементарных потребностей»¹¹⁹. Таким образом, к концу Сталинградской битвы становилось очевидным морально-психологическое разложение личного состава немецкой армии на данном участке Восточного фронта.

Поражает полная неадекватность представлений немецких военнослужащих о своей роли в этой войне. Так, нередко ругательные высказывания в адрес «этой проклятой России» и «диких русских», но практически не встречается мысль о том, что их, немцев, сюда, в Россию, никто не звал, что они пришли как оккупанты и получили заслуженное возмездие, что Германия, ее народ и солдаты пожинают плоды своих же действий. Но осознания и чувства вины в письмах вообще не прослеживается, есть только жалость к себе, любимым, почему-то (с их точки зрения, незаслуженно и несправедливо) оказавшимся в столь неприглядном положении.

Трудно сказать, следствием чего является такая позиция: то ли особенностей национального менталитета, то ли результата действий многолетней нацистской пропаганды. Но подобное состояние ментальности немецких военнослужащих под Сталинградом явно свидетельствует об их «социальном инфантилизме». Одним из важнейших результатов Сталинградской битвы как раз и явилось то, что определенные сдвиги в этой ментальности все-таки начались: немцы впервые стали задумываться и задавать себе некоторые неприятные вопросы. Вот как описывает воздействие поражения под Сталинградом на настроения немецких солдат ефрейтор А.Оттен: «Часто задаешь себе вопрос: к чему все эти страдания, не сошло ли человечество с ума? Но размышлять об этом не следует, иначе в голову приходят странные мысли, которые не должны были бы появляться у немцев. Но я опасаясь, что о подобных вещах думают 90% сражающихся в России солдат. Это тяжелое время наложит свой отпечаток на многих, и они вернуться домой с иными взглядами, чем те, которых они придерживались, когда уезжали»¹²⁰. Военная машина фашистской Германии была потрясена до основания, в этой битве был надломлен моральный дух немецкой армии. Само слово «Сталинград» стало для немцев символом национальной катастрофы.

Еще большее влияние победа под Сталинградом оказала на советский народ, положив начало перелому во всей Второй мировой войне. Моральный дух народа и его армии окреп настолько, что уже не возникало никаких сомнений в полной и окончательной победе над врагом. И эту роль Сталинградской битвы вполне осознавали советские бойцы. Вот как с некоторыми восторгом и патетикой, но глубоко искренне записал об этом в своем дневнике 7 февраля 1943 г. Михаил Белявский: «Полная ликвидация Сталинградской группировки! Нужно отойти на расстояние, по меньшей мере, нескольких лет, чтобы полностью понять все значение битвы за Сталинград. Сейчас, в дни побед, я часто думаю о тех людях, что выстояли, отстояли Сталинград, отстояли Россию. Сталинград останется в веках и люди его, овеянные славой, станут синонимом чуда, богатырской стойкости, выносливости, мужества. Их имена священны для каждого русского...»¹²¹.

Общее и особенное в формировании образа врага в двух мировых войнах

Как убедительно показывают источники, и в Первой, и во Второй мировой войне было нечто общее в эволюции представлений о противнике – «образе врага», хотя имелись и весьма существенные отличия. Общим было, прежде всего, развитие этого образа от преимущественно пропагандистского, абстрактно-стереотипного,

сформированного на расстоянии через официальные каналы информации, прессу, специальные агитационно-пропагандистские материалы, к более конкретно-бытовому, лично-эмоциональному образу, который возникал у армии и народа в первую очередь при прямом соприкосновении с противником. На особенности в этом формировании повлияли рассмотренные выше принципиальные различия двух мировых войн: столкновение разных типов государств, ход войны, степень жесточести и т.д. Особенностью Первой мировой войны был переход от стереотипа «врага-зверя» к образу «врага-человека». Этой эволюции способствовал ряд факторов: прежде всего, не слишком понятный с обеих сторон смысл войны, относительная ограниченность (по сравнению со второй мировой) вовлечения в орбиту военных действий собственно национальной территории Германии и России и степень проникновения в тыл противника, хотя бы частичное соблюдение германской стороной норм международного права при ведении войны и, соответственно, меньшая степень жесточести. Во Второй мировой войне с обеих сторон принципиально большую роль играл идеологический момент. Однако, господствовавший в советской пропаганде классовый подход и сформированный на его основе стереотип немецкого пролетария – друга страны Советов, который повернет штыки против своего правительства сразу же после начала войны, а также образ собственной непобедимости, представления о доблестной Красной Армии, которая будет бить врага на чужой территории, мгновенно рухнули в первые же дни столкновения с фашистской Германией. Уже на бытовом уровне на начальном этапе войны у советских людей неумолимо складывался образ обезличенной военной машины, победоносно проехавшейся по всей Европе и вот теперь утюжившей гусеницами танков огромные пространства нашей страны. Образ врага-машины, хорошо отлаженного военного механизма (особенно учитывая техническую оснащенность и организованность немецкой армии), сохранялся до конца войны. Однако он очень быстро был дополнен образом врага-зверя. Причем этот образ формировался как «сверху», на уровне пропаганды (в терминах «фашистский зверь», «фашистская гадина» и т.п.), так и «снизу», на бытовом уровне, исходя из личного опыта людей, оказавшихся на оккупированной территории, в плену, в действующей армии, наблюдавших или испытавших в прямом смысле зверства фашистских захватчиков. И на уровне пропаганды, и на лично-бытовом уровне понятие «немец» было отождествлено с понятием «фашист», а понятие «фашист» было равно понятию «зверь».

Степень горя и страданий, принесенных врагом нашему народу в ходе Великой Отечественной войны, была неизмеримо выше, чем в Первую мировую. Поэтому эволюция в сторону чисто человеческого восприятия противника происходила значительно медленнее и труднее, оценки его на лично-бытовом уровне хотя и были в обоих случаях негативными, но в Первую мировую войну менее эмоционально окрашенными, более нейтральными, часто даже беззлобными и просто ироничными, тогда как в Великую Отечественную войну преобладало лично-эмоциональное, жестко враждебное отношение, с доминированием чувства ненависти и полного неприятия. Вот, например, оценка врага в письме прапорщика А.Н.Жиглинского от 22.06.1916 г.: «Окопы немцев очень тщательно отделаны – стенки даже бетонированы. Вообще все укрепления рассчитаны на долгое сидение –

то-то они так отчаянно дрались. Артиллерия у них, если не меньше, чем у нас, то снарядов меньше и качество их хуже, чем наших. Когда немцам приходится плохо, то они начинают очень неважно стрелять – пускают таких «журавлей» – слишком высокие разрывы шрапнелей, не причиняющие вреда, не наносящие ущерба своими пулями и осколками»¹²². Это довольно типичное высказывание в адрес противника содержит оценку скорее в негативно-ироническом, даже снисходительном духе. Заместитель политрука Ю.И.Каминский более категоричен, враждебен и беспощаден в своей характеристике: «Перед нами опытный и матерый враг – есть и эсэсовцы, и прочая сволочь, – пишет он 29.04.1942 г. брату. – Они здесь сильно зарылись в землю и укрепились, надеясь отсидеться. Вообще эти немцы – сволочной народ. Когда мы заняли этот пункт (а они и здесь солидно окопались, понастроили ДЗОТов и блиндажей и т.д.), то не нашли ни одного убитого немца. Все были очень огорчены. Но теперь выяснилось, что они взрывом сделали большой котлован, свалили туда, как собак, всех своих покойников и кое-как засыпали глыбами земли и снегом. Сколько их тут гниет и сколько таких «могил» – бог знает. Обстреливают они нас постоянно, но толку от их огня мало»¹²³. Казалось бы, оба офицера говорят почти об одинаковых ситуациях и поведении противника. Однако, насколько во втором случае сильнее элемент эмоционального его отторжения, личностного неприятия. Причем, чувствуется явная пристрастность в оценке, в общем-то, заурядных фактов военного быта, которые, если разобраться, по человеческим меркам вовсе не характеризуют противника негативно: немцы тщательно готовили оборонительные позиции, и даже отступая, вероятно, после ожесточенных боев и в спешке (ведь выбили их с укрепленных позиций), сумели похоронить всех своих убитых, – да, в общем котловане, что в боевых условиях было обычной практикой и у нас носило «облагороженное» название «братские могилы», только вот сотни тысяч непогребенных и через полвека советских солдат говорят не в нашу пользу. Данное свидетельство интересно именно эмоциональной пристрастностью, мешающей автору письма из-за своей ненависти оценить противника объективно. И это далеко не самая жесткая оценка врага, которая давалась в письмах советских людей в годы Великой Отечественной.

Даже когда официальная советская пропаганда, руководствуясь сугубо политической и военной целесообразностью при вступлении на вражескую территорию, попыталась разорвать эту жесткую связку «фашист-немец-зверь», сделать это на бытовом личностном уровне оказалось чрезвычайно сложно. Фашистского зверя нужно было «добить в его собственном логове». Так призывал советский вождь свой народ, так призывали командиры и политработники шедших в атаку бойцов, для которых Германия, немец были синонимами «фашистского зверя».

Не случайно и после войны в народном сознании еще очень долго сохранялось это тождество. Немцы были «фашисты», а фашисты значило «немцы». Это чувство зачастую распространялось даже на российских немцев, тем более, что сама власть репрессиями против немецких этнических групп, отправкой их на спецпоселения из родных мест давала для этого повод. И в этом тоже существенное отличие Второй мировой войны от Первой, в ходе которой, тем не менее, так-

же имели место антинемецкие настроения и репрессивные акции государства (высылки из прифронтовой полосы, погромы и т.п.). Это отношение теперь было гораздо более враждебным, стойким и длительным, причем не только в самой России, но и за рубежом.

«Известно, что уже через десять лет после окончания Первой мировой войны в Европе регулярно проводились встречи ветеранов этой войны, – отмечает Р.А.Медведев. – Бывшие противники встречались, вспоминали боевые эпизоды. Случаи братания, когда солдаты переставали стрелять друг в друга и выходили из окопов, игнорируя окрики офицеров, случались не только на русско-германском фронте. Вторая мировая война не знает таких случаев»¹²⁴. Ни о каких случаях братания во Второй мировой войне не могло быть и речи: слишком велик был накал ненависти с обеих сторон. Ни с «машиной», ни со «зверем» не братаются. Восприятие фашистского врага как человека проявлялось, быть может, только в очень редкие минуты победного торжества. Да и то современниками это воспринималось как нечто парадоксальное. «Многие из нас уже научились говорить по-немецки и многие немцы уже кое-как лепечут по-русски, – писал своим родным 2 мая 1945 г. подполковник П.М.Себелев. – Самый последний парадокс: пишу это письмо и в окно вижу, как наш и немецкий солдаты поочередно с горлышка бутылки пьют шнапс, размахивают руками и о чем-то говорят. Удивительно! Вам трудно представить себе это наше торжество, которое сейчас происходит в Берлине»¹²⁵.

Конечно, в ходе пребывания советских оккупационных войск в Германии после войны менялось отношение к гражданскому населению, хотя достаточно быстро личный состав этих войск был сменен (в значительной степени) молодым пополнением, в боевых действиях не участвовавшим. Постепенно смягчалось и отношение к немецким пленным, несколько лет находившимся в советских лагерях. Это отмечают и сами немцы. Например, в комментариях документальной экспозиции г.Берлина «Война Германии против Советского Союза 1941–1945» к 50-летию со дня нападения Германии на СССР говорится: «Несмотря на высокую смертность, обращение с немецкими военнопленными не строилось ни на стратегии их уничтожения, ни на беспощадной эксплуатации их труда... Тяжелые условия, в которых находились немецкие военнопленные, определялись в немалой степени убытками, причиненными стране войной»¹²⁶. В дальнейшем на отношение к немцам влияла и установка на создание демократического, а затем и социалистического союзного немецкого государства.

Однако, различие в восприятии немцев после двух мировых войн у русского народа оставалось весьма существенным: после Первой мировой недавнего противника вскоре уже не рассматривали в прежнем качестве, а после Второй враждебные чувства, неприязнь к немцам во многом сохранились в сознании нескольких поколений. И прошел ряд десятилетий, прежде чем отношение к ним стало более или менее нейтральным. Весьма точно отражает его эволюцию ответ в ходе социологического опроса молодого респондента, чей отец три года воевал на советско-германском фронте: «Тот факт, что в первой половине века наша страна дважды воевала с Германией, наложил на сознание всех советских людей опреде-

ленный отпечаток. Думаю, что не ошибусь, если скажу, что Вторая мировая война прочно заслонила в сознании большинства молодых людей Первую, которая началась еще до революции... Последняя война в большей или меньшей степени коснулась всех, и послевоенные поколения – это дети и внуки погибших или воевавших в этой войне. Поэтому отношение к ней – плод не только приевшейся государственной пропаганды, но и семейного воспитания. Думаю, что если у старшего поколения здесь действуют не только разум, но и эмоции, то у молодежи эмоций меньше, и она винит в ужасах войны не немцев, а фашизм...»¹²⁷.

Итак, в войне психологическая антитеза «свой-чужой» реализуется в крайних негативных формах, переходящих в эмоциональную враждебность и полное неприятие представителя иного государства, этноса, носителя иной культуры. Степень этого отторжения бывает весьма различной. Вторая мировая война как раз и отличается от Первой мировой доведением такого отторжения до высшей степени, переходящей в принципиально иное качество. Понятие «чужой» переходило из качества чего-то инородного, но по-человечески понятного и вполне достойного нормальных чувств, в полную противоположность «своему», в нечто, находящееся за пределами норм человеческих отношений. Образ «врага-зверя» надолго стал той призмой, через которую в российском народном сознании воспринималась не только германская армия, но и немецкая нация в целом. В российской истории со всеми ее многочисленными войнами, тем не менее, существует, пожалуй, только одна подобная аналогия – двухвековое монголо-татарское иго и соответствующее отношение на Руси к татарам, для преодоления которого, причем далеко не полностью, потребовались столетия. Тот же эффект национально-культурного отторжения немцев был достигнут всего за четыре года Великой Отечественной войны, отзвуки которой и по сей день еще слышны в сознании наших соотечественников.

Историческая память русских и немцев о мировых войнах XX века

Любая война после своего окончания продолжает существовать в памяти многих людей – непосредственных участников, современников, ближайших потомков носителей экстремального военного опыта. Если война оказывается значимым для социума событием, то память о ней сохраняется не только в индивидуальном, но и в коллективном сознании, может закрепляться в официальном (идеологическом, политическом и т.д.) дискурсе на протяжении жизни нескольких послевоенных поколений.

Военное прошлое и военный опыт занимают в исторической памяти особое место. Войны – это всегда экстремальное состояние для страны и государства, причем чем масштабнее военные события и их влияние на развитие общества, тем они потенциально занимают более значительное место в структуре общественного сознания. А наиболее важные из войн, «судьбоносные» для конкретных стран и народов, превращаются в важнейший элемент «опорного каркаса» национального самосознания, предмет гордости и источник, из которого народы черпают моральные силы в периоды новых тяжелых исторических испытаний.

Если рассматривать войну в целом как элемент исторической памяти, то ее событийная насыщенность, эмоциональная составляющая и общественная значимость постепенно со временем угасают, но остаются «ключевые вехи», которые выполняют социальную функцию опорных точек национального самосознания. Не случайно за соответствующее отражение конкретной войны в исторической памяти народов всегда борются идеологи, поскольку оно становится одним из средств в решении внутривнутриполитических и идеологических задач, а также инструментом международной политики и дипломатии.

Огромное влияние на историческую память, на оценки минувших военных событий оказывают политические элиты, находящиеся в определенный период у власти и ориентированные во внешней политике на сохранение либо пересмотр итогов прошлых войн. В этом процессе, как правило, задействованы текущие геополитические, политические, экономические и другие интересы. В механизмах интерпретационных изменений исторической памяти особую роль играет влияние доминирующих смысловых контекстов общества, особенно его идеологические трансформации, как это произошло, например, в начале XX века в результате Первой мировой войны и последовавших революций в России, Германии, Австро-Венгрии и ряде других стран и в конце XX века при распаде «социалистического лагеря» и СССР. В этом контексте особенно сильно на историческую память народа влияла ретроспективная пропаганда, причем степень воздействия этого инструмента на массовое сознание оказалась столь мощной, что пропагандируемые события потеснили иные, гораздо более значимые для мировой истории, освещение и оценка которых были серьезно искажены.

Тем самым наглядно высветилось такое явление социальной психологии, как отсутствие прямой, жесткой связи между масштабностью, объективной значимостью для страны события и его фиксированием в исторической памяти. Яркий тому пример – Первая мировая война, потрясшая до основания все российское общество, но память о которой была вытеснена событиями революции и Гражданской войны. Для русского сознания именно они объективно стали гораздо большим испытанием, заслонившим мировую войну, почему она и оказалась на периферии общественного сознания своего времени. Однако не меньшую роль в этом «вытеснении» мировой войны сыграла идеологическая политика советского государства. Называвшаяся современниками Великой, Отечественной, Народной, при большевиках Первая мировая была радикально переосмыслена и переоценена, получила ярлык «империалистической» и «захватнической» с обеих сторон. Идеология новой власти отвергла ее как классово чуждую, развела участников по разные стороны баррикад, активно формировала в исторической памяти народа ее негативный образ, запретила героям носить царские награды, да и сами герои перестали считаться таковыми. Было приложено максимум усилий, чтобы «вытравить» все позитивные патриотические оценки войны, образцы проявленного на фронтах героизма, да и саму эту войну из народной памяти. Причем, в качестве противопоставляемого образца поведения,

возводимого в ранг героизма, средства пропаганды преподносили действия большевистских агитаторов по разложению русской армии и даже дезертирство. Именно Октябрьская революция и Гражданская война оказались в советское время главными пропагандируемыми событиями, причем средствами массовой информации, произведениями литературы и искусства (особенно кино) в сознание внедрялись героические символы-образцы новой эпохи: красные командиры, комиссары и партизаны (Чапаев, Котовский, Буденный, Лазо и др.).

Всем этим объясняется тот парадоксальный факт, что крупнейшее потрясение начала XX века – Первая мировая война – в отечественной художественной литературе, в отличие от зарубежной, осталась преимущественно «в тени». В основном она была отражена в полухудожественных-полумемуарных произведениях малоизвестных авторов, вышедших в годы самой войны и сразу после ее окончания, которые не оставили заметного следа в литературе, хотя в качестве исторического источника представляют немалую ценность¹²⁸. Что касается произведений крупных советских писателей, то в них она, как правило, – за редким исключением – проходила второстепенным фоном, так как их военная проза была посвящена преимущественно революции и гражданской войне¹²⁹.

За пределами Советской России тема мировой войны продолжала волновать русских писателей-эмигрантов, однако среди созданных ими произведений на эту тему не оказалось действительно масштабных и заметных, хотя некоторые из них интересны как разновидность художественной мемуаристики. В то же время на Западе Первая мировая породила целый поток произведений, созданных в межвоенный период 1920-х – 1930-х гг. и ставших классическими. В них проявились две противоположных тенденции. Одна из них, антимилитаристская, которую тесно связывают с получившим самостоятельную жизнь термином «потерянное поколение»¹³⁰, предостерегала и предупреждала об опасности развязывания новой мировой войны¹³¹, а вторая, напротив, психологически готовила войну, романтизируя и воспевая ее и подстегивая (особенно в Германии) реваншистские и милитаристские настроения¹³². Причем характерно, что пацифистская тенденция доминировала в странах-победительницах, тогда как милитаристская – в странах, проигравших войну. Во многом это связано с объективными итогами Первой мировой, в которой потерпевшие поражение многие проиграли, но победившие, особенно с учетом заплаченной за это цены, – мало что выиграли. Бессмысленность «мировой бойни» была наиболее очевидна именно со стороны победителей. Эту позицию – в действительности массовую для непосредственных участников боевых действий – выражали писатели, которые сами еще недавно сидели в окопах в роли «пушечно-го мяса», а затем стали «голосом» своего поколения.

Иными были распространенные настроения на стороне проигравших, прежде всего в Германии. Надежды на близкую победу, рухнувшие в результате ноябрьской революции 1918 г., несправедливость последовавшего затем Версальского мира, унижение и разорение страны, – все это явилось фрустрирующими факторами немецкого национального сознания. И «певцами войны» стали не только вышедшие из окопов рефлексирующие «эстеты и интеллектуалы» (Э.Юнгер), но и новые политики. Не

будем забывать, что «Майн Кампф» Адольфа Гитлера – продукт все тех же событий и тех же настроений, распространенных в послевоенной Германии.

Первая мировая война выявила широкий спектр психологических эффектов, связанных с отражением одного и того же события в исторической памяти разных стран, социумов, народов, социальных и иных слоев. Она выявила большую зависимость «официальной» исторической памяти от идеологии и политики, и в то же время определенную автономность «стихийной» памяти массового сознания, питаемой непосредственным опытом широких слоев и отдельных личностей. Наконец, выявилась очень значимая роль «культурной фиксации» военного опыта в произведениях литературы, мемуаристики и т.д. Относительно кратковременная историческая память о Первой мировой войне – в масштабах поколения ее участников и современников – стала важным фактором дальнейшего развития мировой истории, повлияв на мотивацию реваншизма в потерпевших поражения странах, на реакцию «избегания» и нерешительности в отношении потенциального агрессора среди элит «Западных демократий» накануне Второй мировой войны, вылившуюся в политику «умиротворения» Гитлера и Мюнхенский сговор. Более поздняя, «отсроченная» память о Первой мировой, безусловно, в массовом сознании была вытеснена более масштабными, значимыми, кровавыми событиями новой мировой войны, а в официальной исторической памяти – в политике, идеологии, системе образования и т.д. – фиксировалась в соответствии с интерпретацией властных элит конкретных стран, в том числе и для обеспечения их текущих интересов и соответственно международной конъюнктуре.

* * *

Другой важный пласт проблем, связанных с исторической памятью о войне, заключен в таком ракурсе, как «Война глазами победителей и побежденных». Историю войн с древности, как правило, писали победители. Однако после войн нового и новейшего времени обычно сохранялись побежденные страны, государства и народы с их самосознанием, культурой и т.д. Естественно, они тоже пытались осмыслить проигранную войну. И образы одной и той же войны у победителей и побежденных всегда существенно отличались.

Память о войне весьма дифференцирована. В случае победы война обычно ложится в «копилку» национальной памяти, становясь предметом гордости за свою армию, страну, государство и т.д. В случае поражения о войне стараются либо забыть, либо переставить акценты так, чтобы отсечь вызываемые ею отрицательные эмоции и, напротив, вызвать положительные, а для этого используются разные средства. Например, акцентирование внимания на героических или победоносных эпизодах войны, героизация отдельных воинов и военачальников, поиски «объективных причин» поражения и т.д.

Интересно то, как формировалась и эволюционировала историческая память Германии о Второй мировой войне. Немецкий историк Рейнхард Рюруп, рассуждая на тему о том, «как немцы обошлись с памятью о войне», констатировал, что «большинство немецкого населения восприняло 1945 год как поражение, а освобождение от нацизма – как порабощение... За исключением некоторых известных публицистов

значительное большинство немцев в первые послевоенные годы было не в состоянии открыто и беспощадно критиковать то, что совершила Германия в Советском Союзе... На первый план вышли собственные страдания и потери, боль от смерти близких, забота о военнопленных и пропавших без вести, бегство и ежедневная борьба за выживание. Казалось, что собственные страдания сделали народ неспособным к восприятию немецких преступлений и немецкой вины. Едва прошел первый испуг, начали говорить о несправедливости других, о «юстиции победителей»¹³³.

Эта тенденция переакцентировки, особенно по прошествии времени, в оценках войны психологически закономерна. Как высказался один из участников дискуссии в Интернете по поводу официальной трактовки истории Второй мировой войны, принятой сегодня в странах Прибалтики, «у разных народов существуют мало похожие друг на друга «альтернативные истории»», и «причиной столь странного и совершенно разного отношения к историческим событиям ... является отнюдь не желание человека узнать правду о дне вчерашнем, а желание комфортно жить в дне сегодняшнем... Именно поэтому так отличаются трактовки одного и того же исторического события у разных людей и разных народов... В прошлом человек ищет опору и оправдание для настоящего»¹³⁴. Когда эти психологические закономерности дополняются государственными интересами, подобное явление переоценок и даже оценочных инверсий становятся вполне объяснимыми: политика смыкается с массовыми общественными настроениями и опирается на них, даже если «новые интерпретации» полностью противоречат исторической правде.

Вот как пишет об этом российский социолог А.Г.Здравомыслов: «Для каждого из государств, участвовавшего в войне, существует собственный рассказ, который оказывается для стран-победителей – средством воспроизводства национального самосознания, для стран, потерпевших поражение – фактором, дезавуирующим роль национального начала! В силу этого обстоятельства рассказ о войне в этих странах, и, прежде всего, в Германии, непопулярен. Этот «рассказ» желательно вытеснить из памяти!.. Но поскольку это невозможно, постольку возникает искушение включить в него какие-то оправдательные аргументы, прежде всего, за счет такого представления победившей стороны, которое дезавуирует значение и смысл самой победы, приравнивает в каких-то отношениях «победителям и «побежденного», палача и его жертву. Концепция тоталитаризма как раз и предоставляет логические средства для отождествления «фашизма» и «коммунизма». В постсоветский период это отождествление доведено до крайности в «Черной книге коммунизма». Основой этой работы является своего рода инверсия, осуществленная с помощью изменения оценки реальных исторических событий и фактов»¹³⁵.

Отношение к войне потерпевшими поражение (Германия и ее союзники) характеризуется попытками вытеснения из исторической памяти самого события, отказом от коллективной вины немцев и перекладыванием ответственности на руководство (остальные – «исполняли приказ»), подменой виновников развязывания войны (теория «превентивного удара»), палача и жертвы, обвинением победителей (в первую очередь, Красной Армии) в жестокости, насилиях, преступлениях, акцентированием внимания на частных вопросах, на страданиях самих немцев, и др. Однако наиболее объ-

ективные немецкие историки признают: «Не подлежит никакому сомнению, что эта война велась немцами преступным образом и что она должна быть отнесена к величайшим преступлениям в истории»¹³⁶. Конечно, этот факт и эта оценка с трудом принимаются массовым национальным сознанием в современной Германии¹³⁷. Более того, тенденция «вытеснить» память о войне, провести ревизию и переакцентрировку оценок характерны и для профессиональных историков, и для немецкой интеллектуальной элиты в целом. Вот как выглядят тенденции в динамике исторической памяти о Второй мировой войне, выявленные А.Г.Здравомысловым в результате экспертных интервью с ее представителями: «Судя по публикациям на тему о войне и по оценкам моих респондентов, вектор движения немецкого общественного мнения может быть обозначен следующими вехами:

- стремление ввести в дискурс концепцию «равной ответственности» Германии и Советского Союза за развязывание войны и равной «ужасности» войны и, как следствие, дегероизация воинского подвига советской стороны. Например, вводится тема сотрудничества РККА с вермахтом в 20-е, и даже 30-е годы, при этом «проба сил» в Испании после франкистского переворота остается вне поля зрения;

- преуменьшение вклада Советского Союза и Красной Армии в разгром фашизма в пользу союзников. Сам СССР рассматривается как «неправильный союзник». Например, Сталинградская битва приравнивается к сражению при Эль-Аламейне;

- выделение и подчеркивание при обращении к истории войны в Советском Союзе темы «коллаборационизма». Так, Власов известен гораздо больше, чем Карбышев;

- продолжающаяся дискуссия об оценке окончания войны: что это было? – «поражение» или «освобождение»? Массовое сознание и средства массовой информации склоняются в пользу «поражения», несмотря на заявление отдельных политических деятелей Германии об «освобождении» (при этом ни 8-е, ни, тем более, 9-е мая не являются национальными праздниками Германии);

- интерпретация создания и истории ГДР как оккупации Восточной Германии со стороны Советского Союза, приравниваемое к гитлеровскому режиму. Особенно наглядно эта интерпретация представлена на постоянной выставке в Берлине «Топография террора»;

- введение в массовое сознание немцев темы изнасилования немецких женщин советскими солдатами якобы с ведома военного и политического руководства страны в качестве одной из доминирующих тем;

- признание вины за холокост (уничтожение 6 миллионов евреев) при игнорировании вины перед русскими, поляками, белоруссами, украинцами, то есть, перед народами, против которых проводились акции массового уничтожения»¹³⁸.

Как отмечает А.Г.Здравомыслов, проблема вины и ответственности за военные преступления и преступления против гражданского населения в общественном мнении ФРГ ранее ставилась весьма остро, причем если в 1960-е годы преобладали мотивы индивидуальной ответственности, то к началу 1980-х годов утвердилась концепция «коллективной ответственности нации»¹³⁹. Проблема вины немцев за нацистские преступления рассматривалась на трех уровнях: «Во-первых, на индиви-

дуальном уровне личной ответственности за деяния, совершенные именно этим человеком, включая членство в НСДАП и электоральное поведение 1932–1933 гг., участие в карательных и военных операциях на оккупированной территории. Во-вторых, на уровне институтов – организационных структур нацистского режима, часть из которых была признана Нюрнбергским трибуналом преступными организациями... Наконец, третий уровень ответственности и вины – общенациональный, состоящий в вычлениении тех традиций и компонентов немецкой культуры и свойств национального характера, которые были активно использованы нацистской пропагандой в целях мобилизации. Это, прежде всего, касается идеи расового и национального превосходства немецкого народа, миф о неполноценности других народов Европы и мира в целом»¹⁴⁰.

Вместе с тем, в немецком обществе происходит смена поколений, а значит, и существенные изменения в массовом сознании, ключевым моментом которых является тезис, что молодые поколения не должны чувствовать себя виновными за дела отцов и дедов. Поколенческие сдвиги наряду с перечисленными выше содержательными изменениями в памяти о войне, позволяют утверждать, что трансформация исторической памяти немцев зашла достаточно далеко и характеризуется вытеснением «памяти побежденных и виновных».

В этой связи важно отметить и официальную позицию германского руководства, выраженную Федеральным канцлером ФРГ Г.Шрёдером в совместном интервью с Президентом России В.В.Путиным газете «Бильд» 7 мая 2005 г. «Одна из самых страшных войн в истории человечества была спровоцирована и начата Германией. Даже если наше поколение лично не виновато в этом, мы несем ответственность за все периоды нашей истории. В нашем понимании это означает, что наша главная задача – строить мирное будущее для нашей страны в рамках единой Европы. Возможность участвовать в ее реализации я рассматриваю одновременно как вызов и обязанность. Память о войне и национал-социализме стала частью нашей национальной идентичности. Хранить ее – наша моральная обязанность, которую мы должны будем нести всегда»¹⁴¹.

Эта ответственная позиция далеко не совпадает с массовыми настроениями послевоенных поколений немцев, особенно современной молодежи. Вместе с тем, тенденции, отмеченные А.Г.Здравомысловым, находят подтверждения и в данном интервью германского канцлера. Признав, что именно Россия вместе с союзниками по антигитлеровской коалиции освободила Германию и Европу от нацистской тирании, а русский народ заплатил за это наибольшую цену, Г.Шрёдер подчеркнул, что «конец войны означал для многих людей в Германии и за ее пределами не только освобождение: с этой датой связаны также изгнания, несчастья беженцев и новая несвобода»¹⁴². Как видно из этих слов, акценты смещаются даже в официальной позиции немецкой стороны.

Интересно и то, как отразились в немецкой исторической памяти отдельные важные аспекты войны. Например, восприятие противника, – как западных стран, так и СССР: «В отношении советских армий и после поражения продолжали сказываться

антисоветские стереотипы, – отмечает Р.Рюруп. – Страх и ужас по отношению к советским войскам были распространены в значительно большей степени, чем в отношении англичан или американцев. Действительно, в первые дни прихода Красной Армии ее бойцами допускались значительные эксцессы, ограбления, насилие. Но публицист Э.Куби не ошибался, когда, оглядываясь назад заявлял, что советские солдаты могли бы вести себя и как «карающая небесная рать», руководствуясь одной лишь ненавистью к немецкому населению. Многие немцы более или менее определенно знали, что именно произошло в Советском Союзе, и поэтому опасались мести или расплаты той же монетой... Немецкий народ в действительности может считать себя счастливым – его не постигло правосудие»¹⁴³.

В этом контексте примечательна распространенная мифология относительно массового изнасилования немецких женщин советскими военнослужащими при якобы отсутствии подобных фактов в зоне наступления западных союзников. Эта тема в контексте общего давления на Россию активно муссируется в западных СМИ. Так, в год 60-летия Победы «...на Западе во всю мощь пропагандируется новая книга британского военного историка Макса Гастингса «Армагеддон: Битва за Германию, 1944-1945», посвященная преступлениям Советской Армии против мирного населения Германии и немецких военнопленных. Историк рисует буквально ритуальное возмездие, чинимое Советской Армией проигрывавшим войну немцам, и даже называет его «первобытным «изнасилованием» целой нации»»¹⁴⁴.

Однако мораль войны – совершенно иная, нежели мораль мирного времени. И оценивать те события можно только в общем историческом контексте, не разделяя, и уж тем более не подменяя причину и следствие. Нельзя ставить знак равенства между жертвой агрессии и агрессором, особенно таким, целью которого было уничтожение целых народов. Фашистская Германия сама поставила себя вне морали и вне закона. Стоит ли удивляться актам стихийной мести со стороны тех, чьих близких она хладнокровно и методично уничтожала в течение нескольких лет самыми изощренными и изуверскими способами?

Однако руководство Советской Армии принимало решительные меры против насилий и бесчинств по отношению к немецкому населению, объявляя такого рода действия преступными и недопустимыми, а виновных в них лиц предавая суду военного трибунала вплоть до расстрела¹⁴⁵. В то же время, если мы обратимся к документам немецкой стороны, то увидим, что еще до начала войны против СССР было заранее объявлено, что «в борьбе с большевизмом нельзя строить отношения с врагом на принципах гуманизма и международного права»¹⁴⁶, тем самым изначально допускались любые нарушения международного права в будущих отношениях германских войск к мирному населению и советским военнопленным.

Как один из многочисленных примеров программных заявлений немецкого руководства процитируем Указ Гитлера как Верховного Главнокомандующего вермахта от 13 мая 1941 г. о военном судопроизводстве на войне с Советским Союзом: «За действия против вражеских гражданских лиц, совершенные военно-

служащими вермахта и вольнонаемными, не будет обязательного преследования, даже если деяние является военным преступлением или проступком... Судья предписывает преследование деяний против местных жителей в военно-судебном порядке лишь тогда, когда речь идет о несоблюдении воинской дисциплины или возникновении угрозы безопасности войск»¹⁴⁷. Или вспомним знаменитую «Памятку немецкого солдата» (ставшую одним из документов обвинения на Нюрнбергском процессе), где звучали такие «гуманные» призывы: «Помни и выполняй: 1) ...Нет нервов, сердца, жалости – ты сделан из немецкого железа... 2) ...Уничтожь в себе жалость и сострадание, убивай всякого русского, не останавливайся, если перед тобой старик или женщина, девочка или мальчик... 3) ...Мы поставим на колени весь мир... Германец – абсолютный хозяин мира. Ты будешь решать судьбы Англии, России, Америки... уничтожай все живое, сопротивляющееся на твоём пути... Завтра перед тобой на коленях будет стоять весь мир»¹⁴⁸. В этом состояла политика фашистского руководства Германии по отношению к «расово неполноценным народам», к числу которых оно относило и славян.

В отношении немецкого населения или военнопленных советское руководство никогда не ставило перед своей армией такого рода задач. Следовательно, мы можем говорить именно о единичных (особенно по сравнению с действиями немецкой стороны) нарушениях международного права в ведении войны. Причем, все эти явления были стихийными, а не организованными, и со всей строгостью пресекались советским армейским командованием.

Между тем, документы показывают, что в западных зонах оккупации отнюдь не было той идиллии, образ которой сегодня внушается немецкому, да и всему западному сознанию. В докладе 7-го отделения Политотдела 61-й армии 1-го Белорусского фронта от 11 мая 1945 г. «О работе американской армии и военных властей среди немецкого населения» сообщалось: «Американским солдатам и офицерам запрещено общаться с местным населением. Этот запрет, однако, нарушается. За последнее время было до 100 случаев изнасилования, хотя за изнасилование получается расстрел»¹⁴⁹. Особенно отличились американские негритянские части. В конце апреля 1945 г. немецкий коммунист Ганс Ендрецкий, освобожденный из тюрьмы западными союзниками, сообщал о положении в зоне Германии, оккупированной американскими войсками: «Большая часть оккупационных войск в районе Эрлангена до Бамберга и в самом Бамберге были негритянские части. Эти негритянские части расположились, главным образом, в тех местах, где оказывалось большое сопротивление. Мне рассказывали о таких бесчинствах этих негров как: ограбление квартир, отнятие предметов украшения, разорение жилых помещений и нападения на детей. В Бамберге перед зданием школы, где были расквартированы эти негры, лежали три расстрелянных негра, которые несколько времени тому назад были расстреляны военно-полицейским патрулем за то, что напали на детей. Но также и белые регулярные американские войска проделывали подобные

бесчинства...»¹⁵⁰. Однако вопрос о «бесчинствах Красной Армии» против немецкого населения сегодня раздувается на Западе до мифических размеров, тогда как отнюдь не менее масштабные аналогичные явления со стороны западных армий, – которые отнюдь не имели под собой такой психологической основы, какая была у советских солдат, чей народ пережил все ужасы фашистской агрессии и оккупации, – замалчиваются и отрицаются.

Забывается и поведение в сходных ситуациях граждан стран Восточной Европы, которые проявляли по отношению к побежденным немцам куда большую жестокость, чем наступавшие советские части. Так, в секретном докладе заместителя наркома внутренних дел, уполномоченного НКВД СССР по 1-му Белорусскому фронту И.Серова наркому внутренних дел Л.П.Берия от 5 марта 1945 г. отмечалось, что «со стороны военнослужащих 1-й польской армии отмечено особенно жестокое отношение к немцам»¹⁵¹, а в политдонесении политотдела 4-й танковой армии начальнику Политуправления 1-го Украинского фронта генерал-майору Ящечкину от 18 мая 1945 г. «Об отношении чехословацкого населения к немцам» сообщалось, что «За время пребывания в Чехословакии бойцы и офицеры наших частей были неоднократно очевидцами того, как местное население свою злобу и ненависть к немцам выражало в самых разнообразных, подчас довольно странных, необычных для нас формах... Все это объясняется огромной злобой и жаждой мести, которое питает чехословацкий народ к немцам за все совершенные преступления... Злоба и ненависть к немцам настолько велики, что нередко нашим офицерам и бойцам приходится сдерживать чехословацкое население от самочинных расправ над гитлеровцами»¹⁵². Подробное перечисление и описание этих «необычных по форме» расправ (сжигание живьем на кострах, подвешивание за ноги, вырезание на теле свастики, и т.п.) мало отличается от того, что творили в оккупированных ими странах сами немцы. Однако столь буквальное исполнение ветхозаветного принципа «око за око, зуб за зуб», судя по документам, вызывало недоумение и неприятие у советских солдат, которые в понимании справедливого возмездия в большинстве своем исходили из принципа, что «не должны уподобляться немцам»¹⁵³.

Таким образом, сегодня на Западе и в Восточной Европе негативное отношение к русским целенаправленно подогревается и культивируется, в том числе искажением исторической памяти о Второй мировой войне: вытесняется память о советском солдате как освободителе и спасителе пострадавших от фашизма народов и внедряется фальсифицированный образ жестокого захватчика, «почти на полвека оккупировавшего восточно-европейские страны»¹⁵⁴.

В России в «образе войны» тоже присутствует такой важный компонент как «образ врага». Учитывая, что в XX веке русские дважды сталкивались в смертельной схватке с немцами в двух мировых войнах, образ врага-Германии является весьма устойчивым элементом национальной памяти, причем как на уровне массового обы-

денного сознания, так и в сфере художественного осмысления исторического опыта.

Особое отражение проблема формирования «образа врага» нашла в произведениях художественной литературы о Великой Отечественной войне, авторами которых были писатели-фронтовики. Наряду с документами личного происхождения, советская военная проза выступает в качестве весьма полезного и информативного источника прежде всего потому, что в ней отражается восприятие противника как «чужого», отношение к нему как к носителю иной ценностной шкалы, иных мировоззрения, традиций и самой культуры¹⁵⁵. По этим литературным произведениям и созданным в них запоминающимся «образами врага» можно, в частности, проследить послевоенную эволюцию отношения к бывшему противнику в общественном сознании наших соотечественников.

И здесь нельзя не обратиться к словам Константина Симонова, весьма чуткого к исторической правде, который утверждал, что врага ни в коем случае нельзя «принижать», «оглушлять», потому что это принижает в первую очередь тех, кто с ним сражался.

«Да, нам далась победа нелегко.

Да, враг был храбр.

Тем больше наша слава»¹⁵⁶, –

вот, пожалуй, суть этой позиции, выраженная им в поэтической форме еще в период событий на Халхин-Голе. «Я никогда не принадлежал к людям, считающим, что нужно принижать врага, даже самого кровавого, приуменьшать его силу или отказываться признавать за ним, что в нем действительно есть – ум или храбрость, или упорство отчаяния»¹⁵⁷, – записал он в 1945 г. и всю жизнь – и в военных корреспонденциях, и в дневниках, и в романах, – следовал этому принципу, изображая противника с подчеркнутой объективностью, правдиво и точно, без того презрительного высокомерия, которое обычно свойственно пропаганде в целом и политической сатире в частности и является отличительной чертой такого источника, как листовки и периодическая печать.

Хотя сам Симонов и утверждал, что при работе над трилогией «Живые и мертвые» в его задачи не входил «показ немцев», но признавал при этом, что «ощущение врага, ощущение того, как менялся этот враг в ходе войны, что они, немцы, делали с нашими людьми, отношение наших людей к немцам в разные периоды войны – это, как мне кажется, в романе все есть»¹⁵⁸. И это действительно так. Приведем для примера две коротких, но весьма выразительных «портретных зарисовки» пленных немцев.

В романе «Солдатами не рождаются», посвященном заключительному этапу Сталинградской битвы, К.Симонов рассказывает о взятом в бою немецком командире батальона, который всем своим поведением («как жив остался, непонятно»: «докладывали, что стрелял до последнего», «парабеллум из рук выбили»; и в пле-

ну держится с достоинством, на допросе «говорить не желает») не может не вызывать уважения. И, глядя на него, Синцов (а точнее, писатель от имени своего героя) размышляет об отношении к немцам как к противнику вообще:

«Вот они сидят – комбат против комбата, батальон на батальон! Раньше так не было, раньше так немцы в плен не попадали. А когда попадали такие, как этот, возились с ним, как с писаной торбой... Сразу во фронт везли... То прежнее, смешанное с ненавистью уважение к немцам, нет, не к немцам, а к их умению воевать, которое было и у него, и у других, всегда было, как бы там не писали про немцев, что они вонючие, паршивые фрицы, а все равно было, потому что сам себя не обманешь, – это уважение надломилось у него еще в Сталинграде. И не в ноябре, когда мы перешли в наступление, а еще раньше, в самом аду, в октябре, когда немцы, казалось, уже разрезали дивизию и чуть не скинули в Волгу, а все-таки не разрезали и не скинули!.. Нельзя сказать, что до этого не верили в себя. И до этого верили, но не в такой степени. А в октябре не только намного больше поверили в себя, но и тем самым стали намного меньше верить в немцев, то есть не в них, а в их умение воевать. Одно за счет другого, вполне естественно! Так было, так есть, так будет дальше... Вот сидишь сейчас перед этим немцем и уже не веришь, что он может оказаться сильнее тебя. И не потому, что он сейчас пленный... И вообще эти мысли не о нем лично...»¹⁵⁹

Но и «личное» отношение к немцу в эпизоде присутствует, а через него – тревожное и ясное предчувствие, что оставшиеся годы войны будут совсем нелегкими: «Он [Синцов] снова посмотрел на немца и вдруг подумал: «А может, сидит сейчас и радуется, что жив, в плену и все позади. У них, в котле, все равно теперь перспектива одна: если не плен – смерть...» Но лицо немца – худое, сильное, замкнутое, спокойно-ненавидящее – ничем не подтверждало этой мысли. Нет, не рад, что в плену. Чувствуется, когда бывают рады, а у этого не чувствуется. Они еще сила, такие, как этот, с ними еще нахлебаешься горя...»¹⁶⁰

Заканчивается эпизод тем, что так и не заговорившего на допросе пленного отправляют в вышестоящий штаб, но он, вероятно, считает, что его ведут на расстрел:

«Немец встал. Синцов видел, как на секунду в его глазах мелькнуло отчаяние; показалось, что сейчас, испугавшись, дрогнет, взмолится и начнет отвечать на вопросы. Но немец не дрогнул и не взмолился. Отвел глаза, поднял голову, расправил плечи, как перед смертью, и пошел из землянки впереди ординарца.

– Сильный фриц, – сказал Левашов, когда немец и ординарец вышли. – Люблю таких!

– Д-даже любите? – сказал Гурский.

– Люблю, когда не сопливых, а таких, как этот, в плен берем. Значит, еще на одного меньше...»¹⁶¹

Среди многоликих образов немцев, разбросанных по всей трилогии (это и солдаты-перебежчики, и пленный генерал, и врач из захваченного в Сталинграде немецкого госпиталя, и антифашисты из комитета «Свободная Германия», и др.), обращает на себя внимание еще один (на первый взгляд, незначительный и второстепенный, но в действительности очень характерный для творчества Симонова в его стремлении к психологической точности и достоверности) – из романа «По-

следнее лето», посвященного освобождению Белоруссии. В боях под Могилевом взят в плен немецкий капитан-танкист, которого на ходу допрашивает командующий армией Серпилин: «Немца подвели. Теперь он стоял в двух шагах от Серпилина, между двумя автоматчиками, обезоруженный, с черной расстегнутой кобурой парабеллума на ремне слева, с рыцарским железным крестом на шее, с лицом, темным от пороховой копоти, как у наших; тоже еще не остывший, весь перевернутый, перекрученный после боя. Плечи и руки подергиваются, словно ему холодно, но стоит прямо, даже голову задрал вверх. Молодой и с рыцарским крестом»¹⁶². И вот после многих важных вопросов, заданных пленному для получения от него показаний, Серпилин задает еще один, казалось бы, случайный:

«– Почему сдались в плен?

– Мой дивизион перестал существовать, а я был обезоружен.

– Дрался до конца, ничего про него не скажешь, – подтвердил Ильин»¹⁶³.

И этот уважительный комментарий советского офицера, подчиненные которого захватили немца, доказывает, что вопрос командарма вовсе не случаен: перебежчиков и добровольно сдавшихся в плен презируют не только свои, но и чужие. Окажись пленный трусом, его показания, вероятно, поставили бы под сомнение, сочтя их желанием угодить победителю, чтобы спасти свою жизнь.

Еще одно важное обстоятельство. В своих сочинениях Константин Симонов не раз обращал внимание на то, как следует правильно использовать подлинный «язык эпохи», в том числе и в отношении противника. Он не раз критиковал недобросовестных публикаторов, пытавшихся при переиздании произведений военных лет делать в них купюры и замены, исходя из новой политической конъюнктуры: «Я считаю, что надо пресекать любые попытки менять задним числом тогдашнюю фразеологию, в частности, там, где написано «немцы», заменять это на «враги», «фашисты» и т.д., – подчеркивал он. – Такой тогда была фразеология, такой она и должна остаться на страницах «Литературного наследства». Мы в то время называли врага и фашистами, и немцами, как когда. И в том, что называли его и так, и эдак, была – особенно в первый период войны – своя историческая закономерность, с которой не стоит бороться задним числом, тем более, что под всеми материалами стоят даты, и каждому понятно, что о многом могли писать и писали иначе, чем сейчас»¹⁶⁴.

Пожалуй, наиболее яркий и глубоко человеческий «образ врага» был создан Вячеславом Кондратьевым в его первой повести «Сашка», опубликованной в феврале 1979 г. в журнале «Дружба народов» и сразу ставшей хрестоматийной. Автор опирается на реальную историю, рассказанную ему одним ветераном вскоре после войны, в 1947 г. Этот человек оказался в той же ситуации, в какую позднее поставил своего героя Кондратьев: он захватил в плен «языка», на допросе тот, верный солдатской присяге, отказался давать показания, и командир батальона, только что потерявший любимую женщину, приказал бойцу расстрелять пленного. Реальный человек выполнил приказ, не рассуждая, но и через пять лет после происшедшего продолжал вспоминать этот случай, прокручивая мысленно свой поступок и пытаясь «переиграть» ситуацию заново, найти выход, который не сумел найти тогда¹⁶⁵. Герой Кондратьева – молодой солдат Сашка – этот выход находит: своим поведением он

вынуждает комбата отменить отданный сгоряча приказ. В этом психологически сложном, напряженном и драматичном эпизоде действуют три главных фигуры – Сашка, комбат и немец, причем каждый со своим, очень сильным характером, и каждый из них, включая немца, вызывает у читателя уважение и сочувствие.

«Шел Сашка позади немца, но и со спины видно – мается фриц, хотя виду старается не подавать, шагает ровно, только плечами иногда передергивает, будто от озноба. Но, когда поравнялся с ним Сашка, кинул взгляд, лица немца не узнал, так обострилось оно, построжало, посерело... Губы сжатые спеклись, а в глаза лучше не глядеть... Если раньше относился Сашка к своему немцу добродушно-снисходительно, с эдакой жалостливой подсмешкой, то теперь глядел по-другому, серьезней и даже с некоторым уважением – блюдет свою солдатскую присягу фрица, ничего не скажешь. Только обидно, что зазря все это, ведь за неправо дело воюет! И захотелось Сашке сказать: «Эх, задурили тебе голову! За кого смерть принимать будешь? За Гитлера-гада! Эх ты...» – однако не сказал, понимая, не до слов сейчас, не до разговоров, когда такое страшное впереди»¹⁶⁶.

Сашка видел много смертей, «но цена человеческой жизни не умалилась от этого в его сознании». Ему «не по себе от свалившейся на него почти неограниченной власти над другим человеком». Ему не просто жаль немца – он чувствует ответственность за него. Ведь он сам захватил его в рукопашном бою, а потом показал советскую листовку, где немецким солдатам, попавшим в плен, гарантировалась жизнь. «Пропаганда», – буркнул на это немец, а Сашка возмущенно доказывал, что «правда», а теперь вдруг оказался обманщиком, потому что «вышло, что брехня эта листовка»... Но для Сашки – это по-прежнему правда и он отстаивает эту правду, как умеет: спорит с комбатом, оттягивает исполнение приговора, пытается найти кого-то, кто может отменить приказ... Он сильно рискует: за неподчинение командиру ему грозит трибунал, а то и расстрел на месте. И было бы за кого – за «паршивого фрица»! Но за то время, что Сашка провел рядом с немцем, он успел увидеть в нем не врага, а обычного человека, и его «ненависть к фашистам почему-то не переносилась на этого вот пленного»...

«Впервые за всю службу в армии, за месяцы фронта столкнулись у Сашки в отчаянном противоречии привычка подчиняться беспрекословно и страшное сомнение в справедливости и нужности того, что ему приказали. И еще третье есть, что сплелось с остальным: не может он беззащитного убивать. Не может, и все!

Остановился Сашка. Приставил ногу и немец. Близко стоят друг против друга. Поднял голову немец, глянул на Сашку пустыми, неживыми уже глазами, и предсмертная тоска, шедшая из них, болью хлестнула по Сашкиному сердцу... Отвернулся он и, забыв, что есть у него фрицевские сигареты, набрал в кармане махры, завернул цыгарку, прижег... Потом очнулся и протянул немцу его пачку. Тот помотал головой, отказался, и понял Сашка, почему: небось решил, что последняя перед смертью эта сигарета, и не захотел этой милости.

– Кури, кури... – не убирал Сашка пачку.

Немец опять вскинулся, и пришлось Сашке принять его взгляд, а лучше бы не видеть... Померкшие глаза и мука в них: чего тянешь, чего душу выматываешь? При-

каз есть приказ, ничего тут не поделаешь, кончай скорей... Так или не так понял Сашка его взгляд, но обдал он его такой тоской, что впору и себе пулю в лоб»¹⁶⁷.

По сути, Кондратьев ставит вопрос о том, как обязанность солдата на войне убивать врага не должна смешиваться с «правом на убийство» и его нравственным оправданием. В его статье, опубликованной уже после того, как писатель ушел из жизни, сказано: «Как интересно мне было бы повидать тех [немецких] солдат, кто стоял тогда и оборонял деревни под Ржевом... Мы стреляли друг в друга, но не по нашей солдатской воле начата была война, и у меня нет никаких других чувств к ним, кроме солдатской солидарности в той общей беде, постигшей нас в то время: мы принимали одинаковые муки и тяготы фронтовой жизни, мерзли от холода, голодали, когда не было подвоза, стонали от боли ранений, беспокоились за судьбы родных, переживали гибель своих товарищей и... умирали сами... Нет, солдаты не виноваты в войнах, они лишь выполняли свой долг. Пришло время признать, что каждый солдат на переднем крае – мученик и страдалец»¹⁶⁸. Но к пониманию этого он пришел лишь спустя несколько десятилетий после войны, в сущности, уже пожилым человеком. И то, что «Сашка» был написан в конце 1970-х, видимо, тоже не случайно. Раньше его бы просто не поняли и не приняли, потому что еще не были готовы к такому взгляду на «образ врага»: слишком живы были в памяти события военных лет. И этот «новый взгляд», сама возможность его появления в послевоенном советском обществе на определенном этапе развития, безусловно, может служить источником по изучению исторической памяти народа о Второй мировой войне, – того, как именно менялась эта память по мере удаленности во времени самого исторического события.

* * *

В феврале 2005 г., накануне 60-летия Победы, Институтом социально-политических исследований РАН было проведено крупномасштабное межрегиональное социологическое исследование «Ветераны о Великой Отечественной войне». В тематическом блоке, посвященном отношению к немцам, ответы распределились следующим образом. На вопрос «Какие чувства испытывали советские люди к немцам в годы войны?» 53% респондентов назвали «ненависть к немецким фашистам», 24% – «ненависть ко всем немцам», 18% – «ненависть к солдатам и офицерам вермахта», 5% затруднились ответить. На вопрос «Какие чувства испытываете Вы к бывшему противнику сейчас?» самый большой процент ответов – 58% – был – «никаких», «ненависть» назвали 15%, «сострадание» (!) – 17%, «уважение» – 9%, и только 1% респондентов не смогли ответить на этот вопрос. Ответы на еще два вопроса оказались более дифференцированными. Так, на вопрос «Могут ли русские и немцы быть друзьями?» 56% участвовавших в опросе российских ветеранов войны ответили положительно, 13% отрицательно и 31% затруднились ответить. Наконец, когда респондентов спросили «Есть ли у Вас желание встретиться с бывшими противниками?», 15% подтвердили, что желали бы такой встречи, 60% ответили, что такого желания не имеют, и 25% затруднились ответить на этот вопрос¹⁶⁹.

Естественно, что память ветеранов, переживших все ужасы войны, отличается от исторической памяти последующих поколений, которые уже не восприни-

мают события прошлого столь лично и остро. В совместном интервью Президента России с Федеральным канцлером ФРГ Г.Шрёдером газете «Бильд» от 7 мая 2005 г. В.В.Путин сказал: «Даже в самый тяжелый период войны руководство СССР призывало население не идентифицировать всех немцев с нацистами: «Гитлеры приходят и уходят, а немецкий народ остается». И это не было пропагандой. Это убеждение подавляющего большинства советских граждан... Немецкий народ во многом стал тогда жертвой политической безответственности своих тогдашних руководителей. Он был отравлен нацистской идеологией и втянут в кровавую бойню... Но ... ненависть и ожесточенность, возникшие вследствие германской агрессии и установившиеся на оккупированных территориях, преодолеть было очень не просто. Для этого потребовалось время и немалые усилия политиков и миллионов людей как в Германии, так и в нашей стране, чтобы вернулись чувства уважения и взаимной симпатии, веками существовавшие между нашими народами. И я с полным основанием могу сказать, что именно граждане Советского Союза, несмотря на все пережитое, смогли простить... При этом в некоторых других странах мира... многие граждане к такому примирению так и не пришли». А канцлер Шрёдер подчеркнул, что «...ввиду ужасов войны германо-российское примирение до сих пор остается политическим чудом»¹⁷⁰.

Следует подчеркнуть и то обстоятельство, что люди, в наибольшей степени влияющие сегодня на историческую память, – политики, идеологи, журналисты, ученые, – принадлежат преимущественно к поколениям детей и внуков участников и современников Второй мировой войны. Следствия этого противоречивы: с одной стороны, отсутствие непосредственного опыта участия в тех драматичных событиях позволяет более спокойно и рационально подходить к их оценке; с другой, – существует опасность и даже тенденция забвения и искажения образа войны и стоящей за ним исторической правды. Речь не только о «неинформированности», но и об отсутствии мотивации сохранить правду об уже далеком прошлом, о стремлении подменить истину такой интерпретацией, которая выгодна в рамках современной политической и иной конъюнктуры.

Глава III

ФИНЛЯНДИЯ КАК ВОЕННЫЙ ПРОТИВНИК СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА

Советско-финское военное противостояние в XX веке является весьма богатным материалом для изучения формирования образа врага. Причин тому несколько: и сложная предыстория конфликта, и его трехэтапная динамика, и оригинальные послевоенные отношения.

Сначала нужно учесть исторический контекст взаимоотношений двух народов-соседей, «весовые категории» которых на весах истории несопоставимы. С одной стороны, великая русская нация с тысячелетней государственностью, имперскими традициями, огромной территорией, развитой культурой мирового значения, с мощными индустрией и армией, крупными городскими центрами. С другой стороны – маленький финский народ, живущий на окраине европейской Ойкумены, в лесах и болотах, на северном пограничье между Россией и Швецией, никогда, вплоть до 1918 г. не имевший своей государственности, но долго являвшийся предметом раздора и раздела двух своих более развитых и сильных соседей. Сначала Финляндия была провинцией Швеции, а потом стала «военным трофеем» и окраинной провинцией Российской Империи. Поэтому для финнов отношения с великим соседом были во многом судьбоносными и ключевыми, и они, как и сама Россия и ее народ, весьма значимы для финского самосознания.

Финляндия – маленькая страна, и хотя она является соседом России, финны, отношения с которыми были малозначимыми и периферийными, занимают скромное место в русском историческом сознании. Это не немцы, французы, англичане и турки: все эти народы и их страны были *самостоятельными субъектами истории*, в том числе много воевали против России, угрожая даже самому ее существованию. И немало повлияли на Россию – ее политику, экономику, культуру. Поэтому о них у *всех* русских есть какое-либо представление (достаточно подробное) и мнение (плохое или хорошее).

О Финляндии в России большинство людей, кроме жителей пограничных с ней регионов, почти всегда мало что знало и думало, за исключением очень коротких периодов истории. Причина проста: Финляндия была *объектом мировой истории* – предметом дележа великих держав – Швеции и России. Сначала она была отвоевана Россией у Швеции, причем самим финнам, во-первых, были дарованы автономия с правами, которых больше в Российской Империи ни у кого не было (русские об этом могли только мечтать); во-вторых, к Великому княжеству Финляндскому была присоединена – в качестве *подарка* от Александра I – Выборгская губерния, отвоеванная у Швеции еще Петром I. Причем, несмотря на то, что Фин-

ляндия занимала особое, можно сказать, привилегированное положение в Российской Империи, финский национализм и сепаратизм расцвел уже в конце XIX века.

Затем, после Октябрьской революции 1917 г. Финляндии была дарована государственная независимость Советской Россией. А в «благодарность» Финляндия сразу же стала проявлять шовинистические «великодержавные», агрессивные по отношению к восточному соседу устремления, с претензией на территории, которые ей никогда по праву не принадлежали. Вооруженные формирования Финляндии, едва успевшей стать независимой, участвовали в интервенции против Советской России, стремясь удовлетворить свои непомерные территориальные притязания, причем не только на Карелию, но и на ряд исконно русских земель, вплоть до Мурманска, Архангельска и даже Петрограда.

Следует учесть также идеологический контекст взаимоотношений и взаимовосприятия двух народов с 1918 г. и все 1920-е – 1930-е годы: хотя Советская Россия и предоставила Финляндии независимость, две страны воспринимали друг друга через призму классовой ненависти. Причем, если для советских людей доминирующим был образ «белофиннов», «буржуев и помещиков», подавивших свой революционный пролетариат, то в Финляндии представляли СССР как оплот «красного бандитизма» и «большевистской угрозы» ее буржуазной государственности и частной собственности ее элиты. Стоит добавить и стойкую русофобию финских политиков и общества в целом.

Когда территориальным (в том числе вооруженным) притязаниям Финляндии был дан отпор, ее правящая элита готова была в 1920-е – 1930-е годы заключить союз против России то с Англией, то с Германией, да хоть с самим дьяволом, лишь бы реализовать свои аннексионистские планы. Так что и так называемые (финнами) «Зимнюю войну» и «Войну-Продолжение» нужно видеть именно в этом контексте. Как и послевоенное их отражение и в официальной финской историографии, и в искусстве, и в финском массовом сознании, – с явной тенденцией оправдать соучастие в войне на стороне Гитлера и даже неуклюже «скрыть» союз с фашистской Германией.

Естественно, при всей периферийности и малозначимости Финляндии в российской жизни, войны с ее участием не могли не отразиться на восприятии у нас соседней страны и ее народа. Причем, далеко не лучшим образом, так что даже интенсивная советская пропаганда, внедрявшая в массовое сознание образ «дружественной Финляндии», не могла стереть из национальной исторической памяти тот факт, что финны участвовали в интервенции против Советской России в период Гражданской войны, совершали вооруженные провокации в 1920-е годы, были союзниками Гитлера во Второй мировой войне, оккупировали часть приграничной территории и стали пособниками фашистов в одном из самых трагических для советского народа эпизодов войны – блокаде Ленинграда¹. То есть Финляндия непосредственно виновна в гибели сотен тысяч наших соотечественников, в том числе мирных жителей Карелии и Ленинграда. При этом в российском сознании по отношению к маленькому соседу куда меньше негативных чувств, нежели у финнов к русским, и уж тем более нет и следа той ненависти, которые испытывают к России наиболее «горячие финские парни».

Становление независимой Финляндии и ее отношения с Советской Россией

На отношение российского общества и армии к финнам еще до революции существенное влияние оказывало привилегированное положение Финляндии в Российской Империи. В начале XX века к нему добавилось полное освобождение в 1905 г. финляндских подданных от воинской повинности, что породило глухую неприязнь значительной части населения Империи, ведущей тяжелую войну с Японией, особенно со стороны тех, кто сам служил в армии, и их родственников. Эта неприязнь еще более усилилась в 1914 г.: «В обстановке начавшейся мировой войны необычная привилегия порождала в русском обществе постоянные упреки в адрес финляндцев в том, что они, не участвуя в военных действиях, намерены уцелеть за чужой счет»².

Существенным фактором взаимоотношений являлись усилившиеся в начале века националистические и сепаратистские настроения в Финляндии, особенно характерные для финской элиты и образованной части молодежи. Наиболее явно они проявились в тяжелую для России пору – в условиях столкновения с Центральными державами. «Начавшуюся в августе 1914 г. Первую мировую войну и вступление в нее Германии приветствовала наиболее радикальная часть финнов. Это дало второе дыхание активизму – движению в пользу решительных действий против России с позиций крайнего национализма. Надеясь получить независимость, активисты желали поражения России в Первой мировой войне и активно способствовали победе Германии»³. Финский фактор, естественно, постарались использовать в своих интересах военные противники России. Так, 6 августа 1914 г., спустя несколько дней после начала Первой мировой войны, немецкий посол в Стокгольме Франц фон Райхенау получил указание от рейхсканцлера «вступить в контакт с влиятельными политическими деятелями Финляндии с целью привлечения их на сторону Германии. В случае успешного исхода войны финнам было обещано создание автономной буферной республики Финляндии»⁴.

В ходе войны сепаратистские и антирусские тенденции в Финляндии усиливались. Например, в конце 1916 г. старший военный цензор Гельсингфорса штабс-капитан Казанцев докладывал, что настроение жителей края «тревожное, выжидательное», что общество «живет слухами, причем неблагоприятные для нас принимают в большинстве случаев с особым злорадством и удовольствием»⁵.

Вопрос о том, можно ли доверять финнам в условиях начавшейся мировой войны, постоянно стоял перед русским правительством, хорошо осведомленном о германофильских и сепаратистских настроениях в Великом княжестве Финляндском, а также о том, как активно подданные этой окраинной части империи сотрудничают с разведкой противника. Тайные организации финских сепаратистов с первых дней войны выполняли задания немецкой разведки, собирая и передавая сведения о дислокации русских войск на территории Финляндии, Балтийском флоте, готовили и осуществляли диверсии на военных и стратегически важных объектах России. «По мнению германских официальных лиц, результаты работы

финнов были великолепны, из всей информации, что получала Германия за период войны от своих союзников, их информация была самой лучшей»⁶.

Но сотрудничество финнов с немцами не ограничивалось шпионажем. Так, в середине января 1917 г. член Государственного Совета И.А.Щебеко докладывал на заседании Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства о том, что при организации на территории России взрывов мостов, пристаней, складских помещений и т.п. диверсионных актов, выполнение такого рода задач «возлагается немцами преимущественно на финских граждан из числа хорошо знающих русский язык» и прошедших подготовку в Германии⁷.

Более того, финские легионеры принимали участие в боевых действиях против русских войск на стороне Германии. Еще с февраля 1915 г. в Германии действовали особые курсы военной, разведывательной и диверсионной подготовки для финских добровольцев (так называемые «курсы следопытов»), выпускники которых – егеря – впоследствии стали офицерами и генералами, составив костяк финской армии, полиции, спецслужб и шюцкора⁸. 16 июня 1915 г. руководство Германии приняло решение о формировании на базе этих курсов особого «финского легиона». 28 августа 1915 г. кайзер Вильгельм II подписал указ о реформировании 27-го Королевского егерского батальона (будущего ядра Вооруженных сил Финляндии) и увеличения его численности до 2 тыс. человек. После укомплектования финскими добровольцами и соответствующей подготовки 31 мая 1917 г. 27-й егерский батальон был направлен на Восточный фронт⁹.

Позднее уже фашистская Германия будет искать и неизменно находить поддержку именно в выпускниках курсов разведчиков и 27-го егерского батальона, многие из которых займут видное место среди политической и военной элиты молодого финского государства, определяя основные направления и приоритеты его внешней политики.

После получения Финляндией независимости в декабре 1917 г. в результате революционных событий в России, некоторое время финны были заняты внутриполитическими делами – гражданской войной на территории самой Финляндии. При этом, расправляясь с местной Красной Гвардией при активной поддержке германских войск, финские белые одновременно учинили расправу и над русскими, оказавшимися в пределах бывшего Великого княжества.

Уже в январе 1918 г. нападениям подверглись части русской армии, дислоцированные в Финляндии. После заключения 3 марта 1918 г. Брестского мира с Германией, согласно статье VI договора, все русские войска должны были быть выведены из Финляндии и с Аландских островов, а русские военные корабли и суда покинуть порты Финляндии. Командование Балтийского флота в сопровождении ледоколов стало уводить корабли из Гельсингфорса в Кронштадт, однако этому всячески препятствовали белофинны, желавшие их захватить.

После взятия Гельсингфорса германскими войсками и отрядами финской Белой гвардии, начался террор. «14-го апреля по городу были расклеены объявления о предполагавшемся срочном выселении русско-подданных из Гельсингфорса. Затем начался захват Белой гвардией русских судов под коммерческим флагом,

что было опротестовано русским командованием. Захватывались главным образом буксиры и тральщики, причем это выполнялось самым бесцеремонным образом: команды выгонялись, имея 5 минут времени для сбора своих вещей, и отбиралась вся провизия. В городе и на кораблях германскими и финляндскими войсками производились аресты русских офицеров и матросов по самым нелепым предложениям. Местные газеты проявляли по отношению к России исключительную злобность и выливали ушаты грязи на все то, что так или иначе было связано с русским именем... На госпитальные суда финляндское правительство наложило эмбарго и совершенно не считалось ни с флагом Красного Креста, ни с датским флагом, поднятым после принятия флотилии под покровительство Дании... Все матросы и солдаты, застигнутые в рядах красногвардейцев с оружием в руках, – неукоснительно подвергались расстрелу. В одном Таммерфорсе число расстрелянных достигло 350 человек. Здесь было расстреляно, по сведениям из газет, и несколько русских офицеров. В Выборге, после его взятия белогвардейцами, кроме непосредственных участников борьбы, погибло несколько десятков русских офицеров, а также воспитанников русских учебных заведений, вовсе не принимавших участия в обороне Выборга красногвардейцами. Русские граждане принуждались к скорейшему оставлению Финляндии не только открытыми репрессиями властей, но и бойкотом, публичными оскорблениями, газетной травлей и условиями жизни, близкими к полному бесправью. В виду спешности, они при этом теряли все свое имущество, которое за бесценок распродавалось»¹⁰.

В результате развернувшегося белого террора в Финляндии в числе прочих оказались расстреляны несколько сотен русских офицеров, причем, как правило, скрывавшихся от красногвардейцев и вышедших встречать белых финнов как своих освободителей, а также гражданские лица русского происхождения¹¹. Имущество русских купцов и предпринимателей было конфисковано, все частные суда захвачены финнами. Всего в апреле 1918 г. белофиннами было захвачено русского государственного имущества на 17,5 миллиарда золотых рублей (в ценах 1913 г.)¹².

К началу мая 1918 г. в руках белофиннов оказалась вся территория бывшего Великого княжества Финляндского. Однако этого руководству едва народившегося государства было мало: оно вынашивало планы по созданию Великой Финляндии. Еще 23 февраля 1918 г., то есть в разгар гражданской войны в стране, К.-Г.Маннергейм поклялся не убирать «свой меч в ножны, пока законная власть не воцарится в стране, пока последний ленинский солдат и хулиган не будут выдворены как из Финляндии, так и из Восточной Карелии»¹³. Но финское правительство рассматривало как свою наиважнейшую задачу присоединение не только Восточной Карелии, но и части Мурманской железной дороги и всего Кольского полуострова, о чем 7 марта 1918 г. вполне откровенно заявил глава финского правительства П.Э.Свинхувуд, сообщив, что Финляндия готова пойти на мир с Советской Россией на этих «умеренных условиях». Маннергеймом был утвержден план захвата русской территории по линии Петсамо – Кольский полуостров – Белое море – Онежское озеро – река Свирь – Ладожское озеро. Еще один план предусматривал ликвидацию Петрограда как столицы России и превращение его вместе

с пригородами в «вольный город-республику» наподобие Данцига¹⁴. 15 мая ставка Маннергейма опубликовала «решение правительства Финляндии объявить войну Советской России»¹⁵, но еще до официального объявления войны финнами была атакована Печенга и планировалось нападение на Кандалакшу, не состоявшееся из-за вмешательства англичан.

Финские территориальные аппетиты неприятно удивили даже Германию, которая поспешила сдержать свою чересчур ретивую союзницу и в ультимативной форме запретила ей поход на Петроград. 31 мая 1918 г. Маннергейм был отправлен в отставку. Но и после этого Финляндия продолжала гнуть свою линию и в октябре 1918 г. оккупировала Ребольскую область в Карелии.

После поражения Германии власти Финляндия мгновенно поменяли свои политические симпатии в пользу Антанты и уже с согласия и при поддержке англичан предприняли новое нападение на Советскую Россию. В феврале 1919 г. на мирной конференции в Версале Финляндия требовала присоединить к ней всю Карелию и Кольский полуостров. При этом боевые действия на территории Карелии продолжались. В конце апреля 1919 г. белофинские войска в нескольких местах пересекли границу, захватили ряд крупных населенных пунктов и двинулись к Петрозаводску, но были остановлены отрядами Красной армии. В результате кровопролитных боев к 8 июля 1919 г. финны были отброшены за линию границы на всем Олонецком участке Карельского фронта. В этот же период Маннергейм вновь планировал поход на Петроград через Карельский перешеек, однако теперь его авантюрным планам воспротивились уже англичане и собственное финское правительство.

В декабре 1919 г. английский флот ушел из Финского залива, а Красная Армия зимой-весной 1920 г. преступила к освобождению северных районов от захватчиков. 7 марта был освобожден Мурманск, 18 мая взято село Ухта – «столица» очередного марионеточного «Карельского правительства». 14-21 июля последние отряды белофиннов были выбиты с территории Карелии, за исключением двух северных волостей – Ребольской и Поросозерской. 14 октября 1920 г. между Советской Россией и Финляндией был подписан Тартусский (Юрьевский) мирный договор, согласно которому к Финляндии на севере, в Заполярье, отходила вся Печенгская область (Петсамо), часть полуостровов Средний и Рыбачий и ряд островов в Баренцевом море. На Карельском перешейке граница устанавливалась по реке Сестре и далее по старой административной границе Великого княжества Финляндского. Оккупированные финнами Ребольская и Поросозерская волости возвращались Карельской Трудовой Коммуне (позднее Карельской Автономной области). Новая морская граница отрезала Россию от выхода в международные воды Финского залива.

Однако территориальные уступки со стороны ослабленной Советской России отнюдь не умерили аппетиты наиболее радикальных финских политиков, среди которых находились и такие, в чьих фантастических мечтах будущая Великая Финляндия простиралась на восток до Енисея. Новая граница, установленная по Тартусскому (Юрьевскому) миру, показалась им «стратегически невыгодной»¹⁶, и менее чем через год началось новое финское вторжение на территорию РСФСР. Сначала, в конце сентября 1921 г. при активном содействии финской агентуры в

Тунгудской волости Карелии был создан подпольный «Временный Карельский комитет», который приступил к формированию из недовольных советской властью элементов «лесных отрядов». Это послужило сигналом к новой интервенции. Она началась в ноябре 1921 г., и к концу декабря численность финских вооруженных отрядов, перешедших границу РСФСР, достигла 6 тыс. человек. А поскольку все регулярные части Красной Армии, согласно Юрьевскому договору, были выведены из приграничных областей Карелии, захватчики отбросили малочисленные погранзаставы и быстро продвинулись вглубь советской территории на 50–60 км, угрожая Мурманской железной дороге.

Советская администрация вынуждена была ввести в Карелии и Мурманском крае военное положение, сосредоточить для отпора противнику значительные вооруженные силы (около 15 тыс. красноармейцев, в том числе 8,5 тысяч активных штыков, 166 пулеметов, 22 орудия, 17 аэропланов и три бронепоезда), создать из переброшенных частей Карельский фронт. Наступая от Мурманска и Петрозаводска, части фронта уже к 17 февраля 1922 г. выбили захватчиков со всей занятой ими территории, а лыжный батальон, сформированный из эмигрировавших в РСФСР после гражданской войны в Финляндии «красных финнов», совершил по тылам белофиннов рейд протяженностью свыше 1100 км.

Потерпевшие неудачу интервенты попытались подключить к обсуждению вопроса о Восточной Карелии международно-правовые институты: в 1923 г. финское правительство обратилось с жалобой (!) на Россию в Международный суд в Гааге и в Лигу Наций, однако эти попытки не увенчались успехом. Но и ущерб Советской России от финской интервенции, составивший 5,61 млн золотых рублей, так и не был возмещен.

Таким образом, сразу после получения независимости Финляндия «неоднократно в период 1918–1922 гг. предпринимала попытки политическим и военным путем отторгнуть у Советской России часть территорий на Северо-Западе страны. Она практически вела необъявленную войну против Советской России под предлогом оказания помощи соплеменникам. За этот период финской стороной было совершено 6 вооруженных походов в пограничные с Финляндией территории России (в Беломорскую Карелию, Олонец, Реболы и Посозеро, Печенгу, в Ингерманландию). Кроме того, в период с 11 августа 1921 по 20 февраля 1922 гг. она оказывала помощь беломорским партизанам в борьбе с советской властью на территории Беломорской Карелии»¹⁷.

Но и в дальнейшем политика Финляндии оставалась враждебной по отношению к СССР. Аннексионистские настроения среди финских политиков и в обществе сохранялись все 1920-е – 1930-е гг., не раз реализуясь в политических провозах, враждебных СССР сговорах и планах, в том числе военного характера.

В своем письме от 21 марта 1923 г. советский полпред в Финляндии А.С.Черных так оценивал обстановку в этой стране: «Русофобство финской буржуазии может сравниться разве только с их не менее ярким антисемитизмом. В текущей нашей работе мы ежедневно чувствуем эту глухую стену националистической, зоологической ненависти. Классовая ненависть финской буржуазии к Рес-

публике Советов, сочетаясь с неистовым русофобством, определяет непрерывные и, с первого взгляда, непонятные колебания финской политики. Объективно между нами и Финляндией нет серьезных поводов для конфликтов, наоборот, все как будто способствует деловому сближению, а практически наша терпеливая, уступчивая, благожелательная политическая линия не встречает здесь отклика. Здесь сама *идея*, мысль о возможности лояльных, спокойных отношений с Россией вызывает сильнейшую оппозицию»¹⁸.

На протяжении 1920-х – 1930-х гг. Финляндия активно искала сближения (включая военные союзы) со странами Прибалтики, Польшей, Швецией, Англией, Германией, договариваясь с ними о возможных совместных действиях против Советской России. Так, в 1922 г. в Варшаве министрами иностранных дел Польши, Латвии, Эстонии и Финляндии было подписано политическое соглашение, по существу оформившее Балтийский союз, направленный на совместное противостояние СССР¹⁹. В своих отношениях со Швецией, Англией и Германией Финляндия готовилась предоставить свою территорию в качестве плацдарма для нападения на СССР. В то же время переговоры 1926 г. о заключении – по инициативе СССР – советско-финского договора о ненападении оказались безрезультатны.

На рубеже 1920-х – 1930-х гг. обстановка на советско-финляндской границе вновь обострилась, что явилось отголоском активизировавшегося движения за создание «Великой Финляндии», выхода на политическую арену влиятельных, агрессивно настроенных сил, «проявляющих заинтересованность в расширении территории страны за счет Советского Союза»²⁰. В Финляндии с новой силой развернулась антисоветская пропаганда. Напряженность в отношениях нарастала. В 1930 г. оперативный отдел финского Генерального штаба подготовил записку о взаимодействии вооруженных сил Финляндии и Эстонии в грядущей войне против СССР. Помимо прочих мер, этим планом предусматривалось минирование советских территориальных вод, а главное – организация «мощного наступления из Финляндии на Ленинград и базу Балтийского флота»²¹. Просочилась информация о финско-польских переговорах о военном сотрудничестве. И хотя 21 января 1932 г. по инициативе СССР был наконец подписан советско-финский договор о ненападении²², ситуация оставалась тревожной.

В 1933 г. в связи с приходом к власти в Германии Гитлера правые круги Финляндии стали всерьез рассчитывать на то, что «сильная в военном отношении Германия сможет упрочить позиции Финляндии и поддержать ее притязания на Восточную Карелию», а известный своими прогерманскими симпатиями президент П.Э.Свинхувуд высказался следующим образом: «Любой враг России должен быть всегда другом Германии. По своему существу финский народ является другом Германии»²³. С этого момента стали активно развиваться германо-финляндские контакты, в том числе в сфере военного сотрудничества, закупки вооружений, обмена разведывательной информацией и т.п. Финские газеты, пропагандировавшие «дружбу» с Германией, напоминали читателям о том, что высадившиеся в 1918 г. на территории Финляндии немецкие войска «помогли ей обрести независимость». В 1934–1935 гг. маршал Маннергейм совершил несколько неофициальных визитов в Германию, в результате которых, по данным советской раз-

ведки и дипломатических кругов ряда зарубежных стран, было достигнуто соглашение об использовании Финляндии «в качестве базы для развертывания германского флота и воздушных сил против СССР»²⁴, разумеется, в обмен на обещание получить Советскую Карелию. В результате у руководства Наркомата Иностранных дел сложилось вполне обоснованное мнение, что «после Японии, Германии и Польши Финляндия является ... по своим замыслам наиболее агрессивной страной»²⁵.

У советского руководства были вполне реальные основания опасаться финской угрозы в преддверии разгоравшейся Второй мировой войны, особенно учитывая, что один из важнейших центров страны – Ленинград находился менее чем в 40 км от границы с опасным, агрессивным соседом.

О враждебных намерениях финской стороны в конце 1930-х гг. свидетельствовал целый ряд фактов. Так, летом 1939 г. в Финляндии с «инспекционной поездкой» в приграничные с СССР районы побывал начальник Генерального штаба германской армии Ф.Гальдер, а также группа офицеров немецкой разведки во главе с адмиралом Ф.В.Канарисом²⁶. В августе 1939 г. на Карельском перешейке состоялись крупные военные маневры финской армии «по отражению советского наступления на «линию Маннергейма», причем на них были приглашены все аккредитованные в Финляндии военные атташе, кроме советского²⁷. Сталин, по воспоминаниям К.А.Мерецкова, расценил это как готовность Финляндии к участию в войне против СССР в составе антисоветской коалиции: «Германия готова ринуться на своих соседей в любую сторону, в том числе на Польшу и СССР. Финляндия легко может стать плацдармом антисоветских действий для каждой из двух главных буржуазно-империалистических группировок – немецкой и англо-франко-американской. Не исключено, что они вообще начнут сговариваться о совместном выступлении против СССР. А Финляндия может оказаться здесь разменной монетой в чужой игре, превратившись в науськиваемого на нас застрельщика большой войны»²⁸. Таким образом, целый ряд фактов побудил советское руководство рассматривать Финляндию как весьма вероятного противника в надвигающейся войне. Причем тенденция ухудшения советско-финских отношений усиливалась на протяжении всей первой половины 1939 г.

Только учитывая все эти обстоятельства, можно понять и объективно оценить два военных конфликта СССР и Финляндии в 1939–1940 и 1941–1944 гг.

Два этапа военного противостояния во Второй мировой войне: официальный взгляд с двух сторон

Любые явления лучше всего познаются в сравнении. Возможности для сравнения в данном случае открывает само развитие советско-финского конфликта в период Второй мировой войны, историческое разделение его на две неравные части.

Первый этап – так называемая «зимняя» война (1939–1940 гг.) – столкновение огромной державы с небольшой соседней страной с целью решить свои геополитические проблемы. Ход и исход этой войны известен. Непропорционально большими жертвами СССР удалось вынудить Финляндию отдать часть стратегически и эконо-

мически важных территорий. Известен и международный резонанс этого конфликта: начатый в контексте разворачивающейся Второй мировой войны, он вызывал ассоциации с германскими вторжениями в Австрию, Чехословакию и Польшу и привел к исключению СССР из Лиги Наций как агрессора. Все это должно было воздействовать и на взаимное восприятие непосредственных участников боевых действий с обеих сторон. Для финнов это была в целом справедливая война, и дрались они с большим патриотическим подъемом, ожесточенно и умело, тем более, что бои протекали на их территории. Советским же солдатам командование должно было еще обосновать, почему «большой» должен обижать «маленького».

Вот как выглядело это обоснование. В своем выступлении по радио 29 ноября 1939 г. Председатель СНК СССР В.М.Молотов заявил: «Враждебная в отношении нашей страны политика нынешнего правительства Финляндии вынуждает нас принять немедленно меры по обеспечению внешней государственной безопасности... Запутавшееся в своих антисоветских связях с империалистами, [оно] не хочет поддерживать нормальных отношений с Советским Союзом ... и считается с требованиями заключенного между нашими странами пакта ненападения, желая держать наш славный Ленинград под военной угрозой. От такого правительства и его безрассудной военщины можно ждать теперь лишь новых наглых провокаций. Поэтому Советское правительство вынуждено было вчера заявить, что отныне оно считает себя свободным от обязательств, взятых на себя в силу пакта о ненападении, заключенного между СССР и Финляндией и безответственно нарушаемого правительством Финляндии»²⁹.

Пропагандистская кампания в СССР в целях морально-психологической мобилизации населения при подготовке к войне была масштабной и массовой. Суть ее отражают многочисленные сообщения советских газет того времени. Приведем для примера заголовки только двух из них – «Красной звезды» и «Ленинградской правды» за 27–29 ноября 1939 г.³⁰ Они содержат обвинения финской стороны в провокации конфликта для объяснения и мотивации «ответных действий» СССР: «Наглая провокация финляндской военщины», «Поджигатели войны не уйдут от ответственности», «Дать отпор зарвавшимся налетчикам!», «Провокаторам не сдобровать!», «Долой провокаторов войны!», «Уничтожим врага, если он не образумится», «Проучить бандитов!», «Унять обезумевших гороховых шутов», «Не позволим финской военщине держать Ленинград под угрозой», «Ответить тройным ударом!», и т.д. Ряд заголовков был посвящен «отношению общественности» к позиции советских и финских властей, причем тезис «Одобряем внешнюю политику СССР» дополнялся утверждением «Финский народ осуждает политику марионеточного правительства», а чувства «Гнев и возмущение» – практическим выводом «Всегда готовы выступить в бой». Другие заголовки обрисовывали перспективу: «Великий советский народ сметет и развеет в прах обнаглевших поджигателей войны», «Поджигатели войны будут биты», и т.п. Все эти лозунги подкреплялись утверждениями о советской мощи: «Советский Союз неприступен», «Страна Советов непобедима», «Красная Армия – несокрушимая сила», «Готовы разгромить врага на его же территории».

Тональность и аргументация советской официальной пропаганды хорошо отражена в стихотворении Василия Лебедева-Кумача «Расплаты близок час»³¹, опубликованном на другой день, 30 ноября 1939 г., в газете «Известия». Оно было размещено в том же номере газеты, что и речь Молотова, и фактически явилось ее образно-поэтической иллюстрацией с целью усиления эмоционального воздействия на читателя. То, что не мог позволить себе Глава правительства (хотя и он не особенно стеснялся в выражениях), в полной мере воплотил в своем произведении официальный поэт-пропагандист, выполнявший вполне определенный политический заказ. Говоря от лица народа и одновременно обращаясь к нему, В.Лебедев-Кумач начал с ритуальной лести в адрес советских вождей («Закалкой сталинской и правдой мы сильны...»), упомянул об «исполненной мудрости» речи Молотова. Далее идет, с одной стороны, – подчеркивание справедливости советской позиции, а с другой, – обвинение, уничижение и даже оскорбление финского руководства. Приведя обобщение «принципиальной установки СССР» («Неправой никогда мы не ведем войны, / Мы – первые враги разбоя и захвата!»); «Любой народ земли мы рады уважать...»), поэт приводит аргументацию агрессивных действий советской стороны, стараясь преподнести их как вынужденные и справедливые («Мы не хотим войны, но мы должны беречь / Покой своих границ – и берега и воды»; «Держать под выстрелом наш славный Ленинград / Мы не дадим продажной, наглой своре!»); «Но пусть не смеет нам оружием угрожать, / Правительство шутов и генеральской швали!» и т.д.). Вторая половина стихотворения представляет собой чередование продолжающихся оскорблений («вояки-провокаторы», «предатели», «бешеные собаки», «кровавые шуты» и т.п.) с угрозами («И черной крови вашей мы прольем озера!»); «Расплаты близок час! Она наступит скоро!»), в которых главным аргументом звучит мощь и сила, неисчерпаемость ресурсов («Огромен наш Союз и гнев его огромен!»). Завершается этот «образец» художественно-пропагандистского творчества уверенностью в расколе между властями и народом Финляндии («Вы подло погубить хотите свой народ, / Но ваши подлости поймет народ Суоми!»). Но этим надеждам не суждено было оправдаться, и финский народ оказал весьма ожесточенное сопротивление превосходящим силам противника.

Однако следует отметить, что при всех перехлестах советской пропаганды, реальная психологическая и официальная идеологическая мотивировка в советско-финляндской войне в основном совпадали. В очень сложной международной обстановке, в условиях уже начавшейся Второй мировой войны Советское Правительство действительно было озабочено проблемой безопасности границ, особенно в столь важной их части, как район, примыкающий к Ленинграду. Вот что впоследствии написал об этом в своих воспоминаниях Н.С.Хрущев: «Было такое мнение, что Финляндии будут предъявлены ультимативные требования территориального характера, которые она уже отвергла на переговорах, и если она не согласится, то начать военные действия. Такое мнение было у Сталина... Я тоже считал, что это правильно. Достаточно громко сказать, а если не услышат, то выстрелить из пушки, и финны поднимут руки, согласятся с нашими требованиями... Сталин был уверен, и мы тоже верили, что не будет войны, что финны примут наши пред-

ложения и тем самым мы достигнем своей цели без войны. Цель – это обезопасить нас с севера... Вдруг позвонили, что мы произвели выстрел. Финны ответили артиллерийским огнем. Фактически началась война. Я говорю это потому, что существует другая трактовка: финны первыми выстрелили, и поэтому мы вынуждены были ответить... Имели ли мы юридическое и моральное право на такие действия? Юридического права, конечно, мы не имели. С моральной точки зрения желание обезопасить себя, договориться с соседом оправдывало нас в собственных глазах»³². Кстати, в секретной телеграмме, разосланной статс-секретарем германского МИД Э. фон Вейцекером 2 декабря 1939 г. германским дипломатическим миссиям, «финско-русский конфликт» трактовался как «естественная потребность России в укреплении безопасности Ленинграда и входа в Финский залив»³³.

Анализируя геополитическую ситуацию в контексте уже начавшейся Второй мировой войны, враждебных настроений элиты и политики правящих кругов Финляндии, можно прийти к выводу, что в конце 1939 г. у СССР объективно не было иных возможностей, кроме как силовым способом решить проблему обеспечения безопасности своих границ, проходивших в непосредственной близости от Ленинграда – крупнейшего индустриального, военно-морского, политического, культурного и т.д. центра. Великая Отечественная война со всей очевидностью показала принципиальную верность этого решения, хотя и реализованного формально некорректно с точки зрения международного права и недостаточно эффективно в военном отношении. Однако попрание норм международного права в тот период стало «фактической нормой», реальной практикой межгосударственных отношений, пример чему показали «западные демократии» Мюнхенским сговором 1938 г.

Позиция СССР не была принята мировым сообществом. 14 декабря 1939 г. Совет Лиги Наций принял резолюцию об «исключении» СССР из Лиги Наций, осудив его действия, направленные против Финляндского государства, как агрессию. 16 декабря в «Правде» по этому поводу было опубликовано Сообщение ТАСС, в котором говорилось: «Лига Наций, по милости ее нынешних режиссеров, превратилась из кое-какого «инструмента мира», каким она могла быть, в действительный инструмент англо-французского военного блока по поддержке и разжиганию войны в Европе. При такой бесславной эволюции Лиги Наций становится вполне понятным ее решение об «исключении» СССР... Что же, тем хуже для Лиги Наций и ее подорванного авторитета. В конечном счете СССР может здесь остаться и в выигрыше... СССР теперь не связан с пактом Лиги Наций и будет иметь отныне свободные руки»³⁴. Заключительную фразу этого заявления о «свободных руках» следует рассматривать в сложном международном контексте, в котором велась дипломатическая и одновременно стратегическая игра со многими участниками. В ней одной из действующих сторон выступала фашистская Германия с уже определившимися союзниками, с другой – Англо-франко-американская, еще не вполне оформившаяся коалиция, и с третьей – СССР, вынужденный вследствие закулисных интриг «западных демократий» пойти на соглашение с Гитлером в целях отодвинуть надвигающуюся «большую войну» хотя бы на какое-то время³⁵.

Зыбкость юридических и моральных оснований считать войну с Финляндией справедливой для СССР не могла не отразиться весьма противоречиво и на настроениях участвовавших в ней советских войск. Диапазон мнений был весьма широк – от сомнений в правомерности действий советской стороны до откровенно циничной позиции, согласно которой «сильный всегда прав». Так, в донесении Политуправления Ленинградского военного округа начальнику Политуправления РККА Л.З.Мехлису от 1 ноября 1939 г. говорится о систематической работе по разъяснению вопросов международного и внутреннего положения в частях округа «путем проведения бесед, докладов, лекций, чток и консультаций». «Настроение личного состава всех частей в связи с докладом т.Молотова [на V внеочередной сессии Верховного Совета СССР – Е.С.] и редакционной статьей «Правды» от 3 ноября – боевое»³⁶, – сообщается в донесении. Однако вслед за этим утверждением приводятся следующие факты, свидетельствующие о том, что настроения эти были не столь однозначны:

«Красноармеец 323 арт. полка Чихарев говорит: «Финляндия не приняла мирных предложений СССР и этим самым дала понять, что не хочет дружбы. Мы, если понадобится, продвинем границу от Ленинграда не только на десятки, но и на сотни километров»...

Младший командир 54-о отд. зен. артдива Полин в беседе заявил: «Зачем СССР настаивать на требованиях в переговорах с Финляндией в отношении территории, ведь Финляндии тоже нужна эта территория. 20 лет она не обстреливала, а если и будет обстреливать, то постреляет и перестанет. Мы ведь японцам не отдали высоты Заозерной. Не являются ли наши требования агрессивными».

По этим высказываниям военком т. Летуновский провел беседу с уделением особого внимания новой постановке вопроса об агрессии»³⁷.

В целом пропаганда оказывала сильное влияние на советских людей, в том числе в действующей армии. Даже столкнувшись с реальной силой противника и с тяжелыми потерями, советские бойцы сохраняли уверенность в победе, опираясь в частности на стереотип в соотношении сил великой державы и маленькой страны. Вот, например, строчки из письма младшего лейтенанта М.В.Тетерина жене от 27 декабря 1939 г.: «Вы, вероятно, читали в газетах за 24/ХІІ об итогах военных действий в Финляндии за три недели, где все подробно рассказано. Как видите, жертв уже есть порядочно, вместе с ранеными около 9 тыс. человек. Вероятно, заметно это и у вас в Петрозаводске, так как ты, Катя, пишешь, что уже дежурила в госпитале. Но ничего, не надо падать духом, все равно победа будет за нами и «козьявке» слона не победить»³⁸.

Чем дольше продолжалась война, тем слабее становилось воздействие идеологических штампов и критичнее воспринималась реальность. Одновременно росло уважение к противнику, а собственное подавляющее превосходство в силе воспринималось уже в ином, драматическом контексте. Все это отразилось в письме красноармейца П.С.Кабанова к родным от 1 марта 1940 г., где в одной короткой фразе смешались самые разнообразные чувства – отчаяние и страх погибнуть, и высокая оценка боевых качеств неприятеля, и слабая надежда выжить, но лишь потому, что нас гораздо больше, чем врагов: «Несмотря на то, что финны

прекрасно стреляют, но всех же нас здесь не перебьют...»³⁹. Всех, конечно, не перебили, но сам красноармеец Кабанов погиб несколько дней спустя...

Далеко не однозначным было отношение к этой войне и в советском тылу, при всей активности пропагандистского воздействия. Слухи, просачивавшиеся с фронта и о ходе военных действий, и о наших потерях, и о поведении финнов, существенным образом расходились с газетными сообщениями, что заставляло людей думать и переоценивать сложившиеся стереотипы и установки. Например, в дневнике А.Г.Манкова, проживавшего в одном из поселков в окрестностях Ленинграда, 14 января 1940 г. сделана следующая запись, фактически зафиксировавшая уважительно-сочувственное отношение к противнику: «Бабы в очередях о Финляндии говорят так: «Маленькая, да удаленькая»»⁴⁰. Сам же автор дневника в день окончания войны 13 марта 1940 г. высказал такую свою оценку ее итогов: «...Очевидно одно: война, если и выиграна стратегически ценой страшных потерь, политически проиграна позорно...»⁴¹. Таким образом, ни на фронте, ни в тылу воздействие пропаганды оказывало далеко не абсолютное влияние на массовое сознание советских граждан, сохранявших способность весьма трезво и критично оценивать действительность.

Вероятно, неопределенность и недостаточная убедительность первоначальной мотивировки советской позиции в Зимней войне побудила перейти в пропаганде от тезиса об «обеспечении безопасности Ленинграда» к подчеркиванию только освободительных целей Красной Армии в отношении Финляндии. Классовые идеи «освобождения от эксплуатации» с помощью советских штыков нашли свое отражение в газетных заголовках отчетов о многочисленных митингах трудящихся СССР «в поддержку решительных мер» Советского правительства. Недавняя терминология о «фашистах» ушла из советского пропагандистского лексикона в связи с заигрыванием с фашистской Германией. Пропагандистскими штампами стали такие выражения, как «белофинские бандиты», «финская белогвардейщина», «Белофинляндия» и др. Справедливости ради нужно отметить, что аналогичная пропаганда велась и в Финляндии, где в ходе антисоветской кампании финских рабочих призывали бороться против «большевистского фашизма»⁴².

Естественно, финская сторона также идеологически обосновывала свое участие в Зимней войне, что нашло отражение прежде всего в приказе главнокомандующего вооруженными силами Финляндии К.-Г.Маннергейма о начале военных действий против СССР: «Доблестные солдаты Финляндии!.. Наш многовековой противник опять напал на нашу страну... Эта война – не что иное, как продолжение освободительной войны и ее последнее действие. Мы сражаемся за свой дом, за веру и за Отечество»⁴³.

Конечно, рядовые участники боев с обеих сторон отнюдь не мыслили формулами правительственных директив и приказов командования, однако последние, безусловно, накладывали отпечаток и на обыденное восприятие противника. Идеологические наслоения присутствуют во всех цитируемых официальных документах, причем, с советской стороны в них доминируют классовые мотивы, а с финской – националистические и геополитические. Вместе с тем, формула приказа

Маннергейма о том, что финны сражаются за свой дом и за свое Отечество, все же была более близка к истине и пониманию финского солдата, нежели натянутые формулировки об угрозе огромному СССР со стороны маленького соседа.

Безусловно, нужно учитывать достаточно большую эффективность финской пропаганды на свое население, которая апеллировала к чувствам патриотизма и справедливости оборонительной войны. Однако, и позиция Финляндии в войне, и ее пропаганда также не были абсолютно действенны и безупречны. Сомнения о необходимости воевать с огромным могущественным соседом из-за относительно небольшого участка земли возникали даже у преданных бойцов финской армии. Вот что было записано в военном дневнике младшего сержанта Мартти Салминена 12 февраля 1940 г.: «...Мне пришло в голову: а так ли необходимо воевать? Я знал, что СССР осенью требовал финские территории для своей безопасности. Исходя из того, что финское правительство выбрало войну против огромного народа, а не территориальную уступку, то, видимо, советские предложения были чрезмерны (Как я позже узнал, эти предложения были приемлемы). Я сравнивал вооружение противника с нашим. Артиллерии у врага было очень много, с нашей не сравнишь. Я знал, что где-то в тылу, за нашими позициями есть несколько финских орудий, которые стреляют редко в связи с нехваткой снарядов, я видел сотни самолетов неприятеля, а своего ни одного. Танков у противника было несчетно, а ни одного финского я за всю войну не встретил... Я ненавидел военную пропаганду. Нас заставляли верить в то, что армия врага всего лишь шайка одетых в лохмотья людей. Однако на практике оказалось, что обмундирование русских лучше, чем у нас: теплый ватник, валенки, шинели из толстого сукна. Лишь у немногих финнов были валенки. Я ненавидел пропаганду не только за лживость, но еще и за то, что она ослабляла боевой дух. Если в такое верили бы, то никакой маломальски порядочный человек не стал бы стрелять в беспомощного врага...»⁴⁴. Таким образом, в Зимней войне финская пропаганда была столь же далека от реальности, что и советская, да и мотивация ее во многом оказывалась уязвимой.

Второй этап советско-финского конфликта принципиально иной. Выступив на стороне германского фашизма, напавшего на СССР, Финляндия сама превратилась в агрессора. Конечно, свое участие в этой войне она снова пытается представить как справедливое, как попытку вернуть отнятые земли.

Хорошо известно пропагандистское обоснование начала войны-«Продолжения» со стороны Финляндии, отраженное прежде всего в приказе К.-Г.Маннергейма от 27 июня 1941 г. о начале военных действий вместе с германской армией против СССР. Главным лейтмотивом этого документа была реваншистская установка, направленная на пересмотр итогов «Зимней» войны 1939–1940 гг. Маннергейм называет СССР врагом и обвиняет в том, что он «с самого начала не считал мир постоянным», что Финляндия являлась «объектом беззащитных угроз», а целью СССР было «уничтожение наших жилищ, нашей веры и нашего Отечества, ... порабощение нашего народа». «Заключенный мир, – провозглашает Маннергейм, – был лишь перемирием, которое теперь закончилось. ...Призываю Вас на священную войну с врагом нашей нации. ... Мы вместе с мощными военными силами Германии как

братья по оружию с решительностью отправляемся в крестовый поход против врага, чтобы обеспечить Финляндии надежное будущее»⁴⁵. В том же приказе содержится намек на это будущее – на Великую Финляндию вплоть до Уральских гор, хотя здесь пока как объект притязаний выступает только Карелия. «Следуйте за мной еще последний раз, – призывает Маннергейм, – теперь, когда снова поднимается народ Карелии и для Финляндии наступает новый рассвет»⁴⁶. А в июльском приказе он уже прямо заявляет: «Свободная Карелия и Великая Финляндия мерцают перед нами в огромном водовороте всемирно-исторических событий»⁴⁷.

Поэтому не вполне искренне звучит утверждение профессора Хельсинкского университета Юкка Невакиви о том, что «если бы не «зимняя» война, в которой мы потеряли десятую часть территории, Финляндия, быть может, не стала бы союзницей Гитлера в сорок первом, предпочтя нейтралитет «шведского варианта». Финская армия двинулась в то лето только забирать отобранное»⁴⁸.

Хотя доля правды в его оценке присутствует: развязав 30 ноября 1939 г. военные действия против суверенного соседа и одержав над ним пиррову победу ценой огромных потерь, сталинское руководство предопределило тем самым его позицию в грядущей большой войне, превратив вероятного противника в неизбежного. Ни одно оскорбление национальной гордости другого народа не может остаться безнаказанным. И Финляндия ринулась на недавнего обидчика, не слишком заботясь о том, в какой сомнительной компании оказалась.

Впрочем, «возвратом отобранного» дело не ограничилось. Дойдя до старой советско-финляндской границы, финская армия, не задумываясь, двинулась дальше, занимая территории, ранее ей не принадлежащие. В финской пропаганде утверждалось, что Яанислинна (Петрозаводск), а затем и Пиетари (Ленинград) будут принадлежать Финляндии, что Великая Финляндия протянется на восток до Урала, «на всю свою историческую территорию»⁴⁹. Хотя – есть и такие свидетельства – финны действительно охотнее сражались на тех землях, которые были утрачены ими в 1940 году.

Официальные установки финского руководства о справедливости их участия в войне полностью согласовывались с общественной атмосферой. Вот как вспоминает бывший финский офицер И.Виролайнен о настроениях общественности Финляндии в связи с началом войны против СССР: «Возник некий большой национальный подъем и появилась вера, что наступило время исправить нанесенную нам несправедливость. Все забыли, что получить возмещение [за поражение в «Зимней» войне – *Е.С.*] мы хотели от соседней сверхдержавы ... с помощью другой сверхдержавы. Это, конечно, было большой ошибкой... Нас история ничему не научила, если мы надеялись, что сможем изменить геополитическое положение Финляндии... Тогда успехи Германии настолько нас ослепили, что все финны от края до края потеряли рассудок... Редко кто хотел даже слушать какие-либо доводы: Гитлер начал войну и уже этим был прав. Теперь сосед почувствует то же самое, что чувствовали мы осенью 1939 г. и зимой 1940 г. ... В июне 1941 г. настроение в стране было настолько воодушевленным и бурным, что каким бы ни было правительство, ему было бы очень трудно удержать страну от войны»⁵⁰.

Однако теперь уже советский народ чувствовал себя жертвой агрессии, в том числе и со стороны Финляндии, вступившей в коалицию с фашистской Германией. Естественно, что в советской пропаганде доминировали убедительные доводы справедливой оборонительной войны. Великой и Отечественной война 1941–1945 годов была для советских солдат независимо от того, на каком фронте и против какого конкретного противника они сражались. Это могли быть немцы, румыны, венгры, итальянцы, финны, – суть войны от этого не менялась: советский солдат сражался за родную землю.

Финские войска участвовали в этой войне на фронте, который советская сторона называла Карельским. Он пролегал вдоль всей советско-финляндской границы, то есть места боев во многом совпадали с театром военных действий «зимней» войны, опыт которой использовался обеими сторонами в новых условиях. Но на том же фронте рядом с финнами воевали и немецкие части, причем, по многим свидетельствам, боеспособность финских частей, как правило, была значительно выше. Это объясняется как уже приведенными психологическими факторами (оценка войны как справедливой, патриотический подъем, воодушевление, стремление отомстить и т.п.), так и тем, что большая часть личного состава финской армии имела боевой опыт, хорошо переносила северный климат, знала специфические особенности местности. Характерно, что советские бойцы на Карельском фронте оценивали финнов как противника значительно выше, чем немцев, относились к ним «уважительнее». Так, случаи пленения немцев были нередки, тогда как взятие в плен финна считалось целым событием. Можно отметить и некоторые особенности финской тактики с широким применением снайперов, глубоких рейдов в советский тыл лыжных диверсионных групп и др. С советской стороны опыт Зимней войны мог быть использован меньше, так как ее участники были в основном среди кадрового командного состава, а также призванных в армию местных уроженцев.

Таков общий исторический, событийный и общественно-психологический фон взаимовосприятия противников в двух взаимосвязанных войнах, которые, хотя и считаются самостоятельными, в действительности представляют собой эпизоды единой Второй мировой войны на северо-европейском театре военных действий.

Эволюция образа врага в сознании участников войны

Следует отметить, что в целом в общественном сознании советской стороны финны воспринимались как враг второстепенный, ничем особо не выделявшийся среди других членов гитлеровской коалиции, тогда как на Карельском фронте, на участках непосредственного с ними соприкосновения, они выступали в качестве главного и весьма опасного противника, по своим боевым качествам оттеснившего на второй план даже немцев. Все прочие союзники Германии не пользовались уважением советских войск и как противник оценивались весьма низко.

Приведем несколько мнений о финнах как о противнике, полученных не только из «синхронных» (документов военных лет), но и из «ретроспективных»

источников, – записей военных мемуаров, а также интервью с участниками советско-финляндской и Великой Отечественной войн, проведенных в 1990-е годы.

«Они вояки, здорово воевали. Их малая компания, но наших они много убили»⁵¹, – признавал участник советско-финляндской войны Тойво Матвеевич Каттонен, кстати, сам финн по национальности, в 1939 г. добровольцем вступивший в Красную Армию. Другой фронтовик, участник боев на Карельском фронте Юрий Павлович Шарапов, вспоминал: «Летом 44-го года мы вплотную столкнулись с упорством финских солдат в обороне... Спротивлялись они отчаянно... Финн мог сидеть за валуном и стрелять. И до тех пор, пока ты ему не зайдешь в тыл и не застрелишь его в затылок, он не уйдет с места»⁵². Ветеран обеих войн, в первую командовавший взводом, во вторую – батальоном, а ныне генерал-полковник в отставке Дмитрий Андреевич Крутских на вопрос «Какого Вы мнения о финских солдатах?» ответил: «Как солдаты финны очень хорошие, и в Великую Отечественную войну они воевали лучше, чем немцы. Я вижу тому несколько причин. Они знали местность и были подготовлены к тем климатическим условиям, в которых воевали. Отсюда и вытекали мелкие отличия в маскировке, тактике, разведке, которые в итоге приносили свои плоды. Огневая подготовка – мастерская. В бою – устойчивые. Но я подмечал, что когда они атаковали нашу оборону, они бодро двигались метров до 100–150, а дальше залегали...»⁵³. Вспоминая о прекращении огня после заключения перемирия в финской кампании 13 марта 1940 г., Д.А.Крутских так описывает поведение недавних противников: «Когда мы уходили, нам было приказано взорвать всю оборону и засыпать траншеи. Финнам было приказано отойти от дороги на 100 метров. Мы жгли костры, пели песни, играли на гармошке. Они играли на губных гармошках. Видел я, что и руками нам махали, и кулаками грозили. Ну и мы им отвечали соответственно...»⁵⁴. Это простое и будничное наблюдение – «кулаками нам грозили» – очень точно отражает атмосферу того времени: несмотря на объявление мира, уже тогда было ясно, что выяснение отношений с ближайшим соседом еще не закончено...

Особый интерес вызывают свидетельства о поведении финских военнопленных в обеих войнах. Так, например, Т.М.Каттонен вспоминал об одном случае из зимы 1940 г.: «Как остров назывался, который штурмовали, не помню. Кого-то из финнов успели взять в плен, но вообще пленных было немного. Все финские пленные, которые к нам попали, вредные были страшно, прямо съесть нас были готовы. Я опрашивал одного, опрашивал, а он потом вдруг в воду прыг – туда, в Финский залив, как раз в том месте, где мы чуть не утонули. Поймали его все равно за шиворот и вытащили обратно. Он не смотрел, что вода ледяная, не хотел сдаваться...»⁵⁵. В дневнике А.Г.Манкова сохранилась запись от 11 декабря 1939 г., свидетельствующая о том, что слухи о необычном поведении захваченных финских военнослужащих распространялись даже в советском тылу: «От одной студентки, муж которой врачом на фронте, узнал, что пленные финны не желают принимать пищу. Муж ее не знает, что с ними делать. Как это роковым образом расходится с газетными сведениями!»⁵⁶. Таким образом, уже в Зимнюю войну отмечается особая стойкость финнов в плену, которая проявлялась и позднее, в Войне-Продолжении, о чем сохранились многочисленные сви-

детельства. Приведем лишь один пример – рассказ о событиях конца 1942 г. офицера разведотдела штаба 19-й армии Даниила Федоровича Златкина: «Финны попадались... Немцы посылали их к нам в разведку. Мы захватили трех финнов, но ничего от них не добились... Какие методы к ним ни применяли, – ничего. Очень стойкие, очень сильные люди, и солдаты хорошие. Немцы, попадая в плен, мгновенно всё рассказывают, абсолютно всё, или хитрят, стараются обмануть нас, были случаи... А эти... Про себя, про семью отвечали охотно. Но как только вопрос касался военных действий, численности войск, номера части, фамилии командиров, – это было мертво. Он прямо заявлял: «Вы от меня ничего не добьетесь. Я вам ничего не расскажу». Лаконично, без всяких... Вот немцы говорили: «Я не хочу изменять присяге!», патетически так говорили, пафосно. А он просто в открытую говорил: «Я вам этого не скажу!»... Я тогда сделал заключение, что они очень смелые, находчивые, великолепно знающие местность, маскировка у них блестяще поставлена, и кроме того, это дисциплинированные солдаты, беззаветно преданные своему долгу, и у них учиться нужно воевать»⁵⁷.

Высоко оценивая боевые качества, подготовку и снаряжение финнов, ветераны вместе с тем обязательно упоминают о свойственной им жестокости. «Было много случаев зверств, когда финны убивали ножами наших раненых, которых не успевали убрать с поля боя, – записал в своих воспоминаниях о Зимней войне бывший артиллерист Михаил Иванович Лукинов. – Я сам видел в бинокль, как на поляне, к которой нельзя было подойти близко из-за стреляющих «кукушек», лежало несколько тел наших солдат. И когда один из них делал попытку подняться, то из леса с деревьев по нему раздавались выстрелы. Один из раненых рассказывал, что когда после боя он лежал раненый на снегу, к нему подъехал финн и сказал по-русски: «Лежишь, Иван? Ну, лежи, лежи». Еще хорошо, что не добил, а ведь таких случаев было много...»⁵⁸. Похожие истории звучат и в воспоминаниях о боях на Карельском фронте 1941–1944 гг. Среди советских бойцов было распространено мнение об особой жестокости финнов, так что попасть к ним в плен считалось еще хуже, чем к немцам. В частности, были хорошо известны факты уничтожения финскими диверсионными группами советских военных госпиталей вместе с ранеными и медицинским персоналом⁵⁹. Так, Д.Ф.Златкин рассказывал о вырезанном поголовно госпитале, когда его часть попала в окружение («Там было свыше 150 человек, и всех перерезали... Раненым лежачим, врачам, медсестрам – спокойно перерезали горло!»⁶⁰), о коварных минах-ловушках, о лыжниках-диверсантах, метателях ножей, целящих, как правило, в спину, и, разумеется, о всё тех же о легендарных снайперах-«кукушках»...

«Кукушки» – это особая тема. В последнее время многие, прежде всего финские исследователи ставят их существование под сомнение, считая одним из военных мифов⁶¹. Так, Охто Маннинен утверждает, что «никто не встречал таких ветеранов, которые вспоминали бы о том, как они лазили по деревьям... Кажется маловероятным, чтобы солдата могли заставить залезть на дерево, ибо у него всегда должна была быть возможность отступить. Спуск с дерева потребовал бы слишком много времени»⁶². Однако в воспоминаниях советских участников обеих войн упоминания о снайперах-«кукушках» встречаются как обязательный элемент, причем со

ссылкой на личный опыт: ««Кукушки» были! Не верьте, когда говорят, будто их не было – это все равно, что сказать, что мы были с автоматами [*в финскую войну* – Е.С.]. Я лично снимал «кукушку» на 600 метров. Врут они, что это разведчики были, а не снайпера. Бедой они для нас были...»⁶³. (Д.А.Крутских.); «Еще «кукушки» «куковали» наверху... У них были курносые такие сапоги, он прыгнет с дерева на лыжи и всё... Помню, как-то раз «кукушку» поймали, спустили вниз, начали допрашивать. Он говорит: «Я девять москалей убил, надо десять убить было». Я ему говорю: «А вот шиш тебе! Не сумеешь ты меня убить!». Он смотрит на меня, видит, что я [тоже] финн, и еще больше рассердился. Потом я стал его спрашивать: «Зачем на дерево полез, чтобы нас убивать?». «Надо убивать, – говорит. – Девять убил. Десять надо было убить, но не пришлось...» А пуля для меня была у него уже готова. Десять москалей... «Москалей» они нас называли...»⁶⁴ (Т.М.Каттонен).

Среди рассказов о «кукушках» встречаются и почти фантастические, в которых хорошо заметны отзвуки пропаганды того времени. Например, упоминание о «смертниках», оставленных своими же на верную гибель. «Нам очень досаждали «кукушки» – снайперы с деревьев, – вспоминал М.И.Лукинов. – Финны при отходе сажали их на деревья с автоматом и большим запасом патронов. Одни из них, постреляв, убегали на лыжах, которые оставляли под деревом. Другие били до последнего, пока их самих не сбивали с дерева, а упавших с ненавистью добивали. Иногда четыре «кукушки» располагались как бы по углам лесного квадрата, и тогда каждый, кто попадал в этот квадрат, неизбежно погибал. А сбить их было трудно, т.к. при таких попытках они сосредотачивали огонь четырех автоматов на одной цели. Ночью они меняли позицию, уходя на следующий «квадрат». Некоторых снайперов, сажая на деревья, финны разували, чтобы не убежали, заменяя обувь одеялом. В нашем полку был случай, когда солдаты, увидев на дереве сидящую «кукушку», ее обстреляли. И она сразу бросила оттуда автомат и одеяло с ног. «Кукушкой» оказалась молоденькая девушка, рыжеволосая, бледная, как смерть. Ее пожалели, а когда обули в какие-то обгорелые валенки, то она поняла, что убивать не будут, и зарыдала. Сердца растопились, и ее в неприкосновенности отправили под конвоем в тыл...»⁶⁵. Отметим, что финскими историками существование женщин-снайперов в Зимней войне категорически отрицается. М.И.Лукинов же описывает не только обстоятельства пленения, но даже внешние приметы захваченной девушки... Что это – военное мифотворчество или все-таки реальная история? Передает ветеран услышанное с чужих слов или говорит о том, что видел собственными глазами? Ведь и в других подобных рассказах мы находим немало подробностей, а также имен свидетелей и участников событий...

Примечательно, что, рассуждая о своих бывших противниках-финнах, советские ветераны часто находят оправдание их действиям. Когда разговор идет о врагах-немцах, ничего подобного не происходит. Приведем достаточно типичное высказывание на этот счет Д.Ф.Златкина: «Мы, конечно, имели колоссальные потери от финской армии. Они жестокие были ужасно. Они не могли нам, наверное, простить многолетнее владения Финляндией нашими царями, и, кроме того, 39-40-й год, конечно, так озлобили финнов... Они же потери колоссальные имели.

А мы еще большие потери имели, чем они. Но они защищали свою землю, а мы что? Для чего мы полезли туда? Что это нам дало? Позор, только и всего... Я осуждаю их за жестокость, но они защищали себя тоже. Так же как советские солдаты защищали себя от немцев, от врагов, они защищали свой участок земли от тех же врагов, как они считали, – наших советских войск...»⁶⁶.

Такие отсылки к негативному опыту Зимней войны встречаются постоянно. И если сами финны называют боевые действия против СССР в 1941–1944 гг. Войной-Продолжением, то и советские ветераны прослеживают четкую взаимосвязь двух этапов вооруженного противостояния с Финляндией, испытывая за ту, первую войну, более или менее явный комплекс вины. «Одной из особенностей этой войны было то, что мы воевали по приказу, – размышляет М.И.Лукинов. – Это было не то, что в последующую Отечественную войну, когда мы ненавидели врага, напавшего на нашу Родину. Здесь нам просто сказали: «Шагом марш!» – даже не разъяснив, куда и зачем. На финской войне мы просто выполняли наш воинский долг, только потом поняв смысл и необходимость военных действий. Ненависти к финнам у нас сначала не было, и только потом, видя отдельные случаи зверств со стороны противника, наши солдаты иногда проникались к нему злобой. Как, например, с остервенением убивали «кукушек», наносящих нам большой вред...»⁶⁷. Еще более жестко и обобщенно высказался Д.А.Крутских: «Что я скажу о финской войне... В политическом плане – проигрыш, в военном – поражение. Финская война оставила тяжелый след. Горя мы навидались. Потери мы несли очень большие – ни в какое сравнение с их потерями. Убитые так и остались лежать на чужой земле... Хотя финская компания считалась победоносной, но нам-то фронтовикам была известна ее цена...»⁶⁸.

И еще одна характерная черта. В воспоминаниях о Великой Отечественной часто встречаются попытки сравнить поведение финнов в период Зимней войны и в ходе боевых действий на Карельском фронте. Очень показательны в этом плане фронтовые записки Константина Симонова о наступлении советских войск на Карельском перешейке летом 1944 г. Рассказывая о стремительном взятии Выборга («В сороковом году, во время финской войны, на все это понадобилось три месяца боев с тяжелейшими жертвами, а теперь всего одиннадцать суток со сравнительно небольшими потерями с нашей стороны...»), он отмечает: «Надо отдать должное финнам – они не переменились, остались такими же стойкими солдатами, какими были. Просто мы научились воевать»⁶⁹. И здесь же упоминает свои беседы с фронтовиками: «Один из офицеров говорит, что финны не привыкли воевать летом. Начинается спор про финнов – те они или не те, какие были тогда. Один говорит, что совсем не те, что были, другой – тоже участник финской войны – говорит, что те же самые, ничуть не хуже воюют, все дело не в них, а в нас. Наверное, правильно...»⁷⁰. Затем К.Симонов приводит мнение генерала Н.Г.Лященко, который «говорит про финнов, что вояки они, как и были, так и есть, храбрые. Но в этих боях выяснилось, что они исключительно чувствительны к обходам. Как проткнул, вышел им в тыл – теряются!»⁷¹.

Но даже эта, отмеченная многими «растерянность», «с каждым днем все большая ошеломленность происходящим»⁷², охватившая финскую армию в период успешного советского наступления, не делала финнов менее серьезным противником. По свидетельству Ю.П.Шарапова, в конце июля 1944 г., когда наши войска вышли к государственной границе и перешли ее, углубившись на финскую территорию до 25 км, они получили шифровку Генерального штаба с приказом немедленно возвращаться, так как уже начались переговоры о выходе Финляндии из войны. Но пробиваться обратно им пришлось с упорными боями, так как финны не собирались их выпускать. Сравнивая эту ситуацию с положением на других фронтах, ходом освободительной миссии и последующим насаждением социализма в странах Восточной Европы, Ю.П.Шарапов отмечает: «Мы, те, кто воевал на Севере, относились к этому по-другому. Как только пришла шифровка не пускать нас в Финляндию, мы сразу поняли, что дело пахнет керосином, что нечего нам там делать, – потому что там была бы война до самого Хельсинки. Уж если они в лесу воюют, и надо было стрелять в затылок, чтобы финн из-за этого валуна перестал стрелять, то можете представить, что было бы, когда бы мы шли дальше и прошли еще 240 километров. Тут и Сталин, и его окружение понимали, что с кем с кем, а с финнами связываться не надо. Это не немцы, не румыны, не болгары и не поляки...»⁷³.

Три года продолжались бои на Севере между советскими и финскими войсками – до сентября 1944 г., когда Финляндия вышла из войны, заключив перемирие с СССР и Великобританией и объявив войну бывшему союзнику – Германии. Этому событию предшествовали крупные успехи советских войск по всему советско-германскому фронту, в том числе наступление на Карельском фронте в июне-августе 1944 г., в результате которого они вышли к государственной границе, а финское правительство обратилось к Советскому Союзу с предложением начать переговоры.

Именно к этому периоду, связанному с наступлением советских войск и выходом Финляндии из войны, относятся обнаруженные нами документы из Центрального Архива Министерства Обороны. В первом из них приводятся данные советской разведки о настроениях в финской армии в июле 1944 г., а также выдержки из показаний военнопленного капитана Эйкки Лайтинен. Во втором рассказывается об обстоятельствах его пленения и допросе, но уже не сухим слогом военного донесения, а ярким языком газетного очерка, автор которого – советский капитан Зиновий Бурд. Эти документы предоставляют нам уникальную возможность взглянуть на одно и то же событие глазами двух противников, воевавших на одном участке фронта в одинаковом воинском звании и встретившихся в схватке лицом к лицу.

Прежде всего, вызывают интерес биографические данные пленного финского офицера, участника обеих войн, награжденного двумя крестами, первый из которых он получил еще на Карельском перешейке в 1940 году за «доблестную оборону», а второй в 1942 году – за «доблестное наступление». Эти сведения приводятся в статье З.Бурда, где также упоминается жена пленного капитана – военный врач, член шюцкоровской организации «Лотта-Свярд», тоже награжденная двумя крестами⁷⁴. Поэтому можно доверять свидетельствам капитана Э.Лайтинена, с достоинством державшегося на допросе, когда он рассуждает

о влиянии «зимней» войны на отношение финнов не только к восточному соседу, но и к идее социализма в целом. «Мнение финнов об СССР, о социализме, коммунизме за последние 10 лет сильно изменилось, – говорит он. – Я уверен, что если бы 10 лет тому назад солдаты моей роты должны были бы воевать против Красной Армии, они бы все перебежали на Вашу сторону. Причиной тому, что их взгляды теперь изменились, являются события 39-40 годов, когда русские начали войну против Финляндии, а также оккупация русскими прибалтийских стран, чем они доказали свое стремление поработить малые народы...»⁷⁵.

Из протокола допроса также следует, что важной особенностью финской психологии была большая привязанность к родным местам. Это сказывалось и на характере боевых действий. В частности, капитан Э.Лайтинен привел следующий пример: «...Когда наш полк отходил с Малицкого перешейка, солдаты шли в бой с меньшим желанием, чем теперь, ибо для финского солдата Восточная Карелия является менее важной, чем своя территория. На территории Восточной Карелии солдаты вступали в бой только по приказу. У деревни Суоярви, когда мы уже миновали свои старые границы, солдаты моей роты прислали ко мне делегацию с просьбой приостановить наступление. Это и понятно, т.к. большое количество солдат моей роты – уроженцы районов Ладожского озера, которые хотели защищать свои родные места. Около недели тому назад из моей роты дезертировало два солдата, которые после нескольких дней, однако, вернулись обратно и доложили, что они хотят искупить свою вину в бою. Я их не наказал»⁷⁶.

Советская пропаганда, как правило, стремилась нарисовать крайне неприглядный образ финского противника. Даже на основании частично описанных выше материалов допроса капитана Э.Лайтиненна, судя по которым, он проявил себя как заслуживающий уважения пленный офицер, в красноармейской газете «Боевой путь» в заметке под названием «Лапландский крестоносец» фронтовой корреспондент изобразил его карикатурно и зло. «Трижды презренный лапландский крестоносец», «матерый враг Советского Союза», «белофинский оккупант», «убежденный фашист», «шнюцкоровец», «ненавистник всего русского, советского» – такими эпитетами он был награжден, причем даже слово «шнюцкор» – то есть название финских отрядов территориальных войск – воспринималось в их ряду как ругательство. Впрочем, финны в своей пропаганде тоже не стеснялись в выражениях, говоря об СССР, большевиках, Красной Армии и русских вообще. В быту была распространена пренебрежительно-оскорбительная кличка «рюсси». Но это и не удивительно: для военного времени резкие высказывания в адрес противника являются нормой поведения, обоснованной не только идеологически, но и психологически.

Среди всех сателлитов Германии, пожалуй, лишь у Финляндии присутствовал элемент справедливости для участия в войне против СССР, который, впрочем, полностью перекрывался ее захватническими планами и политикой геноцида в оккупированных областях. При этом для финнов было характерно дифференцированное отношение к гражданскому населению занятых ими территорий по этническому принципу: распространены были случаи жестокого обращения с русскими и весьма лояльное отношение к карелам. Согласно положению финского оккупаци-

онного военного управления Восточной Карелии о концентрационных лагерях от 31 мая 1942 г., в них должны были содержаться в первую очередь лица, «относящиеся к ненациональному населению и проживающие в тех районах, где их пребывание во время военных действий нежелательно», а уж затем все политически неблагонадежные⁷⁷. Условия содержания в этих лагерях, заключенными в которых были в основном женщины и дети, полностью подпадают под определение «преступлений против человечности». Так, в Петрозаводске, по воспоминаниям бывшего малолетнего узника М.Калинкина, «находилось шесть лагерей для гражданского русского населения, привезенного сюда из районов Карелии и Ленинградской области, а также из прифронтовой полосы. Тогда как представители финноугров в эти годы оставались на свободе»⁷⁸. При этом к лицам финской национальности (суоменхеймот) причислялись финны, карелы и эстонцы, а все остальные считались некоренными народностями (вератхеймот). На оккупированной территории местным жителям выдавались финские паспорта или разрешение на право жительства – единой формы, но разного цвета, в зависимости от национальной принадлежности⁷⁹. Проводилась активная работа по финизации коренного населения, при этом всячески подчеркивалось, что русское население в Карелии не имеет никаких корней и не имеет права проживать на ее территории⁸⁰.

Таким образом, участники боевых действий с советской стороны имели достаточно оснований, чтобы видеть в финнах жестокого, коварного и опасного врага, преследующего агрессивные аннексионистские цели, попирающего нормы международного права и относящегося к «инородцам» как к «недочеловекам». Поэтому многие ключевые оценки противника, звучавшие в советской пропаганде, полностью соответствовали настроениям сражающейся с ним армии.

Выход Финляндии из войны в отражении финской и советской пропаганды

Радикальное изменение хода войны и очевидность ее перспектив к 1944 г. вынудили финнов к поиску такого мира, который бы не закончился для них национальной катастрофой и оккупацией. Разумеется, выход Финляндии из войны сопровождался определенными пропагандистскими акциями с обеих сторон. Для Финляндии он был вынужденным, осуществленным в результате побед Красной Армии над Германией и ее союзниками, под угрозой бомбардировок финских городов и советского наступления на финскую территорию. Финнам пришлось принять ряд предварительных условий, в том числе о разрыве отношений с Германией, выводе или интернировании немецких войск, отводе финской армии к границам 1940 г., и ряд других. Показательно, что мотивация вступления в войну и выхода из нее была практически противоположной. В 1941 году фельдмаршал Маннергейм вдохновлял финнов планами создания Великой Финляндии и клялся, что не вложит меч в ножны, пока не дойдет до Урала, а в сентябре 1944-го оправдывался перед своим союзником А.Гитлером за то, что вынужден вывести «ма-

ленькую Финляндию» из войны. В его письме говорилось: «...Я пришел к убеждению, что спасение моего народа обязывает меня найти путь быстрого выхода из войны. Общее неблагоприятное развитие военной обстановки всё более ограничивает возможности Германии предоставлять нам в нужный момент своевременную и достаточную помощь... Мы, финны, уже даже физически неспособны продолжать войну... Предпринятое русскими в июне большое наступление опустошило все наши резервы. Мы не можем больше позволить себе такого кровопролития, которое подвергло бы опасности дальнейшее существование маленькой Финляндии... Если этот четырехмиллионный народ будет сломлен в войне, не вызывает сомнения, он обречен на вымирание. Не могу подвергнуть свой народ такой угрозе»⁸¹. Мания величия прошла. А лекарством от этой болезни послужило успешное наступление советских войск, отбросившее финнов к их довоенным границам.

Угроза поражения и ее последствий для Финляндии явились важным мотивом и в официальной мотивации выхода страны из войны, адресованной населению, хотя в пропагандистских акциях акценты были явно переставлены. Мотивируя выход из войны поражениями, с одной стороны, Германии и ее союзников на всех фронтах, а с другой стороны – июньским прорывом своей обороны на Карельском перешейке, премьер-министр Финляндии Хакцелль в своей речи по радио 3 сентября 1944 г. по вопросу о перемирии между СССР и Финляндией подчеркнул, что «...она осталась одна против во много раз превосходящего в военной мощи врага. В течение трех лет мы честно несли бремя братства по оружию с Германией, поскольку доблестная военная борьба отвечала до определенного момента интересам обороны нашей страны»⁸². Таким образом, именно изменение международной обстановки и положения на театре военных действий признавалось финским руководством как главная причина выхода из войны.

Вместе с тем, в эту мотивацию для «массового потребления» вносились и определенные коррективы. В частности, провозглашалось «большое стремление нашего народа к миру»⁸³. В своем приказе в связи с прекращением военных действий и готовности Финляндии начать мирные переговоры с СССР от 7 сентября 1944 г., Маннергейм заявляет, что «...народ Финляндии может сохранить свою независимость и обеспечить свое будущее только при том условии, что будет стремиться к искренним и доверительным отношениям с соседними странами»⁸⁴. В действительности, Финляндия в сентябре 1944 г. фактически приняла ультиматум – либо согласиться на все советские требования, впрочем, весьма умеренные, хотя и включавшие территориальные уступки, либо столкнуться с неизбежной оккупацией страны. Как вспоминал премьер-министр Финляндии Э.Линкомиес, «сразу было ясно, что уже нет другой возможности, как только согласиться с условиями, какими бы тяжелыми они не представлялись»⁸⁵. В своей телеграмме от 18 сентября 1944 г. правительству Финляндии о ходе советско-финляндских мирных переговоров в Москве финский министр иностранных дел К.Энкель сообщил позицию Молотова: «...Если мы не подпишем документы, то можем возвращаться. Непосредственным последствием этого будет оккупация всей страны. Возможностей для возражения не было»⁸⁶.

Таким образом, отказ Финляндии от неоднократных, начиная с 1942 г., советских предложений о выходе из войны в иной военно-политической ситуации и на самых благоприятных для нее условиях, осенью 1944 г. привел к фактическому принятию ультиматума под давлением военной силы. Попытки финской стороны завуалировать этот вынужденный характер перемирия выглядели весьма неубедительными хотя бы потому, что правительство Финляндии приняло все предварительные условия Советского руководства. Восстанавливалось действие Мирного договора между СССР и Финляндией от 12 марта 1940 г. с изменениями, вытекавшими из Соглашения о перемирии⁸⁷.

Военные поражения Германии и ее сателлитов к лету 1944 г. вызвали «падение морального духа как на фронте, так и в тылу Финляндии»⁸⁸, о чем свидетельствовали захваченные советской военной разведкой письма финских военнослужащих. Такие выводы содержатся, например, в Информационном докладе начальника штаба УК БТ МВ 32-й Армии Карельского фронта, подполковника Киселева за июль 1944 г., где целый раздел посвящен анализу «политико-морального состояния войск противника». Вместе с тем, в том же документе отмечалось, что «хотя в финских войсках в последнее время и наблюдается значительное снижение политико-морального состояния, в результате чего увеличилось дезертирство и факты неподчинения приказаниям командиров, часть из солдатских писем, а также ряда показаний военнопленных говорят о том, что моральный дух финских войск еще не сломлен, многие продолжают верить в победу Финляндии. Сохранению боеготовности способствует также боязнь того, что русские, мол, варвары, которые стремятся к физическому уничтожению финского народа и его порабощению»⁸⁹. Во многом это состояние финских войск являлось результатом длительной и интенсивной антисоветской и антирусской пропаганды, внушения страха перед «варварами», опасения, что «...если Германия и Финляндия проиграют войну, финский народ ожидает физическое истребление». Так, весьма характерной является выдержка из захваченного советскими разведчиками письма неизвестного финского солдата: «...Больше всего я боюсь попасть в руки русских. Это было бы равно смерти. Они ведь сперва издеваются над своими жертвами, которых потом ожидает верная смерть»⁹⁰.

Не случайно летом 1944 г. аналитические и разведывательные службы советской армии на всех уровнях приходили к выводу, что «в результате наступательных действий советских войск политико-моральное состояние финских войск значительно снизилось... Несмотря на это, боевой дух финских частей продолжает оставаться на достаточно высоком уровне, чтобы оказать упорное сопротивление наступлению наших частей»⁹¹. Таким образом, принимая решение о перемирии с Финляндией на довольно мягких для нее условиях (как бы ни оценивали их сами финны), советское правительство избежало огромных жертв в случае продолжения войны с нею и необходимости оккупации этой страны.

В то же время проводилась определенная пропагандистская подготовка в связи с возможным вступлением советских войск на финскую территорию. Такое вступление предполагалось в случае необходимости «помочь» Финляндии интернировать находящиеся там немецкие войска. Главной установкой при этом для советских сол-

дат и офицеров было «...всегда помнить, что это не освобождение Украины и Белоруссии, где наши войска встречал наш освобожденный из-под ига советский народ, а это жители Финляндии, которая ведет против нас не первую войну», быть бдительными, «держаться с достоинством и честью, как воины армии-победительницы», помнить, что «мы не оккупируем Финляндию, а уничтожаем немцев вместе с финской армией. А поскольку бьем немцев вместе – не допускать столкновений с финской армией, держаться с достоинством, подчеркивать свое превосходство. Не допускать братания, покончить с добродушием»⁹². Однако данный документ является лишь рукописным проектом директивы, которая официально не была утверждена и применена и отражает возможные, но так и не реализованные планы, которые, вместе с тем, характеризуют позицию армейских партийно-политических органов в контексте конкретной ситуации сентября 1944 г.

О том, как воспринимали соглашение о перемирии с Финляндией советские военнослужащие, свидетельствуют донесения политотдела 19-й армии Карельского фронта от 25 и 28 сентября 1944 г., где приводятся многочисленные высказывания бойцов на эту тему. Вот наиболее типичные: «Удары Красной Армии заставили финских «завоевателей» сложить оружие», «Финны мечтали о «Великой Финляндии», но они просчитались и получили по заслугам», «Больше не захотят поживиться за счет русской земли», «Для Финляндии это великодушное соглашение», «Финны слишком медлят и с разоружением немецких войск провозятся долго», «В список преступников надо первым внести Маннергейма, который в начале войны говорил, что не вложит меча в ножны, пока не дойдет до Урала»⁹³. Анализируя их, политотдел сделал вывод, что «соглашение с Финляндией вызвало всеобщее одобрение личного состава и расценивается как еще одна большая победа мудрой Сталинской политики и показатель мощи Красной армии», что при проведении бесед и политинформаций, а также в частных беседах между собой советские военнослужащие «выражают правильное понимание текущих событий»⁹⁴.

Противоречивость ситуации выхода Финляндии из войны, когда эта страна из противника превращалась в нейтральное для СССР государство (а в плане интернирования немецких войск – с элементами союзных отношений), отразилась и в пропагандистском ее освещении, и в восприятии массового сознания. На уровне общественных настроений финны оставались враждебны «Советам», да и русским вообще, прежде всего вследствие многолетней и интенсивной пропагандистской обработки населения. И факт очередного поражения в войне далеко не сразу привел финское массовое сознание к пересмотру оценок в отношениях с восточным соседом если не в сторону дружелюбия, то хотя бы в сторону реалистичности. Тем более этого невозможно было достичь в ходе непосредственных боевых действий, даже под влиянием очевидного поражения. Такой «трезвый» и вынужденный поворот смогла сделать лишь финская элита. Хотя, как впоследствии признавал в своих мемуарах К.Г. Маннергейм, к 1944 г. «народ Финляндии ... научился думать реалистически. На своем опыте он смог убедиться, что и наша страна была пешкой в политической игре великих государств и что ни одно великое государство не побрезгало использовать малую страну в своих интересах»⁹⁵. Ход и исход войны

заставили финнов умерить амбиции и по иному взглянуть на свои место и роль в мировой геополитике. Однако реваншистские настроения, в 1941 г. приведшие Финляндию к союзу с Гитлером, а позднее к вынужденному выходу из Второй мировой войны, сохранялись в финском обществе в течение всех послевоенных десятилетий, несмотря на дружественные отношения с СССР на официально-государственном уровне. Явно или косвенно этому явлению способствовала и пропаганда, в том числе в контексте литературы, искусства и кинематографа.

Русские и финны глазами друг друга в кинематографической ретроспективе

Взаимовосприятие двух народов, особенно соседних, – всегда сложное, противоречивое, «многопластовое» явление. Оно несет на себе отпечаток исторических, нередко многовековых взаимоотношений, которые у соседей далеко не всегда бывают дружественными. При этом, если груз прошлых обид дополнен «конфликтом интересов», взаимными претензиями или хотя бы недовольством одной стороны, в сознании народов может долго сохраняться, воспроизводиться и в определенных ситуациях актуализироваться «образ врага». Он является не только «спонтанным», стихийно возникающим феноменом массового сознания, но и нередко специально, сознательно формируемой психологической установкой, выполняющей в обществе определенные функции (отвлечения народа от внутренних проблем, психологической разрядки, «переноса» недовольства вовне, консолидации и, наконец, мобилизации сил нации, если такие настроения выливаются в практические действия государства).

В новейшей истории с усилением роли государства в общественной жизни, с появлением средств массовой информации и нарастающим их влиянием на общественное сознание, именно власть и подконтрольные ей инструменты социального влияния становятся главным субъектом, формирующим ментальность общества, включая образы внешнего мира. Особую роль начинает играть пропаганда, которая внедряется и в систему образования, и во все информационные потоки, включая не только периодическую печать, а позднее радио и телевидение, но также литературу и искусство, особенно такой его массовый вид как кинематограф.

Кинематограф как пропагандистский инструмент особенно эффективен в связи с тем, что он является эмоционально-образным, динамичным видом искусства, рассчитанным на массового, преимущественно пассивного потребителя, в сознание которого можно вложить готовые образы, идеи и оценки, сформировать стереотипы, причем сделать это мощными художественными средствами. Сила кинематографа – в его способности вызывать доверие в зрителях к тому, что он видит, в эмоциональном воздействии, в снижении критичности восприятия из-за наглядности образной информации и сплошного потока зрительного ряда, который зритель не успевает осмысливать и усваивает большей частью на бессознательном уровне. Не случайно в эпоху становления самого пропагандистского го-

сударства – Советской России – его вождь и главный идеолог В.И. Ленин сказал, что «важнейшим из всех искусств для нас является кино».

Рассмотрим эти явления на примере взаимоотражения двух наций в советском (российском) и финском кинематографе о Второй мировой войне.

Подчеркнем еще раз, что не только формирование образа другой стороны на двух этапах противостояния – в Зимней войне 1939–1940 гг. и войне-Продолжении 1941–1944 гг., но и ретроспективное отражение образа врага в литературе и искусстве, в том числе кинематографе, можно понять лишь в контексте всей непростой и длительной эволюции взаимоотношений народов двух стран.

Вполне закономерно, что в советском кинематографе изображение этих войн не заняло сколько-нибудь существенного места. Первая финская кампания оказалась лишь кратким прологом к большой войне – Великой Отечественной, в ходе которой противоборство с Финляндией, ставшей сателлитом фашистской Германии, велось на периферийном театре военных действий. Времени между двумя этими событиями хватило для выпуска лишь трех художественных фильмов о советско-финской войне, причем два из них вышли на экран уже после начала Великой Отечественной и были в определенной мере «скорректированы» под новые условия. Это фильмы «Фронтовые подруги» (выпущен 19 мая 1941 г., реж. Виктор Эйсымонт)⁹⁶, «В тылу врага» (1941 г., реж. Евгений Шнейдер) и «Машенька» (1942 г., реж. Юрий Райзман).

Несмотря на то, что все три фильма в той или иной степени имеют пропагандистскую направленность, в двух из них почти нет вражеских лиц, только силуэты в чужой форме в батальных сценах. Лишь два эпизода «Фронтовых подруг» представляют нам «образ врага» как таковой – в виде «звериного оскала» финского снайпера-«кукушки», стреляющего с дерева в девушку-сандружинницу, и другого финского вояки, в числе других напавшего на санитарную машину с ранеными бойцами и медсестрами. Можно упомянуть еще один эпизод из этого фильма – бомбежки финскими самолетами советского госпиталя. Все вместе они подчеркивают нарушение противником норм международного права.

Лишь фильм «В тылу врага» является в полном смысле пропагандистским, непосредственно посвященным боевым действиям, но уже явно откорректированным в связи с изменившейся ситуацией – начавшейся Великой Отечественной войной, главным врагом в которой была фашистская Германия. Не случайно враги-«белофинны» называются так только в титрах, а в кадре герои именуют их не иначе как «фашистскими гадами». Главное в фильме – подвиг советских бойцов, а «образ врага» весьма абстрактный и размытый. Из контекста ясно, что война против финнов, но на одной из вражеских касок (у офицера, командующего артиллерийской батареей) отчетливо виден ээсовский значок со свастикой. Это уже дань начавшейся войне с Германией. В последней сцене фильма главный герой идет в атаку уже явно на другой войне, водружая на захваченную высоту флажок с надписью: «За Родину! За Сталина!», а в финальных титрах вместо «конец фильма» мы читаем слова из выступления В.М. Молотова от 22 июня 1941 г.: «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами».

Последний по времени выхода на экраны фильм «Машенька», запущенный в производство еще до войны, задумывался как лирическая картина о жизни и любви простой девушки из маленького города. И лишь начавшаяся война побудила авторов ввести в сюжет (и в судьбы главных героев) военные эпизоды, в том числе встречу Маши, ставшей военфельдшером, и ее любимого на фронте. Но война с Финляндией, в том числе боевые эпизоды, – всего лишь «задний план», фон, на котором развиваются взаимоотношения героев, высвечиваются их характеры. «Образ врага» в фильме фактически не прорисован, ограничен лишь несколькими довольно стереотипными батальными сценами.

В целом, из всех трех картин ясно, что враг коварен, упорен, силен, жесток, с ним ведется тяжелая борьба с немалыми жертвами, но нет нагнетания ненависти, направленной против финнов как нации, против финского народа. Нет даже намека на нее.

Все три фильма были созданы по «горячим следам» Зимней войны, а ретроспективных фильмов о войне с финнами в СССР практически не было. Только в 2002 г., уже в постсоветской России, вышел на экраны фильм «Кукушка» (реж. Александр Рогожкин), сюжет которого развивается на фоне событий лета 1944 г. – советского наступления на Карельском фронте и выходе Финляндии из войны. Два главных героя фильма – финский снайпер, прикованный немцами к скале и переодетый ими в эсэсовскую форму, и советский капитан, арестованный по доносу особым отделом. Два смертника, волей судьбы оставшиеся в живых и оказавшиеся вместе на глухом хуторе у девушки-саами. Хотя национальность героев ясно обозначена, в канве фильма-притчи она не имеет принципиального значения. На месте финна и русского вполне могли оказаться другие люди. Фильм абсолютно пацифистский. Единственный «образ врага» в нем – это образ самой войны, заставляющей людей ненавидеть и убивать, видеть врагов друг в друге.

Причиной отсутствия в послевоенном советском кинематографе фильмов о советско-финских войнах является прежде всего относительная малозначимость этих событий для российской истории и национального самосознания, а также нежелание советского руководства омрачать отношения с «дружественной Финляндией» напоминанием о неприятном для нее военном прошлом.

Что касается самой Финляндии, то она об этом военном прошлом никогда не забывала и вписывала его в общий контекст своего исторического самосознания, в том числе и территориальных претензий к восточному соседу. Эти события превратились для финнов в героический эпос почти такого же значения как «Калевала».

Учитывая (по авторитетным оценкам зарубежных критиков)⁹⁷ общую слабость финского кинематографа и небольшое общее число выпускаемых фильмов, количество картин, посвященных двум войнам с СССР, можно считать огромным. Это связано с тем, что из-за малочисленности населения и, соответственно, зрительской аудитории, а в результате и некупаемости кинопродукции, финский кинематограф находился под патронажем государства и в значительной мере носил пропагандистский характер. А война еще больше активизировала эту направленность. Так, в начале 1940-х гг. было выпущено несколько фильмов, которые «разоблачали секреты красного шпионажа в Финляндии» («Девушка на качелях» (1941), «По ту сторо-

ну границы» (1942), «Секретное оружие» (1943) и др.). С осени 1944 г., сразу после выхода из войны, производство фильмов в Финляндии на несколько лет полностью прекратилось.

Но вскоре после своего возрождения финский кинематограф вновь и весьма активно обратился к военной теме, на которую было снято немало фильмов. Мы рассмотрим лишь три наиболее известных, популярных в Финляндии и показательных с точки зрения освещения этой темы картин: «Неизвестный солдат» (1955, реж. Эдвин Лайне), «Зимняя война» (1989, реж. Пекки Перикка) и «Дорога на Рукаярви» (1999, реж. Олли Саарела).

Неоднократное, настойчивое – на протяжении полувека – обращение финского кинематографа к данной тематике свидетельствует о ее значимости для общественно-го сознания в Финляндии, о востребованности подобных фильмов, об актуальности затрагиваемых в них сюжетов и идей, находящих отклик в финском национальном самосознании. Учитывая, что киноискусство своими средствами не только отражает какие-то общественные явления, но и формирует представления о них, отношение к ним широких зрительских масс, то, как представлены две войны с восточным соседом в наиболее популярных, отмеченных премиями, многократно посещаемых населением картинах, крайне важно для понимания умонастроений в Финляндии и того, как в действительности финская элита относится к России.

Несмотря на определенное различие сюжетов и жанров, а также значительную временную дистанцию между выходом на экран, все три фильма имеют поразительную общность в доминирующем настроении, ключевых установках, в отношении к самой войне, целям Финляндии в ней и к противнику. При этом позицию авторов, как правило, озвучивают сами герои и передают настроения, взгляды, оценки зрителю. Художественный уровень данных фильмов крайне низок (они носят скорее «ремесленный характер»). Они почти бессюжетны, затянуты и занудны, но на финского зрителя производят большое впечатление. В чем же причина? Вероятно, в созвучии настроений и идей этих фильмов сознанию населения Финляндии. Каковы же эти идеи?

Во всех трех фильмах в самом начале звучит идеологическое обоснование участия Финляндии в войне. Форма ему придается разная: здесь и выступление офицера на митинге перед строем солдат и медсестер («Зимняя война»), и выступление по радио одного из руководителей страны («Неизвестный солдат»), и внутренний монолог главного героя («Дорога на Рукаярви»). Однако смысл везде один: «Русские – наши вековые враги. Они хотят отнять нашу землю. Мы защищаем нашу Финляндию. Мы должны вернуть то, что они у нас отняли», и т.д. При этом авторы фильмов не замечают, что их якобы справедливый патриотический, оборонительный пафос вступает в противоречие с очевидными агрессивными, аннексионистскими утверждениями героев. «Наша Финляндия», которую они защищают, оказывается, простирается до Урала. Русские не просто агрессоры в Зимней войне, но и «вековые, исконные враги», отобравшие у финнов Карелию (которая в действительности никогда им не принадлежала). В «оборонительной» войне они готовы занять и присвоить Смоленск («Неизвестный солдат»), дойти до Белого

моря, до Мурманска или до Урала, «если они нам позволят», – как говорит один из финских офицеров («Дорога на Рукаярви»).

Русские не просто враги, а презренные «рюсси», – весьма оскорбительное название нации. В советских фильмах ничего подобного нет и в помине. В финских картинах практически отсутствует классово-идеологический момент (несколько раз упоминается Сталин, есть сценки с советскими листовками или агитаторами, пропаганда которых выглядит нелепой и недейственной, – и всё), зато практически во всех фильмах происходит нагнетание националистического мотива. При этом для разжигание национальной ненависти используется, в частности, приписывание русским презрительного и оскорбительного отношения к финнам. Например, в уста красноармейцев вкладывается боевой клич «Смерть чухонцам!» («Зимняя война»). Фильмы апеллируют к низменным инстинктам самоутверждения финнов путем собственного возвышения за счет унижения и оскорбления другой нации. Русские показаны как звери (тупые животные, достаточно посмотреть на их страшные рожи), трусы (просят пощады, убегают от финских отрядов и нападают на одиночных солдат), идиоты (их пропаганда рассчитана на дураков), мерзавцы (бросают своих раненых), злодеи (нарушают нормы международного права: стреляют разрывными пулями, убивают и насилуют медсестер, и т.п.), тогда как финны изображены героями, храбрецами («Ну, держитесь, русские, мы идем!», «Финский медведь наконец-то встал на задние лапы!», «Один финский солдат десяти русских стоит», «Просыпайтесь, финские львы!», «Русские бабы любят финских героев») и гуманистами (детишек кормят). Однако, – и это очень странно, что подобное «проскочило» в пропагандистском кино, – финны спокойно добивают раненых на поле боя и расправляются с пленными. Но что еще удивительнее, так это неоднократно повторяемая реплика сразу в двух фильмах («Неизвестный солдат» и «Зимняя война»): «Цельтесь в живот, ребята!», «Цельтесь в живот, это вернее!», «Цельтесь в живот – и все дела!», «Стреляйте между ног!» Вероятно, подобный «гуманизм» настолько привычен их этническому сознанию, что противоестественность подобных зверств даже не замечается. Убить врага на войне – это понятно. Но смаковать его мучения и принимать это как норму, а подобные действия как одобряемое поведение, – это уже слишком. Тем более для произведений, претендующих на художественную ценность у народа, считающего себя цивилизованным, «европейским»... А ведь финны на самом деле отличались в войне особой жестокостью, даже по сравнению со своими союзниками-немцами. Так что финский кинематограф невольно «проговаривается», и в чем-то очень важном финны говорят о себе правду.

В том числе они говорят правду и о своих намерениях. В фильмах всегда очень важна концовка. И в этом смысле весьма символично выглядит завершение фильма «Неизвестный солдат», снятого в нейтральной и дружественной СССР (как официально считалось) Финляндии. Финальный диалог героев фильма после поражения в 1944 г. звучит так:

«– Чертовы русские! Опять, опять победили!»

– Ничего страшного! Всё потеряно, кроме чести... Проклятый Советский Союз!.. Но мы с вами упрямы, как быки, финны. Мы еще возьмем своё...»

Здесь дана прямая пропагандистская установка – в лоб. И указаны ориентиры на будущее...

А вот в фильме 1999 г. («Дорога на Рукаярви»), где герои также хотели дойти до Урала, концовка тоже символична, но по-другому. Это символ, вызывающий к национальным чувствам. Образ изнасилованной русскими солдатами невесты главного героя, нежной и хрупкой медсестры, претендует на символ поруганной, но не сломленной Финляндии. Вероятно, подразумевается, что за нее нужно расквитаться с врагом. Впрочем, делать выводы предоставляется самим зрителям, которым, однако, на протяжении трех часов создавали определенное настроение и формировали соответствующее отношение к виновникам страданий главных героев. При этом зритель вряд ли сумеет вспомнить о начале фильма и задуматься о том, что, собственно, делали эти герои по чужую сторону границы, зачем они там оказались – в стремлении защитить свою Финляндию ... до Урала.

* * *

Восприятие Финляндии как противника СССР во Второй мировой войне прошло длительную и серьезную эволюцию, связанную как с многочисленными пропагандистскими стереотипами и даже мифами, уходящими корнями в классовую идеологию, так и с реальным ходом исторических событий, включивших два этапа прямого военного противостояния. Первоначальные представления конца 1930-х гг. о Финляндии как о маленькой, отсталой, слабой стране, где у власти утвердились «белофинны», угнетавшие трудовой народ Суоми, который только и мечтал освободиться от ига эксплуататоров с помощью восточного соседа – рабоче-крестьянского государства и его могучей Красной Армии и готов был при первых выстрелах подняться на революционную борьбу, свергнуть «марионеточное правительство» и установить Советскую власть, или, во всяком случае, не оказывать какого-либо серьезного сопротивления своим «освободителям», – все эти иллюзии оказались развеяны в первые же дни Зимней войны 1939–1940 гг. Не вполне адекватной оказалась и оценка Советским Правительством и военным командованием возможностей Красной Армии в контексте назревавшей войны, причины чего были проанализированы уже после ее окончания – на Совещании при ЦК ВКП(б) начальствующего состава по сбору опыта боевых действий против Финляндии 14–17 апреля 1940 г. Вот что сказал об этом в своем выступлении И.В.Сталин: «Что же особенно помешало нашим войскам приспособиться к условиям войны в Финляндии? Мне кажется, что им особенно помешала созданная предыдущая кампания психологии в войсках и командном составе – шапками закидаем. Нам страшно повредила польская кампания, она избаловала нас. Писались целые статьи и говорились речи, что наша Красная Армия непобедимая, что нет ей равной... Это помешало нашей армии сразу понять свои недостатки и перестроиться, перестроиться применительно к условиям Финляндии. Наша армия не поняла, не сразу поняла, что война в Польше – это была военная прогулка, а не война. Она не поняла и не уяснила, что в Финляндии не будет военной прогулки, а будет настоящая война. Потребовалось время для того, чтобы наша армия поняла это, почувствовала и чтобы она стала приспособливаться к условиям войны в Финляндии, чтобы она стала перестраиваться»⁹⁸.

Таким образом, препятствием для адекватной оценки противника явились мировоззренческие штампы – как идеологические, так и практические, основанные на ограниченном опыте Гражданской войны и ряда более поздних «малых» военных кампаний, а также явная переоценка собственных сил при недооценке потенциала и морального духа противника. Зимняя война фактически явилась первой настоящей современной войной, которую вела страна после окончания Первой мировой. «...Наша современная Красная Армия, – отметил Сталин, – обстреливалась на полях Финляндии, – вот первое ее крещение. ...И наша армия вышла из этой войны почти вполне современной армией...»⁹⁹. На том же совещании, отдав должное высокой боеспособности финской армии, Сталин отметил и ее главные недостатки – неспособность к большим наступательным действиям и пассивность в обороне, вследствие чего такую армию «нельзя назвать современной». Такова была официальная точка зрения на итоги Зимней войны с Финляндией, которую в недалеком будущем ждало продолжение. И в этих оценках содержались как своя правда, так и новые ошибки, переоценка собственных сил и недооценка противника. Красная Армия действительно получила боевое крещение, горький и поучительный опыт, но отнюдь еще не в современной войне и с неравноценным по потенциалу противником. Значение Зимней войны для повышения боеготовности армии власть переоценила, а всех необходимых уроков не извлекла. Вместе с тем, огромный удар, нанесенный по самооценке и самолюбию «непобедимой Красной Армии» заставил в дальнейшем очень серьезно относиться к Финляндии как к противнику и не допускать прежних ошибок в оценке ее возможностей. Именно поэтому Карельский фронт, который во многом совпадал с театром военных действий Зимней войны, оказался наиболее устойчивым в ходе Великой Отечественной даже в самые тяжелые ее периоды.

В ходе Войны-«Продолжения» восприятие финнов и в армии, и в советском обществе было более адекватным, нежели накануне советско-финляндского конфликта. Это был, в сущности, один и тот же противник, столкновение с которым повторилось через небольшой промежуток времени, но советская сторона – «субъект восприятия» – была уже во многом другой, «обогащенной» опытом предыдущих военных действий, избавившейся от многих идеологических клише и предрассудков. Пожалуй, именно адекватность взаимного восприятия в контексте хода Второй мировой войны, с учетом, безусловно, общей международной ситуации, позволило СССР и Финляндии найти взаимоприемлемый выход из военного противостояния. Причем из всех союзников Германии, граничивших с СССР, лишь Финляндия не подверглась советской оккупации и «советизации», приобретя уникальный статус «нейтрально-дружественного» государства (в сфере советского влияния) на многие десятилетия «холодной войны».

Разумеется, драматический опыт военного противостояния СССР и Финляндии весьма существенно повлиял на массовое сознание народов двух стран в контексте их взаимовосприятия. Однако в отношениях русских к финнам, – и это весьма интересный социально-психологический феномен, – никогда не было той массовой ненависти, которая характерна для отношения к немцам в период Второй

мировой войны и еще многие годы после ее окончания. Быть может, здесь сказались определенный комплекс вины за события 1939–1940 гг., когда маленькая страна стала жертвой агрессии со стороны большого соседа, а также уважение, вызванное стойкостью финнов, с которой они защищали свою землю. Вероятно, официальный нейтрально-дружественный статус послевоенной Финляндии, который поддерживался и советской пропагандой, также оказал воздействие на восприятие этой страны и ее народа в последующие годы.

Как уже отмечалось, образ восприятия другой страны может быть подразделен на синхронный и ретроспективный, а типологически – на официально-пропагандистский, служебно-аналитический, художественно-обобщенный, личностно-бытовой и др. Пропаганда и средства массовой информации играют весьма существенную роль в формировании исторической памяти. Основную информацию о Финляндии простой советский (а позднее российский) человек получал главным образом из учебников, прессы, телевидения, произведений искусства. При этом в послевоенном СССР в учебной литературе и в СМИ эпизоды военного противостояния с Финляндией занимали крайне незначительное место, а то и вовсе замалчивались в угоду политической конъюнктуры, а именно – официально дружественному отношению двух стран. Так что для обыденного сознания людей основным источником более адекватной информации по этому вопросу оставались воспоминания непосредственных участников и свидетелей событий – субъектов индивидуальной и коллективной исторической памяти. К ним относились ветераны боевых действий в период Зимней войны и на Карельском фронте, а также жители приграничных территорий, подвергшихся финской оккупации. Именно от них до массового сознания доходили сведения об особой жестокости финнов по отношению к пленным и к гражданскому русскому населению оккупированных областей, об их оккупационной политике, носившей характер геноцида. То есть личностно-бытовой образ оказывался куда более адекватным для формирования исторической памяти о противнике из соседней страны, нежели официально-пропагандистский. Однако доступен он был весьма немногим: лишь незначительная часть людей, преимущественно живших в приграничных районах, была причастна к источникам непосредственной исторической памяти (современники и участники событий и общавшиеся с ними люди). Что касается художественно-обобщенного образа войн с Финляндией, то его в нашей стране фактически так и не было сформировано. Поэтому в советском массовом сознании на протяжении четырех послевоенных десятилетий доминировал официально-пропагандистский образ.

В период «перестройки» в контексте разоблачения «преступлений сталинского режима», впервые в фокусе внимания историков и публицистов оказалась и «незнаменитая» советско-финляндская война 1939–1940 гг., при этом основной акцент в ее освещении был сделан на негативных для советской стороны аспектах этого события (якобы немотивированная агрессия великой державы против маленького соседа; неудачное ведение боевых действий и неоправданно высокие потери советской стороны; репрессии против вернувшихся из финского плена красноармейцев; и т.д.). Лишь в последние годы акценты в изучении и освещении этого события постепенно смещаются в сторону более объективных оценок, про-

никновения в сущность явления, а не сосредоточения на внешних его сторонах. Более полно и разносторонне освещается ход войны на Карельском фронте в 1941–1944 гг., роль Финляндии в блокаде Ленинграда и военные преступления финских оккупантов на территории Карелии. Однако и это раскрытие исторической правды не ведет к разжиганию антифинских настроений в российском обществе.

Иначе формировался образ России в послевоенном финском обществе. Об этом свидетельствует и сравнительный анализ «образа врага», отраженного в финском и российском кинематографе о Второй мировой войне. В Финляндии, несмотря на все договоры о дружбе и сотрудничестве, весьма сильны антирусские и реваншистские настроения, которые на протяжении многих десятилетий активно подогревались пропагандистскими средствами, в том числе и кинематографом. Если в СССР образ Финляндии как противника изображался средствами киноискусства лишь в контексте военного противостояния (непосредственно в годы войны), причем это отношение не распространялось на финскую нацию, то в Финляндии образ России-врага культивировался все послевоенные десятилетия, при этом в качестве врага воспринималось не только соседнее государство («исконный враг!»), но и весь русский народ – по своей «низкой природе». В сознании финнов средствами киноискусства закладывалась мысль о «естественных правах» на соседние территории не только потому, что на некоторых из них проживают «родственные» угрофинские народы, прежде всего карелы, но и по причине «природного превосходства» цивилизованных, высокоразвитых финнов над «этими отсталыми, жалкими и презренными русси». Даже в период официальной «крепкой советско-финляндской дружбы» в финской литературе и искусстве проскальзывали откровенные антирусские настроения, а также сожаления о том, что экспансионистские планы по созданию Великой Финляндии провалились.

Финский социолог Йохан Бэкман, исследовавший общественные настроения в Финляндии, утверждает, что «у русских сформировался слишком положительный образ финнов и политики Финляндии. Во времена советской пропаганды Финляндия представлялась как доброжелательная страна. Но каждый, кто жил в Финляндии в 1990-х, знает, что атмосфера в Финляндии антирусская. Финские реваншистские настроения имеют скрытый характер, финны знают, что русским не стоит открыто угрожать». Однако «многие представители финской элиты ждут развала России и возвращения Финляндии Карельских территорий», на которых планируется провести этнические чистки¹⁰⁰. В своем выступлении весной 2002 г. на военно-историческом сборе в Суоярви, посвященном годовщине окончания советско-финляндской войны 1939–1940 гг., Й.Бэкман заявил, что «МИД Финляндии начал огромную пропагандистскую кампанию по ускорению возвращения Карелии Финляндии», а сотрудники его российского отдела пишут в своих отчетах о генетической неполноценности русских¹⁰¹.

Можно считать, что финский кинематограф внес весомый вклад в формирование финского этнического самосознания, в том числе в воспитание ненависти к русским и России, в насаждение реваншистских настроений и аннексионистских

установок. А кинематограф – лишь один из каналов подобной пропагандистской «работы» в Финляндии.

Историческая память о Второй мировой войне и участии в ней Финляндии на протяжении ряда десятилетий подвергается вполне сознательному искажению как в публичных оценках правящих кругов этой страны, так и в высказываниях многих представителей ее интеллектуальной элиты, что, безусловно, влияет на массовое сознание финского народа в целом. При этом характерно, что событиям 1939–1940 и 1941–1944 гг., в масштабах мировой войны игравшим малозначимую роль на второстепенном театре боевых действий, в Финляндии придается судьбоносное значение не только для национальной истории этой маленькой северной страны, но и для всей «Западной цивилизации и демократии», причем государство, воевавшее на стороне гитлеровской Германии и проигравшее войну, предстает едва ли не как победитель и «спаситель Европы от большевизма». Более того, неуклюже отрицается сам факт, что Финляндия во Второй мировой войне являлась союзницей фашистской Германии: она якобы была всего лишь «военной соратницей». Однако подобная словесная эквилибристика может обмануть лишь тех, кто сам желает обмануться: совместный характер целей и действий, согласованность планов двух «соратников», в том числе по послевоенному разделу СССР, широко известны.

Тем не менее, попытки «переписать историю», вопреки очевидным фактам, продолжают. Так, 1 марта 2005 г. во время официального визита во Францию президент Финляндии Тарья Халонен выступила во Французском институте международных отношений, где «познакомила слушателей с финским взглядом на Вторую мировую войну, в основе которого тезис о том, что для Финляндии мировая война означала отдельную войну против Советского Союза, в ходе которой финны сумели сохранить свою независимость и отстоять демократический политический строй». МИД России вынужден был прокомментировать это выступление руководителя соседней страны, отметив, что «эта трактовка истории получила распространение в Финляндии, особенно в последнее десятилетие», но что «вряд ли есть основания вносить по всему миру коррективы в учебники истории, стирая упоминания о том, что в годы Второй мировой войны Финляндия была в числе союзников гитлеровской Германии, воевала на ее стороне и, соответственно, несет свою долю ответственности за эту войну». Для напоминания Президенту Финляндии об исторической правде МИД России предложил ей «открыть преамбулу Парижского мирного договора 1947 года, заключенного с Финляндией «Союзными и Соединенными Державами»¹⁰². Вместе с тем, не только финские политики, но и ряд историков придерживаются этой скользкой позиции¹⁰³.

Однако в последние годы «неудобные» для финской стороны темы преступлений гитлеровского союзника все больше становятся достоянием как научного сообщества, так и общественности. Среди них – не только крайняя жестокость и бесчеловечность обращения с советскими военнопленными, но и общая политика финского оккупационного режима на занятых советских территориях с откровенно расистскими установками в отношении русского населения и ориентация на его истребление. Сегодня опубликовано немало материалов с документальными сви-

детельствами жертв финских оккупантов, в том числе малолетних узников концентрационных лагерей¹⁰⁴. Однако – в отличие от правительства современной Германии – официальная позиция финской стороны состоит в том, чтобы не признавать эти действия своей армии и оккупационной администрации в качестве преступлений против человечности, а концлагеря в оценках финской историографии предстают едва ли не санаториями.

* * *

Подводя итоги, можно отметить, что войны между двумя странами в XX веке оказали определенное влияние на изменение образа соседней страны в российском сознании. Во-первых, Финляндия заняла в нем несколько большее место, нежели ранее, причем, нейтральное и в целом безразличное отношение сменилось более негативными и настроенными оценками. Во-вторых, динамика восприятия от синхронного (в период войн) к ретроспективному зависела не только от направленности и активности пропаганды в советский период, утверждавшей образ «дружественного соседа». Она зависела также от расширения гласности, которая раскрыла весь спектр двусторонних взаимоотношений военного и послевоенного времени, – не только определенные просчеты сталинской политики в советско-финляндских отношениях, но и экспансионистские устремления финской элиты на Восток, и преступления финской военщины в годы Второй мировой войны, и тенденции самооправдания в послевоенном финском обществе, все более нарастающие после распада СССР и питающие реваншистские настроения финских радикалов. Поэтому образ Финляндии в России нуждается в существенных коррективах, и, чтобы быть действительно адекватным, требуется включение в него не только информации, освоенной новейшей российской историографией, но и реального отношения в финском обществе к нашей стране: ее истории, государственности, народу и культуре.

Глава IV
С КЕМ ЕЩЕ ВОЕВАЛА РОССИЯ В XX ВЕКЕ

**Союзники Германской Империи и Третьего Рейха
в мировых войнах**

Германия являлась основным противником России/СССР в двух мировых войнах. Однако в обеих войнах она имела целый ряд союзников, в том числе и тех, кто непосредственно участвовал в боевых действиях против России. Состав их менялся, хотя ядром сателлитов Германии оставались «центральные» державы.

В годы *Первой мировой войны* основным союзником Германской империи была **Австро-Венгрия** – многонациональное государство во главе с дряхлеющей монархией, к началу XX века раздираемое острыми межэтническими и социальными противоречиями, которые со всей определенностью проявились в ходе войны. «Отличительной чертой австро-венгерской армии являлся разнонациональный характер ее, так как она состояла из немцев, мадьяр, чехов, поляков, русинов, сербов, хорватов, словаков, румын, итальянцев и цыган, объединенных только офицерским составом»¹. Государство опиралось преимущественно на две основные этнические группы, «титутельные нации» – немцев («швабов») и венгров, представители которых составляли наиболее боеспособный костяк армии.

Однако и между ними противоречия были весьма остры: немцы традиционно сохраняли определенные привилегии. За годы войны под ружье в Австро-Венгрии было поставлено 8 млн. человек при населении в 51 млн. При этом, по венгерским подсчетам, из 8 млн. мобилизованных 3,8 млн., то есть около половины, приходилось на подданных Венгрии, хотя ее население составляло 20 млн. человек². То есть венгров бремя войны затронуло относительно больше, нежели другие этнические группы.

По ряду причин, в том числе и из-за этнической «разношерстности», Австро-Венгрия справедливо считалась – и проявила себя – более слабым противником, чем Германия.

Император Австрии и король Венгрии Франц-Иосиф «в манифестах обращался к весьма пестрому населению своей империи патриархально-торжественно: «Мои народы!» ... «Его народы» чувствовали себя в пределах его монархии, как раки в корзине, которые таинственно о чем-то шепчутся и выползают из нее вон. Иные, как венгры и чехи, даже и не шептались, а говорили в полный голос: сепаратные идеи владели ими давно и обсуждались на все лады. В рачьей корзине этой швабы считали главенствующей нацией себя, венгры – себя; немцы ненавидели чехов, чехи – немцев; галицийские украинцы были на ножах с поляками, никогда не перестававшими меч-

тать о самостоятельной Польше; итальянцы Триента тяготели к Италии; трансильванские румыны – к Румынии; южные славяне – к Сербии. «Лоскутное одеяло» в любой подходящий момент готово было разодраться на клочки, сшитые, как оказалось, на живую нитку. Доходило даже до того, что венгры открыто высказывались против присоединения к землям Франца-Иосифа побежденной Сербии: они опасались, что в этом случае славяне, благодаря своей большей численности, получат и самый большой вес в государстве и спихнут с первого места Венгрию»³.

Отношение властей к «нетитульным» народам многонационального государства было во многом дискриминационным. Проявилось это и в ходе мировой войны, в частности, во время призыва в действующую армию, когда в ходе массовой мобилизации не принимались во внимание освобождения призывников по состоянию здоровья. В первую очередь это практиковалось в отношении представителей тех народов, чьи соплеменники по другую сторону границы оказались в рядах враждебных армий. Так, по признанию военнопленных, «итальянцев, даже больных, без разговора отправляют в строй. Так же поступают с чехами, сербами и румынами»⁴.

Одновременно власти пытались вести политику «заигрывания» с отдельными этническими группами, в частности, с поляками, путем некоторых уступок стараясь привлечь их на свою сторону, рассчитывая тем самым вызвать симпатии и среди польского населения, проживающего в Российской империи. Так, взятые в плен в декабре 1914 г. русскими войсками австрийские поляки сообщали: «прежде нам запрещали говорить по-польски, но после объявления войны нам разрешили говорить по-польски и роздали даже молитвенники на польском языке»⁵; «перед войной нам разрешили петь по-польски песни и офицеры обещали нам устроить Польшу, лишь бы только мы шли в бой»⁶.

Межэтнические и социальные противоречия не могли не проявиться и в действующей армии «лоскутной» империи. Особенно заметны они были «внешним» наблюдателям. Американский корреспондент Джон Рид так описывал свою встречу летом 1915 г. с колонной австрийских пленных, конвоируемых двумя донскими казаками: «Их было тридцать, и между этими тридцатью было представлено пять наций: чехи, кроаты, мадьяры, поляки и австрийцы. Один кроат, два мадьяра и три чеха не знали ни слова на каком-либо языке, кроме своего родного, и, конечно, ни один австриец не знал ни звука по-богемски, кроатски, венгерски или по-польски. Между австрийцами были тирольцы, венцы и полуитальянцы из Пола. Кроаты ненавидели мадьяр, мадьяры ненавидели австрийцев, а что касается чехов, то никто из остальных не стал бы с ними разговаривать. Кроме того, все они резко отличались друг от друга по социальному положению, причем каждый стоявший на высшей ступени с презрением смотрел на низшего... Как образчик армии Франца-Иосифа, группа эта была весьма показательна»⁷.

«Но все они отзывались очень хорошо о своих конвоирах – казаках»⁸, – добавляет американский автор. И это не случайно. Если в отношении Германии русские готовы были, по словам современников, сражаться «против заклятых врагов Царя, России и славянства – ненавистных немцев»⁹, то в отношении Австро-Венгрии и особенно ее армии чувства были смешанные, так как среди солдат не-

приятеля встречалось немало славян. Оказывали влияние на отношении к врагу и ход войны, и поведение противника. Один из героев романа участника Галицийской битвы С.Н.Сергеева-Ценского (художественно осмыслившего свой личный боевой опыт) «Брусиловский прорыв», поначалу относившийся к австрийцам как к противнику вполне уважительно, стал называть их «вонючими» и «подлыми» после применения удушливых газов и почувствовал к врагу «личную озлобленность»¹⁰.

На формирование «образа врага» оказывали влияние многочисленные факты военных преступлений, совершаемых противником в отношении мирного населения, раненых и военнопленных, которые допускали главным образом немцы, австрийцы и мадьяры, о чем свидетельствовали данные, которые собирала специальная Чрезвычайная следственная комиссия по фактам нарушения Гаагской конвенции¹¹. Эти сведения находили отражение в печати, в том числе и армейской, а также широко использовались в целях пропаганды. С другой стороны, русских солдат озлобляли нередкие сообщения из тыла, согласно которым австро-венгерские военнопленные, используемые на хозяйственных работах в деревнях, сожительствовавали с солдатками, чьи мужья были на фронте. Обычно к таким работам привлекали этнически близких славян (русинов, словаков, чехов, поляков), с которыми легче было общаться на бытовом уровне.

В целом боевой дух австро-венгерской армии был весьма низок, что не осталось без внимания русских наблюдателей. Разведка доносила: «Офицеры австрийские, в числе 14 человек, взятые в плен Златоустовским полком, произвели, за исключением одного, удручающее впечатление своей неинтеллигентностью вообще, внешним видом и грубостью манер» (3 декабря 1914 г.)¹²; «Офицеры запаса [австрийской армии – Е.С.], проявляя в бою малодушие и растерянность и совершенно не умея руководить своею частью, в то же время не менее строевых офицеров пользовались саблею и особой плетью для поддержания своего престижа и дисциплины, которая начинала падать» (27 июля 1915 г.)¹³. Описывая взятие русскими войсками мощной крепости врага Перемышль в марте 1915 г., военный корреспондент Алексей Ксюнин отмечал, что причиной нестойкости врага отнюдь не была безысходность, вызванная долгой осадой: «При вступлении наших войск [в Перемышль], крепость вовсе не производила впечатления голодного блокированного города; правда, магазины пустовали, в кафе поили жидким кофе без сахара, но оставалось еще много лошадиных трупов, за хорошие деньги можно было найти коровье мясо, у всех крестьян была скотина и домашняя птица. Изголодавшимися выглядели только славяне, в то время как немецкие и венгерские офицеры бравировали шикарным видом и даже поражали упитанностью»¹⁴. Свидетель событий так отзывался о нравах австрийцев: «Даже в трагическую минуту на первом плане у них было свое личное, и дух геройства не ночевал на австрийских фортах. Среди условий сдачи австрийцы выставляли требования о сохранении офицерам жалованья и карманных денег, просили, чтобы их наградные списки были непременно отосланы в Вену, а генерал Кусманек в длинном и безграмотном письме на русском языке хлопотал о том, чтобы были сохранены его вещи и чтобы, в случае перемены коменданта, его просьба непременно была передана по принадлежно-

сти»¹⁵. Рассказывая о последней вылазке перед сдачей крепости 23-й гонведной (венгерской) дивизии, которая в полном составе сдалась в плен роте русских солдат и отряду ополченцев, автор приводит интересную деталь: «офицеры шли на вылазку с денщиками, а те несли чемоданы»¹⁶.

Противник часто оценивался русскими не только «в целом», но и этнически-дифференцированно. Например, в Первую мировую войну «...венгерские войска были признанно лучшими из войск двуединой монархии: им отдавали дань уважения даже немцы»; они всегда оказывали противнику сопротивление «более упорное, чем оказывали чехи и швабы»¹⁷. Однако тот же герой романа С.Н.Сергеева-Ценского «ворчал по поводу венгерцев»: «Можно, конечно, приходится иногда отступать, на то и война с переменным счастьем, но чтобы так можно было драпать во все лопатки, как эти мадяришки, это уж последний крик моды!»¹⁸ Следующая встреча с венграми на поле боя произошла уже в годы Второй мировой войны, но там отношение к ним определялось во многом принципиально иными обстоятельствами.

Российская власть проявляла дифференцированное отношение к различным этническим группам противника. Поддерживались националистические движения в Австро-Венгрии, которым давались туманные авансы на предмет независимости в случае победы Антанты. Определенные реверансы делали в адрес поляков, которым намекали на возможность послевоенной широкой государственной автономии в составе Российской империи. Рядом привилегий пользовались славянские военнопленные, в том числе – чехи и словаки. Уже после Февральской революции в России (в апреле – июне 1917 г.) был даже сформирован Чехословацкий корпус из военнопленных австро-венгерской армии и русских подданных чешской и словацкой национальностей. Корпус сначала дислоцировался на Украине, а в дальнейшем, после Октябрьской революции сыграл очень значимую роль в истории Гражданской войны в России. Он был объявлен частью французской армии с требованием отправить его на Западный фронт. В марте 1918 г. было принято решение отправить корпус через Дальний Восток для последующей эвакуации в Западную Европу, однако в мае был поднят мятеж, поводом для которого стала попытка советских властей разоружить чехов. Растянувшийся от Пензы до Владивостока хорошо вооруженный и организованный Чехословацкий корпус в мае – августе захватил крупные и узловые станции железной дороги, способствовал формированию на пути своего продвижения ряда антисоветских правительств. Им была захвачена также половина золотого запаса РСФСР. Лишь в августе наступление корпуса было приостановлено на Урале и в Поволжье, а в декабре 1918 г. он был отведен с фронта. С середины 1918 г. Чехословацкий корпус в боевых действиях не участвовал, а в 1920 г. по соглашению с советским правительством был эвакуирован через Дальний Восток на родину¹⁹. Кстати, многие историки именно мятеж чехословацкого корпуса считают началом Гражданской войны в России: этническая группа военнопленных, к которой русское правительство отнеслось более чем лояльно, позволила себе вмешаться во внутренние дела дружественного народа и государства. В межвоенный период возникшая на обломках Австро-Венгерской империи Чехословакия стала членом Малой Антанты – военно-политического

союза Чехословакии, Румынии и Югославии, созданного в целях сохранения статуса-кво в Центральной и Юго-Восточной Европе, который сложился в результате Первой мировой войны. Малая Антанта действовала как «санитарный кордон» Запада против СССР и была также тесно связана с Польшей.

* * *

Другим крупным противником России в Первой мировой войне являлась **Турция** – давний военный противник России, с которым она вела кровопролитные войны на протяжении нескольких столетий (в XVII–XIX вв.). В Первую мировую войну она воспринималась русским сознанием как противник слабый и зависимый от более сильного врага – Германии.

Причины участия Турции в Первой мировой войне против России коренились как в давних геополитических противоречиях и соперничестве двух государств, так и в ставшей в начале XX века влиятельной идеологии пантюркизма. Один из главных идеологов пантюркизма Зия Гекальп утверждал: «Политические границы родины турок охватывают всю территорию, где слышна тюркская речь и где имеется тюркская культура». И патетически вопрошал: «Где ныне Туран? Где же Крым? Что стало с Кавказом? От Казани до Тибета везде только русские»²⁰. Тюрки объявлялись «чистокровной высшей расой», призванной господствовать над другими народами. В 1910 г. на обсуждение турецкого меджлиса (парламента) была вынесена резолюция о запрещении туркам вступать в смешанные браки, а на съезде партии «Иттихад» выдвинут лозунг «Турция – только для турок». При этом доказывалось, что в государстве не должно остаться места ни армянам, ни грекам. Выступавший на этом съезде доктор Назым ставил вопрос о полном уничтожении армян – как единственно возможном решении «армянского вопроса», поскольку «существование армянской государственности в ... восточных вилайетах ... было бы могильным камнем для нашей программы туранизма». Говорил он и о том, где именно следует возрождать «Великий Туран»: «На Востоке в Азии имеются беспредельные просторы и возможности для нашего развития и расширения. Не забывайте, что наши предки пришли из Турана, и сегодня в Закавказье, как и к востоку от Каспийского моря на просторных землях тюркоязычные племена составляют почти сплошное население, находящееся, увы, под ярмом нашего векового врага – России. Только в этом направлении открыты наши политические горизонты, и нам остается выполнить наш священный долг: осуществить объединение тюркских племен от Каспийского до Желтого моря...»²¹. Турецких солдат воспитывали в духе мести «неверным», призывали «отомстить за честь турок», над которой «надругались» в 1912 г., а газета «Азм» писала 1 июля 1913 г.: «Каждый солдат должен вернуться к дням варварства, жаждать крови, быть безжалостным, убивая детей, женщин, стариков и больных, пренебрегать имуществом, честью, жизнью других»²².

Российский Кавказ и Среднюю Азию в 1908–1914 гг. «буквально наводнили турецкие эмиссары и агенты, действующие под видом купцов, паломников, путешественников», которые «вели пропаганду, искали связи с антирусскими силами, организовывали центры подрывной деятельности»²³. Однако не слишком надеясь на собственные силы в осуществлении своих планов по созданию Великого Тура-

на, турки в канун Первой мировой войны большие надежды возлагали на союз с немцами. Так, другой видный деятель партии «Иттихад» Текин Альп писал: «Если русский деспотизм... будет уничтожен храбрыми армиями Германии, Австро-Венгрии, Турции, тогда от 30 до 40 миллионов турок получат независимость. Вместе с 10 миллионами османских турок они образуют нацию, ... которая так продвинется вперед к великой цивилизации, что, вероятно, сможет сравняться с германской цивилизацией... В некотором отношении она достигнет превосходства над вырождающейся французской и английской цивилизацией»²⁴.

В самом начале Первой мировой войны, в секретной телеграмме от 3 августа 1914 г. посол России в Константинополе М.Н.Гирс писал: «По отзыву нашего военного агента, турецкая армия в настоящий момент в таком состоянии, что не представляет для нас пока опасности», но уже 27 августа с тревогой констатировал: «Положение дел на французском театре боевых действий сильно возбуждает турок, считающих, что общая победа вполне будто бы обеспечена за Германией. В виду этого временное, сравнительно благоприятное, впечатление, произведенное на Порту нашим предложением письменно гарантировать неприкосновенность территории Турции, сильно сглаживается, и она не проявляет особого нетерпения связать себя с нами»²⁵.

Министр иностранных дел России С.Д.Сазонов в секретной телеграмме директору дипломатической канцелярии при штабе Верховного главнокомандующего от 29 августа 1914 г. подчеркивал, как «важно сохранить мирные отношения с Турцией, пока не определится решительный перевес русско-французских войск над австро-германскими», и что «с общей политической точки зрения, разделяемой Францией и Англией, весьма важно, чтобы война с Турцией, если бы она оказалась неизбежной, была бы вызвана самой Турцией»²⁶.

5 октября 1914 г. М.Н.Гирс пишет из Константинополя, что «война вероятнее всего неизбежна», «весь вопрос в том, когда именно и при каких условиях она наступит», и высказывает предположение, что немцы могут спровоцировать вступление Турции в войну или турки решатся на это сами «в случае успеха наших противников»²⁷. 29 октября Сазонов сообщает Гирсу о том, что «турки открыли военные действия против незащищенного порта Феодосии и канонерки, стоявшей в одесском порту»²⁸. Вслед за Феодосией и Одессой, были обстреляны Севастополь и Новороссийск. «Впечатление в обществе очень велико», «нападение турок нашло отклик в самых глубинах русского сознания»²⁹, – записал в эти дни французский посол при Русском Дворе в 1914–1917 гг. Морис Палеолог.

В действительности удар по городам на черноморском побережье России был нанесен двумя германскими крейсерами «Гебен» и «Бреслау», офицеры и матросы которых по приказу назначенного командующим турецкими военноморскими силами немецкого контр-адмирала Сушона сменили бескозырки на фески, спустили на кораблях немецкий флаг и вывесили турецкий³⁰. Провокация удалась – в ответ на враждебные действия кораблей под турецким флагом Россия, а затем Англия и Франция объявили Турции войну. Таким образом, Османская империя вступила в нее на стороне держав Центрального блока.

2 ноября 1914 г. Николай II обратился с манифестом к русскому народу: «...Предводимый германцами турецкий флот осмелился вероломно напасть на наше Черноморское побережье... Вместе со всем народом русским мы непреклонно верим, что нынешнее безрассудное вмешательство Турции в военные действия только ускорит роковой для нее ход событий и откроет России путь к разрешению завещанных ей предками исторических задач на берегах Черного моря»³¹.

На Кавказе образовался новый театр военных действий между Россией и Турцией. Здесь в 1915 г. русская армия провела ряд успешных военных операций, что привело к взятию крепости Эрзерум и порта Трапезунд – главных баз турок для действия против российского Закавказья.

На турецкой территории, куда вступили русские войска, им пришлось соприкоснуться не только с турками, но и другими этническими группами мусульманского (курды) и христианского населения (армяне, ассирийцы – «айсоры»), часть из которого, прежде всего христиане, были настроены враждебно к туркам и преследуемы ими, и, соответственно, встречали русских как своих защитников и освободителей. И айсоры, и курды воспринимались русскими как «дикие племена», однако, первые, христианские, – с сочувствием как единоверцы и жертвы массового террора, вторые, преимущественно мусульманские (а частью – языческие) – враждебно.

Курды были воинственными племенами, с которыми приходилось сражаться русской армии на Кавказском фронте: «Курды – как кочевники, отсюда и полуразбойники – все вооружены огнестрельным оружием и ножами. Молодой курд, не имеющий винтовки, не может жениться, то есть никто за него не выйдет замуж, как за недостойного. Кроме того, перед войной турецкое правительство выдало всем курдам десятизарядные винтовки старого образца со свинцовыми пулями»³². Интересную характеристику курдам дает в своих «Записках» казачий офицер Ф.И.Елисеев, оставивший ценные воспоминания о событиях на «периферийном» фронте Первой мировой войны: «Стариннейший народ. Все кочевники», «мусульмане», однако «мечетей у них нет, или они очень редки и примитивны – это просто сараи»; «Живут они древними своими обычаями. Турок недолюбливают...»³³. Оценивая воинственность этого народа, отмечает, что «всякий курд счастлив и обязан иметь какое-либо ружье. Они предпочитают патроны со свинцовой пулей. Такая пуля делает рваные раны, заражает их, и в большинстве случаев смертельный исход неизбежен». И приходит к неожиданному выводу, сравнивая себя с противником: «В общем, курды народ хороший, и мы их даже полюбили. Из них получились бы отличные конные полки, наподобие казачьих. Да таковыми они и были в Турецкой армии – как иррегулярные конные части»³⁴. Жестокое сопротивление курдов он связывает с бесцеремонным поведением русских войск в отношении местного населения с первобытным еще сознанием и традиционным укладом: «При таком положении побежденного даже европеец взялся бы за нож для защиты своей семьи, чести. А ведь курд был самый настоящий полудикарь, разбойник, воинственный человек, к тому же мусульманин. Вот почему он и стрелял в русского солдата при удобном случае...»³⁵

Русские видели жестокость курдов, но сначала недооценивали их боеспособность: «Они также защищали свое отечество, как и мы свое. Местные курды

отлично знали свою гористо-пересеченную местность, которую мы, завоеватели, не знали. ...Мы, упоенные успехами первых дней войны, силы и сопротивление курдов не считали серьезными, равными отпору настоящей регулярной армии. Полудикие воинственные курды, ... всегда вооруженные винтовками и ножами, они, при превосходстве своих сил, были храбры и дерзки»³⁶.

Ненависть к неприятелю добавили поступающие со всех сторон известия о геноциде армянского населения в Турции весной 1915 г. Сигналом к началу террора, возведенного в ранг государственной политики Стамбула и направленной на уничтожение самого слова «Армения» в Турции, послужило восстание армянского и ассирийского населения горной области Хеккяри юго-восточнее озера Ван, поднятое 11 апреля 1915 г. с целью обеспечить быстрое овладение городом Ван наступающими русскими войсками. Кроме того, по мере продвижения российской армии вглубь Восточной Анатолии армяне в ряде мест формировали партизанские отряды, выступали в качестве проводников, переводчиков, разведчиков при русских войсках.

Всеобщая депортация армянского населения, известного своими симпатиями к России и Антанте, а потому рассматривавшегося турецким правительством как «потенциальный сообщник врага», из Западной Армении в пустынные области Северной Месопотамии сопровождалась массовой резней, жертвами которой, по разным данным, стали от 600 тыс. до 1,4 млн. армян и полмиллиона ассирийцев³⁷. После решения турецких властей о проведении «акции», генерал-губернаторам восточно-анатолийских вилайетов был разослан циркуляр: «Каждый мусульманин будет подвергнут смертной казни на месте, если приютит у себя какого-нибудь армянина»³⁸. Еще на месте, в Западной Армении, уничтожались мужчины, способные к сопротивлению. Женщины, старики и дети сгонялись в «караваны смерти», на которые по дороге к месту депортации нападали мусульманские племена, продолжая резню беззащитных людей. Оставшиеся в живых и добравшиеся до концлагерей в Месопотамии переселенцы в большинстве своем погибли уже там из-за невыносимых условий содержания. В резне армян и христиан-айсоров «отличились» не только турки, но и курды.

По многочисленным оценкам, армянские добровольческие дружины были ценными помощниками русским войскам в их операциях против турок. «Их дисциплина и вся суть воинского движения, построенного на добровольческих началах, были основаны на глубочайшем национальном энтузиазме, с главной целью – освобождением Армении от турок... Они дрались фанатично, и ни турки, ни курды армян, как и армяне их, в плен не брали. Они уничтожали друг друга в бою безжалостно»³⁹.

Именно на турецком фронте русским войскам пришлось столкнуться с «азиатской войной» – невиданным масштабом жестокостей, в том числе по отношению к мирному населению. «Из села выскочили десятка два конных курдов и в беспорядке широким наметом понесли на юг, – вспоминал Ф.И.Елисеев. – Мы вскочили в село. Оно оказалось армянским. В нем – только женщины и дети. Все они не плачут, а воют по-звериному и крестятся, приговаривая: «– Кристин!.. Кристин!.. Ирмян кристин!» Ничего не понять от них о событиях, происшедших в селе. Жестом руки успокаиваю их... А через версту, у ручейка, видим до десятка

армянских трупов. Теперь нам стала ясна причина рыданий и скрежета зубов женщин в селе. Все трупы еще свежи. У всех позади связаны руки. И все с перерезанным горлом. Одежда подожжена и еще тлела. Все молодые парни с чуть пробиравшимися черными усиками. Картина жуткая. Казаки молча смотрели на них. И для них, как христиан, лик войны менялся. Они возненавидели курдов и жаждали мщения»⁴⁰. Типичным зрелищем, которое встречали на своем пути русские, было «армянское село с православной церковью, где навалены трупы женщин и детей, зарезанных в ней курдами. Картина страшная...»⁴¹

Особенно горько было узнать о судьбе города Ван, жители которого в мае 1915 г. ликующе приветствовали их как своих освободителей и защитников, «безусловно уверенные» в том, что «теперь-то, при помощи русских победных войск, будет освобождена и построена их Великая Армения». Никто тогда еще не знал, что «не позже чем через два месяца все жители города Ван и всего округа переживут жуткую трагедию и их дивный город будет разграблен курдами и сожжен...»⁴². Впоследствии вновь побывавшие в гостеприимном Ване русские солдаты застали там полное запустение. Они узнали, что после оставления города весной «в него вошло до 200 конных курдов. Разграбив его и дорезав оставшихся там больных и дряхлых армян, курды подожгли город и ушли». Город был разорен настолько, что русским полкам пришлось остановиться биваком за городской чертой. «Ужасно там... – рассказывали очевидцы. – Слово никогда и не существовало этого цветущего города с 200-тысячным населением, со своим добром, со своими роскошными садами»⁴³. Подобные картины зверств турецких войск и мусульманских племен по отношению к единоверцам русских провоцировали ответную жестокость, проявления которой на этой войне были отнюдь не редки. Так, увидев разорение армянского города Ван «2-я Забайкальская казачья бригада ... отошла на восток, расстреляв заложников-курдов»⁴⁴.

Жестокость «азиатской войны», геноцид турок по отношению к мирному христианскому населению отягощающе влияли на моральное состояние русских войск, чувствовавших свою вину за невозможность оградить дружественный народ, его женщин, детей и стариков от преследований врага: «Как их спасти, куда везти – мы не знали. Кругом витала смерть, и они своим беспомощным присутствием только отягощали войска, вносили естественное сердоболие в души казаков, столь отрицательный элемент в войнах»⁴⁵.

Непосредственное соприкосновение русских войск с турками на территории, населенной преимущественно иными этническими группами, происходило либо в ходе боевых действий против регулярных турецких частей, либо при общении с военнопленными. И по сравнению с «дикими» курдами они воспринимались как гораздо более «цивилизованный», почти «европейский» противник, который признавал определенные правила воинской этики. Например, возглавлявший пленный казаками батальон «турецкий капитан, небольшого роста, сухощавый, с тонкими и благородными чертами лица матового цвета, выбритый, но с пышными черными усами в стороны,» при встрече вежливо отдал русским офицерам честь, и они ответили ему тем же⁴⁶. И если курдские иррегулярные части воспринимались

как «дикари» и «оборванцы», то оценка турок, даже пленных, была качественно иной: «Турецкие солдаты – молодые и бодрые. Хорошо обмундированы. Лица открытые, смелые. Упадка воинского духа в них не было заметно»⁴⁷.

Иногда турки вызывали даже сочувствие, особенно когда «субъект восприятия» обладал рефлексивными способностями, задумывался о смысле войны и пытался представить себя на месте противника. Вот описание одного боевого эпизода, в котором свидетель отдает дань уважения храбрости врага и видит в нем такого же, как он сам, человека: «А турки... бедные турки! Бедные люди... такие же, как и мы, воины, у которых есть и свое отечество-государство, есть и свои святы обязанности перед ним, как и у нас, казаков. Есть у них своя отличная воинская дисциплина, и свои семьи, и свои хаты... Семьи томительно будут ждать от них вести с фронта «об их здоровье и благополучии», но... их они уже никогда не получат! Они, турки, всегда храбрые солдаты своей Великой Турецкой империи, под казачьими выстрелами как-то сразу странно остановились. Некоторые немедленно попадали на землю и не встали, другие быстро повернули назад, устало побежали и стали падать, падать и ... не вставать уже. Из-за перевала показалась новая группа турок. Видя гибель своих, немедленно же рассыпалась в цепь и двинулась вперед, на поддержку»⁴⁸.

Образ турецкого врага дополняли и сведения о порядках на турецком флоте. Так, в газете «Вестник X армии» от 12 мая 1915 г. была опубликована заметка «Турок, сдавших суда, казнят». В ней говорилось: «Из Севастополя сообщают, что последнее время команды турецких судов, застигнутых нашим флотом в море, после первого же выстрела наших кораблей поспешно высаживаются в шлюпки. Однако турки плывут не к берегу, который обыкновенно находится очень близко, а едут по направлению к нашему флоту, находящемуся в нескольких верстах. Оказывается, что тех турок, которые при потоплении нашим флотом вражеских судов избегают нашего плена, турецкое правительство приказывает казнить как изменников и предателей»⁴⁹. Сведения о подобных порядках, непривычных для дореволюционной русской армии, возвращали читателю прежние представления о турках как о восточном народе, ведущем войну с азиатской жестокостью даже в отношении «своих».

В целом на Кавказском театре боевых действий русская армия столкнулась с еще более дифференцированным противником, нежели на европейском представляли собой австро-венгерские войска. Преследуемое христианское население было враждебно настроено по отношению к турецким властям и дружелюбно к русским. Неоднородной была и мусульманская часть населения турецких территорий, на которых велись боевые действия. Русские войска сталкивались и с нерегулярными формированиями курдских племен, и с частями турецкой армии, наблюдая врага и в ходе боевых действий, и в быту. Как и в других войнах здесь проявился весьма широкий спектр оценок и чувств по отношению к противнику: ненависть к жестокому «азиатскому» и «иноверческому» врагу при уважении к его храбрости, восприятие иной социокультурной среды со смешанным чувством любопытства, снисходительности и европейского высокомерия, сочувствие к страданиям мирного христианского населения при нередких случаях бесцеремон-

ности оккупационных войск и даже их жестокости по отношению к мусульманам, и т.д. Однако, по мере того, как война затягивалась, накапливались усталость и антивоенные настроения, противник все более воспринимался как такой же человек, не по своей воле поставленный в безвыходную ситуацию «пушечного мяса».

Участие Турции в Первой мировой войне на стороне Германии закончилось поражением, распадом Османской империи, оккупацией значительной части собственно турецкой территории державами Антанты, а также недавно освободившей от османского гнета Грецией, что спровоцировало в 1918–1923 гг. национально-освободительную борьбу турецкого народа под руководством генерала М.Кемаля (Ататюрка). Развернувшееся партизанское движение турок против интервентов вызывало сочувствие молодой Советской России, которая в тяжелейший для себя период помогала повстанцам оружием и золотом, причем в объемах больших, чем мусульманские страны. Так, в 1920 г. было передано повстанцам более 200 кг русского золота в слитках, а в 1921–1922 гг. выделено 10 млн. золотых рублей⁵⁰. Освободительное движение одержало победу и привело к провозглашению 29 октября 1923 г. независимой Турецкой Республики.

Во Второй мировой войне Турция декларировала свой нейтралитет, но при этом активно оказывала помощь гитлеровской Германии сырьем и продовольствием и ожидала удобного момента для вступления в войну на ее стороне, не оставляя идеи создания «Великого Турана» из преимущественно советских территорий. Однако когда стало очевидно, что победа будет за Антигитлеровской коалицией, Турция 23 февраля 1945 г. объявила войну Германии и Японии, поспешив примкнуть к лагерю победителей.

* * *

Болгария, которую Россия неизменно защищала и поддерживала в борьбе с турецким игом, помогла обрести независимость, впоследствии, в двух мировых войнах XX века была в лагере ее врагов и воевала на стороне Германии. Однако эта страна никогда не воспринималась всерьез в качестве противника ни русскими (как, впрочем, и советскими) властями, ни русским общественным сознанием. Даже в «Русском правительственном сообщении в связи с разрывом дипломатических отношений с Болгарией» от 20 октября 1915 г. вся вина за ее вступление в войну на стороне противников России возлагается не на болгарский народ, а на правящую немецкую династию Кобургов, которая с момента своего воцарения на болгарском престоле в 1886 г. проводила прогерманскую и антирусскую политику. «В тот роковой час, когда злосчастная Болгария поднимает свой меч против возродившей ее России и становится под немецкие и турецкие знамена, русский народ отдает на суд истории имя того, кто является истинным виновником этой беспримерной измены», – говорилось в сообщении. Далее подробно описывалась предательская деятельность Фердинанда Кобурского, «вся внутренняя политика» которого «подготавливала пути к установлению в стране германского влияния», привела к тому, что уже во второй Балканской войне 1913 г. Болгария воевала против своих недавних союзников по борьбе с османским игом, и который в разгар Первой мировой войны «в чудовищном для Болгарии союзе с турками и нем-

цами ... отверг все предложения, клонившиеся к благу доверившей ему свои судьбы страны, и пошел войною на Сербию и ее союзников». В заключительных строках сообщения высказываются неизменные симпатии русских к братьям-болгарам, говорится о «чувствах великодушия по отношению к болгарскому народу» и о том, что «и ныне, когда Болгария приносится в жертву германскому коварству, Россия все еще не утратила надежды, что рука верных своим историческим заветам болгар не подыметя на сыновей русских воинов, легших костью за Болгарию»⁵¹. И действительно, против русских войск в Первую мировую войну болгары боевых действий не вели, сражаясь с сербами и румынами.

Во второй мировой войне, будучи союзником фашистской Германии, Болгария также заняла «особую позицию»: «Ее правящая верхушка была вынуждена считаться с болгарским народом, который сохранил чувство благодарности к России и русским, оказавшим ему помощь в 1878 г. в избавлении от османского ига. Поэтому болгарское правительство не объявило войну СССР и 25 августа 1941 г. приняло решение не направлять свои войска на советско-германский фронт»⁵². Вследствие этого советская пропаганда не уделяла Болгарии серьезного внимания как противнику, а в общественном сознании болгарский народ не воспринимался как враг.

* * *

Во *Второй мировой войне* у Германии также было немало других союзников-сателлитов разных национальностей, и на них естественно переносились основные негативные характеристики противника в целом, хотя и в ослабленной, по сравнению с главным врагом – Германией, форме. Так, весьма дифференцированно воспринимались немцы и их европейские союзники в сознании российских участников войны. Но на тех участках фронта, где приходилось иметь дело непосредственно с союзниками Германии, негативных моментов в отношении к ним было больше, чем в других местах.

Все союзники Германии, за исключением финнов, не могли похвастать уважением к себе со стороны неприятеля: ни венгры, ни румыны, ни итальянцы, с которыми приходилось сталкиваться советским войскам, не отличались особой доблестью и были, по общему мнению, довольно «хлипкими вояками».

После нападения фашистской Германии на СССР, ее союзники предполагали, что война будет победоносно завершена максимум через несколько месяцев, поэтому «многие из них поспешили зафиксировать свой вклад в уничтожение Советского Союза. Летом 1941 г. Финляндия и Румыния выставили против СССР по две армии, Италия, Венгрия, Словакия – по одному корпусу... Румынский диктатор И.Антонеску заручился согласием Гитлера на «неограниченное» расширение границ за счет Украины. Венгерское правительство за услуги Гитлеру надеялось «получить обратно все территории исторической Венгрии», то есть распространить власть на всю Трансильванию, а также на утраченные после первой мировой войны словацкие и часть украинских земель. Муссолини направил свои войска на советско-германский фронт, стремясь не допустить «после германской победы над Россией слишком большой диспропорции между германским и итальянским вкладом в войну»⁵³.

Создание Антигитлеровской коалиции стало для союзников Гитлера неприятной неожиданностью. Они не рассчитывали оказаться втянутыми в схватку великих держав, и пытались вначале продемонстрировать свою лояльность к Великобритании и США, чем вызвали раздражение Берлина. В этой связи весьма характерным является заявление румынского диктатора Антонеску, сделанное им после того, как Великобритания по настоянию СССР 7 декабря 1941 г. объявила войну Румынии, Венгрии и Финляндии, а Япония в тот же день развязала против США и Великобритании войну на Тихом океане: «Я являюсь союзником рейха в войне против России. Я нейтрален в конфликте между Великобританией и Германией. Я на стороне американцев против Японии»⁵⁴. Однако уже 12 декабря под давлением немцев Румыния вместе с Венгрией объявила войну США.

«Вклад» в боевое участие каждой из перечисленных стран в войну был относительно невелик, однако в совокупности – весьма значителен, причем по ходу войны он нарастал. Так, «для участия в «большом наступлении» летом 1942 г. на южном крыле советско-германского фронта в группу армий «Б» были выставлены 8-я итальянская, 2-я венгерская, 3-я и 4-я румынская армии. Их общая численность составляла 648 тыс. солдат и офицеров. Прибывшие на фронт итальянские, венгерские и румынские войска подвергались дискриминации со стороны немецкого командования, исповедовавшего расистские идеи. Созданные германские штабы связи при союзных армиях осуществляли над ними полный контроль. Вместе с тем, они мало уделяли внимания снабжению союзных армий продовольствием, оружием, боеприпасами и т.д. Некоторые из высших гитлеровских генералов считали излишним скрывать свое презрение к ним, насмешливо называя их «армиями Лиги наций»⁵⁵.

Трофейные письма румынских, венгерских, итальянских и даже австрийских солдат свидетельствуют: «отношения с немцами скверные», «немцы относятся к нам с презрением», «называют оскорбительными кличками», «издеваются». В сообщении Управления особых отделов НКВД СССР в Главное политуправление РККА «О реагировании солдат противника на упорное сопротивление советских войск под Сталинградом» за август 1942 г., основанном на донесениях разведки и показаниях военнопленных, говорилось: «Взаимоотношения между немцами и их союзниками с каждым днем обостряются. Уроженцы Восточной Пруссии считают себя «истинными германцами» и постоянно издевательски относятся к солдатам из западногерманских областей. Еще более открыто проявляют немцы свое «превосходство» по отношению к румынам, венграм и итальянцам. В Германии их называют «вспомогательными народами». Немецкий солдат считает себя вправе сделать замечание офицеру румынской или венгерской армии. При совместном размещении немцы получают лучшие дома и, как правило, лучше питаются. Это вызывает ненависть к немцам со стороны солдат других национальностей»⁵⁶. Глубоко укоренившиеся в сознании немецкого народа предрассудки расовой теории влияли не только на его отношение к противнику, но и подтачивали изнутри саму германскую коалицию.

Впрочем, презрение и недоверие немцев к своим союзникам было вызвано, прежде всего, тем, что их боевые качества оставляли желать лучшего: «Были случаи, когда целые части не выполняли боевых приказов, а соединения проявляли

неустойчивость и разбегались под нажимом Красной Армии»⁵⁷. Не случайно в документах постоянно встречаются упоминания о немецких заградотрядах, которые «силой гонят в бой» союзников, так как их части слабо дисциплинированы и неустойчивы⁵⁸. Например, в разведсводке IV Управления НКВД СССР от 18 ноября 1942 г. «О положении в оккупированных противником районах Сталинградской и Ростовской областей, Северного Кавказа и Калмыцкой АССР» сообщалось: «Из разговоров с солдатами румынской, итальянской и австрийской национальностей видно, что немцы не доверяют им, боевые порядки на линии фронта строят таким образом, чтобы наблюдать за своими «союзниками». Немецкие автоматчики всегда стоят за спиной румын и итальянцев, чтобы предупредить их, что отступление невозможно. Некоторые солдаты говорят, что «на русском фронте либо русская, либо немецкая пуля найдет твой конец»»⁵⁹.

19 ноября 1942 г. началось контрнаступление Красной Армии под Сталинградом, завершившееся поражением 6-й и 4-й танковой немецких, 3-й и 4-й румынских, 8-й итальянской армий, а в январе 1943 г. была разгромлена и 2-я венгерская армия. В результате правительства Румынии и Венгрии стали активно искать пути к заключению сепаратного мира с Англией и США. Кризис между Германией и ее союзниками стремительно углублялся и привел к оккупации немецкими войсками Италии в сентябре 1943 г. (после отстранения от власти Муссолини и заключения новым итальянским правительством перемирия с США и Великобританией) и Венгрии в марте 1944 г. Устрашенные этими действиями, Венгрия, Румыния, Болгария и Финляндия в мае 1944 г. отвергли предложение СССР, США и Великобритании о выходе из войны на стороне Германии и даже увеличили численность своих войск на советско-германском фронте. Если к концу 1943 г. здесь действовала одна румынская армия (10 дивизий), то летом 1944 г. – уже две армии, состоявшие из 22 дивизий и 5 бригад. Венгрия выставила на Восточный фронт одну армию (12 дивизий и 2 бригады) весной 1944 г., а к августу-сентябрю еще две армии (19 дивизий и 2 бригады)⁶⁰. Однако окружение и разгром крупной группировки немецких и румынских войск в Яско-Кишиневской операции привели к падению режима Антонеску в Румынии: 23 августа 1944 г. там началось вооруженное восстание, и уже на следующий день, 24 августа, пришедшее к власти новое правительство объявило войну Германии, а 12 сентября подписало перемирие с СССР, США и Великобританией. 23 сентября 1944 г. советские войска развернули наступление вглубь Венгрии. Образованное на освобожденной ими территории Временное национальное правительство Венгрии 28 декабря объявило войну Германии, а 20 января 1945 г. подписало перемирие со странами антигитлеровской коалиции⁶¹.

Как в советской пропаганде, так и в восприятии населения сателлиты Гитлера представлялись «холопами» и «шакалами», – в сравнении с их «хозяином» и «тигром» – самой фашистской Германией. «Приходит час расплаты. Шакалы получают по заслугам, – 12 декабря 1942 г. в заметке «Судьба шакалов» писал Илья Эренбург. – Они получают за то, что они пришли к нам. Но мы ни на минуту не забываем о тигре. Тигр получит за всё – и за себя, и за шакалов, и за то, что он к нам пришел, и за то, что он привел с собой мелких жадных хищников»⁶². На протяжении всей войны союзные

Германии войска воспринимались как второстепенные пособники основного врага, не имевшие ни высокой боеспособности, ни воинского духа, в целом отличавшие немецкие части. «В итальянских, венгерских, румынских войсках дисциплина и морально-политическое состояние значительно ниже, чем в германской армии», «в то же время «союзнички» не отстают от немцев в грабежах и издевательствах над населением, – свидетельствуют документы. – В селе Ново-Николаевка на Днестре венгерский офицер, не стесняясь присутствием посторонних и ребенка, изнасиловал молодую женщину... В селах юго-западнее Сталинграда население особенно жалуется на произвол румын, буквально не дающих прохода ни одной женщине»⁶³. «Грабили они дружно, – с издевкой отмечал Илья Эренбург. – Правда и в грабеже немцы соблюдали иерархию. Если немец брал корову, итальянцам доставалась курица. Если немец ел курятину, румын довольствовался яичком»⁶⁴.

Безусловно, при общем отношении к гитлеровским союзникам как второстепенным и «второсортным» врагам, образ каждой из стран и их армий имел свою специфику. Причем у отношения к каждой из них была своя предыстория.

* * *

Румыния являлась союзником России *в Первой мировой войне*, но в этом своем качестве доставила ей больше неприятностей, чем принесла какой-либо пользы. Долгое время выбирая, на чью сторону встать, торгуясь то с Германией, то с Антантой в расчете получить за свою «помощь» Трансильванию и Буковину, сравнивая предложения и посулы, исходящие из каждого лагеря, и ужасно боясь продешевить, одновременно следя за ходом боевых действий и выжидая удобного момента, чтобы гарантированно оказаться в стане победителей, Румыния наконец, поставив под ружье солидную армию в 23 дивизии общей численностью 600 тыс. человек⁶⁵, вступила в войну 27 августа 1916 г., но, к несчастью, именно тогда, «когда Брусиловское наступление выдохлось и благоприятная обстановка миновала. Ход операций румынской армии превзошел самые мрачные ожидания пессимистов... Неприятель ворвался на румынскую территорию. С помощью русской армии удалось отстоять немногим более ее четверти»⁶⁶.

Русский генерал А.А.Самойло, побывавший в начале 1916 г. в Бухаресте с дипломатической миссией и наблюдавший румынский генералитет, предававшийся пустым развлечениям, «считая это особого рода шиком во время войны», сделал вывод, что «никакого проку от армии, возглавляемой такими полководцами, ждать нельзя»⁶⁷. И в самом деле, присоединившись к войскам русского фронта «в тот момент и в таком месте, где у противника на границе не было ничего, кроме пограничной стражи», румынская армия под звуки торжественных маршей перешла границы Венгрии и Болгарии. Но, неожиданно атакованные подошедшими болгарскими резервами, две румынских дивизии стремительно бежали из Болгарии обратно в пределы Румынии⁶⁸. Генерал А.А.Брусилов впоследствии вспоминал: «...Спустя немного времени после начала военных действий румынской армии вполне выяснилось, что румынское высшее военное начальство никакого понятия об управлении войсками в военное время не имеет; войска обучены плохо, знают лишь парадную сторону военного дела, об окапывании, столь капитально важном

в позиционной войне, представления не имеют, артиллерия стрелять не умеет, тяжелой артиллерии почти совсем нет и снарядов у них очень мало. При таком положении неудивительно, что они вскоре были разбиты...»⁶⁹ При этом поведение румын накануне разгрома было высокомерным и вызывающим: они не желали согласовывать свои действия с русскими, скрывая от них распоряжения и планы своего генерального штаба, в то время как, по свидетельству генерала А.М.Зайончковского, «выгодное положение Румынии на фланге заставляло догадываться, что германцы обрушатся всей силой своего кулака на это маленькое государство, чтобы закрыть для русских всякую возможность политического влияния на Балканах и открыть для себя выход на фланг русской оборонительной линии. Румынская армия, не имевшая боевого опыта, навряд ли могла выдержать натиск германцев, и при таких условиях союз с Румынией имел для России только отрицательный характер, как это и вышло в действительности»⁷⁰. Невольно возникал вопрос: «зачем было втягивать Румынию в войну, когда было известно, что румынская армия совершенно не отвечает самым скромным требованиям, предъявляемым к современным армиям?»⁷¹

Интересные воспоминания о том, как было встречено известие о вступлении румын в войну в экспедиционном корпусе русской армии во Франции оставил в своем автобиографическом романе «Солдаты России» Р.Я.Малиновский: «В это время поступило известие, что Румыния объявила войну Австро-Венгрии и Германии. Смысла этого события солдаты не понимали, а он заключался в том, что Румыния решила кое-чем поживиться, пользуясь успешным наступлением русских войск на Юго-Западном фронте летом 1916 года. Таким образом, успех генерала Брусилова дал России нового союзника. Было приказано прокричать три раза «ура» во всех траншеях и выставить плакаты с надписью: «Немцы, Румыния вам объявила войну, теперь вам скоро наступит конец». Немцы обозлились и открыли по плакатам сильный артиллерийский огонь. Пришлось скорее убрать их. Обстрел прекратился... Спустя некоторое время... разведчики приволокли двух пьяных немцев. Оказывается, немцы не зря пьянствовали – они наголову разгромили румын и в свою очередь подняли над траншеями плакаты с короткой надписью на русском языке: «Капут вашим румынам». Пришлось теперь французской артиллерии открыть «тир де бараж» и заставить немцев убрать эти раздражающие плакаты»⁷².

Но оказавшаяся столь бездарным союзником России в войне против Германии, Австро-Венгрии и даже Болгарии, в 1918 г. Румыния с энтузиазмом воспользовалась слабостью своей недавней союзницы и покровительницы с целью создания за ее счет «Великой Румынии». В период Гражданской войны она приняла участие в Интервенции в Советскую Россию, оккупировав в январе 1918 г. Бессарабию и разыграв комедию о якобы ее «добровольном» присоединении к Румынии. Но внезапно разыгравшийся аппетит все еще не был удовлетворен, и румынские войска продолжали продвигаться к р. Днестру, начали наступление на Одессу. В последовавших боевых столкновениях с красноармейцами они получили серьезный отпор, после чего пошли на переговоры и 8 марта 1918 г. подписали «протокол ликвидации русско-румынского конфликта», в котором соглашались на

вывод своих войск из Бессарабии и отказ румынского правительства от всякого вмешательства в ее внутреннюю и политическую жизнь. «Однако Румыния получила от истории отсрочку в выполнении этих условий, так как новая волна событий [в виде начавшейся австро-германской оккупации и широкомасштабной Гражданской войны] надолго разделила обе стороны между собой»⁷³, и Москва, никогда не соглашавшаяся с аннексией Бессарабии Бухарестом, сумела вернуть ее только два десятилетия спустя. Пока же внутри России разгоралась Гражданская война, румынские войска в ноябре 1918 г. оккупировали Северную Буковину, а у распадавшейся Австро-Венгрии захватили Трансильванию.

В течение всего межвоенного периода отношения между Советской Россией и Румынией были довольно напряженными, особенно учитывая установленный ею жестокий репрессивный режим на оккупированной территории, подавлявший многочисленные народные выступления, а с середины 1930-х гг. – постепенное сближение с фашистской Германией. При этом главной «точкой накала» оставался «бессарабский вопрос». Время для его решения наступило в условиях уже начавшейся Второй мировой войны⁷⁴. Военные успехи гитлеровской Германии подогревали территориальные амбиции и ее союзников. Та же Румыния в конце 1939 – начале 1940 г. сконцентрировала на советско-румынской демаркационной линии значительные силы, сопровождая свои действия различными провокациями, а в ответ на предупреждения Советского правительства развернула на территории оккупированной Бессарабии волну террора против населения. В этой ситуации правительство СССР 26 июня 1940 г. направило Румынии ноту, в которой, в частности, говорилось, что «Советский Союз считает необходимым и своевременным в интересах восстановления справедливости приступить совместно с Румынией к немедленному решению вопроса о возвращении Бессарабии Советскому Союзу, а также о передаче последнему северной части Буковины, население которой желало воссоединиться с советской Украиной»⁷⁵. Румынское правительство пыталось уйти от конкретного ответа, но последующая дипломатическая нота СССР, требующая от Румынии освободить от воинских контингентов названные территории до 14.00 час. 28 июня 1940 г. вынудила его, по совету Италии и Германии, принять советское предложение. Ровно в 14.00 час. 28 июня в Бессарабию и Северную Буковину вступили части Красной Армии, на следующий день они вышли к реке Прут, а к исходу 30 июня вся Бессарабия была освобождена от румынских оккупантов⁷⁶. Государственная граница СССР по рекам Прут и Дунай была восстановлена. Население края встретило известие о мирном разрешении советско-румынского конфликта с ликованием.

В сентябре 1940 г. к власти в Румынии пришло военно-фашистское правительство И.Антонеску. Оно (как, впрочем, и правительство современной Румынии) расценило эти события как «ничем не спровоцированную советскую агрессию против слабой жертвы – Великой Румынии». Однако Бессарабией и Северной Буковиной ее территориальные потери в 1940 г. не ограничились: в конце августа Германия навязала Румынии «2-й Венский арбитраж», по которому от нее была отторгнута и передана хортистской Венгрии Северная Трансильвания, а другому немецкому союзнику – Болгарии, по румынско-болгарскому договору от 7 сентяб-

ря 1940 г., была возвращена Южная Добруджа⁷⁷. Дальнейшие действия Румынии как союзника Гитлера были связаны, прежде всего, с надеждами вернуть себе эти и приобрести новые территории в уплату за помощь в войне против СССР.

В период Великой Отечественной войны в массовом сознании советского общества и армии сложился образ-стереотип «вороватых и трусливых румын». «Среди всех «крестоносцев» самыми живописными остаются румыны», – писал 12 декабря 1942 г. Илья Эренбург и показывал саму Румынию как «неграмотную», «невежественную», «нищую страну, в элегантном смокинге и грязной, вшивой рубашке». Он перечислял румынские «подвиги» на оккупированной советской территории: «Одесса, наша Одесса, Одесса Пушкина, Одесса броненосца «Потемкин» обращена в губернский город вшивой, невежественной и воровской Румынии!»; «Отважные одесситы вели борьбу с захватчиками. Их задушили румыны в катакомбах: пустили ядовитые газы»; «Они загадили Одессу. Прекрасный город превратили в румынский кабак. Потом открылись новые просторы для грабежа. Румыны безобразничали в Крыму, в Анапе, на Дону. Они жгли школы, санатории и раскуривали книги, унесенные из библиотек»; «Мы знаем, как разоряли румыны казацкие станицы»⁷⁸. Описывая летом 1942 г. румынский оккупационный режим в Одессе по материалам немецких газет, И.Эренбург возмущается: «Оказывается, румынская шпана чувствует себя в Одессе «как дома»: принимает немецких гостей. А одесситов румыны выкуривают из родного города. Кто в Одессе говорил по-румынски, кроме контрабандистов и шпионов? И вот одесситы обязаны говорить по-румынски, по-румынски жениться, по-румынски хоронить своих. Шулера из Бухареста пооткрывали лавочки: продают немцам краденное добро за «квитанции германских кредитных касс». А еще не вымершие одесситы должны работать по двадцать часов в день»⁷⁹.

Однако, ведя себя как заносчивые завоеватели с гражданским населением на оккупированных территориях, в боевой обстановке румыны отнюдь не демонстрировали чудеса храбрости. Советские военно-аналитические службы давали вполне адекватную оценку и боеспособности румын, и порядкам в их армии, и взаимоотношениям с немецкими войсками. Так, в докладной записке Особого отдела НКВД Сталинградского фронта в Управление особыми отделами НКВД СССР от 31 октября 1942 г. «О дисциплине и морально-политическом состоянии армий противника» приводятся следующие факты и обобщения: «В середине августа с.г. 5 полк 4-й румынской пехотной дивизии получил приказ перейти в наступление. Командир полка категорически отказался выполнить приказ, ссылаясь на нехватку людей. Полк был снят с позиций и отведен на некоторое время в тыл»; «Среди румынских солдат особенно процветает дезертирство, ... широко распространены антивоенные настроения...»; «Дисциплина в румынской армии в буквальном смысле слова палочная: за малейшие провинности солдат жестоко избивают все начальники – начиная от малых и кончая большими. Наказание провинившихся солдат 25–30 ударами палки – обычное явление в румынской армии»⁸⁰. Далее в документе говорится о том, что «отношение немцев к своим румынским союзникам – издевательское», и приводятся конкретные примеры: «...Один из военнопленных рассказал, что летом с.г. немцы, пришедшие купаться, выгнали из реки даже не успевших смыть мыло румынских солдат. При размещении

в населенных пунктах, немцы останавливаются в лучших избах по 2–3 солдата, а румын загоняют до роты в один двор. Все это создает ненависть румынских солдат к немцам. Нередко можно от румын, как и от венгров, услышать: «При первом серьезном ударе Красной Армии мы все бросим и разбежимся. Пусть воюют Гитлер и Антонеску!»⁸¹.

Напрасно румынское армейское руководство пыталось наладить отношения с германскими союзниками, стремясь «подружить» своих и немецких солдат, между которыми постоянно вспыхивали конфликты и драки. Приказ командующего 3-й румынской армией корпусного генерала Дмитреску гласил: «Дабы избежать в дальнейшем некоторых неприятных инцидентов между румынскими и немецкими солдатами, предлагаю в любом населенном пункте, где находятся румынско-немецкие части, укреплять всеми средствами дружественные взаимоотношения. Для этого организовать совместные обеды, взаимные посещения, встречи на маленьких праздниках и т.д. Крайне необходимо избегать или в крайнем случае сократить количество конфликтов, которые могут привести к тяжелым последствиям и неблагоприятно отразиться на осуществлении наших притязаний в будущем»⁸². Из приказа видно, что румынского генерала беспокоили не столько сами отношения с немецким союзником, сколько осложнения реализации великодержавных аннексионистских планов Румынии в послевоенной перспективе.

Однако «недружественные» отношения немецких и румынских военнослужащих на бытовом уровне приобретали еще более острый характер уже на уровне военного руководства, как только положение на фронтах становилось неблагоприятным, и тем более катастрофическим. Как пример можно привести ситуацию в «Сталинградском котле» зимой 1942–1943 гг. Так, в информации Особого отдела НКВД Сталинградского фронта в Особый отдел НКВД Донского фронта «О морально-политическом состоянии и снабжении окруженных под Сталинградом немецко-фашистских войск» в середине декабря 1942 г. сообщается: «Своим румынским союзникам немцы совершенно перестали доверять... Оружие у них отобрали и используют сейчас на хозяйственных работах, на постройке оборонительных сооружений. Румынские солдаты со времени окружения, 20 ноября, не видели хлеба, пищу получают только один раз в день – вечером похлебку с 150–200 г конины. Немцы издевательски заявляют, что румын нечего кормить, так как они все равно сдаются в плен»⁸³. Описывая немецкое отступление от Среднего Дона к Северскому Донцу, И.Эренбург отмечает: «Хотя среди окруженных было чрезвычайно мало румын, чванливые немцы хотели взвалить вину на своих «союзников». Лейтенант Курт Гофман писал в дневнике: «Румыны бегут без оглядки. Их офицеры своевременно смылись под предлогом совещания. Они попрошайничают. И с таким сбродом мы должны победить!» Румыны из 1-й кавалерийской дивизии бродили, как беспризорные. Немцы сожрали румынских коней, а румынских конников загнали в немецкие пехотные полки...»⁸⁴. И даже в плену эта враждебное отношение между румынами и немцами сохранялось: в лагерях для военнопленных румыны обращались к администрации с просьбой не селить их вместе с немцами⁸⁵.

В последний период войны, в 1944–1945 г. румыны, недавние противники СССР и сателлиты Германии, стали союзниками антигитлеровской коалиции. При

этом в массовом сознании советских людей преобладало недовольство «слишком мягкими» условиями перемирия с Румынией⁸⁶. О восприятии этой новой «союзной» Румынии, первой европейской страны, в которую в августе 1944 г. вступила Красная Армия, вспоминает в своих «Записках о войне» поэт-фронтовик Борис Слуцкий: «Европейские парикмахерские, где мылят пальцами и не моют кисточки, отсутствие бани, умывание из таза, «где сначала грязь с рук остается, а потом лицо моют», перины вместо одеял – из отвращения вызываемого бытом, делались немедленные обобщения... В Констанце мы впервые встретились с борделями... У всех было отчетливое сознание: «У нас это невозможно»... Наверное, наши солдаты будут вспоминать Румынию как страну сифилитиков...». И делает вывод, что именно в Румынии, этом европейском захолустье, «наш солдат более всего ощущал свою возвышенность над Европой»⁸⁷. Есть в его воспоминаниях короткий и, казалось бы, незначительный, но в действительности очень важный эпизод, в котором выражено откровенное солдатское презрение к внезапным скороспелым «союзникам»: «Из подворотен угодливо повизгивали румынские собаки. Они капитулировали вместе со своими хозяевами и смертельно боялись красноармейцев. Достаточно было хлопнуть по кобуре, чтобы огромная псина умчалась куда глаза глядят»⁸⁸.

* * *

Другим сателлитом Германии была **Венгрия**, объявившая войну СССР 27 июня 1941 г. Отношение к венграм было несколько иным, нежели к румынам. Еще в Первую мировую войну венгерские войска считались лучшими из войск Австро-Венгрии. Однако во Второй мировой такие оценки венгерской армии были уже неуместны, когда они воевали на советской территории, хотя их части оказались более боеспособными, чем румынские. В межвоенный период мадьяры потеряли воинственность и военные навыки. «Версальский мир мудро отбирал у побежденных не только оружие, но и право вооружаться. Поколения утрачивали военные традиции, идеологически демилитаризировались. Двадцать лет подряд военный бюджет уходил на здравоохранение, стандартные особняки, стимулирование отечественного льноводства. Мадьяры, как нация, потеряли выправку»⁸⁹. Однако установившийся после разгрома венгерской революции 1918 г. хортистский режим не отказался от территориальных притязаний к соседям, в том числе и к СССР, и проводил антисоветский курс, примкнув в 1939 г. к Антикоминтерновскому пакту, а в 1940 г. к Тройственному пакту Германии, Италии и Японии.

В ходе Второй мировой войны в общественном сознании – как советского общества, так и армии, сложился обобщенный образ «жестоких мадьяр», особенно укрепившийся в конце войны, во время боевых действий уже на собственно венгерской территории, где враг дрался крайне ожесточенно. Но боеспособность венгров в боях на советской территории оказалась относительно невысокой. «Фрицы покрепче венгров», – к такому убеждению на собственном опыте приходили советские бойцы. «В начале августа с.г. [1942], когда наши войска повели наступление через Коротояк на Острогжск, разбежались находившиеся на этом участке фронта две венгерских дивизии. После того, как их с трудом удалось собрать, по приказанию германского командования перед строем было расстреляно 20 венгров. Остальных тут же предупредили,

что при повторении подобных случаев они также будут расстреляны. Венгерский комендант Острогжска был снят, а в город для усиления обороны прибыл немецкий полк»⁹⁰, – говорилось в одном из разведдонесений.

Между тем, венгры вели себя на советской земле как жестокие оккупанты. В заметке «Венгерский кур» от 19 мая 1942 г. Илья Эренбург пишет о том, как в записной книжке одного венгерского солдата нашел украинский перевод «некоторых особенно необходимых слов»: «Дайте. Гусь. Курочка. Куда пошел? Красивая девушка. Напрасно вы просите. Иди со мной спать. Молоко. Живей! Яйца. Иди туда, куда я скажу».⁹¹ Поэтому не случайной была ответная реакция в конце войны, когда советские войска перешли границу Венгрии. «Это была первая страна, не сдававшаяся, как Румыния, не перебежавшая, как Болгария, не союзная, как Югославия, а официально враждебная, продолжавшая борьбу. Запрещенная приказами месть была разрешена солдатской моралью. И вот начали сводить счета»⁹². Ненависть к венграм усугублялась их коварством: редко оказывая открытое сопротивление, они часто нападали исподтишка, всегда были готовы нанести удар в спину. «Характерным для отношения мадьяров к нам был страх, – вспоминает Борис Слуцкий вступление советских войск в Венгрию. – Целые классы, народности готовились к партизанской борьбе... И все же почти не было серьезных актов сопротивления... В итоге наш солдат презрел окружавших его врагов и пренебрег всякими возможностями их сопротивления... Когда убивали по хуторам пьяных и отставших одиночек, когда тащили их, недоубитых, в силосные ямы, в последних их воплях звучали не только страх, боль, гнев, но раньше всего недоумение: скотина зарычала; волки сбросили бараньи шкуры»⁹³.

* * *

Еще одним сателлитом Германии в войне против СССР являлась **Италия**, отношение к которой тоже было особым.

В первую мировую итальянцы – союзники Антанты, с которыми, впрочем, русским войскам не приходилось иметь дела, так что сведения о событиях на далеком итальянском театре военных действий черпались исключительно из газет. Впрочем, 3 тыс. итальянцев участвовали в иностранной интервенции во время Гражданской войны в России, но их было слишком мало, чтобы оставить в сознании русского народа какую-либо о себе память.

Другое дело – Вторая мировая война, когда в СССР вместе с гитлеровскими полчищами вошел довольно многочисленный итальянский экспедиционный корпус, а затем и целая армия. «Когда план Барбаросса стал известен Муссолини, тот немедленно отправил по своей собственной инициативе итальянский экспедиционный корпус, состоящий из трех дивизий, насчитывающих в своем составе 60 тыс. человек, в южный сектор Восточного фронта. Очень скоро численность этих войск возросла до 250 тыс. человек, и на Восточном фронте появилась 8-я итальянская армия. Причем Муссолини вовсе не стремился помочь своим союзникам, Он просто хотел поставить Италию в такое положение, чтобы она могла претендовать на изрядную долю военной добычи, как сторона, внесшая весомый вклад в войну против Советского Союза. Мус-

солини только беспокоился, чтобы экспедиционная армия успела прибыть в Россию вовремя и приняла участие в военных действиях»⁹⁴.

Моральный дух итальянских частей был, пожалуй, одним из самых низких среди германских сателлитов. По воспоминаниям участников событий, «итальянские части, воюющие на Восточном фронте, не пользовались уважением своих немецких союзников»⁹⁵. А советские контрразведчики, говоря о «моральном разложении и признаках упадка дисциплины» в этих войсках, приводят интересные факты: «...Нашим зафронтовым агентом ... отмечено прохождение с Ростовского направления через ст. Ханженково целого железнодорожного эшелона с закованными в кандалы итальянскими солдатами»⁹⁶. О напряженных отношениях с немцами пишут и итальянские мемуаристы. «...Немцы ... послали двух автоматчиков занять позиции за нашими спинами, причем на значительном расстоянии друг от друга. Поэтому горе тем, кто попытается покинуть поле боя... Я невесело усмехнулся, вспомнив пропагандистские рассказы о советских комиссарах, держащих бойцов на мушке»⁹⁷, – вспоминал бывший офицер итальянского экспедиционного корпуса Эудженио Корти. Он же отмечал: «В наших несчастьях все винули немцев. Это из-за них у нас не было горючего. К тому же они, в отличие от нас, имели и топливо, и еду, да и обмундирование у них было не в пример лучше нашего. Как тут не чувствовать неприязнь?»⁹⁸. Таким образом, при всей специфике отношения с итальянским союзником, немцы проявляли к нему такое же пренебрежение, как и к остальным.

Итальянцам, как и другим сателлитам Гитлера, досталось от советской пропаганды. 12 апреля 1942 г. Илья Эренбург едко высмеял их в заметке «Петушиные перья». Он приводит отзывы об итальянских частях немцев, взятых в плен на Украине: «Офицеры говорят: «Итальянцы годны только для тыловой службы... Они не выдерживают артиллерийского огня... Они неизменно требуют от нас помощи...» Немецкие солдаты презрительно называют итальянцев «макаронщиками», а один немецкий ефрейтор заявил: «По-моему, итальянцы хуже румын, а уж румыны дерутся, как опытные зайцы...»⁹⁹ Далее говорится о том, что «в экспедиционном корпусе нет интендантства: итальянцы пущены на подножный корм. Они научились грабить на славу. Жители освобожденных сел рассказывают: «Немец не нашел картошку, а пришел итальянец, понюхал и сразу стал копать...» Берсальеры ходят в шляпах с петушиными перьями; несмотря на это, их смертельно боятся все украинские куры: итальянцы в куроедстве превзошли немцев. Они исправно несут полицейскую службу: реквизируют, арестовывают, расстреливают, но в бою они показали себя классически трусливыми...» И в подтверждение приводит слова пленного итальянского лейтенанта: «Нашим солдатам опасно показывать противника, – как только они видят русских, они тотчас сдаются в плен»¹⁰⁰.

Присутствие итальянцев в СССР, с которым Италия не имела общих границ, не предъявляла территориальных претензий, воспринималось с недоумением, как бессмыслица и нелепость. Лучше всего это общественное настроение выразил Михаил Светлов в своем стихотворении «Итальянец», написанном в 1943 г. – после разгрома немецких войск под Сталинградом, к северо-западу от которого в районе р.Дон полностью погибла 8-я итальянская армия. Пожалуй, именно светловское стихотворение и

стало основой того образа-стереотипа, сформировавшегося в советском общественном сознании: «итальянцы – печальные, замерзающие в русских снегах уроженцы юга, бессмысленно погибающие на ненужной им войне».

*«Молодой уроженец Неаполя!
Что оставил в России ты на поле?
Почему ты не мог быть счастливым
Над родным знаменитым заливом?» –*

вопросил Светлов. И рассказывая тому, кого «привезли в эшелоне для захвата далеких колоний», как сам грезил о прекрасной Италии, заявлял:

*«Но ведь я не пришел с пистолетом
Отнимать итальянское лето,
Но ведь пули мои не свистели
Над священной землей Рафаэля!»*

И вывод, который делает солдат, убивший итальянца под Моздоком, не вызывает ни тени сомнения:

*«Я не дам свою родину вывезти
За простор чужеземных морей!
Я стреляю – и нет справедливости
Справедливее пули моей!»*

Итальянец – такой же чужеземный захватчик, как и все остальные. Но...

*«Никогда ты здесь не жил и не был!..
Но разбросано в снежных полях
Итальянское синее небо,
Застекленное в мертвых глазах...»¹⁰¹*

И в этом финальном образе присутствовал даже некоторый элемент сочувствия к «экзотическому» врагу.

* * *

В обеих мировых войнах германские союзники являлись второстепенными противниками России, и именно так и воспринимались российским массовым сознанием. Специфическое отношение к ним определялось многими факторами: и предисторией межгосударственных и межнациональных отношений, и степенью и характером участия каждой из стран в войнах против России, и поведением их армий в боевой обстановке и на оккупированных территориях, в чем реализовывались не только политика их правительств, но и социокультурные и иные качества самих наций.

После окончания Второй мировой войны отношение к бывшим противникам во многом зависело от того, в каком политическом лагере оказались эти государства. Однако «военное наследие» – стереотип «образ врага», сформировавшийся в военное время, еще долго оказывал влияние на восприятие стран и их народов уже в мирных условиях.

От временных союзов к военно-политическому противостоянию: динамика восприятия Англии, Франции и США

«Образ союзника» занимал меньшее по сравнению с «образом врага», хотя и существенное место в структуре массового сознания в период обеих мировых войн. Далеко не безоблачными были отношения между Германией и ее сателлитами, которых она использовала, но при этом откровенно презирала, что отражалось и на взаимовосприятии народов этих стран. Сложными, причем не только политически, но и психологически, были и отношения внутри антигерманских коалиций – Антанты в период Первой мировой и Антигитлеровской коалиции в годы Второй мировой войны.

Военно-политический союз Великобритании, Франции и России (именуемый также Тройственным соглашением – Антантой, после присоединения Италии в 1915 г. – Четверным соглашением) оформился в 1904–1907 гг. как противовес Тройственному союзу Германии, Австро-Венгрии и Италии, сложившемуся в 1879–1902 гг. (распался в 1915 г. со вступлением в войну Италии на стороне Антанты). Все его участники имели свои геополитические, экономические и иные интересы, которые во многом противоречили интересам и целям других сторон союза. Так, Великобритания в конце XIX – начале XX вв., когда в Европе уже формировались две противостоящие друг другу военно-политические группировки, придерживалась политики «блестящей изоляции», то есть отказа от длительных и заблаговременных союзов в мирное время, с тем чтобы использовать противоречия между двумя блоками для утверждения собственной гегемонии в Европе и пытаясь играть роль международного арбитра. Обострение англо-германского соперничества в Африке и на Ближнем Востоке побудило ее искать союза с Францией, а затем и с Россией. При этом в ряде регионов мира, где существовали русско-английские противоречия, Англия проводила откровенно антироссийскую политику (на Среднем и Дальнем Востоке).

Еще в начале XX века Великобритания и США, воспринимавшие Россию в качестве основного соперника в Тихоокеанском регионе, активно поддерживали агрессивные планы Японии, толкали ее на войну с Российской империей. Англия в 1902 г. заключила с Японией союз, а американский президент Теодор Рузвельт открыто заявлял: «Япония играет нашу игру». Формально соблюдая нейтралитет, в действительности обе страны финансировали и вооружали японскую армию, помогали готовить ее кадры, развязывали в прессе прояпонские и антироссийские кампании. 410 млн. долларов их займов покрыли до 40% военных расходов Японии в русско-японской войне. Портсмутский мир также был достигнут при своекорыстном посредничестве США, которые в равной мере не были заинтересованы в существенном усилении любой из двух воюющих сторон, в частности, опасались, что исчерпавшая свои ресурсы Япония при продолжении войны потерпит поражение. В свою очередь Франция не была заинтересована в излишнем ослаблении России, рассматривая ее как противовес Германии в Европе, и тоже внесла свой вклад в заключение Портсмутского мира, стремясь поскорее вывести Россию из войны на Дальнем Востоке.

Окончательно союзные отношения между странами Антанты были закреплены после начала Первой мировой войны соглашением от 5 сентября 1914 г. об

объединении военных усилий против Германии и ее союзников и о незаключении сепаратного мира с противником. Название Антанты стало применяться по отношению ко всей антигерманской коалиции. А фактически распалась она после провала интервенции в Советскую Россию 1918–1922 гг.

* * *

Во время *Первой мировой войны* государства Антанты «взвалили основную тяжесть войны на Россию»¹⁰², что проявилось уже с самого начала боевых действий. «Немцы начали свое наступление на Францию по плану Шлиффена, разработанному еще Мольтке-старшим. Главный удар они наносили правым крылом своих армий через Бельгию на Париж. Французы терпели неудачу за неудачей и отступали. Франция обратилась к России за помощью. Россия начала спешное и неподготовленное наступление 2-й армии под командованием Самсонова в Восточной Пруссии. Немцы отступили, русские их преследовали...»¹⁰³ Таким образом, несмотря на то, что русские армии еще не были полностью укомплектованы и снабжены всем необходимым для начала наступательных действий, они начали их, уступив настойчивым требованиям Франции, которая перед лицом немецкого нашествия оказалась в тяжелом положении, в том числе под угрозой сдачи Парижа. Вследствие событий на Восточном фронте Германии пришлось срочно перебрасывать туда из Франции 2 армейских корпуса и кавалерийскую дивизию. Тем самым был сломан немецкий план войны, и в начале сентября 1914 г. Германия понесла тяжелое поражение в боях на р. Марне. Однако на русском фронте недостаточно подготовленное и обеспеченное наступление привело к разгрому армии генерала А.В.Самсонова. Этот трагический для русской армии эпизод надолго остался в национальной памяти. «Русский народ понял, что может рассчитывать лишь на самого себя, – вспоминал генерал-майор царской армии, впоследствии генерал-лейтенант Красной Армии А.А.Самойло. – «Друзья» России – союзники – побуждали ее воевать до «победного конца». Именно эти «друзья» заставили русскую армию наступать в Восточную Пруссию на 14-й день после объявления войны, чтобы выручить Париж. Он был спасен нами ценой 20 тысяч убитых и 90 тысяч попавших в плен»¹⁰⁴.

Впоследствии, в сентябре 1941 г., советский посол в Великобритании И.М.Майский в беседе с британским премьер-министром У.Черчиллем, аргументируя необходимость открытия второго фронта союзниками на Балканах, обратился к этому эпизоду Первой мировой войны: «В 1914 году армия Самсонова не была готова к вторжению в Восточную Пруссию, тем не менее Самсонов вторгся, потерпел поражение, но спас Париж и спас войну. На войне нельзя всегда рассчитывать точно, бухгалтерски. Иное поражение может быть гораздо важнее победы». «Черчилль с этим согласился, имя Самсонова произвело на него заметное впечатление»¹⁰⁵.

И в дальнейшем, осенью 1914 г. русское военное командование, вместо того чтобы завершить начатый в Галицийской битве разгром австро-венгерской армии, под нажимом союзников, неоднократно просивших о новом наступлении против немцев, чтобы ослабить их натиск на Западе, изменило главное стратегическое направление с австрийского на германское, стало готовить наступление через Польшу на Берлин.

Генерал-лейтенант Н.Н.Головин в книге «Военные усилия России в мировой войне», оценивая кампанию 1914 г. на русском фронте, писал: «Действия рус-

ских армий в конце 1914 г. руководились той же резко и со страшнейшим напряжением проводимой идеей выручать наших союзников. Верховный Главнокомандующий Великий Князь Николай Николаевич со свойственным ему рыцарством решает стратегические задачи, выпадающие на русский фронт не с узкой точки зрения национальной выгоды, а с широкой, общесоюзнической точки зрения. Но эта жертвенная роль обходится России очень дорого. Русская армия теряет убитыми и ранеными около 1000000 людей, и что делает особо чувствительными эти потери – это то, что они почти всецело выпадают на долю кадрового состава армии... К сожалению, союзники не отплачивали полноценной монетой за помощь, оказанную Россией. Нужды последней не учитывались с такой же полнотой»¹⁰⁶.

Союзники, неоднократно вынуждавшие Россию к наступлению в 1914 г., в следующем, 1915 г. фактически оставили ее один на один против трех противников – Германии, Австро-Венгрии и Турции, не организовав в ее поддержку ни одной крупной военной операции на Западном фронте. В 1916 г. Россия в результате Брусиловского прорыва спасла от разгрома нового союзника – Италию, терпевшую поражение от австро-венгерских войск. Австрия вынуждена была прекратить успешное наступление в Италии и перебросить оттуда значительную часть своих войск на русский фронт. Кроме того, для спасения Австро-Венгрии от полного разгрома на помощь ей была перебросена 9-я немецкая армия. В результате успеха русской армии Австро-Венгрия оказалась на грани поражения и держалась только благодаря немецкой помощи, Италия была спасена от разгрома, Германия временно прекратила свое наступление под Верденом, а Румыния вступила в войну на стороне Антанты.

В этом контексте и формировался «образ союзника» – как обобщенный в лице западных членов Антанты, так и конкретный, применительно к отдельным странам – Англии, Франции, позднее – США. Сложные предвоенные отношения требовали от власти определенных целенаправленных усилий, для того чтобы образ политических соперников, по сути недружественных стран, с которыми Россия в прошедшем XIX в. неоднократно сталкивалась на полях сражений и которые коварно вмешивались в ее войны на стороне противников, отнимая плоды русских побед, – этот враждебный образ приходилось срочно «перелицовывать» в образ союзника. И пропаганда активно работала над формированием такого позитивного образа. Например, в России были изданы открытки с текстами государственных гимнов и изображением солдат в форме стран Антанты, причем русский солдат в этой серии ничем не выделялся. Союзники всегда склонны недооценивать усилия друг друга, но чувство «общего дела» находило свое отражение в массовом сознании. Однако, несмотря на усилия правительства по работе с общественным мнением, недоверие к союзникам, в первую очередь к Англии продолжало сохраняться¹⁰⁷.

В начале XX в. и в правительственных кругах, и в общественном мнении России было распространено стойкое убеждение, что главным соперником на международной арене и потенциальным врагом является **Англия**. Такое положение сохранялось до начала Первой мировой войны, несмотря на заключение еще в 1907 г. англо-русского соглашения о разграничении сфер влияния в Персии.

Патриотический подъем, объединивший почти все слои российского и британского обществ, совместная борьба с общим врагом в 1914 г. сблизили население двух стран. Ненадолго были отодвинуты на задний план противоречия и различия между двумя государствами. Образ недавнего противника трансформировался в образ союзника, что стало заметной частью общественно-политической и культурной жизни. Причем, чем тяжелее становилось положение России, военная и экономическая ситуация, тем больше «общественную, культурную и бытовую жизнь пронизывали идеи союзничества и общей борьбы до победы, которые всеми мерами поддерживали правительства обоих государств. Своего пика распространение этих идей в российском обществе достигло в 1915–1916 гг., после того, как Англия признала притязания царского правительства на Константинополь и черноморские проливы»¹⁰⁸. В свою очередь, на Западе волну симпатий к союзнице всколыхнул успех Брусиловского прорыва. По сообщению членов думской делегации, посетивших Лондон и Париж, «Англию захлестнуло книгами о России, о русском народе. Даже «Слово о полку Игореве» переведено на английский». «Дейли телеграф» писала: «Понемногу мы начинаем понимать русскую душу... Непокколебимая лояльность, за которую мы так благодарны. Все, что неясно грезилося мечтателям-идеалистам, – выносливость, добродушие, благочестие славян – так выделяется из общего ада страданий и несчастья»¹⁰⁹.

Вместе с тем, война объективно «не только способствовала складыванию союзнических отношений, но и одновременно порождала кризис доверия между двумя странами, который возник и усиленно подогревался в обществе с началом боевых действий»¹¹⁰. Для этого имелись вполне объективные основания. «...По мере усталости от войны в российском общественном мнении все ярче вырисовывается тенденция к обличению корыстных союзников, стремившихся за счет России достигнуть своих целей... К концу 1916 – началу 1917 г. подобные взгляды получили широкое распространение, особенно среди нижних чинов и младших офицеров, причем как всегда наиболее негативные оценки относились к роли Великобритании, готовой «воевать до последнего русского солдата», для чего англичане «втайне сговорились с начальством, подкупив его на английские деньги»¹¹¹. А союзники удивлялись и негодовали: «Почему это у русских слабеют прозападные симпатии?» И Ллойд Джордж возмущенно писал: «Они всегда воображают, что мы стараемся извлечь барыш из отношений с ними»¹¹², как будто это не соответствовало действительности.

* * *

К **Франции** в российском обществе отношение было несколько лучше, нежели к Англии¹¹³, хотя она отнюдь не была более надежным и благодарным за помощь союзником. Симпатию к этой стране вызывал тот факт, что на ее территории также велись боевые действия, от «германских зверств» страдало ее гражданское население, тогда как Англия «отсиживалась за проливом». Конечно, французы осознавали объективную роль России в противостоянии Германии. Так, президент Франции Раймон Пуанкаре записал в своем дневнике в 1915 г.: «Самба ... подчеркивал эффективность русской помощи и категорично заявил: «Скажите без

боязни, что, не будь России, нас бы захлестнула волна неприятельского нашествия. Имейте это в виду каждый раз, когда натолкнетесь на то или другое последствие внутреннего режима этой великой страны»¹¹⁴.

Действительно, в Первую мировую войну Россия дважды спасала Францию от полного разгрома ценой потери гвардии и лучших кадровых военных. Однако французы очень быстро, еще в ходе самой войны, забыли об этом. Из всего, в том числе трудностей России, вызванных ее же помощью западным союзникам, они стремились извлечь «барыш». Союзники России думали прежде всего о будущих «плодах победы», о том, как выгоднее разделить их, разорив при этом Германию, что проявилось и на экономической конференции в Париже (под председательством французского министра торговли Клемантеля), созванной по просьбе России, испытывавшей острые финансовые трудности. Но надежды России на союзников не оправдались: хотя ее делегации удалось договориться об очередном займе в 5 млрд. франков, ей сразу же попытались навязать льготные тарифы для французской и британской промышленности. Несмотря на то, что Россия несла огромные убытки от своего «сухого закона», французы также потребовали, чтобы Россия за дефицитную одолженную валюту покупала дорогое вино во Франции! А невыгодное русским стремление разорить Германию – основного довоенного торгового партнера России, вылилось в откровенное обсуждение раздела послевоенного российского рынка между Англией и Францией. Союзники, в том числе Франция, искали малейший повод для того, чтобы не дать России укрепиться и воспользоваться будущими итогами войны, благоприятными для Антанты. Французский посол в России М.Палеолог писал в своем дневнике: «Если Россия не выдержит роли союзника до конца, ...она тогда поставит себя в невозможность участвовать в плодах нашей победы; тогда она разделит судьбу Центральных Держав»¹¹⁵.

Французы еще в ходе войны пытались извлечь максимальную выгоду из поставок России вооружения и боеприпасов, в которых она столь остро нуждалась. Кровью пришлось русским оплачивать французские интересы не только на восточном фронте, но и на территории самой Франции. Так, в конце 1915 г. французское правительство предложило направить во Францию 400 тыс. русских солдат для пополнения личным составом своих войск, в обмен на вооружение и боеприпасы. Вопреки отрицательному отношению к этому предложению русского военного командования, оно было принято царским правительством. В 1916 г. оборонять страну-союзника был брошен Русский экспедиционный корпус – фактически из-за требований выплатить долги, образовавшиеся вследствие закупок Россией вооружений во Франции для ведения, кстати, войны с общим противником.

В Русский экспедиционный корпус за все время его существования входили четыре пехотные и одна артиллерийская бригада общей численностью свыше 44 тыс. человек, направленные Россией для совместных действий с союзниками на Западном и Салоникском фронтах. Первая партия русских войск – две особые пехотные бригады численностью свыше 10 тыс. человек каждая – прибыла на Западный фронт (во Францию) в апреле и июне 1916 г. Включенные в состав 4-й французской армии, они заняли позицию у г. Мурмелон Ле-Гран – на одном из

наиболее опасных участков фронта и до конца 1916 г. вели упорные оборонительные бои, в ходе которых потеряли более 1/3 своего состава. В августе-октябре прибыли еще две пехотные бригады. Осенью 1916 г. две русских бригады были переброшены из Франции в Грецию (в район Салоник), где приняли участие в боевых операциях. Весной 1917 г. по приказу Временного правительства туда же были переброшены артиллерийская бригада и саперный батальон. В апреле 1917 г. 20 тыс. русских солдат участвовали в так называемой «бойне Нивеля» на Реймсе, в которой потеряли более 5 тыс. человек¹¹⁶.

Части Русского экспедиционного корпуса были единственными, которые непосредственно соприкоснулись с французами в ходе боевых действий, и могли выстраивать «образ союзника», исходя из личного опыта взаимодействия и общения. Опыт этот был весьма разносторонним и неоднозначным.

Трагическую историю русских солдат, направленных в ходе мировой войны в союзную Францию, с интересными подробностями изложил в своем автобиографическом романе «Солдаты России» участник событий, впоследствии советский маршал Р.Я.Малиновский. Он описал и долгий путь во Францию, и первые впечатления солдатской массы от страны и ее народа, приводя множество бытовых деталей и эмоциональных оценок. Русские отметили и относительное богатство жизни, и организованный быт, и особенности в обычаях и жизненном укладе. Встреча русских защитников французским населением была весьма теплой – с цветами, флагами, исполнением национальных гимнов. «Под восторженные приветствия поезд тронулся. Путь был – на Лион, Дижон, Париж. Каждая маленькая станция, на которой и поезд-то не останавливался, была запружена народом. Люди толпились даже на переездах, аккуратно закрытых шлагбаумами. И все кричали, махали цветами, бросали их в вагоны. На больших станциях, где поезд останавливался на несколько минут, вообще было столпотворение. Солдат качали, одаривали вином, фруктами, дети бросались им на шею. Девушки, в белых халатах, с маленькими красными крестиками на косынках, развозили в чистеньких тележках кофе, какао и угощали солдат. Те не отказывались, подставляли свои кружки»¹¹⁷.

Вскоре установился контакт и с французской армией. «Общение с французскими солдатами становилось все более тесным. Простым мужикам из Смоленщины, Черниговщины, Тамбовщины была по душе сердечность и доброта вчерашних пахарей и виноградарей. С ними можно было сговориться, не зная языка, – мысли одни, интересы одни, кругозор один, поэтому «туа муа, камарад» – и все ясно. Русские были удивлены демократическими отношениями французских офицеров и солдат. Их можно было встретить в кафе вместе за одним столиком, они запросто подавали руку друг другу, что абсолютно не допускалось в русской армейской среде. Французы-солдаты просто обращались к своим офицерам: «господин капитан», даже «господин генерал», а непосредственно к своему командиру роты или командиру дивизии еще более располагающе, с оттенком некоей интимности: «мой капитан», «мой генерал», без всяких там «высокоблагородий» и «высокопревосходительств». Ни о каких телесных наказаниях не могло быть и речи; любой французский офицер, позволивший себе ударить солдата, сполна, а то еще и с лихвой получал сда-

чи – на том дело и кончалось. А ведь в русской армии били направо и налево, а в последнее время, чтобы укрепить пошатнувшуюся в русских войсках во Франции дисциплину, были введены на законном основании, то есть по указу его императорского величества, телесные наказания розгами. Сразу повеяло духом экзекуций времен Павла Первого... Не могли также не видеть русские солдаты, что французы в массе своей живут лучше, чем крестьяне и рабочие России, что у французов нет царя, что у них существует хотя бы подобие свободы. Во Франции почти не встретишь неграмотного, дома в деревнях каменные, дороги почти все вымощены камнем или шоссированы. Русский человек от природы наблюдателен и всегда немного философ. Все увиденное вызывало среди солдат много оживленных толков. Над всем этим не могло не задуматься и командование. Решено было усилить в полках «воспитательную» работу. Все чаще и чаще в ротах стали появляться офицеры. Они прикидывались такими добряками и старались ответить на возникавшие у солдат вопросы, как-то сгладить у них остроту восприятия окружающей действительности»¹¹⁸.

Храбрость русских солдат восхищала французское начальство, которое щедро раздавало ордена русскому начальству за доблесть их подчиненных. За время участия в боевых действиях у русских солдат, проливавших свою кровь на полях Франции и на Балканах, накопилось немало поводов для обид. Особенно настроения значительной части Русского экспедиционного корпуса стали меняться после Февральской революции в России и кровопролитных апрельских боев в ходе «операции Нивеля». Стали раздаваться требования о возвращении на родину, но они получили отказ. В войсках началось брожение. Из-за начавшихся волнений французское командование в мае 1917 г. вынуждено было снять русские части с фронта и временно отвести в тыл, во внутренние лагеря, где солдат держали на голодном пайке.

Менялось и отношение во французском обществе к русским. Быстро иссяк прилив добрых чувств к русским солдатам и в официальных французских кругах, поутихли восторги в адрес русских героев, которых теперь обливали грязью. В прессе их называли изменниками. Оказалось, что русские солдаты не только отказываются идти в бой Францию, но своим примером смущают души французских солдат, среди которых тоже прокатились волнения. Сами французские власти, видя, что русские части охвачены революционными настроениями, оказались заинтересованными в том, чтобы вернуть их в Россию. Но у Временного правительства не было желания возвращать бунтарские бригады из Франции: бунтарей хватало и на русском фронте. Переговоры затянулись: не находилось необходимого транспорта ни у Временного правительства России, ни у англичан, ни у французов¹¹⁹. При этом Временное правительство дало указание новому командованию экспедиционного корпуса «о применении к мятежным элементам русских бригад смертной казни». «Со своей стороны французское командование было обеспокоено распространившимися слухами за границей, и особенно в России, что якобы репрессии по отношению к русским войскам применяют и французы. Это, естественно, возбуждало умы просвещенной части общества не в пользу Франции. Было дано указание французскому военному атташе в России категорически опровергнуть перед русским командованием подобные слухи. Рекомендовалось официаль-

но засвидетельствовать, что русские бригады на французском фронте, особенно в апрельском наступлении, проявили высокую воинскую доблесть, в связи с чем бригады понесли большие потери, что и заставило французское командование оттянуть их с фронта в тыл для пополнения. А «некоторое возбуждение» в рядах русских приписывалось революционной пропаганде и переходу бригад на новое положение, установленное статутами, введенными Временным правительством. В этих условиях французское военное командование, дескать, и сочло своим долгом сосредоточить русские бригады в одном из внутренних лагерей, дабы дать им возможность прийти в спокойное состояние»¹²⁰.

В конце июля размещенные в лагере Ля-Куртин части 1-й Особой пехотной дивизии подняли восстание, отказавшись снова выступить на фронт. Вот одно из писем русских солдат на родину, которое выражало широко распространенные настроения в экспедиционном корпусе: «...Мы, солдаты революционной России, в настоящее время находимся во Франции не как представители русской революционной армии, а как пленные, и пользуемся таким же положением... Наш генерал Занкевич выдает нам на довольствие на каждого человека 1 франк 60 сантимов, или русскими 55 копеек. Что хочешь, то и готовь на эти жалкие гроши себе для суточного пропитания. Жалованье с июля месяца совсем не дают... Мы в настоящее время арестованы и окружены французскими войсками, и нет выхода. Поэтому я от имени всех солдат прошу и умоляю вас, товарищи великой революционной России, услышите этот мой вопль, вопль всех нас, солдат, во Франции. Мы жаждем и с открытой душой протягиваем вам руки – возьмите нас туда, где вы...»¹²¹ Лишь спустя полтора месяца попали эти письма в Россию и были напечатаны в «Социал-демократе». К этому времени выступление русских солдат в Ля-Куртине за свои права было уже подавлено: в начале сентября против них была проведена карательная операция русскими войсками, оставшимися верными Временному правительству и командованию экспедиционного корпуса, при поддержке французских войск. После четырехдневных боёв восставшие были разгромлены, потеряв более 200 человек убитыми и около 400 человек ранеными. Более 100 руководителей и активных участников восстания были отданы под военно-полевой суд и приговорены к каторжным работам¹²².

Незадолго до этого, надеясь на мирное разрешение конфликта, ля-куртинцы написали обращение к французским властям, в котором говорилось: «Находясь на земле Франции более шестнадцати месяцев и немало пролив своей русской крови на полях Шампани, а также под Курси, мы, солдаты 1-й Особой пехотной бригады, доведены нашим русским начальством до такого положения, что мы не знаем, кто мы – пленные или арестованные?.. Мы окружены со всех сторон французскими патрулями, и нам не дают никакого выхода из лагеря. Кроме того, нам не дают хлеба и других продуктов, и мы остаемся голодными... У нас в России, как известно, более трех миллионов пленных: немцев, австрийцев и турок, и они все там сыты, а мы, вольные граждане свободной России, находясь в союзной нам стране, остаемся голодные! Нас здесь морят голодом, и никто не хочет слышать наши крики!.. Вчера по всем газетам [нас] восхваляли за храбрость, а сегодня по всем войскам громят ... как

бунтовщиков. Но что мы плохого сделали для Франции?..»¹²³ Ответ французского правительства был лицемерен: оно не вмешивается в дела русского отряда и русского командования. Однако в подавлении выступления ля-куртинцев приняли участие не только недавно присланные Временным правительством русские войска, но и французские, в том числе стянутые с фронта. Лагерь был блокирован, французская артиллерия заняла позиции на горных склонах. ««Двухъярусное» расположение союзных войск было не случайным. ... Кое-кто открыто заявлял, что не пустит в ход оружие против солдат-земляков... Таких, разумеется, немедленно арестовали, но можно ли было поручиться за благонадежность остальных, не дрогнут ли они в последнюю минуту и, больше того, не начнут ли перебежать на сторону восставших? Такого рода попытки и должны были пресечь французские войска. Они выполняли двойную функцию: были направлены против мятежников и создавали угрозу удара в спину для тех, кто вздумает поколебаться»¹²⁴.

Вскоре все русские части во Франции были расформированы, а солдатам и офицерам предложено продолжать военную службу во вновь созданном Русском легионе или «добровольно» вступить в тыловые команды действующей французской армии. Аргументировалось это так: «У нас во Франции даром хлеб никто не ест... Мы ведем тяжелую войну, и каждый, кто живет на французской земле, должен трудиться на пользу Франции... Вы составляете обузу для Франции, мы не знаем, кто и когда будет расплачиваться за ваше содержание и питание. Поэтому вас скоро направят на полезные работы...» Русские солдаты возмущались: «Мы уже расплатились!.. И за себя и за нашу страну. Мы целый год защищали французскую землю под Реймсом, мы обильно полили ее своею кровью под Бримоном, да и на других участках фронта много наших братьев пали смертью героев. Какой еще цены вам надо, какого вы расчета требуете?..»¹²⁵ В итоге свыше 2 тыс. человек, несогласных с выдвинутыми французами условиями, отправили на принудительные работы в Северную Африку, большинство согласилось на «добровольные работы» в тылу и лишь несколько сотен человек вступили в Русский легион, сразу же отправленный на фронт¹²⁶. В июле 1918 г. Советское правительство осудило Францию за незаконное удержание российских граждан, но лишь в 1919–1921 гг., после его неоднократных требований о возвращении бывших солдат Русского экспедиционного корпуса, основная их часть вернулась на родину.

У французов оказалась короткая память. Уже в ходе самой войны они забыли, что Россия ценой огромных жертв не раз спасала их от полного разгрома, и предъявляли к ней материальные претензии. Тем более не вспоминали они о спасительной роли своей союзницы после войны: Советской России французы выставляли финансовые счета по долгам царского и Временного правительств и участвовали в интервенции против нее. И в конце XX в. они отнюдь не забыли о долгах, взятых союзницей в начале столетия для того, чтобы сражаться с общим врагом, через 80 лет заставив ослабевшую постсоветскую Россию «вернуть старый должок».

* * *

Среди образов союзников России в Первой мировой войне **Соединенные Штаты Америки** занимали крайне незначительное место. Они вступили в войну

только в апреле 1917 г., оставаясь до этого нейтральными, но осуществляя поставки вооружения странам Антанты и получая от этого огромные прибыли, то есть, по общему мнению, «богатели на войне, ничем при этом не жертвуя». Вступление Америки в войну произошло уже после падения монархии в России и прихода к власти Временного правительства, которое они поддержали, предоставив займы. Но еще при царском правительстве США стремились воспользоваться финансовыми трудностями воюющей России, впрочем, как и других европейских стран. Американский посол в Петрограде Дэвис в 1916 г. предлагал заключить экономическое соглашение, предоставляющее США особые права в России и превращающее ее, по сути, в сырьевой придаток и рынок сбыта американской продукции, мотивируя свое предложение тем, что плодами русских побед могут воспользоваться англичане, предъявив России счет за долги. Американцы получили вежливый, но твердый отказ¹²⁷. Вполне естественно, что сложившийся за годы войны образ Америки как «торгаша, наживающегося на чужой крови» и после ее запоздалого выступления на стороне Антанты не сильно изменился к лучшему: было совершенно очевидно, что США вступили в войну, когда исход ее был уже predetermined, чтобы не опоздать к разделу «германского пирога». После Октября 1917 г. США больше всего возмутил отказ большевиков от финансовых обязательств их предшественников, и они участвовали в интервенции против Советской России, высадив экспедиционные войска в ряде районов Севера и Дальнего Востока. Вплоть до 1933 г. американское правительство не признавало СССР и не имело с ним дипломатических отношений.

* * *

После Октябрьской революции, когда русское общество оказалось расколотым и вовлеченным в **Гражданскую войну**, бывшие союзники России по Антанте не только вмешались в ее внутренние дела и поддержали одну из противоборствующих сторон, но и явились организаторами **интервенции**, что надолго утвердило в массовом сознании населения уже Советской России их враждебный образ.

В период мировой войны западные союзники привыкли к самопожертвованию России, но после Октября 1917 г. в стране произошли события, коренным образом противоречащие их планам. Впоследствии У.Черчилль писал: «В начале войны Франция и Великобритания во многом рассчитывали на Россию. Да и на самом деле Россия сделала чрезвычайно много. Потерь не боялись, и все было поставлено на карту. Быстрая мобилизация русских армий и их стремительный натиск на Германию и Австрию были существенно необходимы для того, чтобы спасти Францию от уничтожения в первые же два месяца войны. Да и после этого, несмотря на страшные поражения и невероятное количество убитых, Россия оставалась верным и могущественным союзником. В течение почти трех лет она задерживала на своих фронтах больше половины всех неприятельских дивизий и в этой борьбе потеряла убитыми больше, чем все прочие союзники, взятые вместе. Победа Брусилова в 1916 г. оказала важную услугу Франции и особенно Италии; даже летом 1917 г., уже после падения царя, правительство Керенского все еще пыталось организовать наступление, чтобы помочь общему делу... Но Россия упа-

ла на полдороге и во время этого падения совершенно изменила свой облик. Вместо старого союзника перед нами стоял призрак, не похожий ни на что существовавшее до сих пор на земле. Мы видели государство без нации, армию без отечества, религию без бога. Правительство, возымевшее претензию представлять в своем лице новую Россию, было рождено революцией и питалось террором. Оно отвергло обязательства, вытекавшие из договоров; оно заключило сепаратный мир; оно дало возможность снять с восточного фронта миллион немцев и бросить их на запад для последнего натиска. Оно объявило, что между ним и некоммунистическим обществом не может существовать никаких отношений, основанных на взаимном доверии ни в области частных дел, ни в области дел государственных и что нет необходимости соблюдать какие-либо обязательства. Оно аннулировало и те долги, которые должна была платить Россия, и те, которые причитались ей. Как раз в тот момент, когда наиболее трудный период миновал, когда победа была близка и бесчисленные жертвы сулили наконец свои плоды, старая Россия была сметена с лица земли, и вместо нее пришло к власти «безымянное чудовище», предсказанное в русских народных преданиях...»¹²⁸

В конце декабря 1917 г. Черчилль заявил, что после выхода из войны и начала сепаратных переговоров с Германией большевиков следует считать «открыто признанными врагами», а американские руководители уже в течение пяти недель после большевистской революции «приняли решение об интервенции как о целенаправленной антибольшевистской операции», но проходить она должна была под предлогом защиты России от германского вторжения¹²⁹. По словам У.Черчилля, «союзники принуждены были вмешаться в дела России после большевистской революции, для того чтобы победить в великой войне»¹³⁰. Однако, по признанию британского премьер-министра Ллойд Джорджа, «трудность заключалась в том, что любой официальный шаг, открыто направленный против большевиков, мог только укрепить их в решимости заключить мир и мог быть использован для раздувания антисоюзнических настроений в России»¹³¹. Тем не мене, 23 декабря 1917 г. Англия и Франция заключили конвенцию, делившую Россию на сферы вторжения: «Французам предоставлялось развить свои действия на территории, лежащей к северу от Черного моря, направив их «против врагов», т.е. германцев и враждебных русских войск; англичанам – на востоке от Черного моря, против Турции. Таким образом, как это указано в 3-й статье договора, французская зона должна была состоять из Бессарабии, Украины и Крыма, а английская – из территорий казаков, Кавказа, Армении, Грузии и Курдистана»¹³².

18 января 1918 г. Генеральный штаб главного командования армиями Антанты принял резолюцию «О необходимости интервенции союзников в Россию». 6 марта британские морские пехотинцы высадили десант в Мурманске. Месяц спустя, 5 апреля японский десант высаживается во Владивостоке. 27 мая военные атташе «союзных держав» собрались в Москве и единодушно признали, что необходимо вмешательство со стороны союзников в русские дела. Затем Англия 1 июня добилась от президента США Вудро Вильсона согласия на участие в интервенции американцев, а еще через два дня, 3 июня Верховный военный совет при-

нял совместную ноту № 31 «Союзническая интервенция в русские союзные порты». 6 июля солдаты чехословацкого корпуса после уличного боя с советскими отрядами захватили Владивосток¹³³. Далее события развивались по нарастающей.

Все это время «союзные» послы в Советской России распространяли провокационные листовки, занимались подрывной деятельностью, организовали контрреволюционный мятеж 6 июля 1918 г. в Ярославле, справедливо расцененный советской властью как результат «заговора послов» (восстание финансировалось через французского военного атташе в Москве), вели активную подготовку к интервенции, – и при этом возмущенно требовали у руководителей непризнанного их правительства государства дипломатической неприкосновенности. Одновременно дипломаты стран Антанты вели переговоры с советским правительством в надежде заставить его продолжать войну с Германией. Однако большевики не были настроены на «бескорыстное сотрудничество» с Западом, и вскоре послы пришли к выводу: «единственная помощь, которую мы можем получить от России, – это та помощь, которую мы выйдем из нее силой при помощи наших собственных войск»¹³⁴.

Своими действиями «союзники» сами настойчиво толкали большевиков «в объятия немцев»: у них не оставалось другого выхода, кроме как опереться на мирный договор с Германией, чтобы иметь возможность оказать сопротивление интервентам и белым армиям. «Для успеха интервенции и сохранения ее легитимности в глазах общественного мнения для интервентов было жизненно важно придать ей формы помощи гражданской войне в России, но когда интервенты высадились на Севере, гражданской войны не было – ее надо было создать. Именно этим интервенты и занимались с первых дней появления в северных водах, сначала «оказав помощь» в создании правительства Северной области, а затем и в создании Белой армии»¹³⁵. По признанию американского генерала У.Ричардсона, когда объявленный интервентами призыв добровольцев «на борьбу с большевиками» потерпел полный провал, была проведена «по приказу англичан принудительная мобилизация двадцати двух тысяч молодых людей, среди которых едва ли сотня знала, почему происходит война русских с русскими»¹³⁶. В.И.Ленин писал: «Всем известно, что война эта нам навязана; в начале 1918 года мы старую войну кончили и новой не начинали; все знают, что против нас пошли белогвардейцы на западе, на юге, на востоке только благодаря помощи Антанты, кидавшей миллионы направо и налево...»¹³⁷

Действительно, поворотным моментом в революции превращении в гражданскую войну стала именно «союзническая» интервенция. «Без «союзнической помощи» гражданская война в России закончилась бы уже весной 1918 г. ... Строго говоря, белые «втянулись» в полномасштабную гражданскую войну вслед за иностранной интервенцией как ее «второй эшелон». ... Искусственный характер гражданской войны в России вполне откровенно признавали и сами организаторы интервенции, утверждавшие, что без интервентов белое движение потерпит немедленное поражение»¹³⁸.

Роль «первой скрипки в оркестре» играли англичане, несмотря на то, что высаженный ими в Архангельске в августе 1918 г. десант был поначалу невелик. (Впрочем, впоследствии английское присутствие будет самым большим среди иностранных интервентов в России, разумеется, после японского.) Размышляя о

причинах малочисленности первого союзнического десанта, У.П.Ричардсон писал: «Возможно, это объяснялось тем громадным англосаксонским высокомерием, которое не позволяло британскому командованию принять оборонительную тактику по отношению к столь ничтожному народу, как эти славяне, которые должны быть приведены к покорности решительно и быстро»¹³⁹. Далее он сообщал о натянутых взаимоотношениях между английскими и русскими офицерами, видя причину этого в том, что «англичане относились с предубеждением ко всякому русскому и открыто высказывали недоверие к своим русским коллегам»¹⁴⁰. Вполне закономерно, что и «...русские, как солдаты, так и офицеры, и офицеры более, чем солдаты, были преисполнены какой-то инстинктивной бессознательной враждебности к англичанам»¹⁴¹. Белый генерал В.В.Марушевский так описывал отношение к союзникам: «Англичанам просто не доверяли, не доверяли инстинктивно, и будущее показало, насколько верно было это «верхнее чутье» у всех русских... За немногими исключениями ... английская политика в крае была политикой колониальной, т.е. той, которую они применяли в отношении цветных народов»¹⁴². Contemporaries отмечали, что «взаимным недоразумениям и столкновениям между русскими и английскими офицерами не было конца», в то время как «полностью противоположными – дружественными были отношения с французским иностранным легионом и американцами»¹⁴³.

Впрочем, и другие интервенты не отличались бескорыстием в русских делах. Между ними постоянно возникали споры из-за дележа награбленного. Так, например, французский посол жаловался на «эгоистичные» действия англичан в Архангельске: «...Вот уже две недели продолжается спор между англичанами и французами за обладание ледоколом «Святогор»... Поначалу британский штаб оставил его французам, когда нужно было позаботиться о том, чтобы почистить и привести его в рабочее состояние... Теперь, когда все это сделано, он намеревается присвоить его себе, ... что соответствует английскому характеру»¹⁴⁴. А в другом письме констатировал наличие «постоянной скрытой враждебности некоторых английских агентов к нашей стране, несмотря на братские узы, связывающие нас в войне. С момента заключения мира мы неоднократно могли увидеть, что это ощущение не исчезло полностью...»¹⁴⁵ Ругались из-за перехваченных друг у друга выгодных сделок, из-за российского имущества и эксплуатации территорий недавней союзницы, которые собирались между собой разделить, и т.д.

Корыстные мотивы интервенции бывшие союзники России пытались прикрыть «идейными» соображениями, в которые, впрочем, никто не верил, особенно в самой России. «Заявление американского правительства о целях военной интервенции указывало, – вспоминал У.П.Ричардсон, – что союзники вдохновлены стремлением возвышенно и бескорыстно оказать помощь России. Однако широкие массы крестьян остались равнодушны к этому нашему «самопожертвованию» и высказывали нескрываемую радость, когда мы окончательно и с позором покидали их страну»¹⁴⁶.

Если начало интервенции страны Антанты обосновывали необходимостью не допустить Германию использовать русские сырьевые ресурсы, то после окончания Первой мировой войны нашли другие поводы для продолжения своего при-

существования на территории бывшей союзницы, говоря о «защите демократии» и «помощи восстановлению конституционного строя в России». Так, в воззвании командующего союзными войсками в г.Баку британского генерал-майора В.М.Томпсона к народам Северного Кавказа говорилось: «Большевизм изобретен германцами для уничтожения России... Разбив общего врага на полях сражений, англичане и их союзники сочли необходимым оказать помощь России в деле восстановления порядка. Те войска, которые находятся в данный момент под моим командованием в г.Баку, являются лишь передовой частью союзной армии, которая в скором времени займет Кавказ. Наша обязанность охранять порядок во всей стране и помогать местным народам в деле уничтожения большевизма»¹⁴⁷. Что касается У.Черчилля, то он откровенно заявил, что «поставленная цель еще не достигнута», «еще остались иные враги; у победителей оспаривают власть новые силы, препятствующие справедливому разрешению мировых проблем»¹⁴⁸. Россия превратилась в объект нового колониально дележа со стороны своих недавних союзников.

К февралю 1919 г. в военной интервенции в России участвовали 44,6 тыс. англичан, 13,6 тыс. французов, 13,7 тыс. американцев, 80 тыс. японцев (позднее их численность в Сибири возросла до 150 тыс.), 42 тыс. чехословаков, 3 тыс. итальянцев, 2,5 тыс. сербов, 3 тыс. греков. Всего – 202,4 тыс. человек¹⁴⁹. Кроме этих сухопутных сил, в борьбе против РСФСР принимал участие и англо-французский флот, блокировавший берега республики. Несмотря на относительно небольшие силы бывших союзников, их вмешательство во внутренние дела России имело для нее драматические последствия. По мнению многих современников, не будь на Севере, в Сибири и на Дальнем Востоке иностранной интервенции, «не было бы полномасштабной Гражданской войны. Не было бы миллионов жертв, разрушения экономики, дикого насилия и жестокости»¹⁵⁰.

* * *

Враждебный образ Запада подкреплялся и позднее, в **межвоенный период**, в 1920-е – 1930-е годы, когда взаимоотношения Советской России, а затем СССР с Западом строились на идеях «осажденной крепости», враждебного капиталистического окружения государства пролетарской диктатуры. Взаимные опасения (внешней агрессии в СССР, – с одной стороны, и экспорта революции на Запад, в том числе через действовавшие в Советском Союзе руководящие структуры Коминтерна, – с другой) являлись контекстом весьма нестабильных международных отношений. При этом в основе глубокого и острого противостояния СССР и его будущих союзников по Антигитлеровской коалиции лежало столкновение не только разных систем ценностей, но в первую очередь различных национальных и геополитических интересов. Подозрительность к западным союзникам в сознании советского народа формировалась исторически, на основе всего предшествующего, в том числе дореволюционного опыта. Кроме того, чрезвычайно сильны оказались классовые стереотипы, внедренные в сознание советских людей за два предвоенных десятилетия, согласно которым капиталистические державы могли восприниматься только как временные союзники СССР против общего врага, а в будущем – рассматриваться как вероятные противники.

Во второй половине 1930-х годов, когда явно назревал новый мировой военный конфликт, будущие союзники СССР по Антигитлеровской коалиции не раз проявляли как открытую враждебность, так и коварство в тайной дипломатии. Проводимая ими политика «умиротворения» гитлеровской Германии, откровенное стремление направить ее агрессию на Восток, против Советского Союза, – все это и многое другое влияло на формирование в отношении Англии, США и Франции образа врага. Так, в представлениях советского руководства и в советской пропаганде на определенном этапе Англия выступала не менее вероятным противником, чем фашистская Германия.

Впоследствии, уже во **Второй мировой войне**, отголоски и враждебности, и подозрительности не могли не сохраняться, формируя по отношению к союзникам большую долю недоверия, которое усиливалось и вследствие собственно предвоенной международной ситуации, и краткого периода от начала Второй мировой войны до начала Великой Отечественной, вместившего в себя «освободительный поход» Красной Армии в Западные Украину и Белоруссию, Прибалтийские страны и Бессарабию, а также советско-финляндскую войну. Каждое из этих событий было весьма враждебно встречено западными державами, а за войну с Финляндией СССР исключили из Лиги наций.

Однако, несмотря на сложные довоенные отношения, после нападения 22 июня 1941 г. Германии на Советский Союз между СССР, Великобританией, США и другими странами был заключен ряд соглашений «о совместных действиях против фашистской Германии», что положило начало созданию Антигитлеровской коалиции.

Что же влияло на формирование образа союзника и из чего он складывался?

В ходе Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. союзники давали веские основания усомниться в своей надежности, в течение нескольких лет откладывая открытие «второго фронта». И здесь недоверие к ним проявлялось на всех уровнях – и в высказываниях высшего руководства СССР, и в официальной пропаганде, и в массовом сознании советского общества в целом и Красной Армии в частности. Так, например, И.В.Сталин взвалил на союзников вину за неудачи советских войск в 1942 г., заявив 6 ноября 1942 г., что «главная причина тактических успехов немцев на нашем фронте в этом году состоит в том, что отсутствие второго фронта в Европе дало им возможность бросить на наш фронт все свободные резервы и создать большой перевес сил на юго-западном направлении»¹⁵¹. Месяцем ранее, 3 октября 1942 г., отвечая на вопрос корреспондента американского агентства «Ассошиэйтед пресс» Кэссиди «Насколько эффективна помощь союзников Советскому Союзу и что можно было бы сделать, чтобы расширить и улучшить эту помощь?» Сталин подчеркнул, что «В сравнении с той помощью, которую оказывает союзникам Советский Союз, оттягивая на себя главные силы немецко-фашистских войск, – помощь союзников Советскому Союзу пока еще мало эффективна. Для расширения и улучшения этой помощи требуется лишь одно: полное и своевременное выполнение союзниками их обязательств»¹⁵². Затягивание вопроса с открытием «второго фронта» заставляло подозревать англичан и американцев в том, что они расчетливо наблюдают за схваткой СССР и Германии, ожидая их взаимного истощения. М.И.Калинин, беседуя с корреспондентами в декабре

1942 г., подчеркивал: «Будут вас спрашивать о союзниках, как тут говорить? Я говорю, что в драке на других надеяться трудно. Будем бить сами немцев, и союзники у нас будут, а если нас будут бить, трудно ожидать союзников. Во всяком случае нужно быть готовыми к тому, чтобы драться нам, а никому другому»¹⁵³.

«Второй фронт» занимал огромное место и в советской пропаганде, в том числе в творчестве известных писателей и публицистов. Так, например, Леонид Леонов написал несколько статей в жанре письма «Неизвестному американскому другу». В них он рассказывал людям, живущим «под безоблачным небом Америки», о том, что творится в оккупированной Гитлером Европе, и убеждал в том, что в этой страшной войне никто не сможет отсидеться за океаном, что рано или поздно она доберется до каждого дома, а потому чудовищного врага «нужно победить любым усилием». «Не жалости и не сочувствия мы ждем от тебя. Только справедливости»¹⁵⁴, – убеждал Л. Леонов в августе 1942 г. «Дело за вами, американские друзья! – призывал он в 1943 г. – Честная дружба, которою отныне будет жить планета, создается сегодня – на полях совместного боя. Именно здесь познается величие характера и передовая поступь передовых наций»¹⁵⁵.

Более откровенно и настойчиво звучали призывы Михаила Шолохова в статье «Письмо американским друзьям», написанной в то же 1943 г., где он обращался к американцам «как гражданин союзной страны» и высказывал предположение, что они, может быть, «недостаточно знают», с какими трудностями для каждого советского человека связана эта война. После подробного описания этих «трудностей» следовал вывод: «Эту же судьбу гитлеризм готовит всем странам мира – и вашей стране, и вашему дому, и вашей жизни. Мы хотим, чтобы вы трезво взглянули вперед. Мы очень ценим вашу дружескую, бескорыстную помощь. Мы знаем и ценим меру ваших усилий, трудностей, которые связаны с производством и особенно с доставкой ваших грузов в нашу страну. Я сам видел ваши грузовики в донских степях, ваши прекрасные самолеты в схватках с теми, которые бомбили наши станции. Нет человека у нас, который не ощущал бы вашей дружеской поддержки... Но я хочу обратиться к вам очень прямо, так, как нас научила говорить война. Наша страна, наш народ изранены войной. Схватка еще лишь разгорается. И мы хотим видеть наших друзей бок о бок с нами в бою. Мы зовем вас в бой. Мы предлагаем вам не просто дружбу наших народов, а дружбу солдат... Если территория не позволит нам драться в буквальном смысле слова рядом, мы хотим знать, что в спину врагу, вторгнувшемуся на нашу землю, обращены мощные удары ваших армий... Мы знаем огромный эффект бомбардировки вашей авиацией промышленных центров нашего общего врага. Но война – тогда война, когда в ней участвуют все силы. Враг перед нами коварный, сильный и ненавидящий наш и ваш народы насмерть. Нельзя из этой войны выйти, не запачкав рук. Она требует пота и крови. Иначе она возьмет их втрое больше. Последствия колебаний могут быть непоправимы. Вы еще не видели крови ваших близких на пороге вашего дома. Я видел это, и потому я имею право говорить с Вами так прямо»¹⁵⁶.

Впрочем, нужно отдать справедливость простым американцам: они неоднократно выступали в поддержку сражающегося советского народа, в том числе и

по вопросу открытия «второго фронта». Так, например, 22 июля 1942 г. состоялся массовый митинг жителей Нью-Йорка, резолюция которого была направлена президенту США Ф.Рузвельту и опубликована в газете «Дейли уоркер». В ней, в частности, говорилось: «Мы едины в военных усилиях страны. Мы едины в поддержке нашего соглашения с Британским и Советским правительствами о необходимости открытия второго фронта против Гитлера в 1942 году. Мы готовы, каждый по мере своих сил, внести посильный вклад, необходимый для проведения в жизнь политики второго фронта. Мы клеймим позором умиротворителей, пораженцев, трусов и предателей, которые клеветают на наших союзников и умаляют доблесть нашего оружия... Мы призываем к немедленному открытию второго фронта, к открытию его сейчас, пока противник не добился новых преимуществ в борьбе против героических русских армий... Мы призываем к открытию второго фронта в интересах безопасности Америки. Мы настаиваем на этом ради скорого торжества демократии и свободы всего человечества»¹⁵⁷.

В СССР, судя по сохранившимся воспоминаниям, каких-либо расхождений общественного мнения с официальной позицией в отношении союзников не наблюдалось¹⁵⁸, хотя, с другой стороны, по свидетельству Александра Верта, отношение населения к западным союзникам в годы войны часто оказывалось намного более прохладным, чем отношение советских властей, и связано это было в первую очередь с проблемой «второго фронта»¹⁵⁹. Вслед за руководством страны и официальной пропагандой, большинство советских граждан относились к возможности его открытия весьма скептически, что отразилось во многих документах того времени. Так, в спецсводке Особого отдела НКВД Сталинградского фронта в Управление особыми отделами НКВД СССР «О реагированиях военнослужащих и их семей по вопросу открытия союзниками второго фронта в Европе» от 30 июля 1942 г. сообщалось: «Заключение договора и соглашения между великими державами – СССР, Великобританией и США – о взаимной помощи и об открытии союзниками в 1942 году второго фронта в Европе среди военнослужащих фронта и их семей вызвало, при временных неудачах на фронте, целый ряд отрицательных суждений и разговоров. Бойцы, командиры и политработники, в своих многочисленных документах, выражают недоверие к союзникам об открытии ими второго фронта в Европе, а отдельные лица высказываются о невозможности завершения победы над врагом без эффективной помощи со стороны союзников»¹⁶⁰. Далее приводились отрывки из перлюстрированных писем, в которых содержались следующие мнения: «Когда же наконец англичане и американцы откроют эффективный второй фронт, черт их знает, любят воевать за чужой счет, но ведь они должны понимать, что Гитлер и для них погибель. Они все советуются, совещаются, договариваются, а конкретного участия, кроме экономической помощи нам, пока не чувствуем»; «Второй год пошел уже, как началась Отечественная война, а конца ее не видать. О втором фронте только пишут да говорят в Англии и в США. Видимо, надо надеяться, дорогие наши защитники, на собственные силы, – это будет, пожалуй, лучше. Ведь в прошлом мы не раз немцев били и били только собственным русским кулаком...»; «Союзники наши наверно только брехать кра-

сиво умеют, а пользы с них, как от козла молока. Со вторым фронтом что-то у них темпов не видно...»¹⁶¹ Несколько месяцев спустя, в очередной сводке от 27 октября 1942 г., составленной по материалам военной цензуры, констатировалось, что «за последнее время значительно увеличилось поступление документов от военнослужащих нашего фронта с различными реагированиями по вопросу открытия союзниками второго фронта. Бойцы, командиры и политработники в своих многочисленных письмах к родным и знакомым, хоть и не верят в открытие второго фронта, но высказывают уверенность в полной победе над врагом собственными силами»¹⁶². Среди приведенных в документе высказываний обращают на себя внимание оценки, данные союзникам: «А война, кажется, обещает быть затяжной. Помощи с Запада нет и не будет, как видно из хода вещей... Я так полагал, что английская армия сейчас, да и вообще не способна воевать с немцами, это можно судить по их африканскому театру войны, им бы только в футбол играть»; «...Бойцы обижаются на наших союзников за медлительность открытия второго фронта и говорят, что они не умеют держать своих обязательств. По-моему они в этом правы. Советский Союз выполняет все, согласно договора, а они копаются, или вернее, отписываются...»; «...Перспективы войны не веселые, из выступлений наших «друзей» Рузвельта и Черчилля нужно сделать вывод, что они собираются открыть второй фронт только в 1943 году, а пока вся тяжесть войны опять ложится на нас и нам предстоит еще провести одну зиму в борьбе с сильным противником. Что принесет эта зима, сказать трудно...»¹⁶³

Озабоченность советских людей проблемой открытия Второго фронта отражалась и в дневниковых записях военных лет. Так, прошедший всю войну «от звонка до звонка» в званиях от рядового до комбата М.Т.Белявский записал 12 сентября 1942 г.: «Что толку в похвалах Сталину и Красной Армии, когда нет помощи. Величие Сталина и доблесть нашей Армии не нуждаются в подтверждении со стороны всех этих господ, как аксиома не требует доказательств. Давным-давно уж пора кончить болтовню и приступить к делу, иначе может быть поздно. Кровь, огонь, смерть, горе, а они болтают, обещают, собираются, делают визиты, договариваются, «а воз и ныне там»»¹⁶⁴. Возвращался он к этой теме и позднее, например, в новогоднюю ночь 1944 г. Подводя итоги прошедшего 1943 года и отмечая, что «инициатива бесповоротно утрачена» немцами на всех фронтах, он пишет: «Союз США, Англии и СССР, который был до сих пор скорее символическим союзом, или, во всяком случае, союзом торговца с воином, стал, наконец, настоящим боевым союзом. Второй фронт из объекта надежд и мечтаний, кажется, скоро станет реальным фактом»¹⁶⁵. Впрочем, до высадки англо-американских сил в Нормандии в июне 1944 г. оставалось еще шесть месяцев.

Когда же, наконец, «второй фронт» был открыт, выяснилось, что боевые качества союзников оставляют желать лучшего. В декабре 1944 г. они потерпели тяжелое поражение от немцев под Арденнами. Ситуация была настолько критической, что У.Черчилль 6 января 1945 г. обратился к И.С.Сталину с «личным и строго секретным посланием», в котором говорилось о том, что «на Западе идут очень тяжелые бои, и в любое время от Верховного Командования могут потребоваться

большие решения». В связи с чем Черчилль спрашивал, могут ли союзники «рассчитывать на крупное русское наступление на фронте Вислы или где-нибудь в другом месте в течение января»¹⁶⁶. На следующий день Сталин ответил: «Мы готовимся к наступлению, но погода сейчас не благоприятствует нашему наступлению. Однако, учитывая положение наших союзников на Западном фронте, Ставка Верховного Главнокомандования решила усиленным темпом закончить подготовку и, не считаясь с погодой, открыть широкие наступательные действия против немцев по всему центральному фронту не позже второй половины января. Можете не сомневаться, что мы сделаем все, что только возможно сделать для того, чтобы оказать содействие нашим славным союзным войскам»¹⁶⁷. Обещание было выполнено 12-14 января, несмотря на то, что из-за облачности и тумана Красная Армия не могла использовать свое превосходство над противником в авиации и артиллерии. По весьма символическому совпадению, наступление советских войск, как и в Первую мировую войну, началось в Восточной Пруссии, где в 1914 г. армия генерала Самсонова спасала от разгрома во Франции западных союзников.

В этой связи следует затронуть вопрос об отношении к разным членам Антигитлеровской коалиции со стороны неприятеля. Немцы весьма дифференцированно относились к народам, с которыми они воевали, выражая большую или меньшую к ним антипатию, в том числе и в зависимости от их боеспособности. Вот, например, довольно типичное мнение бывшего солдата вермахта, высказанное им в интервью. «Поляков мы презирали, – заявлял он. – Французов мы считали хорошими солдатами и в надежде на будущее сотрудничество обращались с ними лучше, чем с другими народами. Англичанам мы не доверяли. С американцами я не сталкивался. Ненависть порождали массированные бомбардировки. Большевикомы от всей души ненавидели...»¹⁶⁸ Во всех странах-участницах войны противник воспринимался через стереотипы общественного, в том числе национального сознания, под влиянием государственных идеологий, непосредственного пропагандистского воздействия на население и армию. Так, на отношение к русским огромное влияние оказывала фашистская пропаганда, которая формировала в сознании немецкого народа образ русского человека как низшего, ущербного существа, недостойного европейской цивилизации и неспособного противостоять натиску «избранной» арийской расы. «Борьба будет очень отличаться от борьбы на Западе. На Востоке жестокость – благо для будущего»¹⁶⁹, – записал в своем дневнике в марте 1941 г. начальник генерального штаба сухопутных войск Ф.Гальдер о речи Гитлера перед немецкими генералами. Именно так и действовали немцы в войне против СССР. «...Там не шла речь о пощаде... Русские – только для уничтожения. Не только победить их, но уничтожить»¹⁷⁰, – вспоминал один из военнослужащих вермахта, принимавший участие в штурме Брестской крепости. Но очень скоро «недочеловеки» продемонстрировали «расе господ», на что они способны. Не случайно в письмах с Восточного фронта немецкие солдаты и офицеры называли Россию «адам», а своих противников «русскими дьяволами».

К своим противникам на Западе немцы с самого начала относились иначе, хотя и без особого пиетета. По утверждению английского историка Макса Хастингса,

в ходе боевых действий в Нормандии в 1944 г. «очень немногие немецкие солдаты, даже из посредственных частей, испытывали уважение к боевым качествам своих противников»¹⁷¹. Так, немецкий парашютист Гейнц Хикман говорил: «Мы не видим в американском солдате достойного противника». Полковник Кауфман из немецкой танковой дивизии отзывался не менее уничижительно: «Американцы начинали утром не слишком рано, им слишком нравился комфорт». Многие немцы подчеркивали, что их удивляло нежелание или неумение американцев использовать наметившийся успех. Казалось, что они все время переоценивали возможности неприятеля и действовали весьма нерешительно, не осмеливаясь идти на прорыв даже слабой его обороны¹⁷². Не случайно, как показывают статистические исследования тех же американцев, почти на каждом поле боя немецкий солдат действовал более эффективно. При любых обстоятельствах (в обороне и в наступлении, при численном преимуществе и при его отсутствии, во время успехов и неудач) немецкая пехота наносила неприятелю потери на 50% выше, чем теряла сама от противостоящих английских и американских войск¹⁷³. И причина этого была не только в более умелом использовании наличных людских ресурсов, но и в том, что в армиях союзников служили «солдаты, действующие в рамках разумного», а немецких солдат учили «всегда пытаться сделать больше, чем требуется». Кроме того, дисциплинированность немецких войск, их привычка беспрекословно подчиняться приказам также были значительно выше, чем у союзников.

Несмотря на то, что западные союзники не спешили оправдать возложенных на них надежд, советская пропаганда в целом формировала положительный образ США, Великобритании, сил Сопротивления во Франции во главе с де Голлем. Много говорилось о значении единства в совместной борьбе с общим врагом. Так, Борис Полевой еще в июле 1942 г. подчеркивал мысль о непобедимости союзников, вложив ее в уста немецкого перебежчика: «Русские, англичане, американцы, это гора. Кто пытается головой разбить гору, тот разбивает голову!..», а Константин Симонов в очерке «Американцы» изображал янки веселыми парнями, любителями сувениров и настоящими воинами, очень похожими на русских¹⁷⁴. Отношения между СССР и союзниками изображались не идиллическими, но в целом дружественными. При этом США пользовались большим уважением и симпатией, чем Великобритания¹⁷⁵, что отразилось и в творчестве советских публицистов, тем не менее, отделявших образ сочувствующего Советскому Союзу американского народа от туманного образа тех, кто, по определению Леонида Леонова, олицетворял собой «выжидательную осторожность Запада»¹⁷⁶. Представления же о французах как о союзниках по своему значению были явно вторичны и занимали в общественном сознании не столь важное место, как об англичанах и американцах. В сущности, они ограничивались информацией об установлении в сентябре 1941 г. официальных отношений с Национальным комитетом «Свободная Франция» (с июня 1942 г. – «Сражающаяся Франция») во главе с генералом Шарлем де Голлем, которого советское правительство признало руководителем «всех свободных французов, где бы они не находились»¹⁷⁷, слухами о движении Сопротивления в оккупированной фашистами Франции, и, наконец, единичными контактами с летчиками легендарной эскадрильи «Нормандия-Неман».

Отношения с США и Великобританией были более «вещественны»: «американская тушенка, юмористически прозванная бойцами «второй фронт»; 400 тысяч «Студебеккеров»; знаменитые конвои; яичный порошок; английские летчики в Мурманске»¹⁷⁸, – все это до некоторой степени служило укреплению дружеских чувств к союзникам. Однако советские средства массовой информации, хотя и не замалчивали, но все же преуменьшали значение ленд-лиза, выдвигая на первый план продовольственную помощь, несмотря на то, что поставки вооружений и военных материалов по стоимости намного превосходили поставки продовольствия и сельскохозяйственных продуктов. Публикуемые в советской печати выступления Ф.Рузвельта и У.Черчилля, а также заявления руководителей американской Администрации по внешней экономике, не могли дать советскому читателю четкого представления о том, много или мало поставляют союзники. То есть «факт помощи со стороны США вроде бы и признавался, но она изображалась какой-то несерьезной»¹⁷⁹. Однако, несмотря на это, в среде советских бойцов время от времени встречались «особые мнения», касавшиеся помощи союзников по ленд-лизу. Так, в еженедельной сводке о партийно-политической работе по обеспечению боевой деятельности и политико-моральном состоянии частей 19-й армии от 7 апреля 1943 г. сообщалось: «Красноармеец 1 стрелковой роты части Недилько Жарков говорил бойцам: «Если бы не союзники, то мы бы давно голодали. Смотрите – колбаса и сахар союзников, ботинки союзников, только живем за счет союзников». ... Жаркову в беседах разъяснено его неправильное понимание высказанного им вопроса»¹⁸⁰. Вместе с тем, рассуждая о ленд-лизе, советские люди часто задумывались о его цене и всерьез опасались, что после войны в уплату за помощь «все наши ценности союзники заберут и мы на них работай»¹⁸¹. Подобные настроения отражены и в донесении начальника политотдела 19-й армии полковника Поморцева начальнику отдела контрразведки «Смерш» 19-й армии полковнику Оленичеву от 11 апреля 1944 г.: «В 268 минометном полку красноармеец Фиозов Иван Антонович, беспартийный, уроженец г.Архангельска, ... находясь в группе бойцов, говорил: «Наше правительство безголовое, продукты до войны отправило в Германию, а теперь живет за счет Америки. Если бы не Америка, то мы бы давно погибли»¹⁸².

Недоверие к союзникам в массовом сознании советской армии и общества основывалось на твердом и отнюдь не беспочвенном убеждении, что «у нас такие союзники, которые в одинаковой степени ненавидят и Германию, и Советский Союз». Вспоминая исторический опыт взаимоотношений, население задавалось вопросом: «На протяжении многих десятилетий Англия проводила политику против России, а в послереволюционные годы являлась одним из главных организаторов интервенции против Советской страны. Можно ли быть уверенным, что теперешний союз СССР с Англией является достаточно прочным?»¹⁸³ Характерно, что этот вопрос был задан летом 1944 г. в Архангельске – городе, хорошо помнившем английскую интервенцию на севере в 1918-1920 гг. и одновременно являвшимся тем центром, через который в СССР северным морским путем в течение всей войны шли поставки по ленд-лизу, принимавшим в своем порту английских и американских моряков.

Тем не менее, «...к союзным народам и армиям сохранялось благожелательное отношение и уважение до конца войны. Однако это был очень тонкий и неустойчивый слой массового сознания. В его основе лежал ограниченный узкоклассовый подход... Что касается советских руководителей, то они в полной мере сохраняли недоверие и подозрительность в отношении союзников... В этой настроенности и подозрительности угадывались семена холодной войны»¹⁸⁴. Кстати, весной 1945 г., когда советские войска уже брали штурмом Берлин, в разговорах между собой солдаты не исключали возможности продолжения боевых действий ... против союзников, «любить которых особенно не за что». «Вариант дальнейшего похода на Европу – война с нынешними союзниками – не казался невероятным ни мне, ни многим из моих однополчан, – вспоминал поэт-фронтовик Давид Самойлов. – Военная удача, ощущение победы и непобедимости, не иссякший еще наступательный порыв – все это поддерживало ощущение возможности и выполнимости завоевания Европы»¹⁸⁵. Характерно, что подобные настроения не только «носились в воздухе», но и озвучивались на самом высоком уровне. Так, на одном из совещаний у И.В.Сталина маршал С.М. Буденный объявил большой ошибкой то, что Красная Армия остановилась на Эльбе и не двинулась дальше в Западную Европу, хотя в военном отношении, по его мнению, это было несложно¹⁸⁶.

Противоречия между союзниками все острее давали о себе знать уже в ходе самой войны, по мере приближения Победы, а после ее достижения кризис антигитлеровской коалиции проявился в полную силу. 2 сентября 1945 г. Вторая мировая война завершилась подписанием капитуляции Японии, значительный вклад в разгром которой внес Советский Союз, выполнив свои обязательства перед союзниками. А уже в середине сентября – октябре 1945 г. в объединенном комитете начальников штабов и объединенном разведывательном комитете США планировалось нанесение ядерных ударов по территории СССР «не только в случае предстоящего советского нападения, но и тогда, когда уровень промышленного и научного развития страны даст возможность напасть на США...»¹⁸⁷ А президент США Г.Трумэн в меморандуме государственному секретарю Д. Бирнсу от 5 января 1946 г. заявлял: «Русским нужно показать железный кулак и говорить сильным языком. Я думаю, мы не должны теперь идти с ними ни на какие компромиссы»¹⁸⁸. Наконец, идеологическим манифестом противостояния и нарастающей конфронтации бывших союзников стала речь У.Черчилля «Мускулы мира» в Вестминстерском колледже американского г. Фултон 5 марта 1946 г., где он заявил о создании в Европе «железного занавеса», призвал западные страны бороться с «экспансией тоталитарного коммунизма» и провозгласил использование силы основным методом в отношениях с СССР¹⁸⁹. В Москве это выступление было воспринято как политический вызов, и уже 13 марта 1946 г. в интервью газете «Правда» И.В.Сталин дал ему резкую оценку, заявив, что это «опасный акт, рассчитанный на то, чтобы посеять семена раздора между союзными государствами», и что, «по сути дела, г-н Черчилль стоит теперь на позиции поджигателей войны»¹⁹⁰.

Едва по всему миру успела отгреметь «горячая» война, как разгорелась война «холодная». «Враги второй очереди», по предвоенному определению Всеволода Вишневского, во второй половине 1940-х годов превращаются в главных врагов¹⁹¹.

Теперь перед советскими пропагандистами, по свидетельству Ильи Эренбурга, ставилась задача «воспитать ненависть к нашим сегодняшним недоброжелателям и нашим завтрашним противникам, – воспитать эту ненависть у огромного количества людей. Какова должна быть основная мишень? Ясно, – Америка и американский образ жизни, который американцы стараются навязать миру»¹⁹².

В стране постепенно формировался новый (или, скорее, обновленный) образ внешнего врага, который практически без изменений просуществовал до середины 1980-х гг., а отдельные его компоненты сохранились вплоть до распада СССР и окончания «холодной войны».

Польша и Россия в XX веке: взаимоотношения и взаимовосприятие

История русско-польских отношений развивалась в русле общих закономерностей взаимодействия народов. Но в результате многовековых перипетий общей истории «ни с одним из славянских народов отношения русских не были так сложны и противоречивы, как с поляками»¹⁹³. В них переплелись этническая близость и этнокультурные и религиозные различия, военные противостояния и длительное существование в рамках общих государств (Речи Посполитой и Российской Империи), национальный гнет и национально-освободительное движение, и др.

Оба народа имеют единые славянские корни, территориально являются соседями, принадлежат к христианской культуре. Не менее значима была и длительная история совместной борьбы с общими внешними врагами (татарами, турками, немцами и др.). Этим обусловлена их близость, взаимное тяготение и интерес.

Но немало в истории их взаимоотношений и таких обстоятельств, которые вызвали настороженность друг к другу, отчуждение и антипатию. В основе последних лежали религиозные различия, конфессиональные противоречия, территориальные претензии друг к другу, история межгосударственных войн и ряд других явлений. В их истории был период в несколько столетий подчинения Польшей восточно-славянских православных земель с социокультурной и конфессиональной экспансией на восток. Был и период обратной волны с востока на запад, с несколькими разделами Речи Посполитой, с включением собственно польских земель в состав Российской Империи, прекращением существования польской государственности. Более века русские и поляки жили в едином государстве, что, с одной стороны, способствовало интенсивности контактов, лучшему узнаванию друг друга, двусторонним миграциям и многочисленным родственным связям; а с другой, – породило ряд новых факторов отчуждения и взаимной вражды. В ряду последних – польские восстания и их подавление царским правительством, а также интенсивная русификация. Таким образом, к началу XX века накопился немалый исторический груз взаимных претензий и обид, а взаимоотношения двух народов были весьма противоречивы.

Не менее сложным и болезненным для взаимоотношений двух народов стал XX век, особенно насыщенный событиями и противоречиями. Три поворотных

пункта, три исторические развилки всемирной истории отразились и на русско-польских взаимоотношениях. Это – Первая мировая война, приведшая к революции в России, Вторая мировая война с последовавшим вовлечением в сферу влияния СССР стран Восточной Европы и «перестройка» в Советском Союзе с дальнейшим распадом «социалистического лагеря». Мы рассмотрим только первую половину столетия с акцентом на первые две исторические развилки.

Первая мировая война действительно сыграла чрезвычайно важную роль в истории двух народов. Она не только привела к социальной революции в России, но и к воссозданию польской государственности. С тех пор взаимоотношения двух народов преломлялись через взаимоотношения двух государств.

Но до этого был и относительно краткий, но значимый период самой мировой войны, внесший нечто существенно новое во взаимоотношения русских и поляков. Он породил новые чувства и надежды, что перед лицом общей немецкой опасности, «исторического врага всего славянства», как это подчеркивалось в военной пропаганде и находило отклик у обоих народов, будут забыты взаимные обиды и наступит наконец примирение. «Тевтонская угроза», казалось, действительно сблизила два народа и на время сплотила их, погасив старинную вражду. Этому способствовала реальная перспектива распространения на польские земли в составе Российской Империи немецкого национального гнета, который по жесткости не шел ни в какое сравнение с «умеренной русификацией» в Царстве Польском. В этом поляков убеждала и жестокость немецкого оккупационного режима.

Приведем лишь одно из свидетельств того времени. Газета «Петроградский курьер» от 17 сентября 1914 г. поместила сообщение своего специального корреспондента Ю.Волина из Вильны:

«...Поляк, которому удалось выехать из Млавы после занятия города пруссаками, говорил мне:

– Заигрывание пруссаков с поляками кончилось. Очевидно, германские власти убедились, что поляков на удочку не поймаешь. Да, и в самом деле, разве не издевательствам звучат слова прусской прокламации к полякам, в то время, как всякому поляку известно, что нигде угнетение польской национальности не достигало таких пределов, как в Германии, где польская речь изгнана из школы и даже из костела.

– Теперь, – продолжает мой собеседник, – германцы сбросили маску и идут к полякам уже не в овечьей шкуре, а в своем естественном волчьем виде. Прокламации к полякам, распространявшиеся немцами в первые дни войны, теперь совершенно выведены из употребления и заменены кулачной расправой.

Близ Млавы, в местечке Вулька, германский отряд превратил костел в конюшню, предварительно, конечно, ограбив ценное.

В самой Млаве «хозяева на час» проявили грубость и бесчеловечность, достойную Прейскера, и издевались одинаково над поляками и евреями¹⁹⁴.

С началом войны перелом в отношении к России наступил как в среде польской интеллигенции, так и у простых поляков. Причем, распространялся он на польские земли в составе не только Российской Империи, но и ее противников. Газета «Свет» от 22 августа 1914 г. сообщала: «...Генрик Сенкевич написал пла-

менное воззвание к австрийским и прусским полякам, заклиная их не идти против русских. Отпечатанное в огромном количестве экземпляров воззвание великого польского писателя уже проникло за границу. Успех его ошеломляющий»¹⁹⁵.

Еще более важными представляются нам свидетельства массовых настроений среди поляков. Так, в газете «Новое время» от 11 октября 1914 г. была напечатана заметка В.Розанова «Сегодняшний день. (Сбор в пользу Польши)», где описан весьма символический эпизод:

«...Недели две назад я шел из Эрмитажа с одним доктором варшавской гимназии, который в отставке и на пенсии занимается там (в Эрмитаже) монетами Петра Великого. Разговорились о текущих событиях, и я спросил недоверчиво и подозрительно, прочно ли и главное чистосердечно ли хоть сейчас отношение поляков к русским? Подняв голову, старик ответил мне буквальными словами:

– Я видел сам теперь, что когда по варшавским улицам проходили русские полки, то из домов выбегали польские женщины и *целовали солдатам руки*.

Еще взглянув на меня:

– Вы понимаете, что это значит?

Я добавлял себе: «при известной всему свету *гордости* польской женщины».

«Неужели?» – несколько раз переспросил я старика-ученого. И когда он твердо подтвердил слова, какое-то теплое чувство паром наполнило грудь, и я был близок к тому, чтобы чуть-чуть поплакать. Действительно, есть *так*, мы мирны.

О *том* же спросил я Ю.Д.Беляева, только что вернувшегося из Польши.

– Да! Да! Все – *забыто!* (т.е. прежнее). Никакого – *разделения!*

Если *так*, то в самом деле что-то пасхальное... Да, друг друга *объемем...*»¹⁹⁶

Однако общественные настроения вещь очень непостоянная. Меняется ситуация, их породившая, – и на первый план выходят факторы более фундаментальные, а потому более устойчивые – социокультурные различия, противоречия национальных интересов и т.д.

Вот какой диалог со старой польской учительницей из Австрийской Галиции в апреле 1915 г. приводит в своих воспоминаниях военный врач Л.Н.Войтовский:

«– Пани Мыслинска! Могу я к вам обратиться со щекотливым вопросом? Сможете – отвечайте по совести... Как отнесется Галиция к возможности быть завоеванной нами?

...Она помолчала, окинула меня пристальным взглядом и решительно заговорила:

– Я знаю, что вы – не из Пуришкевичей... Тут один ваш офицер сказал мне: «Я пятнадцать лет прослужил в Польше и в течение пятнадцати лет поляки шипели мне в спину: «Сволочь!..» Можете быть уверены: пока существует русская армия, никакой автономии вы не получите». «Мы отдали на растерзание тело всей Польши. Что же еще нам сделать, чтобы заслужить ваше расположение?» – спросила я его. «Ассимилироваться с нами!»

То есть променять нашу тысячелетнюю культуру на вашу пятисотлетнюю татарщину?.. Так? Потому что какая же у вас цивилизация? Петр Великий обрезал вам бороды и кафтаны и одним взмахом своей тяжеловесной дубинки превратил

долгополого холопа в раба, одетого по-европейски... Все по приказу свыше... Другой культуры в России нет.

– Вы разве не читали тех «милостей», которые обещаны Польше?

– Ага! Вы сами потешаетесь над ними. Да кто же им верит? Сколько раз я слыхала от ваших же офицеров: «Бросьте пустые бредни! Не мечтайте о польском королевстве. И никакой вы автономии не получите. Разве может ваше правительство дать вам больше того, что оно дает собственному народу? Если конституция считается вредной для нас, то чем же Польша лучше России?..» Помилуйте, что должны испытывать мы, слушая такие речи, мы, прожившие столько лет в условиях политической свободы? То, что русской Польше кажется благом, для нас – величайшее несчастье»¹⁹⁷.

Революция 1917 года разрушила Российскую Империю, на обломках которой было воссоздано Польское государство, а вместе с ним немедленно возродились не только национально-государственные интересы, но и воспоминания об историческом величии Речи Посполитой, ее территориальном размахе на восток, великодержавная идеология и геополитические претензии на «Великую Польшу от моря до моря». Эта идеология сразу же нашла воплощение в государственной политике, в том числе в вооруженной экспансии на восток. В условиях распада российской государственности, жестокой Гражданской войны, борьбы с большевизмом при поддержке стран Антанты казалось, что такие планы вполне осуществимы. Сложные межгосударственные и межнациональные отношения наложились в той ситуации на особый социально-политический контекст, в котором Советская Россия выступала под знаменем пролетарского интернационализма и мировой социалистической революции, а Польша – под знаменем национальной идеи и социального консерватизма западного образца. В определенный момент справедливые притязания поляков на национальное самоопределение перешли в свою противоположность, обернувшись стремлением ущемить право на самоопределение других, восточно-славянских народов.

В польско-советской войне 1919–1920 г. интересы и претензии сторон нашли свое идеологическое и пропагандистское оформление. Так, поляки свои притязания на восточно-славянские земли обосновывали идеей борьбы за свободу других народов, упоминая свое недавнее угнетенное положение. «Солдаты! – взывала одна из листовок, обращенная к красноармейцам. – Понеся множество жертв, Польша, став теперь свободным государством, вправе требовать, чтобы мир был справедливым, чтобы между Польшей и Россией не было угнетенных народов, которые в будущем могли бы быть яблоком раздора. Польша хочет, чтобы была признана независимость всех народов, и тем самым показывает, что не хочет вмешиваться в дела русского народа. Борющаяся за свою свободу Польша умеет уважать свободу других...»¹⁹⁸

Но для белорусов и украинцев эти заявления казались не слишком убедительными. Советская пропаганда в этом отношении выглядела более обоснованной и конкретной. Так, советские листовки обращаются к национальным и социальным чувствам белорусского и украинского населения, используя тот факт, что значительную, а на ряде территорий преобладающую часть помещиков-земле-

владельцев составляли поляки, принадлежавшие не только к господствующему классу, но и чуждые основному населению этнически, конфессионально и культурно. Отход белорусских и украинских земель к Польше объявлялся угрозой возврата этно-социального и религиозного угнетения.

«Товарищи крестьяне Белоруссии! – говорилось в листовке, подписанной «Красные партизаны Белоруссии». – Польские паны напали на наш край и забирают его себе. Наши земли они у нас отбирают и отдают обратно панам, тем панам, которые мучали нас, наших отцов и дедов десятки и сотни лет... Нас они считают холопами и их слугами. Школы наши почти все закрыты. «На что холопу грамоту знать», вот что они про нас говорят. «Холоп должен знать одно – слушаться пана». А если дают где открыть школу, то только на польском языке, и приходят наши дети и стоят, как немые в чужой школе, на чужом языке и ничему не научатся... Помните, крестьяне-белорусы, что польские паны ... пришли, чтобы вернуть нас к временам панщины, а когда мы противимся этому, они садят нас в тюрьмы, отнимают наш скот и наш хлеб, нас бьют нагайками, как животных... Крестьяне Белоруссии!.. Покончим с ненавистным панским гнетом!..»¹⁹⁹

Во многом польская пропаганда была зеркальным отражением советской. Только вместо эксплуататора-пана в ней присутствуют комиссары, занимающиеся в деревнях реквизициями, разоряющими крестьянских жен и детей. Так, в Российском Государственном Военном Архиве нами обнаружены две почти идентичных листовки противников, причем польская листовка «Ужасы войны или правда солдатской жизни в Красной Армии Советской России»²⁰⁰ явно стала ответом на большевистскую листовку «Покидайте, хлопы, панские окопы!»²⁰¹ и представляет собой пародию, оригинальный способ контрпропаганды. Обе листовки выполнены в виде книжечки с карикатурами и стихотворными подписями к ним, причем автором стихов, помещенных в советской листовке, является революционный поэт Демьян Бедный. Обе листовки используют одинаковые художественные приемы, в них полностью сохранены сюжеты и композиция рисунков. Только в большевистском варианте высмеивается польский пан в национальном костюме, с саблей, в шапке-конфедератке; а в польском – в тех же самых ситуациях обыгрывается фигура комиссара с характерной еврейской внешностью. Остальные персонажи карикатур (солдаты, крестьяне, женщины и дети) – те же самые, как и элементы окружающего пейзажа.

Польско-советская война, развивавшаяся с переменным успехом для сторон, привела к компромиссному результату, включив в состав Польши часть белорусских и украинских земель и заложив целый комплекс межгосударственных, межэтнических, социальных и идеологических противоречий. Именно в этот момент была заложена совокупность констант, на два последующих десятилетия предопределивших содержание и тональность взаимоотношений двух государств и их народов. Это были взаимоотношения двух государств, одно из которых стремилось к мировой пролетарской революции, распространении своей социальной модели на Европу, а другое выступало «буферной зоной», бастионом Запада против большевизма. Это были взаимоотношения государств, одно из которых было узвлено невыгодным миром и потерей части земель с этнически родственным

населением, а другое оставалось неудовлетворенным нереализованными планами воссоздания Великой Польши в границах средневековой Речи Посполитой. Это были взаимоотношения двух стран, одна из которых «строила социализм», а другая – буржуазное национальное государство. Таким образом, старые различия и противоречия переплетались со множеством новых, создавая особый исторический контекст взаимоотношений двух народов, определяя ту призму, через которую у обеих сторон формировались образы друг друга.

Сегодня, оглядываясь на прошлое, интересно отметить тот факт, что советско-польская война 1920 г. практически не отложилась в исторической памяти россиян, поскольку была лишь одним из эпизодов длительной и многообразной по театрам боевых действий и составу противников Гражданской войны и иностранной интервенции. Аналогичное малозначащее место (при всем различии в подходах к оценке данного периода) она занимала и в учебниках истории, как в советских, так и в постсоветских. Однако в Польше этой войне придается едва ли не всемирно-историческое значение. В современных учебниках истории ее называют «битвой, которая спасла Европу», имея в виду гипотетические планы нападения большевиков на другие европейские страны с целью экспорта коммунистической революции. Согласно этой трактовке, Польша выступила бастионом Европы против коммунизма, чем и оправдывается ее агрессия против Советской России: «чтобы предупредить большевистский набег, польская армия нанесла удар на восток. Сначала поляки добились успеха». Но, дойдя до самого Киева и взяв его, агрессоры вскоре получили отпор и откатились вглубь собственной страны. Лишь просчеты советского командования позволили полякам выиграть битву под Варшавой. Сегодня польские учебники истории утверждают, что победа поляков под Варшавой «была признана как одна из главных восемнадцати битв, которые решили судьбу мира. Она вошла в историю под названием «чудо на Висле»»²⁰². Другой факт – это проблема массовой гибели в 1919 – начале 1920-х гг. «в польских концентрационных лагерях от жестокого обращения и бесчеловечных условий содержания» более 80 тыс. пленных красноармейцев²⁰³, которая до сих пор не признается польской стороной, требующей при этом от российской стороны регулярного покаяния за гибель 15 тыс. польских офицеров в Катыни в апреле–мае 1940 г.

Но вернемся в 1920-е годы. Конечно, когда рассматриваются взаимоотношения двух народов, имеется в виду некоторая абстракция, состоящая из конкретных субъектов взаимовосприятия и взаимодействия, – с разной степенью информированности, заинтересованности, способности к анализу и обобщениям. Естественно, по-разному относились к другой стороне дипломат и малограмотный крестьянин, рафинированный национальный интеллигент и городской обыватель, и т.д. Принципиальное значение имели также политические взгляды, степень личной заинтересованности, наличие или отсутствие прямых контактов, и т.д. Лишь из этого калейдоскопа различных мнений, оценок, прямых и опосредованных контактов разного рода можно извлекать некий суммирующий вектор во взаимоотношениях, в том числе психологическую доминанту, существующую в конкретное время и в конкретных исторических обстоятельствах.

В этом отношении и период между двумя мировыми войнами не был однородным и статичным. Одна ситуация существовала сразу после польско-советской войны, несколько иная – в середине 1930-х гг. и совсем особая в период начала Второй мировой войны и нового раздела Польши, в котором участвовал и Советский Союз.

Следует отметить, что негативное влияние на взаимоотношения двух народов оказывал ряд факторов, вытекавших из глубоких различий и даже противоположностей политических интересов двух государств, их статуса в мире и включенности в систему международных отношений, геополитических, идеологических и этнических противоречий. Польская разведка вела активную антисоветскую деятельность, в частности поддерживала организованные вооруженные формирования из числа русских эмигрантов, проникавшие на территорию СССР и устраивавшие провокации на границе. В меньшей степени, но Польше также досаждала поддержка со стороны СССР левых радикалов Коминтерна. В международных отношениях обе стороны, как правило, проявляли недружественность друг к другу. Так, у Польши существовали очень тесные отношения с Англией, длительное время, почти все 1920-е и значительную часть 1930-х годов выступавшей главным оппонентом СССР на международной арене и рассматривавшейся чуть ли не как основной потенциальный противник. Поэтому и в средствах массовой информации обеих стран при освещении противоположной стороны доминировала антирусская и антипольская пропаганда, сознательно формировался негативный образ не только государства и власти, но и в значительной мере народа. Конечно, нужно делать поправку, например, на классовый подход в советской пропаганде, в котором акцентировалось различие между «эксплуататорами» и «эксплуатируемыми», выражалось сочувствие угнетаемым польскими панями и буржуазией рабочим и крестьянам. Но в целом результатом пропаганды с обеих сторон становился достаточно успешно внедряемый «образ врага».

Некоторые сдвиги в этой ситуации стали происходить после прихода к власти в Германии фашистов, не скрывавших своих агрессивных планов, особенно на востоке. Ситуация отнюдь не была однозначной. У Польши были союзники на Западе (оказавшиеся в итоге не слишком надежными), тогда как СССР опасался угрозы остаться в международной изоляции перед лицом единого фронта западных государств. И здесь внешнеполитические поиски Советского Союза не всегда совпадали с классовым подходом, исходя из которого на ряд лет в стране была развернута антифашистская пропаганда. Проблема, однако, состояла в том, что советские вожди не делали принципиального различия между гитлеровским режимом Германии и правящим режимом в Польше. Вместе с тем, во второй половине 1930-х гг. СССР активизировал внешнеполитический зондаж по поиску потенциальных союзников на Западе, в ряду которых рассматривалась и Польша, которая, однако, была в качестве «младшего партнера» тесно связана с крупными западными державами, а потому не являлась абсолютно самостоятельным субъектом международной политики. Такое уязвимое положение Польши в системе международных отношений, наряду с ее геополитическим положением, привело в результате сложных политических игр к новому разделу между Германией и СССР. Этот раздел дипломатически был подготовлен в результате переговоров высшего советского и гер-

манского руководства и оформлен в секретных дополнительных протоколах к Договору о ненападении между Германией и СССР от 23 августа 1939 г.²⁰⁴

Интересна официальная аргументация Советского правительства по поводу участия в этом разделе и вступления Красной Армии на территорию Речи Посполитой, поскольку она отражала не только (а может быть, и не столько) реальную мотивацию этих действий, но в первую очередь имела целью воздействовать на массовое сознание внутри страны и общественное мнение за ее пределами. Эта мотивация приведена в Ноте Правительства СССР, врученной польскому послу в Москве утром 17 сентября 1939 г., через две с половиной недели после начала германского вторжения в Польшу: «...Польское государство и его правительство фактически перестали существовать. Тем самым прекратили свое действие договора, заключенные между СССР и Польшей... Оставленная без руководства, Польша превратилась в удобное поле для всяких случайностей и неожиданностей, могущих создать угрозу для СССР. Поэтому, будучи доселе нейтральным, Советское правительство не может более нейтрально относиться к этим фактам... Советское правительство не может также безразлично относиться к тому, чтобы единокровные украинцы и белорусы, проживающие на территории Польши, брошенные на произвол судьбы, остались беззащитными»²⁰⁵. Такое обращение к национальным чувствам было не случайным, поскольку в советском обществе существовало ощущение и убеждение в несправедливости аннексии восточно-славянских земель, осуществленной в результате польско-советской войны 1919-1920 гг. Этот же мотив прозвучал еще ранее, в опубликованной 14 сентября в газете «Правда» редакционной статье «О внутренних причинах военного поражения Польши». В ней утверждалось, что эти причины и корень слабости Польского государства заключаются в национальной политике польского руководства, для которой было характерно подавление и угнетение национальных меньшинств, составляющих 40% населения, и особенно 8 млн. украинцев и 3 млн. белорусов²⁰⁶.

Имеются многочисленные свидетельства того, с какой радостью встречало Красную Армию украинское и белорусское население. Хотя имели место и отдельные очаги сопротивления, состоявшие из польских армейских формирований, осадников и жандармерии. Причем основные силы польских войск сопротивления не оказали, сдаваясь целыми частями и соединениями в плен. О фактически полном отсутствии сопротивления почти полумиллионной армии, сдавшейся в плен советским войскам, свидетельствуют незначительные для таких масштабных действий безвозвратные потери Красной Армии – менее 1 тыс. человек убитыми, умершими от ран и пропавшими без вести²⁰⁷.

Понятно, что участие СССР в территориальном разделе Речи Посполитой не прибавило симпатий собственно польского населения ни к СССР в целом, ни к русским в частности. Негативную роль сыграло и интернирование значительной части польских военнослужащих, и массовая депортация польского гражданского населения из западных областей Белоруссии и Украины в восточные районы СССР, и особенно трагедия в Катыни.

Вместе с тем, дальнейшее развитие событий вновь переставило акценты в психологии взаимоотношений двух народов. С одной стороны, жесточайший режим немецкой оккупации в Польше, за несколько лет приведший к многомиллионным жертвам, подавлению польской культуры, унижению национальных чувств и порабощению поляков; с другой стороны, – агрессия фашистской Германии против СССР, с невиданными в истории людскими и материальными жертвами, зверствами фашистов на оккупированной территории, – все это, как и в начале века, психологически сблизило два многострадальных народа перед лицом общего врага.

Таким образом, сформировался запутанный узел общественно-политических проблем, предопределивший еще более сложный комплекс мыслей, чувств, настроений русских и поляков по отношению друг к другу. Сыграли здесь свою роль и определенные политические акции с вовлечением в них польского населения, в том числе проживавшего на советской территории.

Сложность конкретно-исторической ситуации состояла прежде всего в том, что на коротком отрезке времени СССР и Польша выступали сначала как противники (1939 г.), а затем, после нападения фашистской Германии на СССР, превратились в союзников. Причем, Польского государства фактически не существовало, поскольку оно было оккупировано немецкими войсками, а выступавшее от его имени эмигрантское правительство в Лондоне стало объектом международных дипломатических интриг. Оно и само вело собственную политическую игру, придерживаясь теории «двух врагов» – борьбы против Советского Союза и Германии, и предусматривало захват власти в стране силами повстанческой Армии Крайовой под руководством своих эмиссаров до прихода Красной Армии. В свою очередь, СССР был заинтересован в установлении в Польше лояльного себе, в идеале – прокоммунистического режима. Складываясь с июля 1941 г. сотрудничество СССР с «лондонским правительством» с обеих сторон оказалось зыбким и неискренним и с самого начала было обречено. Тем не менее, определенные шаги по установлению союзнических отношений с польским эмигрантским правительством в Лондоне советским руководством были предприняты, подписано соглашение о восстановлении дипломатических отношений и о создании польской армии на территории СССР, командующим которой 6 августа 1941 г. был назначен генерал В.Андерс. Эта первая польская армия была сформирована преимущественно из интернированных в СССР польских военнослужащих. В дальнейшем армия Андерса отказалась от участия в боевых действиях на советско-германском фронте, по инициативе эмигрантского правительства В.Сикорского к 1 сентября 1942 г. была выведена за пределы СССР на Ближний Восток и не участвовала в непосредственном освобождении Польши²⁰⁸. А 25 апреля 1943 г., после того, как с подачи Германии польским эмигрантским правительством был поставлен вопрос о трагических событиях в Катыни, советская сторона разорвала с ним дипломатические отношения. Сталин обвинил его в «поддержке клеветнической нацистской пропаганды», окончательно сделав ставку на просоветские круги польской эмиграции в Советском Союзе²⁰⁹. 8 мая 1943 г. началось создание первых польских регулярных формирований, лояльных СССР. 1-я польская пехотная дивизия им. Т.Костюшко под командованием полковника З.Берлинга

приняла боевое крещение в октябре 1943 г. под Оршей, где понесла тяжелые потери и была выведена с фронта для пополнения. И формируемые под Рязанью части 1-го польского корпуса в значительной мере пополнялись уже советскими гражданами польского и не только польского происхождения. Впоследствии, по декрету Крайовой рады народовой от 21 июля 1944 г., вместе с партизанской Армией Людовой они были объединены в Войско Польское²¹⁰.

Следует подчеркнуть, что создание специальных воинских формирований из граждан других стран и советских граждан соответствующей национальности было вызвано не столько военной необходимостью, сколько политическими соображениями, рассчитанными на перспективы послевоенного устройства в Европе. И, разумеется, здесь интересы СССР и польского эмигрантского правительства в Лондоне коренным образом расходились.

Интересны психологические коллизии возникавшие при создании польских частей «второго призыва». Вот как вспоминал о своих встречах с польскими братьями по оружию оказавшийся в октябре–ноябре 1943 г. в составе маршевой роты при польской танковой бригаде им. Домбровского мой отец – младший лейтенант Спартак Сенявский: «Выгрузив танки, мы своим ходом прошли несколько километров вглубь леса и остановились около расчищенных, посыпанных песком аллей палаточного городка. По аллеям ходили люди в незнакомой нам военной форме с орлиными гербами на четырехугольных фуражках. Как потом мы узнали – в конфедератках. Мы прибыли в формирующийся под Рязанью Польский корпус генерала Берлинга... Начались напряженные занятия с польскими танкистами по передаче нашего боевого опыта. Но и мы тоже знакомимся с их обычаями и жизнью. В частности, рота настоящих поляков, которые, кстати, кончили наше же Пушкинское танковое училище в г.Рыбинске, вместо политинформации молилась со своим ксензом...

Вскоре я был вызван к командиру батальона подполковнику Иванову, который встретил меня во всем блеске польского мундира (еще недавно он был в нашей форме). Он начал прямо, без обиняков:

– Ты Сенявский, я Иванов. Кому из нас надо служить в польском корпусе? Согласен?

– Товарищ подполковник! Разрешите мне остаться в Красной Армии и в ней воевать. Если придется погибнуть, я хочу умереть советским офицером.

– А мне, по-твоему, что, не хочется воевать в своей армии? – обиделся он. – Раз нужно, значит нужно ... помогать нашим братьям по оружию.

– Если это приказ, то я вынужден подчиниться. Если это предложение, разрешите отказаться. Можно идти?

– Идите. Вам сообщат о моем решении.

Мой товарищ Женя Федоркин тоже отказался переодеваться в конфедератку. И мы опять оказались в маршевой роте»²¹¹.

Интересен здесь и механизм формирования польской танковой бригады, и отношение советских военнослужащих к направлению в польские части – при том, что у них установились очень тесные дружеские отношения с поляками и особенно поляками, что также отражено в воспоминаниях моего отца.

В июле 1944 г. созданная в СССР 1-я польская армия в составе 1-го Белорусского фронта начала боевые действия на территории Польши и вскоре была объединена с Армией Людовой в Войско Польское. Участие польских частей в совместных боевых действиях с советскими войсками при освобождении Польши также вносило существенно новые психологические моменты во взаимоотношения двух народов.

В этой связи приведем еще один любопытный факт. В конце 1944 г. советские войска завершили освобождение территории СССР от фашистских захватчиков. Но война продолжалась, впереди были Европа, Германия, штурм Берлина... Армия несла большие потери и нуждалась в пополнении. И оно было призвано – из только что освобожденных от немецкой оккупации районов. Больше трех лет в них хозяйничали гитлеровцы, активно работала фашистская пропаганда. Все это не могло не отразиться на «качестве» нового пополнения, его политических взглядах и настроениях. Особенно сложно обстояло дело с призывниками из западных областей Украины и Белоруссии, Молдавии и Прибалтики, которые вошли в состав СССР буквально перед самой войной. Их население еще не успело привыкнуть к тому, что, продолжая жить на прежнем месте, «поменяло» страну и гражданство. Серьезные проблемы создавало и то, что многие новобранцы не знали русского языка. Случались и конфликты на национальной почве. Один из них возник в декабре 1944 г. между командованием 19-й армии 2-го Белорусского фронта и прибывшими в составе нового пополнения бойцами-поляками²¹². Причиной конфликта стало высказанное ими желание служить в польской армии и отказ принимать присягу в армии советской. Но несмотря на существующие директивы о направлении представителей определенных этнических групп в национальные армии, попадали туда далеко не все желающие. Об этом красноречиво свидетельствуют документы из Центрального Архива Министерства Обороны.

В делах Политотдела 19-й Армии есть целый комплекс документов, посвященных настроениям вновь прибывших бойцов из западных областей. «Среди некоторых бойцов латышей и поляков имеется недовольство тем, что их не направляют в латышские части и в польскую армию, – говорится в политдонесении от 28 декабря 1944 г. – Более заметно такое недовольство среди поляков. Часть поляков в 18 стр. дивизии продолжает заявлять о том, что не будут принимать военную присягу, и отказываются получать красноармейские книжки. Вызванные на беседу с начальником Оргинструкторского Отдела Политуправления фронта полковником Твердохлебовым, 5 человек – Мацук, Мончан, Овсянник, Станкевич и Богданович заявили ему примерно так: «Присягу больше принимать не будем. Мы присягали один раз перед польским народом и Богом. Изменниками Родины не будем»²¹³. Другим аргументом поляков был тот, что их всех записали белорусами. «За чем топчут нашу нацию?»²¹⁴ – возмущенно заявляли они и говорили о том, что знают из газет, что все желающие поляки могут выехать в Польшу, что в военкомате их обещали отправить в польскую армию, где у многих служат родные, и вот обманули²¹⁵. Некоторые мотивировали свое желание служить в польской армии тем, что в Советской Армии они не имеют возможности соблюдать религиозные обряды, а также из страха, что, приняв присягу, они уже не смогут после войны вернуться в Польшу и их

заставят вступить в колхоз²¹⁶. Командование решило проблему просто: зачинщика «бунта» отправило в СМЕРШ, а остальных (около 250 человек) рассредоточило по одиночке по разным подразделениям, так как «поляки пытались группироваться». «Всем им разъяснено, – говорится в донесении, – что они являются советскими гражданами и будут служить в Красной Армии. Вместе с этим проведен ряд бесед о возвышенных и благородных целях борьбы советского народа против немецко-фашистских захватчиков, о дружбе народов СССР и др.»²¹⁷

О том, что директивы об отправке бойцов в национальные армии, касающиеся в частности и поляков, действительно рассылались по воинским частям, свидетельствует приказ № 0640 Управления Командующего Бронетанковыми и механизированными войсками 32-й армии от 5 июля 1944 г., отданный во исполнение директивы № 1/406910 начальника Мобилизационного Управления Главного Управления Формирования Красной Армии (ГУФКА) от 3 июня 1944 г.²¹⁸ Следовательно, требования поляков были вполне правомерны, и вовсе не они, а командование 19-й армии нарушило установленный порядок. По какой причине? Можно предположить, что армейское руководство весьма неохотно расставалось со своим личным составом: незадолго до этого армия понесла большие потери и остро нуждалась в пополнении, тем более, что в скором будущем ей предстояли тяжелые бои, и каждый человек был на счету. Поэтому, как нам представляется, поляков вовсе не случайно записывали белорусами: это освобождало армейских чиновников от необходимости выполнять данную директиву, давало формальную возможность ее обойти. При этом бюрократическая машина не считалась с судьбами отдельных людей, независимо от их национальности.

Политические процессы за пределами Польши неизбежно отражались и на ситуации в самой стране, оккупированной германскими войсками, подвергавшими ее население геноциду. Польский народ вел героическую борьбу за свое освобождение в условиях идеологического и политического раскола и дезориентации. С февраля 1942 г. разрозненные партизанские отряды были объединены в Армию Крайову, подчинявшуюся Лондону. Параллельно с мая 1942 г. на территории Польши под руководством Польской рабочей партии формировались отряды Гвардии Людовой, впоследствии, в канун 1944 г., преобразованные в Армию Людову²¹⁹. У этих двух направлений польского антифашистского сопротивления был единый враг – оккупационные силы Германии, но в то же время разное отношение к СССР и Красной Армии и взаимное соперничество в области идеологии и политики.

Все эти процессы не могли не влиять на мировоззрение и настроения гражданского населения Польши, которое прямо или косвенно было вовлечено в эти политические и военные события.

По мере продвижения Красной Армии к границе ситуация идеологически и психологически только обострялась, потому что реально вставал вопрос о том, кем станут для Польши советские войска, вступающие на ее территорию, – освободителями от немецкой оккупации или новыми завоевателями, как поведут они себя на польской земле, как, в свою очередь, относиться к ним и какую принять сторону в условиях существования двух конкурирующих между собой польских прави-

тельств и их вооруженных формирований, претендующих на власть в стране после изгнания немцев. Нельзя сбрасывать со счетов и немецкую, весьма изощренную пропаганду, которая формировала образ советской стороны как «большевистских варваров», готовых «растоптать» просвещенную Европу, загнать крестьян в колхозы, а всех недовольных уничтожить либо «отправить в Сибирь».

В проблеме взаимоотношений советских войск с польским гражданским населением существует две стороны. Мы уже рассмотрели исторический контекст, обусловивший психологию взаимовосприятия, усложнявшийся идеологическими мотивами, массивным пропагандистским воздействием, личностными мировоззренческими, биографическими и бытовыми факторами. Мы сделали акцент на факторы, влиявшие, прежде всего, на польскую сторону. Но они же, хотя и по-другому, влияли на мировоззрение бойцов и офицеров Красной Армии. В их сознании доминировал образ славянского, а значит, близкого в противостоянии германцам польского народа, но вместе с тем переплетавшийся с идеологическим стереотипом буржуазной «панской» Польши, враждебной советскому государству. Двойственным было и отношение к Польше как союзнику, – в силу упоминавшихся выше событий, весьма капризному и ненадежному. Население также во многом рассматривалось с классовой точки зрения: симпатию вызывали рабоче-крестьянские «бедняцкие» слои и негативное отношение – зажиточные и «классово чуждые».

Таким образом, взаимовосприятие во многом обуславливалось политическими и идеологическими фильтрами, через которые обе стороны смотрели друг на друга. Здесь социальная реальность была перемешана с мифами и пропагандистскими штампами.

Взаимные психологические ожидания частично подтвердились, но при этом подверглись существенной корректировке, когда два народа пришли в непосредственное соприкосновение.

Официальная позиция советского руководства в отношении к Польше и в связи со вступлением на ее территорию нашла отражение в Постановлении Государственного Комитета Обороны № 6282 от 31 июля 1944 г. и в директиве Генерального штаба Красной Армии командующим войсками 1, 2, 3-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов от 1 августа 1944 г. В них, в частности, говорилось, что «вступление советских войск в Польшу диктуется исключительно военной необходимостью и не преследует иных целей, кроме как сломить и ликвидировать продолжающееся сопротивление войск противника и помочь польскому народу в деле освобождения его Родины от ига немецко-фашистских оккупантов»²²⁰. В связи с этим предписывалось «в районах, занятых Красной Армией, советов и иных органов советской власти не создавать и советских порядков не вводить»; «исполнению религиозных обрядов не препятствовать, костелов, церквей и молитвенных домов не трогать»; гарантировать польским гражданам охрану принадлежащей им частной собственности и личных имущественных прав²²¹. Вместе с тем, постановление предписывало советскому военному командованию «установить дружеские отношения с органами власти, которые будут созданы на освобожденной территории Польским комитетом национального освобождения», при этом «никаких других органов власти, и в том числе органов польского эмигрантского

«правительства» в Лондоне, ... не признавать», а их представителей «рассматривать как самозванцев» и «поступить с ними, как с авантюристами»²²².

Еще до вступления на территорию Польши среди личного состава советских войск была проведена основательная политико-идеологическая подготовка к этому событию. Ее вели военные советы, политорганы и партийные организации всех уровней. Так, военный совет и политуправление 1-го Белорусского фронта разослали по всем политотделам фронта справку по истории польского государства, характеризовавшую его устройство, политико-экономическое положение, культуру, быт и нравы населения, и т.д. Были прочитаны лекции, доклады, проведены беседы на темы: «Задачи личного состава в связи с вступлением Красной Армии на территорию Польши», «Победа над германским фашизмом лежит через освобождение народов Европы», «Воин Красной Армии – представитель самой сильной и культурной армии в мире», «Железная воинская дисциплина и высокая бдительность – залог победы над врагом», «Красная Армия выполняет историческую роль – освобождает народы Европы от фашистского рабства»²²³.

Вот как описывает лекцию о международном положении, прочитанную советским бойцам агитатором полка сразу после вступления на территорию Польши, в своей автобиографической повести «Три круга войны» писатель-фронтовик Михаил Колосов:

«– Хочу остановиться на положении в стране, на территории которой мы находимся. Это вам важно знать, ... ибо вы являетесь непосредственными проводниками нашей государственной политики на чужой территории. Положение в Польше, товарищи, сложное...

И он рассказал, что в Польше еще в июле месяце создан Польский комитет национального освобождения – ПКНО. С этим Комитетом Советское правительство заключило соглашение о том, что, как только зона освобождается от военных действий, руководство на этой территории передается в руки ПКНО.

– Отсюда наша задача – уважать местные власти Комитета, помогать ему. И быть бдительными: здесь действуют банды террористов, они нападают на комитеты, убивают коммунистов, совершают диверсии и против Красной Армии... Как нам вести себя на территории Польши? Как на земле дружественной страны. Помните: вы не дома, но и не в гостях. Без спроса ничего не берите, лес не рубите, местному населению не предлагайте советских денег. Здесь свое государство и свои деньги...

Многое солдатам было непонятно...

– Что же это получается? – возмущенно спрашивали они. – Мы освобождаем их территорию, а лесину не сруби, солому не тронь и даже кувшин молока не купи? А кто нам заплатит за тех солдат, которые полегли здесь?.. И еще ляжет сколько!..

Майор обернулся к замполиту, улыбнулся снисходительно:

– Везде один и тот же вопрос... Товарищи, все это надо понимать так: мы используем польскую территорию для преследования врага, чтобы сокрушить его окончательно. Ну, а попутно освобождаем и саму Польшу. Кроме того, с нами бок о бок борется и польская армия, которая с каждым днем наращивает свою мощь...

– Кто сейчас не понял этой сложной обстановки, – добавил замполит, – поймет со временем. Усвойте одно: должна быть дисциплина! На чужой территории – дисциплина вдвойне! На вас смотрят как на освободителей, как на представителей великого народа – так вы и ведите здесь себя соответственно»²²⁴.

Как пишет М.Колосов, разъяснениями слушатели остались недовольны: «Что-то тут не так, как понималось солдату, слишком все усложнено. Вопросов лектору больше не задавали, но между собой спорили»²²⁵. Однако командование настойчиво проводило свою линию, утверждая в сознании военнослужащих необходимую модель поведения. Тот же автор вспоминает, как личному составу батальона был зачитан приказ по армии с соответствующими комментариями комбата.

«– Мы на чужой территории, но здесь мы не как завоеватели, а как освободители, мы преследуем врага и освобождаем польский народ от ига гитлеровских оккупантов. Здесь свое государство, здесь свои порядки. Здесь для нас все чужое, поэтому без разрешения не брать ни палки, ни доски. Деревья рубить категорически запрещается. Для землянок, для дров ищите поваленные, сухие. Лес – это собственность польского народа, и за каждое срубленное дерево нашему государству придется расплачиваться валютой, золотом. Солома нужна? Будем добывать организованно. Поедет старшина к старосте и скажет ему: «Пан староста, чтобы не стеснять гражданское население, мы остановились в лесу. Солдатам для постелей нужна солома. Не могли бы вы нам помочь?» Только так, дипломатическим путем. Думаю, не откажет. Всякие... шалости в отношении местного населения будут строго наказываться...

В приказе говорилось о том же, о чем сказал комбат, но кроме того, сообщалось, что какой-то ротный старшина украл у поляка овцу для кухни, за что был предан суду военного трибунала.

– Вот это да! – загудели возмущенно бойцы. – За овцу! А он, может, от Сталинграда прошел и хотел солдат подкормить...»

Реакция бойцов была сложной, они долго и возбужденно обсуждали услышанное. «В конце концов согласились, что вести тут себя надо осторожно, с населением – особенно, но за овцу под трибунал – это уж слишком», а в заключении сделали вывод, что все это – политика, «а там, где политика, любые средства применяются»²²⁶.

Во всех частях проводились красноармейские и специальные партийные и комсомольские собрания, на которых принимались решения «вести беспощадную борьбу с мародерством, своевременно пресекать плохое поведение бойцов по отношению к местному населению»²²⁷.

Такая целенаправленная работа с личным составом и жесткие дисциплинарные меры, конечно, не могли полностью устранить негативные явления в Красной Армии, но все же резко ограничили масштабы стихийных реквизиций и произвола по отношению к польским гражданским лицам. Это подтверждают и воспоминания фронтовиков. Так, по свидетельству поэта Давида Самойлова: «...В Польше держали нас в строгости. Из расположения улизнуть было сложно. А шалости сурово наказывались»²²⁸.

Какой же увидели Польшу вступившие на ее территорию советские бойцы?

В январе 1945 г. военный журналист Дмитрий Дажин писал жене: «Я видел то, как ограбили немцы Польшу. Целые деревни сожжены. Города разрушены. Люди живут бедно. Вокруг пески, пески... Хвойные леса – и опять пески, и снова убогие деревушки. С убогой, обездоленной жизнью. Фашисты тут так же грабили народ, как и у нас в России. Трудовой народ Польши радуется нашему приходу.

– Бардзо добже, что вы пришли, пан-туварищ, – говорят они.

...Поляков немцы мучили не меньше, чем наших людей. Поляки ненавидят фашистов. Многие из них говорят, что они хотели бы быть с нами, воевать вместе... Есть, конечно, и такие, что смотрят исподлобья. Немцы тут вели яркую пропаганду, говорили, что большевики – людоеды и прочее. Вот почему в селах люди вначале боятся, а потом ничего, как в родном доме»²²⁹.

Это очень противоречивое взаимовосприятие подтверждают и воспоминания Давида Самойлова. «Не могу сказать, что Польша сильно понравилась нам, – писал он. – Тогда в ней не встречалось мне ничего шляхетского и рыцарского. Напротив, все было мещанским, хуторянским – и понятия, и интересы. Да и на нас в восточной Польше смотрели настороженно и полувраждебно, стараясь содрать с освободителей что только возможно. Впрочем, женщины были утешительно красивы и кокетливы, они пленяли нас обхождением, воркующей речью, где все вдруг становилось понятно, и сами пленялись порой грубоватой мужской силой или солдатским мундиром. И бледные отощавшие их прежние поклонники, скрипя зубами, до времени уходили в тень...»²³⁰

Как видим, во взаимоотношениях советских бойцов и местного населения переплелось немало аспектов: идеологических, экономических, бытовых, лично-эмоциональных.

Непосредственное соприкосновение советских войск с польским населением размывало укоренившиеся взаимные психологические стереотипы. Тому есть немало свидетельств, отразивших как эти перемены, так и противоречия, связанные с различным индивидуальным опытом контактов с другим народом и личностными взглядами, преломлявшими его в сознании. Приведу четыре письма, перлюстрированные военной цензурой, которые относятся к одному и тому же времени (концу февраля 1945 г.) и месту (позициям 19-й армии 2-го Белорусского фронта). Так, военнотружущая Лидия Шахпаронова писала 22 февраля 1945 г. подруге: «Польша мне нравится, и народ здесь приветливый. К нам относятся очень хорошо, как к своим освободителям. Они понимают, что если бы не мы, то никогда бы полякам не сбросить ярмо немцев. А немцы здесь действительно были господами. У нас в СССР они еще не успели развернуться во всей возможной полноте. Полякам нельзя было жениться, есть масло, мясо, хлеб белый, пить молоко и т.д. Им выдавали немного хлеба из отрубей и черного кофе (суррогаты). Вот и все. Специальные нюхачи рыскали по домам и узнавали, не едят ли поляки, что им не положено. Перед пацаном-немцем поляк обязан был снимать шапку и кланяться, иначе тот его бил по щекам. А если бы поляк дал ему сдачи или отпихнул, его бы повесили. Словом, настоящее рабство. Все поляки от старого до малого были работниками у немцев. Все было

немецкое – и заводы, и земля, и магазины. Потому так поляки и ненавидят немцев, проклинают их. Потому они так хорошо встречают нас»²³¹.

Совсем иной акцент мы видим в письме М.П.Анненковой к подруге от 19 февраля 1945 г.: «...Прошли все польские города (Торн, Бромберг и т.д.), побывали у поляков. Поляки – народ не совсем дружелюбный. Некоторые приветствуют хорошо, а некоторые смотрят косо на нас. Немцев ненавидят они крепко, потому что у них деревни и города все разрушены»²³².

Это мнение разделяет и Вера Герасимова: «Проезжали деревни, села, города, – пишет она родным 23 февраля 1945 г. – Дороги хорошие, местами взорваны и побиты при отступлении фрицев... Все это была Польша. Деревни грязные, люди не привыкли, видно, мыться в банях, так как их нет, что нам не очень понравилось, какая-то брезгливость... Внешний лоск и внутренняя грязь. В городах немного получше одеты, с шиком, видимо, привыкли жить с немцем (от 39 г.), то есть нет здесь уже той приветливости [как в деревнях и селах], и мне кажется, что многие в этих городах – это фрицы, замаскированные поляками. Где нас много, они не появляются, своих действий не проявляют, а где идешь одна, можешь напасть на неприятность»²³³.

И наконец последнее письмо, в какой-то мере обобщающее отношения советских солдат к местному польскому и другому населению освобождаемой Европы: «Проехала Эстонию, Литву, Латвию и Польшу, теперь где-то на границе Германии... – сообщает 24.02.1945 г. подруге Галина Ярцева. – Какие города я видела, каких мужчин и женщин. И глядя на них, тобой овладевает такое зло, такая ненависть! Гуляют, любят, живут, а их идешь и освобождаешь. Они же смеются над русскими... Да, да! Сволочи... Не люблю никого, кроме СССР, кроме тех народов, кои живут у нас. Не верю ни в какие дружбы с поляками и прочими литовцами!»²³⁴

В этих письмах зафиксировано несколько явлений, которые представляют для нас интерес. Во-первых, жизнь польского населения, представшая перед глазами советских солдат, в сравнении с жизнью в собственной стране. Здесь констатация относительного богатства городов и бедности польских сел, униженности и тягот немецкого оккупационного порядка. Во-вторых, крайняя противоречивость отношения поляков к наступавшим советским войскам, где местами присутствует приветливость, а порой настороженность и даже враждебность. Наконец, в-третьих, собственное противоречивое отношение к польскому населению, в котором есть и сочувствие, и недоверие к нему, и отторжение как инородного, чуждого, внутренне враждебного. Последний оттенок был замечен советской военной цензурой и зафиксирован в донесении Политотдела 19-й армии об организации воспитательной работы в войсках в ходе наступления 17 марта 1945 г. как «факт непонимания великой освободительной миссии Красной Армии»²³⁵. Но для нас важны не официозные позиции чиновников, а реальные массовые настроения рядовых бойцов и граждан.

Вместе с тем, советские официальные органы тщательно и достаточно объективно отслеживали реальную ситуацию: как поведение собственных войск на польской территории, так и отношение польского населения к Красной Армии. Весьма ценными для нашего анализа являются донесения и доклады дивизионных и армейский политотделов, обобщавших стекавшуюся к ним информацию. Имен-

но политорганы, а также органы контрразведки «Смерш» и военные коменданты проводили основную работу по изучению настроений польского населения, применяя для этого различные формы и методы. В освобожденных населенных пунктах представителями Польского комитета национального освобождения с активным участием советских политработников проводились собрания и митинги, на которых разъяснялись цели прихода Красной Армии в Польшу и суть новых советско-польских отношений. Широко практиковались индивидуальные и групповые беседы советских бойцов и офицеров с местным населением.

Собранный различными способами материал позволял политорганам делать определенные выводы о поведении поляков, их отношении к Красной Армии и различным вопросам внутренней жизни Польши. Характерно в этом отношении политдонесение начальника политотдела 175-й стрелковой дивизии начальнику политотдела 47-й Армии о помощи польского населения войскам Красной Армии от 29 июля 1944 г. В нем говорится: «Население Польши проявляет большой интерес к Красной Армии. Много случаев, когда женщины выносят навстречу бойцам передовых подразделений молоко и фрукты. На привалах польские девушки под гармошку танцевали с нашими бойцами. Мужское население больше всего интересуется положением на фронтах. Пожилые мужчины, служившие раньше в царской армии, интересуются порядками в Красной Армии, введением погон. Большая часть населения осведомлена о политических вопросах, о наших взаимоотношениях с польским правительством в Лондоне, создании и боевых действиях польской армии в СССР. Симпатии населения на стороне армии Берлинга. Мужское население заявляет о своей готовности идти в армию Берлинга. В одном из хуторов при прохождении с полковым знаменем все мужчины сняли головные уборы и с обнаженными головами пропустили наши знамена. С особым интересом гражданское население слушало сообщения наших политработников о создании Польского комитета национального освобождения, декретах Крайовой Рады Народовой, заявлении Наркоминдела об отношении Советского Союза к Польше и о соглашении, заключенном между СССР и Польшей»²³⁶. В заключении донесения делается вывод о том, что гражданское население готово содействовать успехам Красной Армии, и приводится ряд подтверждающих это конкретных фактов²³⁷.

О той же тенденции свидетельствует и другой документ – доклад политотдела 28-й армии 1-го Белорусского фронта о работе политорганов среди польского населения и его отношении к Красной Армии за конец августа 1944 г., обобщивший материалы, собранные за более длительный срок в районе боевых действия и дислокации целой армии. В нем говорится: «Подавляющее большинство населения встречает Красную Армию не только лояльно, но и дружелюбно. Сдержанность, наблюдавшаяся в первые дни по отношению к Красной Армии, постепенно сменяется пониманием великой освободительной роли, которую выполняет армия Советского Союза.

Многочисленные высказывания поляков в беседах с нашими бойцами и офицерами свидетельствуют о том, что польский народ ждал своего освобождения от немецкого ига и все свои надежды возлагал на Красную Армию. Поляки заявляют: «Мы могли ждать помощи только от русских, от Советов, и вы пришли»; «Немцы принесли

польскому народу полное рабство. И теперь, когда Красная Армия освобождает из-под гнета немецких захватчиков польский народ, мы будем всемерно помогать Красной Армии, чтобы как можно скорее разгромить ненавистного врага».

Нередко поляки, обращаясь к воинам Красной Армии, говорят: «Спасибо, родные, что освободили нас. Всем, чем только можем, мы будем помогать бить проклятых немцев». «Пришла сильная Красная Армия, и мы теперь можем свободно жить» и т.д. ... Во многих населенных пунктах население встречает входящие туда части с цветами, хлебом-солью, целует бойцов и офицеров»²³⁸.

В том же докладе приводятся многочисленные факты дружественного по отношению к Красной Армии поведения польского населения и проявляемого им по собственной инициативе сотрудничества: внимания к памяти погибших советских воинов, ухода за ранеными, помощи в быту, в снабжении продовольствием, в предоставлении транспорта для перевозки военных грузов, ремонте мостов и дорог. Имели место даже молебны с призывом католических священников к верующим оказывать помощь Красной Армии²³⁹.

Особо подчеркивалось, что «очень многие поляки, желая с оружием в руках бороться против немцев, спрашивают, когда их призовут в польскую армию, которая пользуется у населения большим авторитетом. Особенное желание пойти в польскую армию изъявляет молодежь, в том числе и девушки»²⁴⁰. Этот факт считался безусловным доказательством лояльного отношения к советским войскам и их союзнику – Войску Польскому. Но в гораздо большей степени он свидетельствовал о другой мотивации, которая отражена практически во всех документах того времени – как официальных, так и личного происхождения, – о ненависти поляков к гитлеровским оккупантам и желании отомстить за страдания своего народа. Так, в одном из политдонесений было сказано: «Что же касается отношения поляков к Германии, то все слои польского населения ненавидят немцев, охотно рассказывают факты о чудовищных зверствах фашистских мерзавцев по отношению к полякам и пленным красноармейцам... Нередки случаи, когда население, желая излить свою ненависть на немцев, пыталось избить военнопленных солдат и офицеров... Красноармейцам с большим трудом удалось защитить пленных и установить порядок»²⁴¹.

Характерно и такое явление, как интерес польских граждан к жизни в Советском Союзе, о которой оно многие годы получало только одностороннюю и весьма искаженную информацию. Так, в политдонесениях отмечается, что «гражданское население с большим желанием и интересом читает наши газеты и смотрит наши кинофильмы»²⁴². Вот как описывает подобную ситуацию в городе Ченстохов 19 января 1945 г., на второй день после его освобождения, в своем фронтовом дневнике Дмитрий Дажин: «Сохранилось два кинотеатра, где уже показывают наши фильмы: «Сталинград», «Большая жизнь», «Чапаев», «Веселые ребята» («Весь свит смеетца»). Все они вызывают исключительный интерес у поляков. Польские девушки поют на улицах наши песни. Особенно полюбилась им песня «С берез неслышим, невесом, слетает желтый лист...». На улицах – ватаги молодежи. Встречают радушно: зовут в гости, угощают вином. Везде флаги польские и наши, советские. Прошла сегодня демонст-

рация, были митинги и богослужение. Ксендз перед большой толпой благодарил Россию и молился за победу Красной Армии»²⁴³.

Особенно тепло встречали советские войска в рабочих городах и районах. 30 января 1945 г. тот же участник событий записал свои впечатления о пребывании в только что освобожденном городе Катовице – шахтерской столице Польши: «Шахтеры приветствуют своих освободителей, в их честь вывешивают наше знамя, транспаранты с благодарственными надписями. То и дело встречаю наших солдат, по-братски толкующих с жителями шахтерского города... Они стосковались по труду, по своим шахтам, по миру. И потому так тепло, радушно, дружески трогательно встречают советских воинов, пожимают им руки, обнимают, зазывают в гости. В особом почете у горожан наши танкисты...»²⁴⁴

Однако не везде были такие радужные картины. Почти во всех свидетельствах и воспоминаниях упоминаются факты нелояльного и даже враждебного отношения некоторых поляков к Красной Армии. Причем очень часто в таких случаях прослеживается влияние «классового фактора» и «большой политики». Не случайно, в уже цитированном докладе политотдела 28-й армии 1-го Белорусского фронта за конец августа 1944 г. большое внимание уделено анализу информации о противоречивости отношения польского населения к советским войскам и СССР в целом. Там, в частности, говорится: «Имеются определенные лица среди польского населения, которые проявляют сдержанное и даже враждебное отношение к Красной Армии. В селе Сухожабры во время сильного дождя хозяева в одном доме грубо заявили нашим бойцам, желавшим укрыться в хате: «Вам в доме делать нечего, можете найти себе сарай и там дожидаться погоды». В другом доме на просьбу дать напиться воды ответили: «Для вас здесь воды нет, можете убираться отсюда». Имеются и другие факты, когда население отказывается давать бойцам на временное пользование косы, ведра, кружки и т.п.

Ксендз села Кременув-Ковецкий неоднократно говорил полякам, чтобы они не помогали и ничего не давали Красной Армии. В беседе с крестьянами он говорил: «Пусть Советы поскорее ослабнут, проливая кровь за Польшу. Тогда, после разгрома Германии, Англия и Америка могут быстрее установить в Польше правительство Миколайчика». И не случайно жители этого села не приветствуют и не отвечают на приветствия наших офицеров. Отдельные поляки пытались купить у наших бойцов оружие, обещая за него водку и продукты.

В селе Пшесмыки отдельные крестьяне не выполняют задание солтыса по ремонту дорог, по мясopоставкам и другие. Там же зажиточный крестьянин Филиппский избил солтыса за то, что тот требовал у него мяса для Красной Армии.

До сего времени во всех деревнях и городах плохо выполняются приказы Военного совета о сдаче населением оружия и радиоаппаратуры... Многие поляки скрывают оружие и радиоприемники, что является весьма подозрительным и требует срочных мер со стороны командования и политотдела армии»²⁴⁵.

Особенно острыми, запутанными в сознании большинства гражданского населения были политические проблемы, связанные с межгосударственными отношения-

ми СССР и Польши, с вопросами о будущих границах, об общественно-политическом устройстве страны, о том, какая власть установится в ней после войны.

В том же докладе политотдела 28-й армии отмечалось: «Среди населения существуют самые разнообразные толкования вопросов советско-польских отношений и границ между Польшей и Советским Союзом. Большинство населения, преимущественно средние и бедняцкие слои города и деревни, считают границы 1939 года справедливыми. Зажиточные и часть средней группы населения мечтают о восстановлении прежних границ с Советским Союзом. На них заметно влияние лондонского эмигрантского правительства.

Известная часть населения, особенно старые солдаты, служившие в русской армии, и поляки из бедняцких слоев высказывают мысли о присоединении Польши к Советскому Союзу. Только в этом они видят гарантии военной безопасности польского народа. Среди этой части населения характерны выражения «наша армия», «наш самолет» по отношению к Красной Армии. Когда им делают замечания, что это не польская, а русская армия, они отвечают: «Это все равно». В деревне Крыница один поляк, в прошлом солдат русской армии, заявил: «Мы долго жили с русскими, и нас никто не трогал. Мы снова хотим быть вместе, только тогда можно быть сильными». Крестьяне-бедняки в селе Свитер заявили: «Польшу надо присоединить к Советскому Союзу, чтобы потрясти шляхту, иначе все будет по-старому». Этой части населения мы разъясняем, что Красная Армия не вмешивается во внутренние дела Польши, что польский народ сам установит у себя власть и что Польский комитет национального освобождения признает его авторитет»²⁴⁶.

Политику ПКНО поддерживали прежде всего средние и бедняцкие слои населения, рассчитывавшие на то, что «теперь крестьянин не будет жить в нужде». Вместе с тем, в аналитическом документе политотдела армии отмечалось, что среди поляков «немало и сторонников лондонского правительства». «Эти лица, – говорилось в нем, – преимущественно из помещичьих, зажиточных слоев и частично из польской интеллигенции. В связи с отъездом Миколайчика из Москвы учитель из деревни Головчинцы заявил: «Плохо, что Советы не признают Миколайчика, Польша пойдет за ним».

Среди этой части населения орудуют представители лондонского эмигрантского правительства. Выявлены некоторые подпольные националистические формирования. В одном населенном пункте Ягодне-Пенки Седлецкого уезда значительная часть населения недовольна приходом Красной Армии. Здесь активную работу проводит подпольная националистическая организация «Партизанка», куда входят помещики, зажиточные крестьяне и духовенство. Эта организация поддерживается лондонским правительством. Ее члены ведут среди населения агитацию о необходимости восстановления Польши в прежних границах... Организация подбивает местное население на вооруженную борьбу против Красной Армии...

В деревне Струсы Седлецкого уезда орудуют члены подпольной организации «Польские пань», преимущественно из реакционно настроенных кулаков. В период немецкой оккупации они помогали немцам расстреливать еврейское население и военнопленных красноармейцев. Эта организация призывает поляков к борьбе с Красной Армией, выдвигая программу: «Зачем нам в Польше Красная

Армия и коммуна? Нас Англия вооружит, тогда мы возьмемся за Россию. Польша будет великой империей от Балтийского до Черного моря».

11 августа в город Венгров приезжал представитель лондонского правительства для установления связи и дачи указаний своим единомышленникам... И, как предполагают, выехал в город Седлец с той же целью.

В ряде населенных пунктов отмечены факты срывов приказов командования Красной Армии и плакатов Национального Комитета, вывешенных на стенах. Ряд офицеров и солдат Армии Крайовой угрожает населению репрессиями за лояльное отношение к Красной Армии»²⁴⁷.

Таким образом, польское население оказывалось как бы между двух огней. Эту ситуацию, пожалуй, весьма точно отразила докладная записка Военного совета 47-й армии в Военный совет 1-го Белорусского фронта об отношении отрядов Армии Крайовой к Красной Армии от 30 июля 1944 г. В ней говорилось о том, что «население тепло относится к частям Красной Армии, но в то же время исключительно хорошо относится и к отрядам так называемых польских партизанских частей и подразделений»²⁴⁸.

Итак, в 1944 г. произошла встреча двух народов – непосредственное соприкосновение больших масс советских людей, одетых в солдатские шинели, и польского населения. Такие встречи в истории бывают относительно редки и, как правило, связаны с особыми ситуациями, а именно – с войнами. В этом случае активная сторона – наступающая армия – является, во-первых, инструментом официальной государственной миссии своей страны (оккупация, союзнические обязательства, освобождение и т.п.); во-вторых, – непосредственным носителем социокультурных, ценностно-мировоззренческих, традиционно-бытовых, поведенческих и т.п. качеств своего народа. Поэтому и взаимодействие, взаимовосприятие, взаимоотношение пришедшей армии и местного населения происходит как бы в двух плоскостях – официально-функциональной и личностно-бытовой.

Польша с нетерпением ждала освобождения от немецко-фашистской оккупации и осознавала как наиболее вероятный, реальный вариант, что это освобождение придет с Востока. Однако польское общество не было единым, и ожидание это было разным. У слоев населения, ориентированных на лондонское эмигрантское правительство, были опасения как в том, что советские войска могут лишить Польшу независимости, так и в том, что в ней будет создана просоветская политическая и социально-экономическая модель. Стремясь предотвратить такой ход истории, они создавали свои вооруженные формирования (Армия Крайова), зачатки властных структур на местах, надеялись на помощь западных союзников. В ряду самых крупных акций этой части польского населения была организация и осуществление героического и трагического Варшавского восстания, которое с военной точки зрения оказалось нецелесообразным, но имело преимущественно политический смысл – установление власти «лондонского правительства» в столице до прихода советских войск.

Существовали и другие, весьма значительные слои, которые, напротив, приветствовали возможное развитие событий по советскому сценарию, по крайней мере, в части

социальных преобразований. Особенно активны в этом отношении были сторонники Польской рабочей партии и других левых организаций, бойцы Армии Людовой и др.

Основная масса польского, преимущественно крестьянского населения была аполитична, нейтральна или политически дезориентирована. Для нее были важны прежде всего гарантии жизни и собственности, сохранение или упрочение имущественного положения, возможность ведения самостоятельного хозяйства, налаживание нормальной мирной жизни и бытовых условий.

Советские войска перед вступлением в Польшу также имели целый комплекс политико-идеологических и социокультурных установок и стереотипов в отношении этой страны и ее населения, которые частью были сформированы до войны средствами государственной пропаганды и системы образования (образы «панской Польши», «белополяков», «угнетателей братского белорусского и украинского народов» и др.), частью – в ходе самой войны (как «жертвы немецкого фашизма – братского славянского народа, который нужно освободить»), частью – в результате разъяснения директив командования о вступлении Красной Армии на территорию Польши (о «Великой освободительной миссии», поведении советских войск за границей, об отношении к польскому населению и др.). Весьма неожиданными для солдатской массы были установки уважать частную собственность местного населения, «не лезть в чужой монастырь со своим уставом», в том числе не мешать деятельности католической церкви и даже не трогать «классово чуждые элементы» (помещиков, крупных хозяев и т.п.), если они не проявляли открытых враждебных действий против Красной Армии и утверждавшихся при ее поддержке властных структур Польского комитета национального освобождения.

Ожидания, идеологические, политические, социокультурные стереотипы, сформированные у обеих сторон до соприкосновения двух народов, лишь в некоторой степени оправдались, но по большей части подверглись изменению и конкретизации при их непосредственном контакте. Красная Армия действительно несла на своих штыках освобождение от фашистской оккупации и в то же время поддержку одной из социально-политических сил польского общества, способствуя утверждению ее у власти, и одновременно препятствуя деятельности сторонников лондонского эмигрантского правительства и разоружая Армию Крайову.

В этом политическом контексте и происходило взаимодействие советских военнослужащих с польским гражданским населением. Отношение поляков к Красной Армии отнюдь не было однозначным. Разные люди в разных местах встречали ее по-разному, нередко отношение было двойственным. С одной стороны, большинство поляков приветствовало советских солдат как освободителей, высказывало желание и готовность продолжать борьбу с общим врагом – Германией, оказывало помощь и содействие войскам, нередко проявляя в этом добровольную инициативу. Особенно искренними были живые человеческие контакты на бытовом уровне. Почти все группы населения, независимо от своих политических пристрастий, проявляли неподдельный интерес к советским воинам как носителям иной культуры, обычаев, взглядов, образа жизни, бытовых привычек и т.д. И интерес этот был взаимным.

С другой стороны, значительная часть польского населения воспринимало Красную Армию как носителя чужой идеологии, источник установления нежелательного общественно-политического режима, как недавнего противника, расчленившего довоенную Речь Посполитую и явно не собирающегося возвращать ей отторгнутые в 1939 г. земли, а потому – как временного и весьма сомнительного союзника, к которому нужно относиться недоверчиво и осторожно. Поэтому не столь уж редки были случаи проявления недружелюбия и актов откровенной враждебности, а порой и прямые столкновения (в первую очередь с отрядами Армии Крайовой), в результате которых в различных обстоятельствах с конца июля по конец декабря 1944 г., по неполным данным, было убито 227 и ранено 94 офицеров и бойцов Красной Армии²⁴⁹.

Не случайно, противоречивость и двойственность отношения со стороны местного населения фиксируется во многих советских источниках того времени – не только в аналитических документах политорганов и материалах контрразведки, но и в солдатских письмах и дневниках: «поляки – народ не совсем дружелюбный», «смотрят косо», «вечером опасно показываться на улице», «нельзя ходить по одному – можно напасть на неприятности» и т.п. Причем, эта настороженность и враждебность «освобожденных братьев-славян» была для советских солдат обидна и непонятна, а потому они наивно пытались объяснить ее тем, что здесь еще «прячутся фашисты и их прихвостни» и действуют «фрицы, замаскированные поляками».

Обида психологически была вызвана тем, что советский солдат с полным основанием воспринимал себя как освободителя, который готов был пожертвовать и жертвовал своей жизнью для освобождения чужой страны. Это не пустые слова: 600 тыс. советских воинов погибли ради того, чтобы не только могло существовать самостоятельное польское государство, но и выжила сама польская нация. Более 1 млн. 400 тыс. были ранены и искалечены в боях на польской земле²⁵⁰.

* * *

Таким образом, к середине XX века, к моменту окончания Второй мировой войны, история русско-польских отношений (включая советско-польские) и в политическом, и в психологическом планах прошла сложный путь, на котором были этапы и существования в одном государстве, и прямых военных столкновений, и сосуществования весьма недружественных стран, и борьбы с общим смертельным врагом.

Польские территории стали одной из основных арен боевых действий Первой мировой войны, а проживавшие на них поляки воевали в противоборствующих армиях России, Германии, Австро-Венгрии. Возрождение независимого Польского государства в результате распада Российской Империи не устранило прежних противоречий. Вместе с тем, появились и новые, связанные с идеологическим противостоянием, прямым столкновением в польско-советской войне 1919–1920 г., многолетними территориальными претензиями обеих сторон и их далеко не дружественными взаимоотношениями в сложном контексте мировой политики 1920-х – 1930-х гг. Но, пожалуй, самым драматичным фактором стал новый раздел Речи Посполитой в результате «пакта Молотова-Риббентропа» и начала Второй мировой войны.

Вместе с тем, СССР сыграл решающую роль не только в освобождении Польши, но и в спасении ее народа от фашистского геноцида, и в определении ее

современных, справедливых и получивших международные гарантии границ. Опыт непосредственной встречи советских и польских людей в драматической ситуации 1944 – начала 1945 гг., несомненно, остался в исторической памяти граждан двух стран. И был он, несмотря ни на что, преимущественно позитивным.

В дальнейшем отношения двух народов на ряд десятилетий были предопределены новым общеполитическим и международным контекстом: формированием и противостоянием двух мировых систем, военно-политических блоков, развитием «холодной войны», доминированием Советского Союза в Восточной Европе. Были и политический диктат со стороны СССР, и различные виды межгосударственного, экономического и культурного сотрудничества, и распад «социалистического лагеря»... Все это тоже отложилось в исторической памяти, во многом оттеснив на задний план те давние события середины 1940-х гг.

В многовековом историческом котле взаимоотношений поляков и русских, в котором XX век оказался наиболее драматичным, в принципе не могло выплавиться что-то простое и однозначное, тем более в области психологии взаимного восприятия, отношения и оценок. Но психологически непростое на заключительном этапе Второй мировой войны соприкосновение поляков и русских, стержнем которого стало боевое содружество в борьбе против общего врага, несомненно, останется одним из самых значительных связующих нас звеньев, определяющих позитивные аспекты взаимного образа и эмоционально-ценностную основу добрососедских отношений.

Во Второй мировой войне Советский народ заплатил очень дорогую цену за чужое – в том числе польское – благополучие. И польский народ, который сам потерял в той войне 6 млн. жизней, должен это понимать и не забывать. И никакие политические соображения военного и послевоенного времени, как и современная политическая конъюнктура, не могут зачеркнуть реальности и весомости этой жертвы советского народа во имя освобождения Польши. Поэтому вряд ли можно найти оправдание тем, кто сносил памятники советским солдатам и осквернял мемориальные кладбища, заявляя, что это символы тоталитарного режима. Короткая историческая память, неспособность испытывать благодарность не украшают ни одну нацию и в действительности только подрывают ее национальный дух. Кроме того, они добавляют негативные стереотипы во взаимовосприятие и взаимоотношения двух народов.

Нация, – если она считает себя зрелой и является таковой, – должна уметь отделять зерна от плевел, чтобы взаимные претензии и обиды не заслоняли того главного, что нас объединяет.

Афганистан: зона военного и социокультурного противостояния

Восприятие одной культуры другой никогда не бывает абстрактным: всегда существуют конкретный объект, субъект и ситуация восприятия. Афганская война 1979–1989 гг. воспроизвела не такой уж редкий вариант взаимодействия двух принципиально различных культур через военное противостояние.

Для исследователя советско-афганский конфликт интересен, прежде всего, тем, что в отечественной истории XX века занимает особое место как война, которая велась исключительно на чужой территории, силами армейского «ограничен-

ного контингента», но, несмотря на то, что относится к категории «малых войн», оказалась самой продолжительной, а по своим последствиям для страны – просто катастрофической. Ситуация была осложнена тем обстоятельством, что само афганское общество было расколото на две части, одна из которых воспринимала вмешательство СССР в Афганистане как союзную помощь и поддержку, а другая, со временем усиливавшаяся и разраставшаяся, – как агрессию и навязывание силой чуждых порядков. Важно и то, что в отличие от войн с европейским противником, она велась с представителями качественно иной – мусульманской – культуры, что во многом обусловило ее психологическую специфику.

Полуофициальная Афганская война 1979–1989 гг. относится к категории локальных войн, хотя и самых длительных для России (СССР) в XX веке. Официальным мотивом ее была помощь союзнику – революционному афганскому правительству против внутреннего контрреволюционного сопротивления. Она велась на чужой, афганской территории, но не имела ни четко очерченного театра военных действий, ни строго определенного противника. Это была партизанская война многочисленных, часто не связанных друг с другом вооруженных повстанческих формирований, поддерживаемых из-за рубежа (Пакистаном, Ираном, США и другими странами). Союзником советских войск было лишь официальное афганское правительство в Кабуле и его войска. По характеру ведения боевых действий это была мобильная война с опорой на военные базы и пункты постоянной дислокации, размещенные в разных районах страны. В боевых действиях принимали участие все рода сухопутных вооруженных сил и авиации. Всего за 9 лет войны в составе советских войск на территории Афганистана находилось 620 тыс. военнослужащих, общие потери личного состава за этот период достигли 484 тыс., из них безвозвратные – около 14,5 тыс. чел.²⁵¹

Война в Афганистане оказалась очень специфической с точки зрения ее идеологического оформления. Охватив очень разные периоды внутреннего развития СССР, от последних лет так называемого брежневского «застоя» она протянулась вплоть до завершающей фазы «перестройки», почти кануна распада СССР. Соответственно, образ этой войны, который пыталась передать власть для внешнего и внутреннего потребления, радикально менялся, вобрав в себя противоречия внутривнутриполитических коллизий в советском руководстве и в развитии страны. В целом, с этой точки зрения войну можно разделить на три больших этапа.

На первом события в Афганистане вообще не признавались войной, а чем-то вроде гуманитарной помощи дружественному афганскому народу. Фактически до 1987 г. (хотя первые публикации стали появляться в 1984 г.) сам факт войны старались скрыть, вплоть до того, что погибших солдат хоронили в тайне под покровом ночи. В этот период многим военнослужащим в Афганистане присваивали высокие государственные награды, в том числе и звание Героя Советского Союза, однако из газетных публикаций следовало, что получены они за участие в полевых учениях, «боях» с «условным противником», а также за помощь афганцам в хозяйственных работах²⁵².

Основания для такого освещения событий были, пожалуй, лишь в самом начале пребывания советских войск в Афганистане. «Первые полгода наши части там действительно занимались только тем, что помогали строить им дороги, восстанавливать

школы, и так далее, – вспоминает майор В.А.Сокирко, – а война пошла уже позже, потому что, видимо, была неправильная политика и, в частности, религиозная политика. Но это у них там уже какие-то свои начались проблемы, а может, и наши им добавили с экспортом социализма на афганскую землю»²⁵³.

Официальной мотивировкой в тот период было «выполнение интернационального долга в дружественном Афганистане по просьбе революционного афганского правительства». В это понятие тогда вкладывался почти исключительно мирный смысл. Однако для самих армейских подразделений, которые выполняли этот «долг» отнюдь не на «сельхозработках», предлагалось другое обоснование: не отстаивание завоеваний Апрельской революции, а защита южных рубежей собственной страны. Эта мотивировка в целом находила отклик в сознании большинства военнослужащих. Вот как вспоминает об этом подполковник погранвойск В.А.Бадиков: «Отношение в то время к войне было однозначным: что кругом нас противник, что границы наши близко примыкают к боевым действиям, и для того, чтобы обезопасить границу и местное население, мы должны были обеспечить это с той стороны. Такое же отношение осталось и сейчас. И, как показывает, например, опыт нынешней службы в Таджикистане, – мы были правы. Мы знали, что если не будет на той стороне наших частей, резня перенесется на эту сторону. Как говорится в «Белом солнце пустыни»: «Восток – дело тонкое». Мы это понимали и раньше»²⁵⁴.

Эту позицию подтвердил в своем интервью и майор С.Н.Токарев, участвовавший в действиях ОКСВ в 1982–1984 гг.: «Я не сказал бы, что какой-то сильный подъем патриотический был, но было одно понятие и отсюда сильное направление всей работы с солдатами. И сам себя я в этом убеждал: что вот Афганистан находится на вершине, а у подножия этой вершины – Уральские горы, и если американцы поставят там свои ракеты, досягаемость будет полная, и нам поступаться своими интересами никак нельзя... Эта мысль, что мы защищаем не чужую революцию, а южные рубежи нашей Родины, – мне кажется, она была действенная. Было понимание необходимости своего пребывания там»²⁵⁵.

Для кадровых военных целесообразность участия советских войск в афганском конфликте определялась еще одним специфическим аспектом – поддержанием боеспособности вооруженных сил на основе приобретения значительной частью военнослужащих боевого опыта, испытания новых видов оружия, отработки стратегии и тактики боевых действий в конкретных условиях и т.д. «Все-таки, несмотря ни на что, Афганистан был хорошей школой для нашей армии, – утверждает В.А.Сокирко. – Может, это прозвучит несколько жестоко по отношению к тем людям, которые погибли, но все-таки 15 тысяч человек за 10 лет... У нас только по Москве, наверное, в автотрагедиях больше погибло. Хотя жаль, конечно же, любого погибшего, можно было бы все отдать, чтобы не было потерь... А для армии – это была школа, приобретение действительно боевого опыта, даже для проверки каких-то своих чувств. Вот сейчас офицеры-«афганцы» очень сильно шагнули вперед в военной карьере, в том плане, что у них особое мышление, тактическое мастерство...»²⁵⁶.

Конечно, даже в начале войны у военнослужащих с достаточно широким кругозором, преимущественно офицеров, не могли не возникать некоторые сомнения. «В то время, когда эта война начиналась, когда нас туда отправляли, может, внутри

каждый из нас чувствовал и знал, что это война ненужная, что мы пришли воевать на чужую землю, что это война бесполезная, на опыте, может быть, и Вьетнамской войны, но, с другой стороны, в армии есть приказ, и приказ выполняется, а не обсуждается»²⁵⁷, – говорит майор И.Н.Авдеев. Впрочем, эта «мудрость задним числом», возможно, является корректировкой при переосмыслении прошлого, «ошибкой ретроспекции»: интервью респондент давал автору в конце 1993 г.

Национально-государственная мотивировка участия СССР в войне в Афганистане все-таки находила больший отклик в сознании кадровых военных. Войну в основном считали справедливой и верили в успех. «Была ли вера в победу, в правоту своего дела? – спрашивал себя полковник В.В.Титаренко и отвечал: – Ну, конечно. В тот период, конечно. И победа, мы хотели, чтоб была, и правота была. И защищали кого-то... Даже не кого-то, а престиж своей страны. Американцы тоже в свое время, да и сейчас говорят: «Мы свои интересы защищаем во всех точках земного шара». А почему мы не можем? Мы тоже богатая и крепкая страна, и у нас есть свои политические и стратегические цели, которые стоят перед нашим правительством, народом, страной...»²⁵⁸.

Вместе с тем, кадровые офицеры, безусловно, осознавали специфику вооруженных действий на Востоке, в обществе с традиционной мусульманской культурой, с развертыванием партизанского движения и т.д. «Особенность войны в Афганистане была в том, что это чужая страна, и поначалу мы туда вошли как интернационалисты, а потом, когда развязались столкновения с бандформированиями, уже шла борьба за выживание: кто кого. Либо они нас, либо мы их»²⁵⁹, – рассуждает В.А.Сокирко.

Начиная с 1987 г. информация о событиях в Афганистане постепенно становилась более открытой и адекватной. Было признано, что в этой стране фактически ведется война, но преобладала героизация в ее освещении, в духе революционного романтизма. Формула «интернациональный долг» наполнилась иным смыслом, включившим военную помощь революционному афганскому народу против внутренней контрреволюции и иностранных бандформирований (имелся в виду Пакистан). Однако вскоре на этот «романтический» этап наложился третий – критический, переходящий в прямое очернительство роли Советской Армии и СССР в целом во внутриафганском конфликте.

14 апреля 1988 г. в Женеве министрами иностранных дел Афганистана, Пакистана, СССР и США был подписан блок документов по политическому урегулированию положения вокруг Афганистана. Было принято решение о выводе оттуда советских войск, которое началось 15 мая 1988 г. и официально завершилось 15 февраля 1989 г. В этот период пошел поток критических публикаций в средствах массовой информации и оценок на высшем государственном уровне. Наконец уже в декабре 1989 г., на II Съезде народных депутатов СССР, решение о вводе войск в Афганистан в декабре 1979 г. было признано политической ошибкой²⁶⁰.

Интересно, как это официальное идеологическое оформление войны сказывалось на психологии личного состава «ограниченного контингента советских войск», его отношении к войне и к противнику.

По свидетельству воинов-«афганцев», побывавших в этой стране на разных этапах войны, восприятие участия СССР во внутриафганских делах и отношение к этому у военнослужащих ОКСВ постепенно менялось. Если вначале многие действительно верили официальным формулировкам об «интернациональной помощи» более развитого социалистического соседа революционному Афганистану, решившему вырваться из средневековой отсталости, то по мере расширения боевых действий и ожесточения сопротивления афганской оппозиции, развертывания партизанской войны, все чаще возникали вопросы: «Зачем мы здесь?» Официальным ответом на них был перенос акцентов в политико-воспитательной работе с формулировок о помощи афганской революции на защиту государственных интересов СССР – от «козней американского империализма» в Центральной Азии и от угрозы южным границам СССР. Но на третьем этапе, когда произошла полная дезориентация в идеологических установках и в политическом обосновании участия СССР в афганском конфликте, которая особенно обозначилась после переговоров Горбачева с Рейганом в 1987 г., когда была достигнута договоренность о выводе советских войск, и Женевских переговоров 1988 г., закрепивших и оформивших это решение, морально-психологическое состояние ограниченного контингента оказалось чрезвычайно тяжелым. Широкое распространение получили такого рода разговоры между военнослужащими: «Если эта война – политическая ошибка, то почему мы должны и дальше рисковать своей жизнью?» «Кто мы теперь и как нас после всего этого встретят дома? Как будут называть? Жертвы политической ошибки? Убийцы?..» и т.п.

На примере Афганской войны особенно очевидна теснейшая связь политико-идеологического обоснования войны, ее мотивировки с морально-психологическим состоянием армии и всего народа. В Афганистане советские войска не потерпели поражения ни в одной военной операции, но политики рассудили иначе. Еще раз подтвердилась старая истина, что война проиграна лишь тогда, когда руководство, общество и страна признали себя побежденными. А в армии в результате Афганской войны широко распространилось мнение (и чувство): «Нас предали! Мы теперь никому не нужны...» И предательство это было осуществлено руководством собственного государства и «гражданским обществом». Так в сознании многих воинов-«афганцев» развертывание демократии в стране стало ассоциироваться с изменой.

* * *

Проблема «свой – чужой» – всегда центральная во взаимодействии любых социумов, включая социо-культурные образования. Образ «другого» всегда воспринимается через собственный опыт, собственные традиции, психологию и даже архетипы. Чаще всего это происходит отнюдь не дружелюбно, без излишних симпатий, потому что собственная культура, собственные обычаи в силу человеческой психологии представляются более значимыми, а иногда и самоценными, тогда как к инородным явлениям относятся либо безразлично, либо настороженно. Ситуация, когда носители одной культуры вторгаются в среду другой, используя силу, превращает эту изначально неблагоприятную «нейтральность» в активную враждебность, которая тем сильнее, чем дальше друг от друга отстоят эти

культуры. В этом смысле Афганская война – классический вариант такой ситуации, причем с обеих сторон.

Однако в советских войсках, вступивших в Афганистан, при всей их общности как представителей «советского народа» с присущим ему на поверхностном, «надстроечном» уровне менталитетом (идеологические стереотипы, внедренные государством), служили люди разных национальностей, вероисповеданий, культур. Отсюда вытекает проблема дифференцированного восприятия афганского общества и его традиций различными субъектами, представлявшими в «ограниченном контингенте» различные субкультуры.

Среди них можно условно выделить три больших категории. Первая – это наиболее близкие афганским народам по культуре и обычаям выходцы из Средней Азии (таджики, узбеки, туркмены и др.). Этническая, языковая и религиозная общность при всем внешнем государственном влиянии создавала в этих случаях основу для восприятия афганской культуры как родственной, хотя и отсталой, застывшей в своем развитии где-то на уровне средневековья. Более удаленной была позиция представителей других народов, также исповедовавших ислам (например, татар, некоторых народов Кавказа и др.), хотя религиозная и – в какой-то мере – культурная общность позволяла воспринимать афганскую культуру менее отчужденно и даже видеть в ней какие-то родственные черты. Наконец, позиция наибольшей отчужденности в восприятии была свойственна основной части воинского контингента, которая как раз и характеризовалась максимальными этническими, религиозными и социо-культурными отличиями. Это была ситуационно специфическая позиция восприятия азиатской мусульманской культуры восточными европейцами (славянами, прибалтами и др.).

Конечно, не следует преувеличивать религиозные основы этих различий, потому что шесть-семь десятилетий атеистической советской власти во многом усреднили образ жизни и мышления представителей и различных этносов, и представителей религиозных конфессий. Однако не стоит и преуменьшать, так как на уровне базовых традиций, обычаев, бытового поведения и обыденного сознания религиозные корни различных этно-культур в целом были очень сильны. (Об этом, например, свидетельствует ситуация в посткоммунистической Югославии, где при этнической близости населяющих ее народов после десятилетий официального атеизма религия стала одним из решающих факторов противостояния в обществе и распада государства.)

Основной интерес для нашего анализа представляет именно позиция третьей категории советских воинов-«афганцев», – и потому, что за исключением начального этапа войны они представляли подавляющее большинство в «ограниченном контингенте», и потому, главным образом, что восприятие это особенно ценно с позиции наибольшей разницы потенциалов «мусульманской» и «христианской» культур.

Следует подчеркнуть несколько важнейших параметров самой ситуации восприятия и ряд вытекающих из нее следствий. Во-первых, это было не «дистанционное» восприятие, при котором в общественном сознании стабильно существует некий набор стереотипов и предрассудков, а непосредственно личностное, действенное, в прямом контакте, следствием чего был конкретный опыт взаимоотношений, а само восприятие было чувственно-образным и эмоциональным. Не

случайно значительная часть источников, создававшихся в ходе событий в Афганистане и даже после их окончания, фиксирует прежде всего чувства и переживания участников, а уже потом осмысление и анализ того, что там происходило.

Во-вторых, ситуация восприятия была экстремальной, как всякая война, в особенности на чужой территории. И тут, безусловно, на отношение советских военнослужащих к жителям Афганистана накладывался сложный комплекс чувств: их воспринимали не только как представителей иной культуры, но и как потенциальных или реальных противников, которые могут в любой момент выстрелить, напасть из-за угла, заманить в засаду, захватить в плен, убить. И здесь традиционный стереотип о восточных жестокости и коварстве очень часто находил подтверждение на практике, причем особенно в отношении к иноверцам-европейцам. Так, например, согласно верованиям исламских партизан, «вид изувеченного кафира с выколотыми глазами и отрубленными половыми органами придавал моральные силы воину ислама, вселял в него чувство уверенности и непобедимости. Расчленение трупа для моджахеда имело и религиозный смысл. Они верили, что в день Страшного Суда душа не сможет обрести тело, которое разорвано на части»²⁶¹.

В-третьих, – и это только подтверждается приведенным выше свидетельством, – поскольку ядром СССР являлись Россия и славянские республики, то фактически и афганскими моджахедами, и советскими войсками война воспринималась как противостояние культур, только одни это открыто формулировали, призывая к «джихаду» (священной войне против «неверных»), а другие под лозунгом интернациональной помощи внедряли в чужую среду свои, чуждые ей идеи.

В-четвертых, важной характеристикой ситуации была ее крайняя противоречивость. Советский «ограниченный контингент» выступал, с одной стороны, «классовым» союзником «народно-революционной» власти Кабула; с другой, – воспринимался как агрессор многочисленными, разношерстными ее оппонентами, за которыми стояла огромная часть народа. Советские войска вмешались во внутренний политический конфликт, в гражданскую войну, что сразу изменило ее характер: противники центральной власти фактически объявили войну национально-освободительной и повели ее под религиозными знаменами. Факт появления чужеземных солдат исключительно свободолюбивым, независимым афганским народом был воспринят как иностранная интервенция²⁶². И чем активнее были советские военные операции в поддержку Кабульского правительства, тем сильнее возрастало сопротивление оппозиции, привлекавшей на свою сторону все более широкие слои населения.

Это не могли не замечать и советские военнослужащие. Отсюда и крайняя противоречивость восприятия ими самой войны и афганского народа. С одной стороны, некоторая романтизация событий как следствие официального лозунга об интернациональном долге, братской помощи афганским революционерам, защите государственных интересов СССР и его южных границ; с другой, – личный опыт жесткого противостояния с опасным и жестоким врагом, ведущим партизанскую войну, при отсутствии четкой грани между мирным жителем и душманом. Несомненно, на восприятие войны, а через нее и афганского общества, влиял тот факт, что противниками «народной власти» почему-то оказывались не только «банды моджахедов», но и сам народ – от мала до велика, вне зависимости от

«классовой принадлежности». При этом, наверное, стоит говорить об изменении доминанты восприятия – от начальной к завершающей стадии войны. Если в 1980 году советских солдат, положивших конец зверствам режима Амина, встречали цветами, и у них появлялось ощущение того, что им действительно рады (хотя и тогда уже началось внутреннее сопротивление, первые обстрелы, первые жертвы), то к 1989 году таких иллюзий уже ни у кого не осталось²⁶³.

В-пятых, ситуация восприятия характеризуется и особенностью его субъекта: это были преимущественно военнослужащие, то есть люди на тот момент одной профессиональной категории, хотя среди них находились и солдаты срочной службы, и кадровые офицеры. Кроме того, в абсолютном своем большинстве это была молодежь, попавшая на войну прямо со школьной скамьи. То есть люди, почти не имевшие жизненного и социального опыта, неожиданно оказались в чужой стране, в непривычной и враждебной среде, в экстремальных обстоятельствах. Следствием чего явилась высокая степень эмоциональности в отношении к событиям и к окружающей действительности. Эта особенность отразилась и в источниках – как личного происхождения (письма, дневники, мемуары, устные воспоминания-интервью), фиксирующих такое восприятие, так и в имеющих художественную основу (авторские стихи, песни, солдатский фольклор). В последней категории источников в обобщенной символической форме выражен весь спектр отношений к афганской войне, – и к афганскому обществу, и к самой ситуации войны, и к своему месту в ней.

С учетом приведенных выше, а также ряда других параметров и следует оценивать ситуацию восприятия советскими воинами афганского общества, его обычаев и традиций в рамках исламской культуры.

*«Что расскажешь о Востоке? Непривычная страна:
Здесь совсем другие Боги и другие имена...»²⁶⁴ –*

написал об Афганистане Игорь Морозов. А в других своих стихах добавил:

*«Здесь сошлись два века в противостоянии –
Век двадцатый и четырнадцатый век»²⁶⁵.*

В самом деле, первое, что бросалось в глаза прибывшим в чужую страну советским солдатам, – не столько восточный колорит и экзотика, сколько ужасающая бедность: убогие глиняные постройки, оборванные, грязные, вечно голодные ребятишки, выпрашивающие «бакшиш» (подарок), нехватка или отсутствие привычных «плодов цивилизации», отчего возникало чувство, что ты отброшен назад во времени. И принятое здесь летоисчисление по мусульманскому календарю символически очень точно отражало самую суть ситуации. «Что больше всего поразило в Афганистане – это нищета, – вспоминает рядовой С.Фесюн, проходивший службу в 1980–1981 гг. в Кандагаре. – Когда мы приехали, зима была. Снега не было, но ветер, пронизывающий до костей, злой какой-то. Мы, солдаты, в ватных бушлатах и то мерзли. А местные крестьяне в это время босиком ходили. Все их жилища из песка и глины слеплены. Тогда же я увидел, как дерево продают на килограммы, тщательно взвешивая»²⁶⁶.

При всей своей бедности афганские декхане, составляющие подавляющее большинство населения, очень трудолюбивы: «На полях люди работают не разгибая спины с утра до вечера. Почва плохая: песок вперемешку с камнями. Удобре-

ний никаких. И все же два урожая в год снимают»²⁶⁷. Тем удивительнее казалось сочетание этого качества с другими: вороватостью, корыстностью, даже продажностью. Обман при совершении торговых сделок рассматривался как явление вполне достойное. Причем, если в отношении мусульман между собой существовали своеобразные нормы честности, то «надуть» иноверца считалось особой доблестью. Широко было распространено воровство, даже открытое. Так, с проезжающих мимо военных машин афганцы заимствовали все, что легко откручивается. Особенной ловкостью в такого рода делах отличались местные пацаны – бачата²⁶⁸. «Они скручивали у нас все цветные стеклышки с машин, какие под руку попадались, причем, довольно лихо это проделывали, – вспоминает гвардии подполковник В.А.Литвиненко. – Стоило машине остановиться в каком-нибудь кишлаке, и с нее исчезало абсолютно всё, что можно открутить, причем, быстро... Помню, довольно любопытный случай, когда мы уже вышли в Союз, только пересекли Мост Дружбы, остановились в Термезе. Колонна тормознулась в деревне. Естественно, люди были наши, советские. Вышли из домов поприветствовать... И тут по радиостанции проходит команда, привычная до боли: «Бачу к машинам не пускать!» Хохоту было!.. То есть мысленно мы были все еще на той стороне, хотя были уже в Союзе...»²⁶⁹ Сработал приобретенный «за речкой» защитный рефлекс.

С другой стороны, нельзя было не заметить разительные контрасты местной жизни: Афганистан существовал одновременно как бы в двух измерениях – в темном средневековье и в «просвещенном» XX веке, причудливо сочетая признаки и того, и другого. «Конечно же, нашей первой точкой оказался базар, – рассказывает рядовой А.Г.Банников, служивший в Афганистане в 1985–1986 гг. – Мы словно попали в века минувшие: декхане в рваных халатах, совсем нет женщин, около дуканов, как бы вмонтированные в стены, на корточках сидели то ли нищие, то ли хозяева этих магазинчиков... Но когда мы взглянули на прилавки дуканов, то убедились, что это век будущий. Наимоднейшие шмотки, которые несколько недель назад были сшиты на какой-нибудь американской или английской фабрике. Рядом с ними беспорядочно лежали японские магнитофоны, телевизоры. Часы всех мастей, духи...»²⁷⁰. То же можно сказать и об оружии: начиная войну с дедовскими «бурами», душманы вскоре получили и освоили самое новейшее вооружение вплоть до ракетных установок. Средневековое по уровню сознания общество успешно противостояло современной армии, используя против нее как современные средства ведения войны, так и тактику партизанских действий, основанную на вековом опыте и знании местности, тесном взаимодействии боевиков с «мирными» жителями.

Второе впечатление – огромная религиозность местного населения. Для людей, в большинстве своем воспитанных в духе атеизма, подобная атмосфера была особенно непривычна и неожиданна. Вот как описывает свои впечатления рядовой А.Бабак, проходивший службу в Кабуле и Шиндане с 1980 по 1982 г.: «Что в первое время очень удивляло, так это намаз в мечетях. Пять часов утра, до подъема еще час самого сладкого солдатского сна, а тут вдруг проповедь муллы из громкоговорителей. Жили в палатках – все было слышно. Голос у муллы какой-то жалобный и вместе с тем требовательный. Бывало, даже невольно посочувствуешь: уж больно беспокойная должность у человека. С утра до вечера служит Аллаху»²⁷¹.

Пожалуй, наблюдая скрупулезное соблюдение религиозных обрядов как душманами, так и правительственными войсками (когда, например, посреди боя и «духи», и «сарбозы» дружно прекращали стрельбу и опускались на колени, чтобы совершить намаз), советские солдаты сильнее всего могли ощущать, что это чужая война и как неуместно их вмешательство во внутреннюю жизнь этой страны. Различие культур обуславливало и специфику ведения советскими войсками боевых действий: они были свободны от многих психологических барьеров, характерных для их союзников-царандоевцев. Так, ефрейтор А.Шатров, служивший в Афганистане в 1982–1984 гг., вспоминает, что во время одной операции они «выловили больше сотни человек из банды, которая основательно трепала наши войска. Правда, нарушили мусульманский обычай – проверили женские покои, которые есть в каждом доме. Бандиты в них и прятались, закутавшись в женскую одежду и паранджу. Афганские солдаты, которые до этого несколько раз «чесали» Самаркандиан, туда не заходили»²⁷².

Восточные традиции и религиозный фанатизм проявлялись во всем поведении моджахедов: убить врага и надругаться над его трупом считалось особой доблестью; обычным делом были зверские расправы над пленными; своим за любую провинность рубили головы²⁷³. Весьма характерно и отношение «духов» к опасности: все они смелые воины, но это смелость особого рода, основанная на исламском фатализме, покорности судьбе, то есть воле Аллаха. Погибнуть в бою, пролив кровь за веру, – значит обеспечить себе пропуск в рай, но при этом они панически боятся бескровной, «неправедной» смерти – быть утопленными, задушенными или повешенными²⁷⁴. Таким образом, отношение к смерти у них специфически религиозное, идущее от исламских догматов. Для советских «безбожников», воспитанных тем не менее в культуре, имевшей христианские корни, это было весьма непривычное и странное мировоззрение, вызывавшее резкое неприятие.

В свою очередь для душманов «шурави» были не только чужеземцами, вставшими на сторону непопулярной политической группировки, которая, захватив центральную власть, стала нарушать вековые традиции, оскорбляя чувства верующих (закрывались мечети, расстреливались муллы, привлекались к общественной жизни женщины и т.д.)²⁷⁵. Они были «кафирами» (поборниками иной веры), и война с ними считалась священной, получившей благословение Аллаха. Не случайно перерастание борьбы оппозиции Кабульскому режиму в «священную войну» – «джихад» – проявилось практически сразу после ввода в страну «ограниченного контингента» советских войск. Возможно, именно это обстоятельство наряду с общей психологической напряженностью вызывало в советских войсках вспышки религиозности среди атеистов: у людей возникала настоятельная потребность противопоставить уверенному в своей «праведности» неприятелю нечто равноценное в духовном плане. Идеологические клише, звучавшие на политзанятиях, для этого уже не годились: в реальной обстановке Афганской войны они выглядели беспомощными и нелепыми.

Впрочем, у некоторых воинов-«афганцев» наблюдался скорее «прагматический» подход к религии. Так, сержант-десантник Юрий Е. в 1983 г. писал матери из Афганистана: «Получил я твои письма и молитву, но, мам, ты не обижайся, но я ее выучить не могу, у меня уже есть одна молитва, правда, не из Библии или Еван-

гелия, а из Корана. Кстати, Коран здесь может больше помочь, были такие случаи, когда душманы отпускали наших солдат, когда те им читали молитвы из Корана, они здесь все верующие»²⁷⁶. Известно, что многим из попавших в душманский плен советским солдатам для того, чтобы выжить, приходилось принимать ислам. Один из источников приводит распространенную формулу моджахедов, когда они предлагали сдаться окруженным советским солдатам: «Мусульман, выходи, живой будешь. Шурави, сдавайся, не больно резать будем!»²⁷⁷

В превращении Афганской войны из сугубо внутреннего политического конфликта в противостояние с резко выраженной религиозной окраской во многом виновны тогдашние афганские революционные власти и пошедшее у них на поводу советское руководство, допустившее грубый просчет не только своим вмешательством в дела чужой страны, но и поощрением союзников в их атеистическом радикализме. Попытка совершить скачок из традиционного исламского общества в «социализм» обернулась мощной активизацией религиозного фактора, превращением ислама в знамя оппозиции светскому режиму Кабула. Пренебрежение чувствами верующих в мусульманской стране, стремление отодвинуть религию на второй план, закономерно спровоцировали реакцию отката: «непримиримые», сменившие у власти революционеров после ухода СССР из Афганистана, оказались гораздо консервативнее, чем свергнутый ранее королевский режим²⁷⁸. Затем на смену им пришли еще большие исламские фанатики, радикалы-фундаменталисты из поддерживаемого Пакистаном движения «Талибан», а Афганистан превратился в один из центров международного терроризма.

Ислам – не только религия. Это образ жизни и мыслей, ядро целой цивилизации – чуждой и до конца непонятной, отторгающей чужака-европейца. В Афганистане это было особенно заметно, потому что обычаи, характерные для исламского мира в целом, накладывались на тысячелетние традиции народа, который всегда выходил победителем в борьбе с внешним врагом, и любые попытки вторжения на его территорию заканчивались для завоевателей плачевно. В любом кишлаке, у каждого племени, рода и клана существует свое ополчение, так называемая «лашкара». Численность таких отрядов может составлять от десятка до нескольких тысяч человек (в межплеменных формированиях). А так как место погибшего воина по освященному веками обычаю обязан занять сын, брат, любой другой родственник или соплеменник, то «война с «лашкарой» для любой регулярной армии бесперспективна, если речь не идет о победе любой ценой»²⁷⁹. Даже незначительное кровопролитие вызывает здесь цепную реакцию, и по закону кровной мести за оружие берутся те, кто еще вчера оставался в стороне от борьбы. Сопротивление нарастает со скоростью горной лавины. Этого не учли политики, принимавшие решение о вводе советских войск в Афганистан, – какими бы причинами они ни руководствовались. А вот Амин, глава режима, свергнутого при участии спецподразделения «Альфа», более адекватно оценивал обстановку в стране и в ответ на критику в свой адрес со стороны советских советников по поводу того, как же можно бомбить и уничтожать целые племена, говорил: «Вы не знаете наш народ! Если какое-то племя взялось за оружие, оно его уже не сложит. Единственный выход – всех уничтожить от мала до велика! Такие у нас традиции»²⁸⁰.

Кроме того, среди пуштунских племен широко распространено наемничество, которое считается очень почетной и хорошо оплачиваемой профессией. По решению старейшин племени «лашкара» может выступить на стороне любого, кто обратится за помощью или заплатит за военную поддержку. И мотив выгоды имеет не меньшее значение, чем политический или религиозный. Так, голова советского офицера оценивалась в 300 тысяч афгани (точная цена колебалась в зависимости от звания), а урожай со среднего крестьянского надела стоил всего 50 тысяч²⁸¹. Стоит ли удивляться, что даже «мирные декхане», не состоявшие в отрядах оппозиции, днем обрабатывали свой клочок земли, а ночью выходили на промысел совсем иного рода? И советские солдаты знали, что «гадость можно ждать от каждого», будь то старик, женщина или ребенок. Как не было в Афганистане линии фронта, так не было и границы между «мирным» и «немирным» населением, то охотно принимающим продовольственную и иную помощь, то ставящим мины на пути везущих ее колонн. Недаром враг назывался «духом»: он действительно был невидим, неслышим, неуязвим, появляясь в самых неожиданных местах и так же внезапно исчезая, – то растворяясь среди жителей кишлака, то спускаясь в «подземную страну» – «киризы», то уходя по тайным тропам в горные ущелья²⁸². И ощущение себя как инородного тела в этой непонятной, враждебной стране испытывали все советские воины, оказавшиеся «за речкой».

*«Кто здесь суннит? Где здесь шиит?
Что по утрам мулла мычит?
А где здесь «хальк», а где «парчам»?
Ответь, ободранный бача!
Кто здесь декханин? Кто – душман?
Ты как кроссворд, Афганистан!
Мы в вихре классовой борьбы...
И не сюды, и не туды!»²⁸³ –*

написал офицер-десантник В.Иванов, очень точно отразив самоощущение «ограниченного контингента» среди всех хитросплетений и противоречий афганского общества. И возникал закономерный вопрос: «Зачем мы здесь?»

Постепенно приходило понимание того, что этот мир живет по особым законам и нужно оставить его в покое, дать возможность решить все проблемы самостоятельно, не влезая «в чужой монастырь со своим уставом». «Конечно, прочесывая кишлаки, не чувствуешь себя героем, – вспоминает А.Шатров, – тебя охватывают противоречивые мысли... Думаешь о людях, которые здесь живут. У них свои традиции и обычаи, как у нас в старинных селах на Севере. И вот появились мы, как инопланетяне. Что они думают о нас? Что говорят между собой? Нехорошо как-то...»²⁸⁴. Да и афганцы заявляли вполне откровенно: «Уходи, шурави. Мы сами разберемся. Это наши дела».

А дела эти представлялись советским солдатам довольно странными. Например, когда пленные душманы, взятые с оружием в руках и переданные в ХАД (службу госбезопасности Афганистана), очень скоро оказывались бойцами царандоя (народной милиции) или, откупленные родственниками, возвращались обратно в банду²⁸⁵. Многие неоднократно «кочевали» с одной стороны на другую, в зависимости от конкрет-

ной обстановки, интересов личных или своего клана и даже от времени года: «Вот станет теплее, опять подадимся в горы...»²⁸⁶. Или когда правительственные войска («зеленые»), воевавшие, по мнению наших солдат, «никудашно», проявляли чудеса ловкости при «проческе» кишлаков, ухитряясь выносить оттуда все подчистую вместо того, чтобы искать укрывшихся душманов²⁸⁷.

По обе стороны находились люди, связанные племенными и родственными узами, продолжавшие поддерживать тесные взаимоотношения, обмениваться «ценной информацией». Так, например, планирование крупномасштабных боевых операций штабом 40-й армии велось во взаимодействии с Генштабом афганской армии через аппарат военных советников, и «нередко секретные сведения о предстоящей операции прямоком из афганских штабов попадали в руки моджахедов»²⁸⁸. Естественно, что подобные факты не способствовали росту симпатии у советских военнослужащих к «союзникам». Анкетирование бойцов спецназа выявило интересную особенность в их отношении к афганцам. Так, один из солдат кандагарского батальона признался: «Честно говоря, я «духов» больше уважал, чем местных коммунистов. «Духи» не прятались за чужими спинами, как царандоевцы или «зеленые» за нашими. Они все-таки защищали свою Родину и свои дома, да и воевали они лучше, чем наши союзники». При оценке боевых и моральных качеств исламских партизан приводились такие характеристики, как «у них высокая боеспособность», «прирожденные воины», «противник вовсе не глуп»²⁸⁹. Победами над таким врагом можно было по праву гордиться, а «союзников», от которых каждую минуту ждали предательства, – только презирать.

Это была очень своеобразная война, и иноземцы оказались в ней явно лишними, сыграв отнюдь не умиротворяющую роль, как это изначально планировалось, а явившись невольным катализатором нарастающей напряженности. Несмотря на то, что в ходе боевых действий СССР вовсе не понес поражения, он не мог и выиграть в широкомасштабной повстанческой войне, победа в которой регулярных войск в принципе невозможна.

На личном опыте сотни тысяч советских военнослужащих убедились, что пришли в совершенно чужую страну, оказались в абсолютно непонятной и чуждой социо-культурной среде и выполняли неблагодарную роль, поддерживая своими штыками неадекватное этой среде центральное правительство. Фактически это была роль соседа, вмешавшегося в «семейную драку», не уяснив ее сути, да еще пытавшегося учить одну из сторон своим правилам и нормам поведения. Соваться в чужой, да к тому же мусульманский средневековый «монастырь» было делом заведомо проигрышным и безнадежным. Вот только расплачиваться за недальновидность политического руководства пришлось «ограниченному контингенту». И его отнюдь не туристическое знакомство с исламским миром дорого обошлось не только воинам-«афганцам», но и нашей стране в целом.

Итоги этой войны можно рассматривать не как военное, а как политическое поражение, учитывая то, что советское руководство не только вынуждено было по политическим мотивам вывести свои войска из Афганистана, но и допустило грубую стратегическую ошибку, полностью бросив на произвол судьбы своего недавнего союзника – революционное правительство Наджибуллы, имевшего достаточ-

но прочные позиции и нуждавшегося для удержания власти преимущественно в финансовой и материально-технической поддержке. Результатом стало его свержение, развязывание еще более кровавой гражданской войны в Афганистане и рост влияния исламских фундаменталистских сил. Неблагоприятный для СССР исход Афганской войны во многом стал стимулом или косвенным фактором для разжигания внутренних племенных, межэтнических и религиозных конфликтов в пограничных с Афганистаном среднеазиатских республиках, особенно в Таджикистане. В результате центрально-азиатский регион замкнул дугу нестабильности вдоль южных рубежей сначала СССР, а затем и постсоветской России.

* * *

Для российского исторического сознания весьма противоречивой оказалась память об Афганской войне 1979-1989 гг., о которой, пока она шла, в стране почти ничего не знали, а когда она завершилась, начался период острой политической борьбы, трансформации и распада советской системы и государства. Естественно, такое событие как Афганская война не могло не привлечь внимание в качестве аргумента в идеологическом и политическом противоборстве, а потому и в средствах массовой информации был представлен и надолго сохранялся ее почти исключительно негативный образ. Руководство М.С.Горбачева объявило введение войск в Афганистан «политической ошибкой», и в мае 1988 – феврале 1989 гг. был осуществлен их полный вывод. Существенное влияние на отношение к войне оказало неадекватное, но эмоциональное выступление академика А.Д.Сахарова на Первом съезде народных депутатов СССР о том, что будто бы в Афганистане советские летчики расстреливали своих солдат, попавших в окружение, чтобы они не могли сдать в плен, вызвавшее сначала бурную реакцию зала, а затем резкое неприятие не только самих «афганцев», но и значительной части общества²⁹⁰. Однако именно с этого времени – и особенно после Второго съезда народных депутатов, когда было принято Постановление о политической оценке решения о вводе советских войск в Афганистан²⁹¹, – произошло изменение акцентов в средствах массовой информации в освещении Афганской войны: от героизации они перешли не столько к реалистическому анализу, сколько к инверсии оценок и явным переклестам. Постепенно войну, которая отнюдь не закончилась военным поражением, стали изображать как проигранную. Распространившееся в обществе негативное отношение к самой войне стало переноситься и на ее участников.

Глобальные общественные проблемы, вызванные ходом «перестройки», особенно распад СССР, экономический кризис, смена социальной системы, кровавые междоусобицы на окраинах бывшего Союза, привели к вытеснению на периферию общественного сознания и угасанию интереса к уже закончившейся Афганской войне. Сами воины-«афганцы», вернувшиеся с нее, оказались лишними, ненужными не только властям, но и обществу в целом. Не прошло бесследно и масштабное воздействие на сознание населения СМИ, почти исключительно негативно освещавших все, что касалось роли СССР в событиях в Афганистане.

Не случайно восприятие Афганской войны самими ее участниками и теми, кто там не был, оказалось почти противоположным. Так, по данным социологиче-

ского опроса, проведенного в декабре 1989 г., на который откликнулись около 15 тыс. человек, причем половина из них прошла Афганистан, участие наших военнослужащих в афганских событиях оценили как «интернациональный долг» 35% опрошенных «афганцев» и лишь 10% невоевавших респондентов. В то же время как «дискредитацию понятия «интернациональный долг» их оценили 19% «афганцев» и 30% остальных опрошенных. Еще более показательны крайние оценки этих событий: как «наш позор» их определили лишь 17% «афганцев» и 46% других респондентов, и также 17% «афганцев» заявили: «Горжусь этим!», тогда как из прочих аналогичную оценку дали только 6%. И что особенно знаменательно, оценка участия наших войск в Афганской войне как «тяжелого, но вынужденного шага» была представлена одинаковым процентом как участников этих событий, так и остальных опрошенных – 19%²⁹². Доминирующим настроением в обществе было стремление поскорее забыть об этой войне, что явилось одним из проявлений «афганского синдрома» в широком его понимании. Лишь через много лет стали появляться попытки более рационально осмыслить причины, ход, итоги и последствия Афганской войны, однако они в основном ограничиваются узким кругом специалистов и пока не становятся достоянием массового общественного сознания.

Что касается формирования представлений в российском обществе об Афганистане, но можно констатировать, что они стали более адекватными и более негативными, нежели мифологизированный образ этой азиатской страны до войны и в самом ее начале. Советские люди имели мало сведений об Афганистане, но знали, что на южных границах расположена страна, отсталая, но постепенно развивающаяся и дружественная СССР. Россияне в большинстве своем отдают себе отчет, насколько глубока историческая и социокультурная «пропасть» между европеизированной Россией и фактически средневековым Афганистаном. Опыт «принудительного» контакта значительной части российских граждан с иной страной и иной культурой внес в общество более разносторонние знания о них и твердое убеждение, что нельзя насильно «осчастливливать» другие народы. Последовавшая радикальная исламизация Афганистана с установлением власти талибов, превращение страны в базу мирового религиозно-экстремизма, оплот террористической сети, стремящейся к установлению своей власти по всему миру и влияющей на процессы в России, сформировали существенно иной образ этой страны, нежели существовал даже в конце 1980-х гг. «Афганский след» в событиях на юге России, особенно в Чечне, в целой серии крупных террористических актов, еще ждет изучения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В монографии было проведено комплексное изучение одной из актуальных проблем социальной и «ментальной» истории, раскрытие социокультурного и психологического феномена восприятия «чужого» в экстремальной ситуации войны, а также эволюция «образа врага» в послевоенное время, его бытование и трансформация в исторической памяти.

Значимость этой проблематики определяется рядом факторов. Во-первых, тем, что военная составляющая «хронологически» занимала важную часть российской истории XX века. Во-вторых, социальная практика экстремальных ситуаций – войн и вооруженных конфликтов – в значительной мере влияла на периоды мирного развития, на политическую и социальную практику внутренней жизни государства и общества. И здесь проявлялась особая роль ментального аспекта темы: взаимосвязи психологии и идеологии, формирования специфического феномена перенесения психологии и идеологии враждебности к внешнему противнику и ощущения враждебности окружающего мира – на складывание психологии осажденной крепости и формирование психологической напряженности в самом обществе. В третьих, значение темы монографии определяется и «внешним» ее аспектом: проблемой нормализации взаимоотношения с окружающим миром, влиянием исторической памяти, включая ретроспективное сохранение «образа врага», на послевоенные взаимоотношения, в том числе и с бывшими военными противниками, ролью психологии стереотипов ожидания враждебности и задачами ее преодоления.

В книге был рассмотрен хронологически широкий отрезок истории – весь XX век, на протяжении которого Россия как субъект международных отношений выступала в разном качестве: и как имперское государство с глубокими историческими корнями и с давними геополитическими интересами, и как страна, находившаяся в состоянии революционных потрясений и гражданской войны, и как постреволюционное государственное образование нового типа с особой идеологией, социально-экономическим устройством, внешнеполитическими установками, специфическим менталитетом населения. Тем не менее, во многом это была одна и та же страна – с социокультурной, этнической, геополитической и т.д. преемственностью. И хотя каждый исторический поворот, многочисленные трансформации страны и общества приносили немало радикальных изменений, как и многочисленные войны, в которые было втянуто российское государство, – в отношениях с внешним миром и в его восприятии сохранялись многие общие закономерности, в том числе и в формировании «образа врага».

В качестве военных противников России на протяжении XX века выступали многие государства. Они были разными по силе и международному влиянию, по географическому положению относительно российских границ, по истории взаимоотношений с Россией и т.д. Были среди них «традиционные» противники нашей

страны, воевавшие с ней неоднократно в прошлые столетия (Турция, Германия, Англия, Франция, Польша), были и новые, лишь недавно самостоятельно вышедшие на международную арену (Япония, Финляндия). С некоторыми из них у России были периоды сближения вплоть до заключения союзов и отчуждения, переходящего в политическое противостояние и военные конфликты (Англия, Франция, Германия, Италия, Румыния, и др.). Некоторые государства в результате столкновения с Россией сошли с исторической арены (Австро-Венгрия), а возникшие на их обломках новые государственные образования также оказывались в роли российских противников, хотя и второстепенных (Венгрия, Словакия). В ряду противников России оказывались и новые государства, ранее являвшиеся частью Российской Империи (Польша, Финляндия). Перечисленные варианты далеко не полностью отражают всю сложность и противоречивость, многоцветную палитру взаимоотношений России со своими ближними и дальними соседями – государствами, которые на том или ином этапе вступали с ней в вооруженное противоборство. Например, Болгария, дважды в мировых войнах вступая в антиросийские военные коалиции, фактически не вела против нее боевых действий.

Отношение к военным противникам в России зависело от многих факторов. Кто-то воспринимался как главный, сильный противник, другие – как второстепенные или более слабые. Влияли стереотипы враждебности, которые, естественно, были сильнее к тем странам, с которыми войны велись неоднократно, особенно на памяти одного-двух поколений. Разной была степень ожесточенности ведения войн, а значит, и ненависти, которую испытывали к разным противникам.

Временные союзы – политические и военно-политические – с государствами, с которыми ранее существовали сложные взаимоотношения вплоть до военных столкновений, воспринимались с недоверием, часто как вынужденные, недолговечные, неискренние с обеих сторон, в любой момент – при изменении «конъюнктуры» – готовые перерасти в новый конфликт. Подобное недоверие существовало и в Первую мировую войну по отношению к странам Антанты (к Англии и Франции), и в рамках антигитлеровской коалиции во Вторую мировую, с окончанием которой противоречия и недоверие между союзниками переросли в почти полувековую «холодную войну».

Несомненно, на отношении к противнику сказывались неоднократные внутренние трансформации российского общества, в том числе и системы ценностей, изменения в государственной идеологии. В советское время в идеологическом оформлении войны большую роль стали играть социально-революционные мотивы, тесно связанные с доктринальными установками марксизма и коммунистической идеологией в широком смысле. Особое значение идеологическая составляющая в массовом сознании приобрела в условиях утвердившегося сталинского режима. В полной мере это относится и к сознанию советских людей в период Второй мировой войны. Однако, несмотря на то, что в мотивации войн советской эпохи обычно присутствовала терминология, являвшаяся отзвуком идеи мировой революции, за большинством из них стоял, прежде всего, собственно государственный интерес. Соответственно и «образ врага», при всем влиянии идеологии, в ходе военного противостояния приобретал более адекватные, реалистические черты и в значительной степени очищался от идеологических наслоений.

Исследование показало, что в ходе всех войн, которые вела Россия в XX веке, проявлялись как универсальные закономерности восприятия противника – представителей других государств, стран, народов, культур, так и специфика, обусловленная ситуацией – историческим временем, обстоятельствами вооруженного конфликта, особенностями самого противника. На это восприятие, безусловно, накладывались устойчивые стереотипы – образы, отношения и оценки страны и ее народа, сформированные еще до войны, нередко – задолго до нее. Существенное влияние оказывала и пропаганда, целенаправленно формировавшая нужный «образ врага» в процессе войны. Однако война, в какой-то части подтверждая стереотипные представления, как правило, в основном разрушала эти штампы. Она приводила в непосредственное массовое соприкосновение представителей противоборствующих народов в разнообразных экстремальных обстоятельствах, позволяя им посмотреть друг на друга без идеологических «фильтров» – в бою, на госпитальной койке, в плену и т.д. Чувства естественной вражды к неприятелю при этом дополнялись более объективными и адекватными оценками на основе накопленного личного и коллективного опыта.

В тылу этот процесс протекал сложнее: информация туда поступала с запозданием и искажением, как правило, преобразованная средствами пропаганды, преломленная в слухах и домыслах, и т.д. Идеологический «фильтр» здесь не только действовал сильнее, чем на фронте, но зачастую оказывался определяющим. Таким образом, существенно влияя на сознание российского общества, в том числе на его отношение к странам-противникам, каждая из войн, тем не менее, не смогла полностью разрушить довоенные стереотипы. При этом в основном сохранялись не только «модель» (образ), но и прежние механизмы восприятия.

Конечно, общественные трансформации в самой России были чрезвычайно мощным фактором, воздействовавшим на массовое сознание, в том числе, оказывавшим влияние на восприятие противника в различных войнах до и после революции 1917 г., прежде всего через разные «идеологические фильтры». Постреволюционные классовые установки радикально отличались от имперских, в том числе и при формировании «образа врага» пропагандистскими средствами. Однако, во-первых, этносоциокультурные стереотипы оказывались более стойкими, нежели конъюнктурные идеологические; во-вторых, реальные геополитические, экономические и иные государственные интересы были сильнее идеологических штампов, в том числе и в «образе врага» (пример – неоднократная смена пропагандистских установок в отношении Германии в 1940-е – 1941 гг. в зависимости от политических с ней взаимоотношений); в-третьих, реальный опыт военного соприкосновения с противником вносил существенные коррективы, преодолевая штампы и делая восприятие врага более реалистичным и адекватным.

Идеолого-пропагандистский пласт в «образе врага» особенно ясно вычленяется при анализе военных столкновений России с одним и тем же противником – Японией в начале века, в период Гражданской войны, в конце 1930-х гг. и в 1945 г. (С Германией – в двух мировых войнах – несколько иная ситуация: в ней так же, как и в России, сменился общественный строй, в 1930-х гг. утвердились не существовавшие в начале века фашистский режим и идеология). Геополитически Россия и Япония были, в основном, те же самые противники на протяжении почти всей первой половины XX

века. Но в Японии сохранялся один и тот же общественный и государственный строй, доминировавшая идеология, геополитические интересы и устремления, в основном – система ценностей, менталитет общества, а для России полувековой период стал временем радикальных трансформаций: общественного строя, экономических механизмов, политической системы, социальной структуры, идеологии, и т.д. Следовательно, менялись главным образом субъект (Россия) и обстоятельства (специфика каждого из военных конфликтов) восприятия противника.

Восприятие японцев преимущественно православным, монархически настроенным, происходившим из крестьян малограмотным русским солдатом в первой русско-японской войне 1904–1905 гг., неизбежно отличалось от восприятия в конце 1930-х гг. бойцом Красной Армии, хотя и вышедшим в основном из той же крестьянской среды, но уже имевшим иное мировоззрение. Этот боец, как правило, не был религиозен, имел некоторое образование, в значительной мере воспринял новую классовую идеологию «пролетарского интернационализма», что не позволяло пропаганде изображать врага (японцев) как «желтых мартышек». Акцент как раз и делался на классовой ненависти – не к японскому народу, а к японским эксплуататорам-милитаристам, феодалам-самураям, агрессивной и реакционной империи. У непосредственных участников боевых действий 1938–1939 гг. сформировался образ японцев как опасного и жестокого, умелого и опытного врага, относящегося к чужой культуре, во многом «иног» и непонятного. Вместе с тем, и в армии, и в обществе японцы воспринимались через идеологический фильтр СМИ. В результате мифическая составляющая оказалась в этот период не меньшей, чем в русско-японской войне начала века, хотя в главном Япония в советском массовом сознании оценивалась достаточно верно: несмотря на свое поражение, она воспринималась как сильный и коварный потенциальный противник, готовый нанести удар в благоприятный момент.

Военная кампания 1945 г. против Японии в СССР была окрашенная в государственно-националистические тона, что было полностью созвучно настроениям страны, в которой, однако, «пролетарский интернационализм» был официальной идеологией. И.В.Сталин – Верховный Главнокомандующий – в своей речи обосновал участие СССР в войне «особым счетом» к Японии, ожиданием народа, ряда поколений, что «черное пятно» поражения в 1904 г. будет смыто победой.

Хотя идеологема «пролетарского интернационализма» формально сохранялась, но практика Второй мировой войны внесла существенные коррективы: «пролетариат» враждебных стран (фашистской Германии и всех ее сателлитов, в том числе и Японии) отнюдь не пришел на помощь своему «классовому союзнику». Поэтому в пропаганде, и в настроениях общества идеи защиты национально-государственных интересов СССР как преемника тысячелетнего Российского государства оказались доминирующими, что не могло не повлиять на общий контекст восприятия противника не только в последней в XX веке русско-японской войне, но и во Второй мировой войне в целом, да и впоследствии. И много позже, в Афганской войне, при пропагандистском обосновании введения советских войск в соседнюю страну «интернациональным долгом», этот идеологический аргумент не был главным даже в воспитательной работе с личным составом: на первый план вышел тезис о необходимости защиты южных рубежей СССР.

В военный период «образ врага» выполняет чрезвычайно важную консолидирующую для общества роль, выступая инструментом социальной мобилизации. Но проблема «образа врага» тесно связана и с исторической памятью, причем значимость ее для массового сознания, а нередко и для международных отношений не становится меньше. Любая война после своего окончания продолжает существовать в памяти многих людей – непосредственных участников, современников, ближайших потомков носителей экстремального военного опыта. Если война оказывается значимым для социума событием, то память о ней сохраняется не только в индивидуальном, но и в коллективном сознании, может закрепляться в официальном (идеологическом, политическом и т.д.) дискурсе на протяжении жизни нескольких послевоенных поколений. При этом *образ войны*, то есть комплекс представлений о ней, неизбежно включает в себя и образ врага – причем, не только таким, каким он сформировался в ходе самой войны и унаследован новыми поколениями, но и со всеми последующими, ретроспективными изменениями, вызванными многими факторами и субъектами. Здесь и мемуары участников событий, и исследования историков, частично отраженные в учебном процессе, и в произведениях искусства, особенно таких массовых, как литература, кино и др. Важнейшим субъектом, формирующим историческую память, является государство, а фактором – политическая конъюнктура (политический режим, взаимоотношения с государством – бывшим противником и др.)

Историческая память – весьма сложный феномен общественного сознания. В ней много пластов, формирующихся разными путями. С одной стороны, она принадлежит области массовой социальной психологии, причем во многом стихийной; с другой, – идеологической сфере, а значит, как правило, является предметом особой заботы государства, общества и их официальных институтов (политических организаций, структур образования и воспитания, средств массовой информации, религиозных организаций и др.). Такое внимание власти к исторической памяти связано с тем, что она – основа национального самосознания, которое, в свою очередь, имеет решающее влияние на развитие страны, жизнеспособность народа и государства, особенно в условиях нестабильности. При этом у каждой страны историческая память – сугубо «индивидуальная», содержащая собственные оценки событий, не похожие на взгляды и оценки иных социумов.

Военное прошлое и военный опыт занимают в исторической памяти особое место. А наиболее важные из войн, «судьбоносные» для конкретных стран и народов, превращаются в важнейший элемент «опорного каркаса» национального самосознания, предмет гордости и источник, из которого народы черпают моральные силы в периоды новых тяжелых исторических испытаний.

Весьма значимы – как составная часть исторической памяти – и представления о противниках, с которыми велись войны. Они позволяют соотнести образ собственной страны с образом врага, оценить войны как важные истории вехи своей страны, характер ее участия в них. Ведь одни войны являются предметом национальной гордости, а другие – национальным позором, источником психологической фрустрации. Такие войны стараются вытеснить из исторической памяти

или трансформировать, исказить их образ, «переписать историю» с тем, чтобы избавиться от травмирующих массовое сознание эмоций, вызывающих чувство вины, активизирующих комплекс «национальной неполноценности» и т.п.

В современной Европе к подобной категории событий, травмирующих национальное сознание, относится участие разных стран во Второй мировой войне на стороне гитлеровской Германии. Одни из них в противовес политике правящих в то время режимов стараются подчеркнуть борьбу своих антифашистов. Другие, напротив, пытаются завуалировать и даже оправдать преступления своих соотечественников, сотрудничавших с нацистами, как это происходит в прибалтийских государствах.

Вторая мировая война связана с Первой мировой не только цепью причинно-следственных связей и типологической общностью двух исторических явлений, но и близостью их как социально-психологических феноменов. Оба военных противостояния превратились в массовое уничтожение людей, не только военных, но и гражданского населения. Однако второе отличалось гораздо большей жестокостью, масштабами жертв и разрушений, отказом со стороны Германии и ее союзников от многих «цивилизованных» норм ведения войны. Здесь куда более ясным оказалось разграничение между «добром и злом», и в отличие от Первой, Вторая мировая война почти для всех ее участников имела вполне ясный смысл: каждый мог сознательно выбрать место в ней и свою позицию. Поэтому столь болезненным оказывается национальная историческая память народов, воевавших на стороне фашистской Германии.

В обеих мировых войнах чрезвычайно важной оказалась вовлеченность многих десятков миллионов людей в военные события и, прежде всего, непосредственно в вооруженную борьбу. Возвращение в мирную жизнь огромной массы комбатантов – носителей милитаризированной психологии, людей с травмированной «экстремальной ситуацией» психикой не могло не наложить свой отпечаток на жизнь послевоенного общества во всех странах, вышедших из войны. Не случайно, межвоенный период обернулся сильнейшими реваншистскими настроениями в побежденных странах, а Вторая мировая – «горячая» война – сразу же переросла в «холодную», растянувшуюся почти на полвека.

Так же, как и предыдущая, Вторая мировая война изменила облик мира не только в геополитическом и идеологическом, но и в духовно-психологическом отношении. При этом решающим обстоятельством явилось то, что на Земле осталось только две доминирующих, противостоящих друг другу силы – «либеральный» Запад во главе с США и прокоммунистический Восток, объединившийся вокруг СССР. Тем самым из мировой политики были вытеснены праворадикальные нацистские и фашистские режимы, порожденные итогами Первой мировой войны, с их не только специфической идеологией, но и особым психологическим типом личности.

Память о Второй мировой войне весь послевоенный период являлась областью идеологических столкновений и попыток переписать историю в угоду геополитическим и иным интересам стран Запада, которые всегда стремились приписать себе основную заслугу в победе над фашистской Германией. Причина идейных столкновений вокруг этой войны заключается, наряду с прочими, в ее особой значимости для целого ряда военных и послевоенных поколений.

Но если в период существования СССР попытки «подправить» историю были относительно ограниченными и не ставили под сомнение сами основы ин-

терпретации причин и характера Второй мировой войны, в том числе общих для союзников по антигитлеровской коалиции задач в войне и итогов совместной победы, то с конца 1980-х годов началась эскалация ревизии исторической памяти. При этом предметом «переосмысления» оказались инициаторы и виновники войны, характер войны для разных сторон, ход войны, вклад ее участников в Победу, цена Победы, роль руководства и народа, мотивы участия в войне власти и народа, кто являлся победителем и была ли Победа, и многое другое. После распада СССР беззастенчиво стали переставляться акценты в оценках не только роли участников войны, но и в причинах ее начала и в самом ее характере. Появилась тенденция ставить на одну доску Сталина и Гитлера, Третий Рейх и Советский Союз.

Пожалуй, пик интереса к исторической памяти о Второй мировой войне и одновременно массированных атак на роль в ней СССР пришелся на 2005 год – год 60-летия Победы. Особенно активно на этот информационный повод отреагировали западные средства массовой информации. В специальном обзоре РИА Новости, подготовленном на основе мониторинга теле- и радиоэфира 86 зарубежных радиостанций и телекомпаний 19 апреля 2005 г., констатировалось: «Информационная возня по поводу исторической интерпретации Великой Отечественной войны не обходится без арсенала пропаганды ужасов. Опора журналистов на субъективную мемуарную память, личный опыт бывших участников сражений и откровенные домыслы геббельсовской пропаганды приводит к тому, что на первый план выходят образы, связанные с мстостью, ненавистью и насилием, мало способствующие консолидации общественного мнения и воскрешающие прежние внешнеполитические установки. Постулируется наличие «темной стороны» освободительного подвига Красной армии, которую якобы замалчивают в современной России»¹.

Таким образом, сознательно переставляются акценты в оценках, возбуждаются отрицательные эмоции в отношении страны и армии-освободительницы, фабрикуется их негативный образ, внедряемый в массовое сознание. При этом даже не упоминается главное – тот факт, что СССР и советский народ явились спасителями Европы от человеконенавистнической стратегии Гитлера на уничтожение целых государств и народов, причем огромной ценой десятков миллионов жизней и колоссальных материальных потерь. Забывается и то, что славянские и другие народы, в том числе Советского Союза, стали объектом фашистского геноцида. Не помнят и того, что СССР спас от уничтожения не только народы Европы, но и западные демократии, которые теперь пытаются ставить на одну доску агрессора и его жертву, гитлеровскую Германию и Советский Союз.

И вот уже со всех сторон звучат обвинения в том, что СССР «не так» пытался отсрочить фашистскую агрессию, что «плохо воевал», добывая победу большой ценой, «плохо освобождал» Восточную Европу, стремясь впоследствии не допустить повторения нашествия с Запада созданием барьера из дружественных себе стран. Запад формулирует эти претензии так: он требует от России «покаяться» «за вторжение в Восточную Европу и насильственное утверждение там марионеточных режимов, просуществовавших до рубежа 80-х – 90-х годов»². При этом политика двойных стандартов проявляется все более открыто. Выдвигая свои необоснованные обвинения, «демократические режимы Европы, требующие от России покаяния за тоталитарное прошлое, не стремятся извиняться за собственные

преступления»³. Так, в интервью газете «Бильд» от 7 мая 2005 г. В.В.Путин еще раз напомнил, что именно Россия «внесла главный вклад в победу над гитлеризмом», потеряв почти 30 миллионов жизней и треть национального богатства. И совершенно недопустимо ставить знак равенства между двумя разными режимами – гитлеризмом и сталинизмом, агрессором и жертвой. «...Не могу согласиться с приравниванием Сталина к Гитлеру, – заявил он. – Да, Сталин, безусловно, был тираном... Но он ведь не был нацистом! И не советские войска 22 июня 1941 года перешли границу Германии, а совсем наоборот»⁴.

В последние годы некоторыми кругами на Западе активно ставится под вопрос Освободительная миссия Красной Армии в Европе. Откровенно искажаются или игнорируются исторические факты: и то, что советские войска освободили Германию от национал-социализма, а многие страны Европы – от фашистской оккупации. Делается также акцент на жестокость ведения советскими войсками боевых действий на территории Германии, хотя руководство СССР проводило последовательную политику по разграничению населения страны и фашистского режима, с армией велась целенаправленная работа по разъяснению этой позиции, «жестокость» не выходила за рамки, характерные для любой войны, причем и западные союзники не отнюдь не отличались особой человечностью.

Пожалуй, один из немногих европейских политиков – Президент Чешской Республики В.Клаус, дал взвешенную оценку событиям Второй мировой войны, роли в ней СССР и то, как они должны быть объективно зафиксированы в исторической памяти: «Мы часто слышим рассуждения, в которых окончание Второй мировой войны интерпретируется иначе по сравнению с тем, как оно было пережито миллионами наших сограждан. Исчезает понятие освобождения и начинает преобладать акцент на послевоенном периоде истории. Окончание Второй мировой войны рассматривается как начало новой тоталитарной эпохи, которая вскоре наступила в нашей части Европы на четыре долгих десятилетия. Я убежден, что подобная оценка этого исторического события, которая, вне всяких сомнений, означала освобождение от нацизма и окончание немецкой оккупации, а также, собственно, и всей Второй мировой войны, не должна возобладать... Мы не имеем права смотреть на прошлое с иной позицией, нежели с позиции исторической. Мы не имеем права забывать об очередности фактов, причинно-следственной связи. Мы не можем якобы «гуманистически нейтрально» анализировать трагические события войны и периоды непосредственно после нее, то есть с точки зрения некоей «симметрии страданий». Люди, которые сегодня выступают с подобными идеями, постоянно требуют от нас делать все новые и новые некие «жесты примирений», которые, однако, фактически уравнивают между собой палачей и жертв, а иногда даже и меняют их местами»⁵.

Таким образом, «образ врага» в войнах России XX века представляет сегодня далеко не только академический интерес. Попытки менять местами агрессора и жертву агрессии, преступника и карающего за преступление должны пресекаться. Объективная историческая память требует активной защиты еще и потому, что за попытками ее искажения стоят вполне прагматические интересы – геополитические, экономические и др. То, что при существовании СССР в международных отношениях невозможно было и помыслить, превращается в реальность. Например, в странах Запада, которые сами были партнерами в строительстве Ялтинско-

Потсдамской системы, открыто подвергаются сомнению те аспекты в изменении миропорядка, которые были зафиксированы в международных правовых документах в интересах СССР, при этом ни в коей мере не затрагиваются изменения, в которых до сих пор заинтересованы страны Запада и их нынешние союзники⁶. Включение в орбиту НАТО стран Восточной Европы, в том числе ряда бывших союзных республик СССР, позволяет им не только ставить вопрос о ревизии некоторых итогов Второй мировой войны, предъявлять обвинения и претензии к России, но и лоббировать свои интересы в ведущих странах Запада, использовать их государственные институты для давления на Россию с целью переоценки истории и получения от этого реальных политических и иных дивидендов. Так, современные прибалтийские режимы, покровительствующие своим эсэсовцам, служившим гитлеровской Германии, притесняющие «русскоязычное» население, не только обвиняют СССР в оккупации, но и требуют от современной России материальную компенсацию. Территориальные претензии к ней предъявляют и бывшие страны-агрессоры, потерпевшие поражение во Второй мировой войне, прежде всего, Япония. Влиятельные политические силы, претендующие на часть российских земель, существуют также в Финляндии и в Германии.

Обращение к историческим событиям приобретает характер откровенного давления на современную Россию. И сегодня ей для того, чтобы отстоять свои законные права, ранее обеспеченные нормами международного права и общепризнанными договорами с другими государствами, заключенными в результате исторических, в том числе военных событий, приходится часто напоминать об исторической правде и отстаивать ее от многочисленных посягательств, диктуемых не только абстрактными «общечеловеческими ценностями», но и вполне корыстными целями.

Почти всю историю России характеризует одна, весьма неблагоприятная для нее тенденция – геополитические притязания соседей, попытки расчленить, отнять у нее те или иные территории, реализовывавшиеся в многочисленных войнах, особенно в XX веке. Никто в мире не заинтересован в усилении нашей страны, и периоды ее ослабления сопровождаются активизацией этих попыток. Поэтому в международной практике используются разнообразные, в том числе и «мирные» средства давления на Россию, среди которых методы психологической войны, манипуляция массовым сознанием – в ряду основных. «Образ врага» в исторической памяти – одна из областей подобного противостояния не только в сознании населения других стран, но и в собственно российском национальном сознании. На Россию пытаются переложить всю ответственность за войны XX века, приписать ей «природную агрессивность», сформировать тот самый «образ врага», который будет всплывать в массовом сознании разных стран при ее упоминании. Из нашей страны многие влиятельные силы пытаются сделать жупел, пугающий обывателя, а самим россиянам внушить чувства неполноценности, вины за свое историческое прошлое, неуверенность в отношениях с соседями.

Российская власть не должна оставаться безучастной к этим нарастающим тенденциям. Российская историческая наука также должна защищать истину, адекватно освещая события прошлого и формируя объективные «образы», влияющие на отечественную и мировую историческую память.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

- ¹ Иногда в литературе встречается английский аналог французского термина «имагология» – «имажинология».
- ² См.: *Зак Л.А.* Западная дипломатия и внешнеполитические стереотипы. М., 1976.
- ³ См.: *Одиссей.* Человек в истории. Образ «другого» в культуре. 1993. М., 1994.
- ⁴ См.: *Россия и Европа в XIX–XX веках. Проблемы взаимовосприятия народов, социумов, культур.* Сб. науч. трудов. М., 1996; *Россия и внешний мир. Диалог культур.* Сб. ст. М., 1997; *Россия и Запад. Формирование внешнеполитических стереотипов в сознании российского общества первой половины XX века.* М., 1998; *Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия.* Вып. 1. М., 2000; *Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия.* Вып. 2. М., 2002; и др.
- ⁵ См.: «Наши» и «чужие» в российском историческом сознании. Матер. междунар. науч. конф. / Под ред. С.Н.Полторака. СПб., 2001.
- ⁶ См.: *Оболенская С.В.* Образ немца в русской народной культуре XVIII–XIX вв. // *Одиссей. Человек в истории. Культурно-антропологическая история сегодня.* 1991. М., 1991; *Копелев Л.З.* Чужие // *Одиссей. Человек в истории. Образ «другого» в культуре.* 1993. М., 1994; *Шенетов К.П.* Немцы глазами русских. М., 1995; *Немцы о русских.* М., 1995; *Медведев Р.А.* Русские и немцы через 50 лет после мировой войны // *Кентавр.* 1995. № 1; *Зубкова Е.Ю.* Общество, вышедшее из войны: русские и немцы в 1945 году // *Отечественная история.* 1995. № 3; *Курпьянов А.И.* Поляки в представлении русских (1760–1860-е) // *Россия и внешний мир. Диалог культур.* Сб. ст. М., 1997; *Образ России: Россия и Русские в восприятии Запада и Востока.* СПб., 1998; *Штейнгауз А.И.* Представления о Японии в русском обществе в конце XIX в. // *Взаимоотношения народов России, Сибири и стран Востока: история и современность.* М., 1999. Кн. 1; *Поляки и русские в глазах друг друга.* М., 2000; *Славяне и их соседи.* Сб. ст. М., 1999; *Русские и немцы в XVIII веке: Встреча культур.* М., 2000; *Дынгес А.А.* Эволюция образа немца в российском массовом сознании // *Межэтнические культурные связи в Донбасе: история, этнография, культура. Доклады и сообщения круглых столов.* Донецк, 2000; *Сындзи У.* Представления японцев о России в начале периода Севе (середина 1920-х – середина 1930-х годов) // *Новый мир истории России.* Форум японских и российских исследователей. М., 2001; *Немцы в России: Российско-немецкий диалог.* Сб. стат. СПб., 2001; *Многоликая Финляндия. Образ Финляндии и финнов в России.* Великий Новгород, 2004; и др.
- ⁷ См.: *Сопляков С.В.* Дорога в Арзурум: российская общественная мысль о Востоке (первая половина XIX в.). М., 2000; *Здравомыслов А.Г.* Немцы о русских на пороге нового тысячелетия. Беседы в Германии: 22 экспертных интервью с представителями немецкой интеллектуальной элиты о России – ее настоящем, прошлом и будущем – контент-анализ и комментарий. М., 2003; и др.
- ⁸ См.: *Потанов Н.М.* Печать и война. М.-Л., 1926; *Блументаль Ф.Л.* Буржуазная политработа в мировую войну 1914–1918 гг. /Обработка общественного мнения/. М.-Л., 1928; *Ласвель Г.* Техника пропаганды в мировой войне. Пер. с англ. М.-Л., 1929; *Лайнбарджер П.* Психологическая война. Пер. с англ. М., 1962; *Селезнев И.А.* Война и идеологическая борьба. М., 1974; *Войтасик Л.* Психология политической пропаганды. Пер. с польск. М., 1981; *Комков Г.Д.* На идеологическом фронте Великой Отечественной. 1941–1945. М., 1983; *Волкогонов Д.А.* Психологическая война. /Подрывные действия империализма в области общественного сознания/. М., 1984; *Орлов Ю.Я.* Крах немецко-фашистской пропаганды в период войны против СССР. М., 1985; *Ивлев И.А., Юденков А.Ф.* Оружием контрпропаганды. Советская пропаганда среди населения оккупированной территории СССР. 1941–1944 гг. М., 1988;
- ⁹ *Иголкин А.* Пресса как оружие власти // *Россия.* XXI. 1995. № 11-12; *Северюгин В.И.* Специальные методы социально-психологического воздействия и влияния на людей. Челя-

- бинск, 1996; *Крысько В.* Секреты психологической войны. (Цели, задачи, методы, формы, опыт). Мн., 1999; *Почепцов Г.Г.* Психологические войны. М., 2000; и др.
- ¹⁰ *Репко С.И.* Отечественный опыт ведения спецпропаганды (1918–1991). М., 1994; *Он же.* Война и пропаганда. (XV–XX вв.) В 2 ч. Ч. I. М., 1999. Ч. II. М., 2000; *Волковский Н.Л.* История информационных войн. В 2 ч. СПб., 2003; и др.
- ¹¹ *Horowitz D.L.* Ethnic Groups in Conflict. University of California Press, Berkley et al., 1985; *Гасанов И.Б.* Национальные стереотипы и «образ врага». М., 1994; *он же.* Национальные стереотипы и «образ врага» // Психология национальной нетерпимости. Мн., 1998; *Солдатова Г.У.* Психология межэтнической напряженности. М., 1998; *Налчаджян А.* Этнопсихологическая самозащита и агрессия. Ереван, 2000; *он же.* Этнопсихология. 2-е изд. СПб., 2004; Этнопсихологические проблемы вчера и сегодня. Мн., 2004; и др.
- ¹² *Гудков Л.* Идеологема врага // *Гудков Л.* Негативная идентичность. Статьи 1997–2002 годов. М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 496-551; *он же.* Идеологема «врага»: «Враги» как массовый синдром и механизм социокультурной интеграции // *Образ врага.* / Сост. Л.Гудков, ред. Н.Кондорова. М.: ОГИ, 2005. С. 7-79; и др.
- ¹³ *Волобуев О.В.* Советский тоталитаризм: образ врага // *Тоталитаризм и личность.* Пермь, 1994; *Игрицкий Ю.И.* Россия и Запад: корни стереотипов // *Россия и внешний мир: диалог культур.* Сб. статей. М., 1997. С.177-184; *он же:* Восприятие СССР как фактор глобальной политической конфронтации // *Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия.* Вып. 2. М., 2002. С. 198-217; *Савельев А.Н.* Образ врага: от биологии к политологии // *Этнопсихологические проблемы вчера и сегодня.* Мн., 2004. С. 134-185; и др.
- ¹⁴ *Яковенко И.Г.* Россия и Запад: диалектика взаимодействия // *Россия и Европа в XIX–XX веках.* Проблемы взаимовосприятия народов, социумов, культур. Сб. научн. трудов. М., 1996. С. 6-20; *он же:* Социально-культурная логика трансформации образа Запада в первой половине XX в. // *Россия и Запад: формирование внешнеполитических стереотипов в сознании российского общества первой половины XX века.* М., 1998. С. 291-304; *он же.* Динамика образа Запада в отечественной культуре 1990-х годов // *Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия.* Вып. 2. М., 2002. С. 387-399; *Жбанкова Е.В.* Образ иноземного захватчика в русском литературном творчестве // *Россия и Запад: диалог культур.* 3-я междунар. конференция. 28-30 ноября 1996 г. М., 1997.
- ¹⁵ См.: *Невежин В.А.* Синдром наступательной войны. Советская пропаганда в преддверии «священных боев», 1939–1941 гг. М., 1997; *Пушкарёв Л.Н.* «Свое» и «чужое» как одна из проблем европейского менталитета // *Россия и внешний мир: диалог культур.* Сб. статей. М., 1997. С. 273-283; *Сенявский А.С.* Проблема «свой» – «чужой» в историческом сознании: теоретико-методологический аспект // «Наши» и «чужие» в российском историческом сознании. Матер. междунар. науч. конф. / Под ред. С.Н.Полторака. СПб., 2001. С.13-15; и др.
- ¹⁶ Советские войска на территории противника в 1945 г. // *Сенявская Е.С.* 1941–1945. Фронтное поколение. Историко-психологическое исследование. М., 1995; *Формирование образа врага как историко-психологическая проблема // Сенявская Е.С.* Человек на войне. Историко-психологические очерки. М., 1997; *Формирование образа врага в войнах XX века // Сенявская Е.С.* Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М., 1999; *Сенявская Е.С.* Образ врага в сознании участников Первой мировой войны // *Вопросы истории.* 1997. № 3; *она же.* Образ врага в сознании участников Великой Отечественной войны. // *История.* 1997. № 19; *она же.* Исламское общество Афганистана глазами воинов-«афганцев» // *Россия и внешний мир. Диалог культур.* Сб. ст. М., 1997; *она же.* Финны во Второй мировой войне: взгляд с двух сторон. // *История.* 1997. № 48; *она же.* Япония в войнах с Россией (XX век). // *История.* 1998. № 16; *она же.* Образ врага в сознании участников двух мировых войн // *Россия и Запад. Формирование внешнеполитических стереотипов в сознании российского общества первой половины XX века.* М., 1998; *она же.* Русские и поляки в первой половине XX столетия. Историко-психологический очерк // *История.* 2000. № 5; *она же.* Образ Германии и немцев в годы Второй мировой войны глазами советских солдат и офицеров // *Военно- исторический архив.* Вып. 13. М., 2000; *она же.* Советские войска на территории противника в 1945 г. // *Военно-исторический*

- архив. 2000. № 13; *она же*. Финны во второй мировой войне: взгляд с двух сторон // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 1. М., 2000; *она же*. «Проблема «свой-чужой» в условиях войны и типология «образа врага» // «Наши» и «чужие» в российском историческом сознании. Международная научная конференция. 24–25 мая 2001 г. СПб., 2001; *она же*. Солдаты Красной Армии на польских землях: психологические аспекты отношений с польским гражданским населением // Военно-исторический архив. 2002. № 2(26); *она же*. Япония – противник России в войнах XX века // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 2. М., 2002; *она же*. Финляндия как противник СССР во Второй мировой войне: формирование и эволюция «образа врага» в сознании советского общества // Россия и страны Северной Европы: из истории приграничных отношений в XVI–XX вв. Материалы междунар. научно-практич. конфер. 17 августа 2002 г. Петрозаводск, 2003; *она же*. «Человек на войне: «свой» и «чужие» // Мировые войны XX века. Кн. 1. Первая мировая война. Исторический очерк. М., 2002; *она же*. Финляндия как противник СССР во Второй мировой войне: формирование и эволюция «образа врага» в сознании советского общества в 1939–1940 и 1941–1944 гг. // Многоликая Финляндия. Образ Финляндии и финнов в России. Великий Новгород, 2004; *она же*. Влияние войн XX века на формирование образа Финляндии и финнов в России // Межкультурные взаимодействия в полиэтничном пространстве пограничного региона. Сборник материалов международной научной конференции. Петрозаводск, 2005; и др.
- ¹⁷ Дроздова Э.А. Образ Японии и японцев в русско-японскую войну 1904–1905 гг. (По материалам дальневосточной периодики и архивным фондам Приамурского генерал-губернаторства) // Пятая Дальневосточная конференция молодых историков / Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. Владивосток, 1998. С. 38–42; Поршинева О.С. Внешний враг в сознании народных низов России в период Первой мировой войны // «Наши» и «чужие» в российском историческом сознании. Матер. междунар. науч. конф. / Под ред. С.Н.Полторака. СПб., 2001. С.166–168; Рябов О.В. Образ врага в гендерном дискурсе отечественной историософской публицистики периода Первой мировой войны // Социальная история. Ежегодник. 2003. Женская и гендерная история. М., 2003. С.367–382; Невежин В.А. Польша в советской пропаганде 1939–1941 гг. // Россия и внешний мир: Диалог культур. Сб. стат. М., 1997; *он же*. Синдром наступательной войны. Советская пропаганда в преддверии «священных боев», 1939–1941 гг. М., 1997; *он же*. Финляндия в советской пропаганде периода «Зимней войны» (1939–1940) // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 1. М., 2000; *он же*. Оценка Сталиным Германии как потенциального противника накануне 22 июня 1941 года // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 2. М., 2002; Оболенская С.В. «Немецкий вопрос» и представления в России о немцах в годы первой мировой войны // Россия и Германия. М., 2001. С. 175–197; Сомов В.А. Образ врага в сознании гражданского населения в годы Великой Отечественной войны // «Наши» и «чужие» в российском историческом сознании. С. 264–266; Голубев А.В. Эволюция инокультурных стереотипов советского общества в межвоенный период // «Наши» и «чужие» в российском историческом сознании. С.230–241; *он же*. «Враги второй очереди»: советское общество и образ союзников в годы Великой Отечественной войны // Проблемы российской истории. Вып. V. К 60-летию Победы. Магнитогорск, 2005. С. 320–358; и др.
- ¹⁸ См.: Лельчук В.С., Пивовар Е.И. Конфронтация двух систем и менталитет советского общества // СССР и холодная война. М., 1995; Фатеев А.В. Как создавался образ врага: у истоков холодной войны // История. 1996. № 3; *он же*. Образ врага в советской пропаганде. 1945–1954 гг. М., 1999; *он же*. Советский вариант образа врага: 1945–1954 гг. // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 2. М., 2002; и др.
- ¹⁹ См.: Каменев Е.В. Образ врага в сознании участников отечественной войны 1812 года: опыт историко-психологической реконструкции // Проблемы развития гуманитарной науки на северо-западе России: опыт, традиции, инновации: Материалы научной конференции, посвящ. 10-летию РГНФ. Т. I. Петрозаводск, 2004. С. 117–120; и др.
- ²⁰ Миронов В.В. Трансформация представлений о противнике у австрийских фронтовиков в годы первой мировой войны // Человек в истории: разные лики. Тамбов, 2001. С. 82–92; и др.
- ²¹ См.: Черненко М.М. Портрет соседа в зеркале геополитики // Киноведческие записки. Вып. 2. М., 1988; Латышев А. Сталин и кино // Суровая драма народа. Ученые и публи-

- цисты о природе сталинизма. М., 1989; *Токарев В.А.* Советский «кинозалп» по Польше. 1939–1941 гг. // Вестник МаГУ. Вып. Магнитогорск, 2001; *он же.* «Кара панам! Кара!»: польская тема в предвоенном кино (1939–1941 годы) // Отечественная история. 2003. № 6; *Багдасарян В.Э.* Образ врага в исторических фильмах 1930–1940-х годов // Там же; История страны / История кино. Под ред. С.С.Секиринского. М., 2004; *Назаров А.* Трансформация образа врага в советских хроникальных кинофотодокументах июня-декабря 1941 года // Образ врага. /Сост. Л.Гудков, ред. Н.Кондорова. М., 2005; *Сенявская Е.С.* Русские и финны глазами друг друга: «образ врага» в кинематографе о Второй мировой войне // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «История России». М., 2005; и др.
- ²² Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2003/2004. Новые научные направления / Гл. ред. и сост. Е.С.Сенявская. М.: РОССПЭН, 2005.
- ²³ *Жукова Л.В.* Формирование «образа врага» в русско-японской войне 1904–1905 гг. // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2003/2004. Новые научные направления. М., 2005. С. 259-275; *Купцова И.В.* «Образ врага» в сознании художественной интеллигенции в годы Первой мировой войны // Там же. С. 276-286; *Базанов С.Н.* Феномен братания в Первой мировой войне // Там же. С. 287-301; *Дроздов Ф.Б.* «Образ врага» в сознании рядового красноармейца в годы Великой Отечественной войны // Там же. С. 302-315.
- ²⁴ *Радомирский Я.Л.* Причерноморские русы как военные противники глазами византийских и арабских историков // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2003/2004. Новые научные направления. М., 2005. С.223-237; *Земцов В.Н.* Французы в России в 1812 году // Там же. С.238-244; *Миньяр-Белоручев К.В.* Проблема восприятия противника как фактор развязывания войны (на примере американо-мексиканской войны 1846–1848 гг.) // Там же. 245-258.
- ²⁵ *Сергеев Е.Ю.* «Угроза с Запада» в оценках военно-политической элиты Российской Империи (начало XX века) // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 2. М., 2002. С. 69-83; *Минаков С.Т.* Советская военная элита 1920–30-х гг. и Запад // Россия и Запад: формирование внешнеполитических стереотипов в сознании российского общества первой половины XX века. М., 1998. С. 168-196.; *Невежин В.А.* Оценка Сталиным Германии как потенциального противника накануне 22 июня 1941 года // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 2. М., 2002. С. 101-111.
- ²⁶ *Голубев А.В., Яковенко И.Г.* Россия и Запад: возникновение образа (XI–XIX вв.) // Россия и Запад: формирование внешнеполитических стереотипов в сознании российского общества первой половины XX века. М., 1998. С.12-39; *Саран А.Ю., Сергеев Е.Ю.* Россия и Запад в 1900–1917 гг. // Россия и Запад: формирование внешнеполитических стереотипов в сознании российского общества первой половины XX века. М., 1998. С. 40-68; *Первухина К.М.* Европейская культура в советской периодике 1930-х годов: журнал «Интернациональная литература» // Россия и Европа в XIX–XX веках. Проблемы взаимовосприятия народов, социумов, культур. Сб. научн. трудов. М., 1996. С. 116-128; *Голубев А.В., Кудюкина М.М., Рудая Е.Н., Саран А.Ю.* Советская Россия и Запад в 1920-е годы // Россия и Запад: формирование внешнеполитических стереотипов в сознании российского общества первой половины XX века. М., 1998. С. 121-144.
- ²⁷ *Кулешова Н.Ю.* И.В.Сталин о «капиталистическом окружении»: 1920–1930-е годы // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 2. М., 2002. С. 83-100.
- ²⁸ *Сенявская Е.С.* «Образ врага» в сознании участников первой мировой войны // Россия и Европа в XIX–XX веках. Проблемы взаимовосприятия народов, социумов, культур. Сб. научн. трудов. М., 1996. С. 75-85; *она же:* «Образ врага» в сознании участников мировых войн // Россия и Запад: формирование внешнеполитических стереотипов в сознании российского общества первой половины XX века. М., 1998. С.235-274; *Заиченко О.В.* Образ России в консервативной прессе Веймарской республики: на материале журнала «Ди Тат» // Россия и Европа в XIX–XX веках. Проблемы взаимовосприятия народов, социумов, культур. Сб. научн. трудов. М., 1996. С. 50-65; *Невежин В.А.* Культура Третьего рейха через призму советской пропаганды в 1939–1941 гг. // Россия и Европа в XIX–XX веках. Проблемы взаимовосприятия народов, социумов, культур. Сб. научн. трудов. М., 1996. С. 129-142; *он же.* Оценка Сталиным Германии как потенциального противника на-

- кануне 22 июня 1941 года // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 2. М., 2002. С. 101-111.
- ²⁹ *Молодяков В.Э.* Япония в русском сознании и русской культуре конца XIX – начала XX века. // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 2. М., 2002. С. 325-340; *Жукова Л.В.* Восприятие Японии в России накануне русско-японской войны // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 2. М., 2002. С. 341-356; *Сенявская Е.С.* Япония как противник России в войнах XX века // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 2. М., 2002. С. 357-386; и др.
- ³⁰ *Звонарева Л.У.* Европа и Россия в 1920 году: взгляд из Варшавы // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 2. М., 2002. С. 255-165; *Невежин В.А.* Польша в советской пропаганде 1939–1941 гг. // Россия и внешний мир: диалог культур. Сб. Статей. М., 1997. С. 69-88; и др.
- ³¹ *Невежин В.А.* Финляндия в советской пропаганде периода «зимней войны» (1939–1940 гг.) // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 1. М., 2000. С. 284-305; *Сенявская Е.С.* Финны во второй мировой войне: взгляд с двух сторон // Там же. С. 306-316.
- ³² *Сенявская Е.С.* Исламское общество Афганистана глазами воинов-«афганцев» // Россия и внешний мир: диалог культур. Сб. Статей. М., 1997. С.89-100.
- ³³ *Голдин В.И.* Интервенты или союзники? Мурманский «узел» в марте – июне 1918 г. // Отечественная история. М., 1994. № 1. С. 74-88; *Наринский М.М., Поздеева Л.В. и др.* Взаимные представления: имиджи, идеалы, иллюзии // Союзники в войне. 1941–1945. М., 1995. С. 326-347; *Голубев А.В.* «Образ союзника» в сознании российского общества в 1914–1945 гг. // Россия и Запад: формирование внешнеполитических стереотипов в сознании российского общества первой половины XX века. М., 1998. С. 275-290; *он же.* «Царь Китаю не верит...». Союзники в представлении российского общества 1914–1945 гг. // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 1. М., 2000. С. 317-355; *он же.* Антигитлеровская коалиция глазами советского общества (1941–1945 гг.) // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2002. Предмет, задачи, перспективы развития. М., 2002. С. 334-345; *он же.* Советское общество и «образ союзника» в годы Второй мировой войны // Социальная история. Ежегодник. 2001-2002. М., 2004. С. 126-146; *он же.* «Враги второй очереди»: советское общество и образ союзников в годы Великой Отечественной войны // Проблемы российской истории. Вып. V. К 60-летию Победы. Магнитогорск, 2005. С. 320-359.
- ³⁴ *Рудая Е.Н.* Союзники-враги: Россия и Великобритания глазами друг друга в 1907–1917 годах // Россия и Европа в XIX–XX веках. Проблемы взаимовосприятия народов, социумов, культур. Сб. научн. трудов. М., 1996. С. 175-183; *Голубев А.В.* Интеллигенция Великобритании и «новая цивилизация» (из истории советской культурной дипломатии 1930-х гг.) // Россия и внешний мир: диалог культур. Сб. Статей. М., 1997. С.258-272; *Сергеев Е.Ю.* Образ Великобритании в представлениях российских дипломатов и военных в конце XIX – начале XX века // Россия и Европа в XIX–XX веках. Проблемы взаимовосприятия народов, социумов, культур. Сб. научн. трудов. М., 1996. С. 166-174; *Мыцык Л.Н.* Особенности восприятия советской культуры в Англии в годы Великой Отечественной войны // Россия и Европа в XIX–XX веках. Проблемы взаимовосприятия народов, социумов, культур. Сб. научн. трудов. М., 1996. С. 201-209
- ³⁵ *Сергеев Е.Ю.* Образ США в представлениях россиян. (Начало XX века) // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 1. М., 2000. С. 235; *он же.* Образ России и русских в общественном мнении США (август 1914-февраль 1917 г.) // Россия и внешний мир: диалог культур. Сб. статей. М., 1997. С.149-161; *Журавлева В.И.* Революция 1905 года в России: размышления американцев // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 2. М., 2002. С. 162-181; *Листиков С.В.* Американский дипломат о революционной России. События февраля-октября 1917 г. глазами М.Саммерса // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 1. М., 2000. С. 247

- ³⁶ См.: *Поршнев Б.Ф.* Социальная психология и история. М., 1979. (Гл. 2. Мы и они.); *Одиссей.* Человек в истории. Образ «другого» в культуре. 1993. М., 1994. (*Копелев Л.З.* Чужие.); *Щепетов К.* Немцы – глазами русских. М., 1995; и др.
- ³⁷ *Leerssen J.* The Rhetoric of National Character: A Programmatic Survey // *Poetics Today.* 2000. Vol. 21. P.279.
- ³⁸ *Хорев В.* Имагология и изучение русско-польских литературных связей // *Поляки и русские в глазах друг друга.* М., 2000. С. 23.
- ³⁹ *Lippman W.* Public Opinion. N.Y., 1950, p. 81.
- ⁴⁰ *Хорев В.* Указ. соч. С. 23-24.
- ⁴¹ *Торопов В.Н.* Образ «соседа» в становлении этнического самосознания: русско-литовская перспектива // *Славяне и их соседи. Этно-психологический стереотип в средние века.* М., 1990. С. 5.
- ⁴² *Фалькович С.* Восприятие русскими польского национального характера и создание национального стереотипа поляка // *Поляки и русские в глазах друг друга.* М., 2000. С. 58.
- ⁴³ Там же. С. 46.
- ⁴⁴ *Бромлей Ю.В.* Этнография и взаимопонимание народов // *Советская этнография.* 1986. № 1. С. 8-9
- ⁴⁵ *Невежин В.А.* Польша в советской пропаганде 1939-1941 гг. // *Россия и внешний мир. Диалог культур.* Сб. статей. М., 1997. С. 69.
- ⁴⁶ *Гасанов И.Б.* Национальные стереотипы и «образ врага» // *Психология национальной нетерпимости.* Мн., 1998. С. 194.
- ⁴⁷ Там же. С. 193-194.
- ⁴⁸ См., например, сборник: *Образ врага.* /Сост. Л.Гудков, ред. Н.Кондорова. М., 2005.
- ⁴⁹ *Дукельский В.Ю.* Скажи мне, кто твой враг // Сайт «Институт культурной политики». http://www.cpolicy.ru/projects/c_society/109.html.
- ⁵⁰ *Дукельский В.Ю.* Указ. соч.
- ⁵¹ *Фатеев А.В.* Образ врага в советской пропаганде. 1945–1954 гг. М., 1999. С. 4.
- ⁵² *Гасанов И.Б.* Указ. соч. С. 205.
- ⁵³ *Дукельский В.Ю.* Указ. соч.
- ⁵⁴ *Гасанов И.Б.* Указ. соч. С. 192-193.
- ⁵⁵ Там же. С. 207.
- ⁵⁶ Там же. С. 198-199.
- ⁵⁷ *Сенявский А.С.* Проблема «свой» – «чужой» в историческом сознании: теоретико-методологический аспект // «Наши» и «чужие» в российском историческом сознании. СПб., 2001. С. 13.
- ⁵⁸ «Мы приводили немцев с мокрыми штанами» // *Комсомольская правда.* 8–15 мая 1997 г., № 83 (21577).
- ⁵⁹ *Жбанкова Е.В.* Образ иноземного захватчика в русском литературном творчестве // *Россия и Запад: диалог культур.* 3-я междунар. конференция. 28-30 ноября 1996 г. М., 1997. С. 404.

Глава I

- ¹ *Гамильтон Ян.* Записная книжка штабного офицера во время русско-японской войны. Пер. с англ. М., 2000. С. 13-14.
- ² *Лукин А.П.* В 1904 году // *Порт-Артур. Воспоминания участников.* Нью-Йорк, 1955. С. 33.
- ³ *Время и судьбы.* Военно-мемуарный сборник. Вып. 1. М., 1991. С. 286.
- ⁴ *Лукин А.П.* Указ. соч. // *Порт-Артур...* С. 33.
- ⁵ *Бок Б.И.* Завтрак у заместника // Там же. С. 25-26.
- ⁶ *Никитин Д.В.* Как началась война с Японией // Там же. С. 47.
- ⁷ *История русско-японской войны. 1904-1905 гг.* М., 1977. С. 111.
- ⁸ Там же. С. 113-117.
- ⁹ *Время и судьбы.* С. 289.
- ¹⁰ *Витте С.Ю.* Воспоминания. Т. 2. М., 1960. С. 291.

- ¹¹ Лукин А.П. Указ. соч. // Порт-Артур... С. 32-33.
- ¹² Бок Б.И. Указ. соч. // Там же. С. 24.
- ¹³ Лукин А.П. Указ. соч. // Там же. С. 31-32.
- ¹⁴ Там же. С. 29-31.
- ¹⁵ Время и судьбы. С. 266-267.
- ¹⁶ Там же. С. 267.
- ¹⁷ Дневник участника русско-японской войны (1904–1905) дивизионного врача В.П.Кравкова // Время и судьбы. С. 260, 262.
- ¹⁸ Там же. С. 279.
- ¹⁹ Там же. С. 280-281.
- ²⁰ Ефимович П.В. Перед концом Порт-Артура // Порт-Артур... С. 98.
- ²¹ Там же. С. 101-102.
- ²² Бок Б.И. Сдача Порт-Артура // Порт-Артур... С. 385-386.
- ²³ Там же. С. 387.
- ²⁴ Дудоров Б.И. Крепость сдана // Порт-Артур... С. 395-396.
- ²⁵ Керсновский А.А. История русской армии. В 4-х т. М., 1994. Т. 3. 1881–1915. С. 109; Там же. Т. 4. 1915–1917. С. 215.
- ²⁶ Трубецкой С.Е. Минувшее. М., 1991. С. 50.
- ²⁷ Куприн А.И. Рассказы. М., 1985. С. 275-276.
- ²⁸ Там же. С. 277-278.
- ²⁹ Катаев В. Белеет парус одинокий. М., 1975. С. 141.
- ³⁰ Там же. С. 141-142.
- ³¹ Цит. по: Жукова Л.В. Восприятие Японии в России накануне русско-японской войны // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 2. М., 2002. С. 352-353.
- ³² Время и судьбы. С. 288.
- ³³ Портсмутский мирный договор потерял силу после поражения и капитуляции Японии во Второй мировой войне. См.: Военный Энциклопедический Словарь. М., 1984. С. 579.
- ³⁴ Цит. по: Шамбаров В. За Веру, Царя и Отечество. М., 2003. С. 519.
- ³⁵ Малиновский Р. Я. Солдаты России. М., 1969. С. 169-170.
- ³⁶ Кошкин А.А. Японский фронт маршала Сталина. Россия и Япония: тень Цусимы длиною в век. М., 2004. С. 16.
- ³⁷ Шишов А.В. Россия и Япония: История военных конфликтов. М., 2000. С. 370-371; Широкоград А.Б. Русско-японские войны 1904–1945 гг. Мн., 2003. С. 436.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ Шишов А.В. Указ. соч. С. 387.
- ⁴⁰ Мнение, высказанное в книге Нарахаси Киитиро «Дипломатия во время отправки войск» (Осака, 1921.). Цит по: Кошкин А.А. Крах стратегии «спелой хурмы». Военная политика Японии в отношении СССР 1931–1945 гг. М., 1989. С. 12.
- ⁴¹ См.: Дегтярев А.П., Семин В.П. Россия в войнах и вооруженных конфликтах. Справочник. М., 2004. С. 174.
- ⁴² Сталин И.В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1952. С. 204-205.
- ⁴³ Цит. по: Галин В.В. Интервенция и Гражданская война. М.: Алгоритм, 2004. С. 379.
- ⁴⁴ Цит. по: Шолох Е. Русский с японцем: контактам 150 лет // Конкурент.Ru. 2005-03-01. – См.: <http://www.konkurent.ru/print.php?id=3538>
- ⁴⁵ Шишов А.В. Указ. соч. С. 393-394.
- ⁴⁶ Подробнее о Николаевском инциденте см.: Черевко К.Е. Серп и молот против самурайского меча. М., 2003. С.10-11; Славинский Б.Н. СССР и Япония – на пути к войне: дипломатическая история, 1937–1945 гг. М., 1999. С. 7.
- ⁴⁷ См.: Интервенция Антанты в России 1918-22 // Военная энциклопедия. Т. 3. М., 1995. С. 358; Шолох Е. Указ. соч.
- ⁴⁸ Шолох Е. Указ. соч.
- ⁴⁹ Такие извинения были принесены в ноте советского полномочного представителя Л.М.Карахана правительству Японии, приложенной к Конвенции об основных принципах

- взаимоотношений между СССР и Японией, подписанной 20 января 1925 г. в Пекине. И лишь тогда, после установления дипломатических отношений между СССР и Японией, Северный Сахалин был очищен от японцев. См.: *Черевко К.Е.* Указ. соч. С. 8, 10-11.
- ⁵⁰ Впоследствии, выступая 21 декабря 1920 г. на VIII Всероссийском съезде Советов, В.И. Ленин говорил: «...вести войну с Японией мы не можем и должны все сделать для того, чтобы попытаться не только отдалить войну с Японией, но, если можно, обойтись без нее, потому что нам она по понятным условиям сейчас непосильна». См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 42. С. 93.
- ⁵¹ Японская интервенция в Советской России 1918-22 // Советская военная энциклопедия. Т. 8. М., 1980. С. 670-671.
- ⁵² *Широкоград А.Б.* Указ. соч. С. 444.
- ⁵³ *Шолох Е.* Указ. соч.
- ⁵⁴ *Кошкин А.А.* Крах стратегии «спелой хурмы». С. 13.
- ⁵⁵ Цит по: *Кошкин А.А.* Крах стратегии «спелой хурмы». С. 16.
- ⁵⁶ Там же.
- ⁵⁷ *Шкадов И.Н.* Озеро Хасан. Год 1938. М., 1988. С. 13-14.
- ⁵⁸ Военный Энциклопедический Словарь. С. 793; *Шкадов И.Н.* Указ. соч. С. 41-42, 53-54, 70-71; *Кривель А.М.* Это было на Хингане. М., 1985. С. 10-13.
- ⁵⁹ *Кошкин А.А.* Крах стратегии «спелой хурмы». С. 65.
- ⁶⁰ Там же. С. 15.
- ⁶¹ *Кривель А.М.* Это было на Хингане. С. 27; Финал. Историко-мемуарный очерк о разгроме империалистической Японии в 1945 г. Изд. 2-е, доп. и испр. М., 1969. С. 342.
- ⁶² На Халхин-Голе. Воспоминания ленинградцев – участников боев с японскими милитаристами в районе реки Халхин-Гол в 1939 году. Л., 1989. С. 7; *Кривель А.М.* Слышишь, Халхин-Гол! М., 1989. С. 175.
- ⁶³ *Кривель А.М.* Слышишь, Халхин-Гол! С. 68-69.
- ⁶⁴ На Халхин-Голе... С. 230.
- ⁶⁵ *Румянцев Н.М.* Кровь на барханах // На Халхин-Голе... С. 51-52.
- ⁶⁶ *Яманов В.А.* В вихре воздушных атак // Там же. С. 130.
- ⁶⁷ *Кривель А.М.* Слышишь, Халхин-Гол! С. 43-52.
- ⁶⁸ *Румянцев Н.М.* Указ. соч. С. 78-79.
- ⁶⁹ Там же. С. 65.
- ⁷⁰ *Фиалковский В.В.* Военные медики // На Халхин-Голе... С. 219-220.
- ⁷¹ *Абрамов К.Н.* Потомкам в пример // Там же. С. 40.
- ⁷² *Румянцев Н.М.* Указ. соч. С. 83.
- ⁷³ Там же. С. 87.
- ⁷⁴ Цит. по: *Кривель А.М.* Это было на Хингане. С. 57.
- ⁷⁵ Внешняя политика СССР: Сб. документов. Т. IV. М., 1946. С. 550; Документы японского правительства и ставки // *Кошкин А.А.* Указ. соч. С. 217-242; *Кривель А.М.* Слышишь, Халхин-Гол! С. 94-96.
- ⁷⁶ *Кошкин А.А.* Крах стратегии «спелой хурмы». С. 96.
- ⁷⁷ Там же. С. 119, 8.
- ⁷⁸ *Кривель А.М.* Слышишь, Халхин-Гол! С. 98.
- ⁷⁹ История войны на Тихом океане. Т. IV. М., 1958. С. 201.
- ⁸⁰ Внешняя политика СССР: Сб. документов. Т. III. М., 1947. С. 362-363.
- ⁸¹ *Кривель А.М.* Слышишь, Халхин-Гол! С. 84.
- ⁸² *Кривель А.М.* Это было на Хингане. С. 122.
- ⁸³ *Сталин И.В.* Указ. соч. С. 204-205.
- ⁸⁴ *Кривель А.М.* Это было на Хингане. С. 153; Советская Военная Энциклопедия. М., 1977. Т. 4. С. 53-54.
- ⁸⁵ *Сотников А.* Смертники на войне // Аргументы и факты. Май 1997. № 19; Камикадзе // Военный энциклопедический словарь. М., 1984. С. 313.
- ⁸⁶ *Сотников А.* Указ. соч.

- ⁸⁷ *Кривель А.М.* Слышишь, Халхин-Гол! С. 39.
- ⁸⁸ Там же. С. 152-154.
- ⁸⁹ Цит. по: *Кривель А.М.* Слышишь, Халхин-Гол! С. 154.
- ⁹⁰ *Кривель А.М.* Это было на Хингане. С. 127.
- ⁹¹ Финал. Историко-мемуарный очерк о разгроме империалистической Японии в 1945 г. Изд. 2-е, доп. и испр. М., 1969. С. 342.
- ⁹² Там же. С. 343.
- ⁹³ *Кривель А.М.* Слышишь, Халхин-Гол! С. 155.
- ⁹⁴ Там же.
- ⁹⁵ Цит. по: *Кривель А.М.* Это было на Хингане. С. 110-111; *Он же.* Слышишь, Халхин-Гол! С. 126.
- ⁹⁶ *Кривель А.М.* Слышишь, Халхин-Гол! С. 8.
- ⁹⁷ Цит. по: *Кривель А.М.* Это было на Хингане. С. 137.
- ⁹⁸ *Кривель А.М.* Это было на Хингане. С. 67-76.
- ⁹⁹ *Кривель А.М.* Слышишь, Халхин-Гол! С. 178.
- ¹⁰⁰ Там же.
- ¹⁰¹ Песни и романсы русских поэтов. (Б-ка поэта. Большая серия.) М.-Л., 1965. С. 885-886.
- ¹⁰² Русское народное поэтическое творчество. Хрестоматия. Л., 1987. С. 571; По военной дороге: Сб. песен о Советской Армии и Военно-Морском Флоте. М., 1988. С. 46-48.
- ¹⁰³ *Бирюков Ю.Е.* Всегда на страже. Рассказы о песнях. М., 1988. С. 64; По военной дороге... С. 106.
- ¹⁰⁴ *Того Такэхиро.* Япония и Россия в XXI веке // *Мировая экономика и международные отношения.* 1997. № 5. С. 20.
- ¹⁰⁵ *Сталин И.В.* Указ. соч. С. 204-206.
- ¹⁰⁶ *Стапран Н.* Переломный этап истории: уроки, которые вынесла для себя Япония // 60-летие окончания Второй мировой и Великой Отечественной: победители и побежденные в контексте политики, мифологии и памяти. С. 217.
- ¹⁰⁷ Там же. С. 203.
- ¹⁰⁸ Там же. С. 202.
- ¹⁰⁹ *Славинский Б.Н.* Указ. соч. С. 501.
- ¹¹⁰ *Стапран Н.* Указ. соч. С. 205.
- ¹¹¹ Там же. С. 202.
- ¹¹² *Стапран Н.* Указ. соч. С. 210; *Славинский Б.Н.* Указ. соч. С. 501.
- ¹¹³ Там же.
- ¹¹⁴ Там же. С. 207.
- ¹¹⁵ Там же. С. 206-207, 208-209.

Глава II

- ¹ *Волковский Н.Л.* История информационных войн. В 2 ч. СПб., 2003. Ч. 2. С. 72-73.
- ² Цит. по: *Потапов Н.М.* Печать и война. М.; Л. 1926. С. 10.
- ³ *Волковский Н.Л.* Указ. соч. С. 73-74.
- ⁴ Первая мировая. / Сост., предисл., вступит. статья к документам и коммент. С.Н.Семанова. М., 1989. С. 8-9.
- ⁵ *Волковский Н.Л.* Указ. соч. С. 74.
- ⁶ «В 1920-е годы в германской массовой литературе разоблачались наиболее известные факты лжи пропаганды Антанты и вскрыты их корни. Особенно долго немцы ощущали результаты пропаганды ужасов. Огромную убедительную силу имели легенды об отрубленных детских руках, которые в самых различных версиях обошли всю мировую прессу. Тысячи граждан со всех концов всего мира заявляли тогда о своей готовности усыновить изувеченных детей, и даже сам Папа Римский обещал выразить протест германскому правительству, если ему будут предъявлены неопровержимые данные. Однако эти случаи не имели официального подтверждения. Также остались недоказанными легенды о «распятии канадца», сообщение о насилиях над монашками, о подвешенных католических священниках, о переработке немцами трупов солдат, своих и чужих, на стеарин и на корм

- для свиней. Это последнее сообщение вызвало во всем мире бурю негодования, и есть мнение, что оно ускорило вступление Китая в войну на стороне Антанты. Только в 1925 году эта ложь была наконец разоблачена в статье, появившейся в американской газете «Таймс диспэтч», которая писала по этому поводу: «Из всех ужасных орудий современной войны едва ли не первое место занимает пропаганда, являющаяся важной составной частью военной машины любой нации. Знаменитая история с трупами, которая во время войны довела ненависть народов к Германии до предела, объявлена сейчас английской палатой общин ложью. Несколько месяцев тому назад мир узнал о том, что эта ложь была сфабрикована и распространена одним из ловких офицеров английской разведки». См.: *Волковский Н.Л.* Указ. соч. С. 234.
- ⁷ Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 2019. Оп. 1. Д. 525. Л. 2, 6, 8, 27; Д. 730. Л. 3; Д. 732. Л. 3, 5, 23.
- ⁸ РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 525. Л. 19-20.
- ⁹ *Волковский Н.Л.* История информационных войн. В 2 ч. СПб., 2003. Ч. 2. С. 70.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Восточно-Прусская операция. Сб. документов. М., 1939. С. 77.
- ¹² *Лемке М.* 250 дней в царской ставке // Первая мировая. М., 1989. С. 401.
- ¹³ *Брусилов А.А.* Мои воспоминания. М., 1963. С. 81-82, 83.
- ¹⁴ Там же. С. 83.
- ¹⁵ Священный порыв России на великий подвиг в защиту угнетенных братьев славян. Киев, 1914; *Сенигов И.* Почему Россия не может не победить Германию. СПб., 1914; *Орлов В.Г.* Как воюем мы и как воюют немцы. М., 1914; *Смерчинский Е.* Что делают немки, когда немцы воюют. Киев, 1915; Россия борется за правду. М., 1915; *Назаревский Б.* Война за правду. М., 1915; *Иваненко С.* О значении современной войны и о долге довести ее до победного конца. Беседа с нижними чинами. Казань, 1915; *Навоев П.* Что ожидает добровольно сдавшегося в плен солдата и его семью. Беседа с нижними чинами. Пг., 1916; и др.
- ¹⁶ РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 533. Л. 14; Д. 535. Л. 129; Д. 730. Л. 27.
- ¹⁷ РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 533. Л. 76.
- ¹⁸ РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 732. Л. 219; О нарушении германской и австро-венгерской армиями международных конвенций о законах и обычаях войны см. также: Документы о немецких зверствах в 1914-1918 гг. М., 1942.
- ¹⁹ *Яковлев Н.* 1 августа 1914. М., 1974. С. 65.
- ²⁰ РГВИА. Ф. 2020. Оп. 1. Д. 148.
- ²¹ РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 732. Л. 32.
- ²² РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 642. Л. 28.
- ²³ Там же. Л. 48.
- ²⁴ РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 654. Л. 13.
- ²⁵ Центр документации «Народный архив» при Московском государственном историко-архивном институте (далее – ЦДНА при МГИАИ). Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 61. Л. 17-18, 20-21.
- ²⁶ Противоположное мнение высказывает историк С.В.Оболенская. См.: «Немецкий вопрос» в годы Первой мировой войны // *Оболенская С.В.* Германия и немцы глазами русских (XIX век). М., 2000. С. 162.
- ²⁷ РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 654. Л. 22.
- ²⁸ РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 525. Л. 87-88.
- ²⁹ РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 533. Л. 75-76.
- ³⁰ Цит. по: *Смирнов А.* Сибирский удар и саксонская сталь. Сравнительная характеристика противников на Восточном фронте // Родина. 2004. № 9. С. 17.
- ³¹ РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 525. Л. 87-88; Д. 642. Л. 24, 30, 44.
- ³² РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 505. Л. 118-119; Д. 516. Л. 19; Д. 535, Л. 75-76.
- ³³ РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 535. Л. 75-76.
- ³⁴ РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 505. Л. 118-119.
- ³⁵ РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 732. Л. 32.
- ³⁶ РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 644. Л. 3.

- ³⁷ Цит. по: *Дьяков Ю.Л., Бушуева Т.С.* Фашистский меч ковался в СССР: Красная Армия и рейхсвер. Тайное сотрудничество. 1922-1933. Неизвестные документы. М., 1992. С. 21.
- ³⁸ Цит. по: *Волковский Н.Л.* История информационных войн. Ч. 2. С. 215.
- ³⁹ Война Германии против Советского Союза. Документальная экспозиция города Берлина. Каталог. Berlin, Argon-Verlag GmbH. 1992. С. 15.
- ⁴⁰ Там же. С. 23.
- ⁴¹ Там же. С. 29.
- ⁴² См.: *Кулешова Н.Ю.* «Большой день»: Грядущая война в литературе 1930-х годов // Отечественная история. 2002. № 1; *Она же.* «Не нынче – завтра грянет бой»: образ грядущей войны и ее участников в литературе 1930-х годов // История России XIX–XX веков: Новые источники понимания. М., 2001.
- ⁴³ *Симонов К.* Ледовое побоище. Поэма // Настоящие люди. Книга стихов. М., 1938. С. 87.
- ⁴⁴ См. подробнее: *Сенявский А.С.* Сталин – Гитлер: стратегическая дуэль с точки зрения теории игр // Военно-исторический архив. 2002. № 6. С. 60-74.
- ⁴⁵ *Невежин В.А.* Польша в советской пропаганде 1939–1941 гг. // Россия и внешний мир. Диалог культур. Сб. статей. М., 1997. С. 69-70.
- ⁴⁶ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945. В 6-ти тт. Т. 1. М., 1960. С. 441.
- ⁴⁷ Музей Боевой Славы Исторического факультета МГУ. Личный фонд М.Т.Белявского.
- ⁴⁸ Российский государственный архив литературы и искусства (далее – РГАЛИ). Ф. 362. Оп. 3. Ч. 708. Кл. 122, 138.
- ⁴⁹ *Лабас Ю.* Черный снег на Кузнецком // Родина, 1991. N 6-7. С.36.
- ⁵⁰ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945. В 6-ти тт. Т. 1. М., 1960. С. 378.
- ⁵¹ История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. IX. М., 1971. С. 515.
- ⁵² Из интервью с академиком В.А.Виноградовым от 26.03.2001 г. // Личный архив автора.
- ⁵³ Из интервью с Ю.П.Шараповым от 17.05.1995 г. // Личный архив автора.
- ⁵⁴ *Росциус Ю.* Дневник пророка. М., Знание. Серия «Знак вопроса». 1990. N 4. С. 6-7. Лева Федотов погиб на фронте 25 июня 1943 г.
- ⁵⁵ Из интервью с В.А.Виноградовым от 26.03.2001 г. // Личный архив автора.
- ⁵⁶ *Кассис В., Комаров В., Чичков В.* Покой нам и не снился. М., 1982. С. 25-26.
- ⁵⁷ Война Германии против Советского Союза. Документальная экспозиция города Берлина. С. 51.
- ⁵⁸ Правда. 1941. 23 июня.
- ⁵⁹ *Сталин И.В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1952. С. 15.
- ⁶⁰ Цит. по: История Отечества: Люди, идеи, решения. Очерк истории Советского государства. М., 1991. С. 258.
- ⁶¹ *Овчинникова Л.* Пишу перед боем // Комсомольская правда. 1989. 9 мая.
- ⁶² *Бланк А., Хавкин Б.* Вторая жизнь фельдмаршала Паулюса. М., 1990. С. 173.
- ⁶³ Из письма К.Симонова В.В.Томскому. 7 июня 1963 г. // *Симонов К.* Письма о войне 1943–1979. М., 1990. С. 194.
- ⁶⁴ Из письма К.Симонова С.Оргу. 1970 г. // *Симонов К.* Письма о войне. С. 420.
- ⁶⁵ По обе стороны фронта. Письма советских и немецких солдат 1941–1945 гг. М., 1995. С. 155-156.
- ⁶⁶ *Толстой А.* Только победа и жизнь! // Публицистика периода Великой Отечественной войны и первых послевоенных лет. М., 1985. С. 31.
- ⁶⁷ *Симонов К.* На Эльбе и в Берлине // Венки Славы. Антология худож. произвед. о Великой Отечественной войне. Т. 11. М., 1986. С. 328.
- ⁶⁸ *Симонов К.* Июнь – декабрь // Публицистика периода Великой Отечественной войны и первых послевоенных лет. С. 40-41.
- ⁶⁹ Война: день за днем. Беседа с писателем К.М.Симоновым // *Песков В.* Война и люди. М., 1979. С. 165.
- ⁷⁰ *Симонов К.* Июнь – декабрь // Публицистика периода Великой Отечественной войны и первых послевоенных лет. С. 39.

- ⁷¹ *Симонов К.* Убей его! // Москва военная. 1941-1945. Мемуары и архивные документы. М., 1995. С. 259-260.
- ⁷² Из интервью с Л.Н.Пушкаревым от 4 июня 1997 г. // Личный архив автора.
- ⁷³ По обе стороны фронта. С. 202.
- ⁷⁴ Там же. С. 201.
- ⁷⁵ *Сурков А.* Земля под пеплом // Публицистика периода Великой Отечественной войны и первых послевоенных лет. С. 139.
- ⁷⁶ По обе стороны фронта. С. 193.
- ⁷⁷ Война Германии против Советского Союза. Документальная экспозиция города Берлина. Каталог. Berlin, Argon-Verlag GmbH. 1992. С. 183-184.
- ⁷⁸ *Эренбург И.* Душа России // Публицистика периода Великой Отечественной войны и первых послевоенных лет. С. 231-232.
- ⁷⁹ Немцы о русских. Сборник. М., 1995. С. 39-40.
- ⁸⁰ МБФ ИФ МГУ. Личный фонд М.Т.Белявского. Фронтовые записки.
- ⁸¹ *Медведев Р.А.* Русские и немцы через 50 лет после мировой войны // Кентавр. 1995. № 1. С. 12.
- ⁸² Центральный архив Министерства обороны РФ (далее – ЦАМО РФ). Ф. 372. Оп. 6570. Д. 51. Л. 104.
- ⁸³ Политдонесения о митингах «ненависти и мести врагу» и беседах на тему «Красная Армия – армия мстителей за насилия и унижения, причиняемые немецко-фашистскими поддателями нашим братьям и сестрам в оккупированных районах наше Родины», проводимых в частях 19-й армии Карельского фронта в апреле-декабре 1943 г. во исполнение директивы Главного Политического Управления РККА № 16, а также содержание материалов о ненависти к врагу, помещенных в газете «Сталинский боец» в связи с митингами, см.: ЦАМО РФ. Ф. 372. Оп. 6570. Д. 33. Л. 213, 241-245, 248-250, 346.
- ⁸⁴ ЦАМО РФ. Ф. 372. Оп. 6570. Д. 76. Л. 304-305. О зверствах немцев над советскими военнопленными и проведении митингов, политинформаций и бесед на тему «Отомстим немецко-фашистским захватчикам за все их злодеяния» см. также в донесениях политотдела 19-й армии за август-октябрь 1944 г.: ЦАМО РФ. Ф. 372. Оп. 6570. Д. 51. Л. 104-104об, 167-168, 182, 184.
- ⁸⁵ ЦАМО РФ. Ф. 372. Оп. 6570. Д. 51. Л. 214-об. Об использовании политработниками и агитаторами для повышения боевого духа бойцов в наступательных боях марта-апреля 1945 г. фактов фашистских преступлений над советским гражданским населением и военнопленными см.: ЦАМО РФ. Ф. 372. Оп. 6570. Д. 78. Л. 68-69, 75.
- ⁸⁶ *Симонов К.* От Халхин-Гола до Берлина. М., 1973. С. 200.
- ⁸⁷ Они сражались с фашизмом. М., 1988. С. 130-131.
- ⁸⁸ *Семиряга М.И.* Как мы управляли Германией. Политика и жизнь. М., 1995. С. 314-315.
- ⁸⁹ *Сталин И.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1952. С. 46.
- ⁹⁰ *Самойлов Д.* Люди одного варианта. (Из военных записок) // Аврора, 1990, № 2. С. 91.
- ⁹¹ Война Германии против Советского Союза. Документальная экспозиция города Берлина. С. 255.
- ⁹² См.: *Семиряга М.И.* Как мы управляли Германией. М., 1995. С. 314-315; Российский Архив. Великая Отечественная война. Т. 15(4-5). Битва за Берлин. М., 1995. С. 220.
- ⁹³ ЦАМО РФ. Ф. 372. Оп. 6570. Д. 78. Л. 30-32.
- ⁹⁴ Огонек. 1989. № 36. С. 23.
- ⁹⁵ Так, самого Л.Копелева обвинили в «жалости к противнику» и в результате – он был осужден, десять лет провел в лагерях.
- ⁹⁶ ЦАМО РФ. Ф. 372. Оп. 6570. Д. 78. Л. 30-32.
- ⁹⁷ *Жуков Ю.* Солдатские думы. М., 1987. С. 337.
- ⁹⁸ Переписка с Н.Н.Решетниковой. 1942–1945 гг. // Личный архив Ю.П.Шарапова.
- ⁹⁹ ЦАМО РФ. Ф. 372. Оп. 6570. Д. 76. Л. 92, 94.
- ¹⁰⁰ *Алексиевич С.* У войны – неженское лицо. Минск, 1985. С. 301-302.
- ¹⁰¹ Коммунист. 1981. № 8. С. 71-72.
- ¹⁰² *Самойлов Д.* Указ. соч. С. 93.

- ¹⁰³ *Леонов Л.* Немцы в Москве // Публицистика периода Великой Отечественной войны и первых послевоенных лет. С. 259.
- ¹⁰⁴ См.: *Самсонов А.М.* Знать и помнить. Диалог историка с читателем. М., 1989. С. 79-81.
- ¹⁰⁵ Цит. по: *Волкогонов Д.А.* Морально-политический фактор Великой Победы // Вопросы философии. 1975. № 3. С. 106.
- ¹⁰⁶ По обе стороны фронта. Письма советских и немецких солдат 1941–1945 гг. Сост. А.Д.Шиндель. М., 1995. С. 43-44.
- ¹⁰⁷ Сталинградская эпопея. Материалы НКВД СССР и военной цензуры из Центрального архива ФСБ РФ. М., 2000. С. 164.
- ¹⁰⁸ Там же. С. 164, 216.
- ¹⁰⁹ Там же. С. 261.
- ¹¹⁰ *Вольф А.* Звезда над передовой. М., 1983. С. 42-43.
- ¹¹¹ *Кохут Томас А., Ройлекке Ю.* «Подохнуть крысой под крестьянским башмаком...» Последние письма из Сталинграда // Сталинград. Событие. Воздействие. Символ. Пер. с нем. М., 1995. С. 484-485.
- ¹¹² Сталинградская эпопея. С. 93-94.
- ¹¹³ Там же. С. 105-106.
- ¹¹⁴ Там же. С. 109-110.
- ¹¹⁵ По обе стороны фронта. С. 193-194.
- ¹¹⁶ Там же. С. 490.
- ¹¹⁷ Обзор писем немецких солдат, находящихся в окруженной Сталинградской группировке. 10 января 1943 г. // Сталинградская эпопея. С. 331.
- ¹¹⁸ *Кохут Томас А., Ройлекке Ю.* Указ. соч. С. 482.
- ¹¹⁹ Там же. С. 482-483.
- ¹²⁰ Величие Подвига Советского народа. Зарубежные отклики и высказывания 1941–1945 годов о Великой Отечественной войне. М., 1985. С.220.
- ¹²¹ МБС ИФ МГУ. Личный фонд М.Т.Белявского. Фронтовые записки.
- ¹²² ЦДНА при МГИАИ. Ф. 118. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 38-40.
- ¹²³ МБС ИФ МГУ. Личный фонд Ю.И.Каминского.
- ¹²⁴ *Медведев Р.А.* Указ. соч. С. 12.
- ¹²⁵ По обе стороны фронта. С. 162.
- ¹²⁶ Война Германии против Советского Союза. Документальная экспозиция города Берлина. С. 242.
- ¹²⁷ *Медведев Р.А.* Указ. соч. С. 15.
- ¹²⁸ См.: *Окунев Я.* Воинская страда. Пг., 1915; *Федорченко С.* Народ на войне. Фронтовые записки. Киев, 1917; *Лугин Н. [Степун Ф.А.]* Из писем прапорщика-артиллериста. *Ропшин В. [Савинков Б.В.]* Из действующей армии (лето 1917 г.). М., 1918; *Тимофеев Б.* Чаша скорбная. М., 1918; *Чемоданов Г.Н.* Последние дни старой армии. М.-Л., 1926; *Оськин Д.* Записки солдата. М., 1929; *Арамилев А.* В дыму войны. М., 1930; *Войтоловский Л.* По следам войны. Походные записки. Л., 1931; *Падучев Вл.* Записки нижнего чина. М., 1931; и др.
- ¹²⁹ *М.Шолохов* «Тихий Дон»; *А.Толстой* «Хождение по мукам»; *Вс.Вишневский* «Война»; *Н.Тихонов* «Война»; *К.Федин* «Города и годы»; *С.Сергеев-Ценский* «Брусиловский прорыв»; и др.
- ¹³⁰ Lost generation (*англ.*), verlorene Generation (*нем.*), g'йnйigation perdue (*франц.*) – переводится и как «потерянное поколение», и как «погибшее поколение». Это выражение, прозвучавшее в случайном разговоре применительно к молодежи, побывавшей на войне, и ставшее одним из самых распространенных литературных ярлыков XX столетия, получило известность благодаря Э.Хемингуэю, сделавшему его эпиграфом своего романа «Фиеста» («И восходит солнце»), вышедшего в свет в 1926 г. Рассказ об эпизоде, связанном с появлением выражения «потерянное поколение», см.: *Хемингуэй Э.* «Праздник, который всегда с собой» // *Хемингуэй Э.* Собр. соч. в 4-х тт. М., 1968. Т. 4. С. 395. Однако наиболее ярким выразителем мировоззрения «потерянного поколения» с его антивоенным пафосом считается другой писатель – Эрих-Мария Ремарк. Обычно в этой связи вспоминают его роман «На Западном фронте без перемен», который открывается эпиграфом, в котором также звучит слово «поколение»: «Эта книга не является ни обвинением, ни исповедью. Это только попытка рассказать о поколении,

которое погубила война, о тех, кто стал ее жертвой, даже если спасся от снарядов». Есть у Ремарка и другой роман – с символическим названием «Возвращение», об «отсроченных» последствиях войны. Чувствуя себя изгоями, герои Ремарка отчаянно держатся друг за друга, готовые к конфликту с властями, со всем враждебно настроенным миром, в который они никак не могут вписаться, и обвиняют лицемерное общество, сначала пославшее их на войну, а затем отторгнувшее их. См.: *Ремарк Э.-М.* На Западном фронте без перемен. Возвращение. Романы. Пер. с нем. М.-Харьков, 1999.

¹³¹ Анри Барбюс «Огонь» (1916); Ярослав Гашек «Похождения бравого солдата Швейка» (1923); Эрнест Хемингуэй «В наше время» (1925), «Фиеста» (1926) и «Прощай, оружие!» (1929); Арнольд Цвейг «Спор об унтере Грише» (1927); Эрих-Мария Ремарк «На западном фронте без перемен» (1929), «Возвращение» (1931) и др.; Ричард Олдингтон «Смерть героя» (1929); и др.

¹³² Эрнст Юнгер – идейный антипод Ремарка, «певец войны». В своем автобиографическом романе «В стальных грозах», созданном на основе дневниковых записей, он убеждает читателей в том, что война – самое естественное проявление человеческой жизни, что только она может принести народу обновление, а без нее начинают преобладать застой и вырождение. Творчество Юнгера, весьма популярное в послевоенной Германии, психологически готовило немецкую нацию к военному реваншу. См.: *Junger E.* In *Stahlgewittern*. Berlin, 1920; *Юнгер Э.* В стальных грозах. Пер. с нем. СПб., 2000; Героика и страх как модусы человеческого существования. Ранние произведения Э.Юнгера // Философия человека: Традиции и современность. Вып. 2. Сб. обзоров. М., 1991. С. 196-221; Э.Юнгер и «новый национализм» // *Пленков О.Ю.* Мифы нации против мифов демократии: немецкая политическая традиция и нацизм. СПб., 1997. С. 372-384.

¹³³ *Рюруп Р.* Немцы и война против Советского Союза // Свободная мысль. 1994. № 11. С. 80.

¹³⁴ Цит. по: *Владимирский А.* Предъюбилейная «альтернативная история»: Пакт Молотова-Рибентропа, оккупация Прибалтики и Катынское дело в российских СМИ и Интернете // 60-летие окончания Второй мировой и Великой Отечественной: победители и побежденные в контексте политики, мифологии и памяти. Материалы к Международному форуму (Москва, сентябрь 2005). Под ред. Ф.Бомсдорфа и Г.Бордюгова. Библиотека либерального чтения. Вып. 16. М., 2005. С. 228.

¹³⁵ *Здравомыслов А.Г.* Немцы о русских на пороге нового тысячелетия. Беседы в Германии: 22 экспертных интервью с представителями немецкой интеллектуальной элиты о России – ее настоящем, прошлом и будущем – контент-анализ и комментарий. М., 2003. С. 485.

¹³⁶ *Рюруп Р.* Указ. соч. С. 79.

¹³⁷ См.: *Нольте Х.-Х.* Вина и прозрение немцев: война на Востоке (1941–1945) // Сталинград. Чему русские и немцы научились за 60 лет. Матер. Междунар. конфер., г.Волгоград, 3-5 апреля 2003 г. Волгоград, 2003. С. 41-47; *Фрай Н.* Сталинград: эволюция исторической памяти в обществе ФРГ // Там же. С. 117-122; *Мессершмидт М.* Проблемы преодоления военного прошлого: взгляд из Германии // Там же. С. 160-164.

¹³⁸ *Здравомыслов А.Г.* Указ. соч. С. 502-503.

¹³⁹ Там же. С. 516.

¹⁴⁰ Там же. С. 516-517.

¹⁴¹ Из сообщения пресс-службы Президента России, размещенного на официальном сайте МИД РФ по адресу: http://www.ln.mid.ru/bpr_4.nsf/sps/CC6729D638704446C3256FFC00363A0E

¹⁴² Там же.

¹⁴³ *Рюруп Р.* Указ. соч. С. 80-81.

¹⁴⁴ *Крестовский В.* Война и новые идеологические маркеры в англо-американских СМИ // 60-летие окончания Второй мировой и Великой Отечественной: победители и побежденные в контексте политики, мифологии и памяти. С. 148, 157-158. Достаточно перечислить названия ряда публикаций, чтобы понять общий характер пропагандистской компании, развернувшейся в ведущих СМИ западных стран накануне празднования 60-летия Победы: «Жаль, что в России до сих пор не могут справиться со старыми предрассудками» («The Financial Times», Великобритания); «Непонятно почему Россия рекламирует

- свою монополию на победу» («Die Presse», Австрия); «Они изнасиловали всех немков в возрасте от 8 до 80 лет» («The Guardian», Великобритания); «Варвары» («Daily Mail», Великобритания); «Советские ужасы конца войны» («Focus», Германия); «Где русские были преступниками» («Die Zeit», Германия); «Войска Красной Армии насиловали даже русских женщин, которых они освобождали из лагерей» («The Daily Telegraph», Великобритания); «Пусть женщины станут вашей добычей» («Die Welt», Германия); «Два конца войны» («Welt am Sonntag», Германия); «Преступления партизан: советская легенда и действительность» («Frankfurter Allgemeine Zeitung», Германия); «Ужасный конец войны» («The Washington Post», США); «Что произошло, когда советские войска с боями вступили на территорию Германии?» («National Public Radio», США); «Москва должна заплатить долг памяти» («Le Figaro», Франция); и др. Эти и другие статьи хранятся в архиве сайта «ИноСМИ.ру». См.: <http://www.inosmi.ru>.
- ¹⁴⁵ См.: ЦАМО РФ. Ф. 372. Оп. 6570. Д. 78. Л. 30-32; Российский Архив. Великая Отечественная война. Т. 15(4-5). Битва за Берлин. М., 1995. С. 220; *Семиряга М.И.* Как мы управляли Германией. М., 1995. С. 314-315; и др.
- ¹⁴⁶ См.: Приказ верховного командования вермахта от 6.6.1941 г. относительно обращения с политическими комиссарами Советской Армии // Война Германии против Советского Союза 1941–1945. Документальная экспозиция города Берлина к 50-летию со дня нападения Германии на Советский Союз. Под ред. Р.Рюрупа. Berlin: Argon, 1992. С. 46.
- ¹⁴⁷ Там же. С. 45.
- ¹⁴⁸ См.: *Рагинский М.Ю.* Нюрнберг: перед судом истории. М., 1986. С. 5.
- ¹⁴⁹ Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 125. Д. 321. Л. 33.
- ¹⁵⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 321. Л. 99.
- ¹⁵¹ Власть. 2000. № 6(357). (15.02.2000). С.47.
- ¹⁵² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 320. Л. 161-163.
- ¹⁵³ *Шерстяной Э.* Германия и немцы в письмах красноармейцев весной 1945 г. // Новая и новейшая история. 2002. № 2. С. 148.
- ¹⁵⁴ *Крестовский В.* Указ. соч. С. 148.
- ¹⁵⁵ См.: *Сенявская Е.С.* Литература фронтового поколения как исторический источник // Отечественная история. 2002. № 1. С. 101-109.
- ¹⁵⁶ *Симонов К.* Танк // *Симонов К.* От Халхин-Гола до Берлина. М., 1973. С. 15.
- ¹⁵⁷ *Симонов К.* Последние дни (Из военных дневников 1945 года) // Там же. С.326.
- ¹⁵⁸ Из письма К.Симонова Б.М.Кринскому. 2 апреля 1965 г. // *Симонов К.* Письма о войне 1943–1979. М., 1990. С. 279.
- ¹⁵⁹ *Симонов К.* Живые и мертвые. Роман в 3-х кн. Кн. 2. Солдатами не рождаются. Ч. 1. М., 1982. С. 266-267.
- ¹⁶⁰ Там же. С. 267.
- ¹⁶¹ Там же. С. 271.
- ¹⁶² *Симонов К.* Живые и мертвые. Роман в 3-х кн. Кн. 3. Последнее лето. М., 1982. С. 356-357.
- ¹⁶³ Там же.
- ¹⁶⁴ Из письма К.Симонова В.Р.Щербине. 27 декабря 1964 г. // *Симонов К.* Письма о войне... С. 266.
- ¹⁶⁵ См.: *Кондратьев В., Коган А.* Разговор с читателями книги «Сашка» // Слова, пришедшие из боя. Статьи. Диалоги. Письма. Вып. 2. М., 1985. С. 228.
- ¹⁶⁶ *Кондратьев В.* Повести. М., 1991. С. 145-146.
- ¹⁶⁷ Там же. С. 147-148.
- ¹⁶⁸ *Кондратьев В.* Помнить о смерти, думать о жизни // Кольцо А: Литературный альманах. Вып. 1. М., 1993–1994. С. 78.
- ¹⁶⁹ См.: *Кузнецов В.Н., Иванов В.Н., Сергеев В.К.* Юбилей Великой Победы. Материалы к научной конференции «60 лет победы в Великой Отечественной войне». М., 2005. С. 36-37, 56-57.
- ¹⁷⁰ Из сообщения пресс-службы Президента России, размещенного на официальном сайте МИД РФ по адресу: http://www.ln.mid.ru/brp_4.nsf/sps/CC6729D638704446C3256FFC00363A0E

Глава III

- ¹ См.: *Барышников Н.И.* Блокада Ленинграда и Финляндия. 1941–1944. СПб. – Хельсинки, 2002.
- ² *Дубровская Е.Ю.* Финляндия и финляндцы в представлениях российских военнослужащих в годы Первой мировой войны // Многоликая Финляндия. Образ Финляндии и финнов в России. Великий Новгород, 2004. С. 241.
- ³ *Лайдинен Э.П., Веригин С.Г.* Финская разведка против Советской Россиию Специальные службы Финляндии и их разведывательная деятельность на СевероЗападе России (1914–1939 гг.). Петрозаводск, 2004. С.36; *Черняев В.Ю.* Революция 1917 г. и обретение Финляндией независимости: два взгляда на проблему // Отечественная история. 1993. № 6. С. 37.
- ⁴ *Лайдинен Э.П., Веригин С.Г.* Указ. соч. С. 36.
- ⁵ *Дубровская Е.Ю.* Указ. соч. С. 252.
- ⁶ *Лайдинен Э.П., Веригин С.Г.* Указ соч. С. 51.
- ⁷ Цит. по: *Дубровская Е.Ю.* Указ. соч. С. 245.
- ⁸ *Лайдинен Э.П., Веригин С.Г.* Указ соч. С. 39.
- ⁹ Там же. С. 48.
- ¹⁰ Гражданская война. Боевые действия на морях, речных и озерных системах / Под ред. Егорова И., Шведе Е. Т. 2. Ч. 1. Балтийский флот 1918-1919 гг. Л.: Редакционно-Издательский Отдел Морских Сил РККФ, 1926. С. 48-49. Цит. по: *Широкорад А.Б.* Финляндия – Россия: Три неизвестные войны. М., 2006. С. 39-40.
- ¹¹ См.: *Мери Вейо.* Карл Густав Маннергейм – маршал Финляндии. М., 1997. С. 115.
- ¹² *Широкорад А.Б.* Финляндия – Россия: Три неизвестные войны. М., 2006. С. 40.
- ¹³ Цит. по: *Лайдинен Э.П., Веригин С.Г.* Указ. соч. С. 56.
- ¹⁴ Там же. С. 56; *Широкорад А.Б.* Указ. соч. С. 42.
- ¹⁵ *Широкорад А.Б.* Указ. соч. С. 43.
- ¹⁶ См.: *Гусев К.В.* К истории Карельского мятежа: (По материалам Комис. по реабилитации при Президенте РФ) // Отечественная история. 1996. № 6. С. 78.
- ¹⁷ *Лайдинен Э.П., Веригин С.Г.* Указ. соч. С. 56-57.
- ¹⁸ Цит. по: *Рупасов А.И.* Советско-финляндские отношения. Середина 1920-х – начало 1930-х гг. СПб., 2001. С. 10-11.
- ¹⁹ *Барышников В.Н.* От прохладного мира к Зимней войне: Восточная политика Финляндии в 1930-е годы. СПб., 1997. С. 87.
- ²⁰ Там же. С. 101.
- ²¹ *Лескинен Я.* Тайное военное сотрудничество Финляндии и Эстонии против СССР // Цитадель. 2002. № 10.
- ²² Советско-финляндская война 1939-1940. В 2-х т. Т. 1. / Сост. П.В.Петров, В.Н.Степаков. СПб., 2003. С. 10.
- ²³ Цит. по: *Барышников В.Н.* От прохладного мира к Зимней войне. С. 115.
- ²⁴ Там же. С. 138.
- ²⁵ Там же. С. 139.
- ²⁶ См.: Год кризиса, 1938-1939: Документы и материалы. Т. 1. 29 сентября 1938 г. – 31 мая 1939 г. М., 1990. С. 67-68; *Барышников Н.И., Барышников В.Н., Федоров В.Г.* Финляндия во Второй мировой войне. Л., 1989. С. 54.
- ²⁷ *Барышников Н.И., Барышников В.Н., Федоров В.Г.* Указ. соч. С. 55; Зимняя война. 1939–1940. Кн. 1. М., 1998. С. 88.
- ²⁸ *Мерецков К.А.* На службе народу. Страницы воспоминаний. М., 1969. С. 178.
- ²⁹ По обе стороны Карельского фронта 1941–1944. Документы и материалы. Петрозаводск, 1995. С. 7.
- ³⁰ Цит. по: Принимай нас, Суоми-красавица! «Освободительный» поход в Финляндию 1939–1940 гг. Ч. I. СПб., 2000. С. 26-27.
- ³¹ Все цитаты из него приводятся по изданию: Принимай нас, Суоми-красавица! «Освободительный» поход в Финляндию 1939–1940 гг. Ч. I. СПб., 2000. С. 224.
- ³² *Хрущев Н.С.* Воспоминания // Огонек. 1989. № 30. С. 11.

- ³³ СССР – Германия. 1939–1941. Документы и материалы о советско-германских отношениях с сентября 1939 г. по июнь 1941 г. Вильнюс, 1989. С. 30.
- ³⁴ Правда. 1939. 16 декабря.
- ³⁵ См.: *Сенявский А.С.* Сталин – Гитлер: стратегическая дуэль с точки зрения теории игр // Военно-исторический архив. 2002. № 6. С. 60-74.
- ³⁶ Цит. по: Советский Союз: годы испытаний. Великая Отечественная война. М., 1995. С. 29.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Принимай нас, Суоми-красавица! Ч. I. С. 195.
- ³⁹ Там же. С. 198.
- ⁴⁰ Там же. С. 189.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² *Семиряга М.И.* Незнаменитая война // Огонек. 1989. № 22. С. 28-30.
- ⁴³ По обе стороны Карельского фронта 1941–1944. С. 11.
- ⁴⁴ Военный дневник Мартти Салминена. Пер. с финского. // Принимай нас, Суоми-красавица! «Освободительный» поход в Финляндию 1939–1940 гг. Ч. II. СПб., 2000. С. 139.
- ⁴⁵ По обе стороны Карельского фронта... С. 60.
- ⁴⁶ Там же.
- ⁴⁷ Там же. С. 70.
- ⁴⁸ Цит. по: *Чудаков А.* Реквием Карельских болот. // Комсомольская правда, 1989, 14 ноября.
- ⁴⁹ По обе стороны Карельского фронта... С. 261.
- ⁵⁰ Там же. С. 67-68.
- ⁵¹ Из интервью с участником советско-финляндской войны Т.М.Каттонен. Запись и литературная обработка Баира Иринчеева. Опубликовано на сайте «Я помню»: http://www.iremember.ru/infantry/kattonen/kattonen_r.htm.
- ⁵² Из интервью с участником Великой Отечественной войны на Карельском фронте Ю.П.Шараповым от 17 мая 1995 г. Запись и литературная обработка Е.С.Сенявской // Личный архив автора.
- ⁵³ Из интервью с участником советско-финляндской и Великой Отечественной войн Д.А.Крутских. Запись и литературная обработка А.В.Драбкина. Опубликовано на сайте «Я помню»: http://www.iremember.ru/infantry/krutskikh/krutskikh_r.htm и [krutskikh_vov.html](http://www.iremember.ru/infantry/krutskikh/krutskikh_vov.html).
- ⁵⁴ Там же.
- ⁵⁵ Из интервью с Т.М.Каттонен.
- ⁵⁶ Принимай нас, Суоми-красавица! Ч. I. С. 189.
- ⁵⁷ Из интервью с участником Великой Отечественной войны на Карельском фронте Д.Ф.Златкиным от 16 июня 1997 г. Запись и литературная обработка Е.С.Сенявской // Личный архив автора.
- ⁵⁸ Из воспоминаний участника советско-финляндской и Великой Отечественной войн М.И.Лукинова. Запись и литературная обработка А.В.Драбкина. Опубликовано на сайте «Я помню»: http://www.iremember.ru/artillerymen/lukinov/lukinov2_r.htm.
- ⁵⁹ По обе стороны Карельского фронта... С. 190-191.
- ⁶⁰ Из интервью с Д.Ф.Златкиным.
- ⁶¹ *Маннинен О.* Так были ли «кукушки»? // Родина. 1995. № 12. С. 80; *Степаков В.Н.* Легенды и мифы советско-финляндской войны // Вопросы истории. 1997. № 3. С. 171-173.
- ⁶² *Маннинен О.* Указ. соч. С. 80.
- ⁶³ Из интервью с Д.А.Крутских.
- ⁶⁴ Из интервью с Т.М.Каттонен.
- ⁶⁵ Из воспоминаний М.И.Лукинова.
- ⁶⁶ Из интервью с Д.Ф.Златкиным.
- ⁶⁷ Из воспоминаний М.И.Лукинова.
- ⁶⁸ Из интервью с Д.А.Крутских.
- ⁶⁹ *Симонов К.* Разные дни войны. Дневник писателя. М., 1975. С. 385.
- ⁷⁰ Там же. С. 389.

- ⁷¹ Там же. С. 390.
- ⁷² Там же.
- ⁷³ Из интервью с Ю.П.Шараповым от 17 мая 1995 г. // Личный архив.
- ⁷⁴ ЦАМО РФ. Ф. 387. Оп. 8680. Д. 8а. Л. 36. Газета 32 армии «Боевой путь». 7 августа 1944 г.
- ⁷⁵ ЦАМО РФ. Ф. 387. Оп. 8680. Д. 17. Л. 86. Информационный доклад о боевом использовании противником мотомехвойск и организации противотанковой обороны перед фронтом 32-й армии за июль месяц 1944 г.
- ⁷⁶ ЦАМО РФ. Ф. 387. Оп. 8680. Д. 17. Л. 86.
- ⁷⁷ По обе стороны Карельского фронта... С. 242.
- ⁷⁸ Там же. С. 259.
- ⁷⁹ Там же. С. 248, 266.
- ⁸⁰ Там же. С. 156-169, 184-186, 191-193, 198-199, 206-208, 250-251, 264-266.
- ⁸¹ Маннергейм К.Г. Мемуары. М., 2000. С. 480-481.
- ⁸² По обе стороны Карельского фронта... С. 526-527.
- ⁸³ Там же. С. 527.
- ⁸⁴ Там же. С. 532.
- ⁸⁵ Там же. С. 557.
- ⁸⁶ Там же.
- ⁸⁷ См.: Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Т. 2. М., 1946. С. 215-220.
- ⁸⁸ ЦАМО РФ. Ф. 387. Оп. 8680. Д. 17. Л. 85-86.
- ⁸⁹ ЦАМО РФ. Ф. 387. Оп. 8680. Д. 17. Л. 85.
- ⁹⁰ ЦАМО РФ. Ф. 387. Оп. 8680. Д. 17. Л. 85.
- ⁹¹ ЦАМО РФ. Ф. 387. Оп. 8680. Д. 17. Л. 86.
- ⁹² ЦАМО РФ. Ф. 372. Оп. 6570. Д. 58. Л. 306-307. Выводы Политотдела 19-й армии о партийно-политической работе в войсках в связи с предстоящим вступлением на вражескую территорию. Сентябрь 1944 г.
- ⁹³ ЦАМО РФ. Ф. 372. Оп. 6570. Д. 51. Л. 174, 176. Политдонесения политотдела 19-й армии от 25.09.1944 и 28.09.1944 г.
- ⁹⁴ ЦАМО РФ. Ф. 372. Оп. 6570. Д. 51. Л. 174.
- ⁹⁵ Маннергейм К.Г. Мемуары. С. 482.
- ⁹⁶ В годы Великой Отечественной войны картина шла под названием «Девушки из Ленинграда». – См.: Невежин В.А. Финляндия в советской пропаганде периода «зимней войны» (1939–1940 гг.) // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 1. М., 2000. С.303.
- ⁹⁷ См.: Садуль Жорж. Всеобщая история кино. Т. 6. Кино в период войны 1939–1945. М.: Искусство, 1963. С. 285-288; Теплиц Ежи. История киноискусства. 1939–1945. М.: Прогресс, 1974. С. 195-197; и др.
- ⁹⁸ Зимняя война 1939–1940. Книга 2. И.В.Сталин и финская кампания. (Стенограмма совещания при ЦК ВКП(б.)). М., 1998. С. 275-276.
- ⁹⁹ Там же. С. 280.
- ¹⁰⁰ Бэкман Й. Финляндия без маски // <http://whiteworld.ruweb.info/rubriki/000108/006/02051703.htm>.
- ¹⁰¹ Фарутин А. «Карельский вопрос» под прицелом новых «кукушек» // Независимая газета. 2003. 28 января.
- ¹⁰² Заявление МИД РФ от 3 марта 2005 г. см. на его официальном сайте по адресу: http://www.in.mid.ru/brp_4.nsf/sps/EC2527949C2E95BDC3256FB9005F21FD, а также информацию РИА Новости с обзором иностранной печати и комментариями по этому поводу: <http://www.inosmi.ru/text/translation/217798.html>.
- ¹⁰³ См., например: Тимо Вихавайнен. Пропаганда и контроль общественного мнения в Финляндии во время войны 1939–1944 годов. Доклад на XVII финско-российском симпозиуме историков. Институт Ренволл, Хельсинкский университет. 25–26 мая 2001 г.; он же. Пропаганда во время войны Продолжения. Доклад на Финляндско-российском семинаре «Война Продолжение 1941–44 гг. Взгляд по обе стороны фронта». Институт Финляндии в

Санкт-Петербурге, 25 мая 2005 г.; и другие устные и письменные выступления этого автора, в том числе в качестве «эксперта по вопросам России» по поводу выступления Президента Финляндии Тарья Халонен во Французском институте международных отношений 1 марта 2005 г. о роли Финляндии во Второй мировой войне и последовавшего за ним заявления МИД РФ от 3 марта 2005 г. (см.: <http://www.inosmi.ru/text/translation/217798.html>).

¹⁰⁴ Сулимин С. и др. Чудовищные злодеяния финско-фашистских захватчиков на территории Карело-Финской ССР. Л., 1945; По обе стороны Карельского фронта, 1941–1944: Документы и материалы / Ин-т языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН; Научн. ред. В.Г.Макуров. Петрозаводск: Карелия, 1995; Шадрова Л.В. Горечь детства, горечь смерти. Книга памяти. Война, плен, концлагеря Карелия 1941–1944 гг. Подпорожье: «Свирские огни», 1998; Костин И.А. Воспоминания о жизни в оккупированном Заонежье // Карелия в Великой Отечественной войне. 1941–1945. Материалы конференции. Петрозаводск, 2001. С. 47-56; Лайне А. Гражданское население восточной Карелии под финляндской оккупацией во Второй мировой войне. // Карелия, Заполярье и Финляндия в годы Второй мировой войны. Петрозаводск, 1994. С. 41-43; Шляхтенкова Т.В., Веригин С.Г. Концлагеря в системе оккупационной политики Финляндии в Карелии 1941–1944 гг. // Карелия в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: Материалы республиканской научно-практической конференции. Петрозаводск, 2001. С. 37-46; Судьба. Сборник воспоминаний бывших малолетних узников фашистских концлагерей. / Ред.-сост. И.А.Костин. Петрозаводск, 1999; Гуцин Б. Колючая проволока нашего детства // Лицей. 2002. №10. С. 14; Лукьянов В. Трагическое Заонежье. Документальная повесть. Петрозаводск, 2004; Юсупова Л.Н. Военное детство в памяти поколения, пережившего оккупацию в Карелии // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2003/2004. Новые научные направления. М., 2004. С. 345-351; Чумаков Г.В. Финские концентрационные лагеря для гражданского населения Петрозаводска а 1941–1944 гг. // Вопросы истории Европейского Севера. (Народ и власть: проблемы взаимоотношений. 80-е гг. XVIII–XX в.). Сборн. научн. статей. Петрозаводск, 2005. С. 142-151; и др.

Глава IV

- ¹ Зайончковский А.М. Первая мировая война. СПб., 2000. С. 23.
- ² Исламов Т.М. Крах Австро-Венгерской монархии // Мировые войны XX века. Кн. 1. Первая мировая война. Исторический очерк. М., 2002. С. 437.
- ³ Сергеев-Ценский С.Н. Брусиловский прорыв // Первая мировая /Сост., предисл., вступит. статьи к документам и коммент. С.Н.Семанова. М., 1989. С. 207.
- ⁴ РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 505. Л. 119.
- ⁵ РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 533. Л. 21.
- ⁶ РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 533. Л. 56.
- ⁷ Рид Д. Вдоль фронта // Первая мировая... С. 383.
- ⁸ Там же.
- ⁹ РГВИА. Ф. 2019. Оп. 2. Д. 19. Л. 312.
- ¹⁰ Сергеев-Ценский С.Н. Указ. соч. С. 139-140.
- ¹¹ РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 505. Л. 17; Д. 516. Л. 421; Д. 535. Л. 118об.; Д. 727. Л. 3, 15об.; Д. 730. Л. 3об.; Д. 732. Л. 1, 3, 5об., 7, 10об., 12-13, 17, 19об., 22-23, 34, 36; Д. 734. Л. 1об., 5об.; и др.
- ¹² РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 505. Л. 118-119.
- ¹³ РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 535, Л. 75-76.
- ¹⁴ Ксюнин А. Непреступная крепость Перемышль // Первая мировая... С. 490.
- ¹⁵ Там же. С. 489.
- ¹⁶ Там же. С. 490.
- ¹⁷ Сергеев-Ценский С.Н. Указ. соч. С. 207.
- ¹⁸ Там же. С. 151.
- ¹⁹ См.: Военная энциклопедия. Т. 8. М., 2004. С. 405-406.
- ²⁰ Шамбаров В. За веру, Царя и Отечество. М., 2003. С. 74.

- ²¹ Там же. С. 74-75.
- ²² Там же. С. 75.
- ²³ Там же. С. 75-76.
- ²⁴ Там же. С. 75.
- ²⁵ Царская Россия в мировой войне. Л., 1925. Т. 1. С. 6, 31.
- ²⁶ Там же. С. 33.
- ²⁷ Там же. С. 49.
- ²⁸ Там же. С. 54.
- ²⁹ *Палеолог М.* Царская Россия во время мировой войны. М., 1991. С. 123-124.
- ³⁰ Мировые войны XX века. Кн. 2. Первая мировая война. Документы и материалы. М., 2002. С. 378.
- ³¹ Там же. С. 380.
- ³² *Елисеев Ф.И.* Казаки на Кавказском фронте. 1915-1917: Записки полковника Кубанского казачьего войска в тринадцати брошюрах-тетрадах. М., 2001. С. 106-107.
- ³³ Там же. С. 143-144. Однако вопрос о религиозной принадлежности курдов является более сложным, нежели это представлялось русскому мемуаристу: некоторые племена действительно были мусульманами, но другие исповедовали иные, в том числе языческие культы.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Там же. С. 144.
- ³⁶ Там же. С. 70.
- ³⁷ *Шкундин Г.Д.* Болгария и Турция в «объятиях» германского союзника // Мировые войны XX века. Кн. 1. Первая мировая война. Исторический очерк. М., 2002. С. 459.
- ³⁸ Там же. С. 457.
- ³⁹ *Елисеев Ф.И.* Указ. соч. С. 85-86.
- ⁴⁰ Там же. С. 90-91.
- ⁴¹ Там же. С. 93.
- ⁴² Там же. С. 102.
- ⁴³ Там же. С. 139.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ Там же. С. 108-109.
- ⁴⁶ Там же. С. 161.
- ⁴⁷ Там же.
- ⁴⁸ Там же. С. 173.
- ⁴⁹ РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 730. Л. 14об.
- ⁵⁰ См.: Военная энциклопедия. Т. 5. М., 2001. С. 425.
- ⁵¹ Мировые войны XX века. Кн. 2. Первая мировая война. Документы и материалы. М., 2002. С. 395-396.
- ⁵² *Кульков Е.Н.* Кризис и распад блока агрессоров // Мировые войны XX века. Кн. 3. Вторая мировая война. Исторический очерк. М., 2002. С. 281.
- ⁵³ Там же. С. 280.
- ⁵⁴ Там же. С. 282.
- ⁵⁵ Там же. С. 284.
- ⁵⁶ Сталинградская эпопея. Материалы НКВД СССР и военной цензуры из Центрального архива ФСБ РФ. М., 2000. С. 50-51. Об отношении между собой уроженцев разных областей Германии в немецкой армии и отношении немцев к армиям своих союзников см. также Докладную записку Особого отдела НКВД Сталинградского фронта в Управление особыми отделами НКВД СССР от 31 октября 1942 г. «О дисциплине и морально-политическом состоянии армий противника». – Там же. С. 112-114.
- ⁵⁷ Сталинградская эпопея. С. 50-51.
- ⁵⁸ Там же. С. 79, 112.
- ⁵⁹ Там же. С. 134.
- ⁶⁰ См.: *Кульков Е.Н.* Указ. соч. С. 289.
- ⁶¹ Там же. С. 289-290.

- ⁶² Эренбург И. Война. Апрель 1942 – март 1943. М., 2003. С. 70.
- ⁶³ Сталинградская эпопея. С. 112, 114.
- ⁶⁴ Эренбург И. Указ. соч. С. 67.
- ⁶⁵ Верховский А.И. На трудном перевале. М., 1959. С. 122.
- ⁶⁶ Виноградов В.Н. Борьба за союзников // Мировые войны XX века. Кн. 1. Первая мировая война. Исторический очерк. М., 2002. С. 247.
- ⁶⁷ Самойло А.А. В ставке Верховного главнокомандующего // Первая мировая... С. 428.
- ⁶⁸ Верховский А.И. Указ. соч. С. 122-123.
- ⁶⁹ Брусилов А.А. Мои воспоминания. М., 2001. С. 195.
- ⁷⁰ Зайончковский А.М. Указ. соч. С. 596.
- ⁷¹ Верховский А.И. Указ. соч. С. 128.
- ⁷² Малиновский Р.Я. Солдаты России. М., 1969. С. 226.
- ⁷³ См.: Какурин Н. Стратегический очерк гражданской войны. М.-Л., 1926. Репринт: Военная история гражданской войны в России 1918–1920 гг. М., 2004.
- ⁷⁴ Считается, что советскому правительству «развязал руки» советско-германской договор о ненападении от 23 августа 1939 г. (так называемый пакт Молотова-Риббентропа): в пункте третьем секретного протокола к нему подчеркивался интерес с советской стороны к Бессарабии, а с немецкой заявлялось о полной политической незаинтересованности в этих областях.
- ⁷⁵ <http://comunist.pcrn.md/2003archives/>
- ⁷⁶ См.: Шубин А.В. Мир на краю бездны. От глобального кризиса к мировой войне. 1929–1941 годы. М., 2004. С. 424-425.
- ⁷⁷ См.: Военная энциклопедия. Т. 7. М., 2003. С. 293; Шубин А.В. Указ. соч. С. 427-428.
- ⁷⁸ Эренбург И. Указ. соч. С. 68, 70, 118.
- ⁷⁹ Там же. С. 118.
- ⁸⁰ Сталинградская эпопея. С. 113.
- ⁸¹ Там же. С. 114.
- ⁸² Цит. по: Эренбург И. Указ. соч. С. 69.
- ⁸³ Сталинградская эпопея. С. 293.
- ⁸⁴ Эренбург И. Указ. соч. С. 232.
- ⁸⁵ Там же. С. 70.
- ⁸⁶ См.: Голубев А.В. «Враги второй очереди»: советское общество и образ союзников в годы Великой Отечественной войны // Проблемы российской истории. Вып. V. К 60-летию Победы. Магнитогорск, 2005. С. 351.
- ⁸⁷ Слуцкий Б. Записки о войне. Стихотворения и баллады. СПб., 2000. С. 46-48.
- ⁸⁸ Там же. С. 57.
- ⁸⁹ Там же. С. 106.
- ⁹⁰ Сталинградская эпопея. С. 112-114.
- ⁹¹ Эренбург И. Указ. соч. С. 60-61.
- ⁹² Слуцкий Б. Указ. соч. С. 108.
- ⁹³ Там же. С. 109-110.
- ⁹⁴ Корти Э. Немногие возвратившиеся. Записки офицера итальянского экспедиционного корпуса. 1942-1943 гг. М., 2002. С. 8.
- ⁹⁵ Там же.
- ⁹⁶ Сталинградская эпопея. С. 112-114.
- ⁹⁷ Корти Э. Указ. соч. С. 74.
- ⁹⁸ Там же. С. 54.
- ⁹⁹ Эренбург И. Указ. соч. С. 57.
- ¹⁰⁰ Там же. С. 57-58.
- ¹⁰¹ Поэзия Великой Отечественной войны и антифашистского Сопротивления. Стихи поэтов НРБ, ВНР, ГДР, МНР, ПНР, СССР, ЧССР. М., 1980. С. 463-464.
- ¹⁰² Голубев А.В. «Образ союзника» в сознании российского общества 1914–1945 годов // Россия и Запад. Формирование внешнеполитических стереотипов в сознании российского общества первой половины XX века. М., 1998. С. 277.

- ¹⁰³ *Малиновский Р. Я.* Солдаты России. М., 1969. С. 75-76.
- ¹⁰⁴ *Самойло А.А.* В ставке Верховного главнокомандующего // Первая мировая... С. 428.
- ¹⁰⁵ Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1983. Т. 1. С. 114.
- ¹⁰⁶ Цит. по: Мировые войны XX века. Кн. 2. Первая мировая война. Документы и материалы. М., 2002. С. 196-197.
- ¹⁰⁷ *Голубев А.В.* Указ. соч. С. 276.
- ¹⁰⁸ *Рудая Е.В.* Союзники-враги: Россия и Великобритания глазами друг друга в 1907–1917 годах // Россия и Европа в XIX–XX веках. Проблемы взаимовосприятия народов, социумов, культур. Сб. научн. трудов. М., 1996. С. 175-179.
- ¹⁰⁹ Цит. по: *Шамбаров В.* За Веру, Царя и Отечество. М., 2003. С. 517.
- ¹¹⁰ *Рудая Е.В.* Указ. соч. С. 180.
- ¹¹¹ *Голубев А.В.* Указ. соч. С. 277.
- ¹¹² Цит. по: *Шамбаров В.* Указ. соч. С. 518-519.
- ¹¹³ *Голубев А.В.* Указ. соч.. С. 276.
- ¹¹⁴ *Пуанкаре Р.* На службе Франции 1914-1915. М., Мн., 2002. С. 481.
- ¹¹⁵ См.: *Шамбаров В.* Указ. соч.. С. 518-519.
- ¹¹⁶ Военная энциклопедия. В 8-ми т. Т. 7. М., 2003. С. 312; Т. 5. М., 2001. С.463-464.
- ¹¹⁷ *Малиновский Р. Я.* Указ. соч. С. 189-190.
- ¹¹⁸ Там же. С. 197.
- ¹¹⁹ См.: Там же. С. 259-263.
- ¹²⁰ Там же. С. 263-264.
- ¹²¹ Там же. С. 300.
- ¹²² Военная энциклопедия. Т. 7. С. 312.
- ¹²³ *Малиновский Р. Я.* Указ. соч. С. 313-314.
- ¹²⁴ Там же. С. 305-306.
- ¹²⁵ Там же. С. 344-345.
- ¹²⁶ Военная энциклопедия. Т. 7. С. 312; *Малиновский Р. Я.* Указ. соч. С. 347-348.
- ¹²⁷ См.: *Шамбаров В.* Указ. соч. С. 519.
- ¹²⁸ *Черчилль У.* Мировой кризис. Автобиография. Речи. М., 2003. С. 133.
- ¹²⁹ См.: *Галин В.В.* Интервенция и Гражданская война. М., 2004. С. 85-86.
- ¹³⁰ *Черчилль У.* Указ. соч. С. 327.
- ¹³¹ *Ллойд-Джордж Д.* Военные мемуары. Т. 5. М., 193-1937. С. 94-95.
- ¹³² *Черчилль У.* Указ. соч. С. 105.
- ¹³³ См.: *Галин В.* Указ. соч. С. 88-89.
- ¹³⁴ См.: *Там же.* С. 93.
- ¹³⁵ Там же. С. 339.
- ¹³⁶ *Ричардсон У.П.* Война Америки на севере России // Зброшенныя в небытце. Интервенцыя на русском Севере (1918–1919) глазами ее участников. Сост. В.И.Голдин. Архангельск, 1997. С. 432-433.
- ¹³⁷ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 38. М., 1974. С. 51.
- ¹³⁸ *Галин В.В.* Указ. соч. С. 15-16.
- ¹³⁹ *Ричардсон У.П.* Указ. соч. С. 429.
- ¹⁴⁰ Там же. С. 432-433.
- ¹⁴¹ *Соколов Б.Ф.* Падение Северной Области // Белый Север. 1918–1920 гг. Мемуары и документы. Вып. II. Сост. В.И.Голдин. Архангельск, 1993. С. 326.
- ¹⁴² *Марушевский В.В.* Год на Севере (август 1918 – август 1919 г.) // Белый Север. 1918–1920 гг. Мемуары и документы. Вып. I. Сост. В.И.Голдин. Архангельск, 1993. С. 239.
- ¹⁴³ См.: *Галин В.* Указ. соч. С. 352.
- ¹⁴⁴ Цит. по: *Галин В.В.* Указ. соч. С. 338-339.
- ¹⁴⁵ Там же. С. 338.
- ¹⁴⁶ *Ричардсон У.П.* Указ. соч. С. 418-419.

- ¹⁴⁷ Хрестоматия по отечественной истории (1914–1945 гг.). / Под. ред. А.Ф.Киселева, Э.М.Щагина. М., 1996. С. 219.
- ¹⁴⁸ Черчилль У. Указ. соч. С. 85-86.
- ¹⁴⁹ Военная энциклопедия. Т. 3. М., 1995. С. 358.
- ¹⁵⁰ Цит. по: Галин В.В. Указ. соч. С. 379.
- ¹⁵¹ Сталин И. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1952. С. 67.
- ¹⁵² Там же. С. 59-60.
- ¹⁵³ Цит. по: Михаил Иванович Калинин: Краткая биография. М., 1980. С. 278..
- ¹⁵⁴ Леонов Л. Неизвестному американскому другу. Письмо первое // Публицистика периода Великой Отечественной войны и первых послевоенных лет. М., 1985. С. 157.
- ¹⁵⁵ Леонов Л. Неизвестному американскому другу. Письмо второе // Там же. С. 170.
- ¹⁵⁶ Шолохов М. Письмо американским друзьям // Там же. С. 183-184.
- ¹⁵⁷ Величие подвига советского народа. Зарубежные отклики и высказывания 1941–1945 годов о Великой Отечественной войне. М., 1985. С. 57.
- ¹⁵⁸ Наринский М.М., Поздеева Л.В. и др. Взаимные представления: имиджи, идеалы, иллюзии // Союзники в войне. 1941–1945. М., 1995. С. 327.
- ¹⁵⁹ См.: Голубев А.В. «Враги второй очереди»: советское общество и образ союзников в годы Великой Отечественной войны // Проблемы российской истории. Вып. V. К 60-летию Победы. Магнитогорск, 2005. С. 341.
- ¹⁶⁰ Сталинградская эпопея. Материалы НКВД СССР и военной цензуры из Центрального архива ФСБ РФ. М., 2000. С. 153-154.
- ¹⁶¹ Там же. С. 153-154.
- ¹⁶² Там же. С. 235-236.
- ¹⁶³ Там же. С. 235-236.
- ¹⁶⁴ Музей боевой славы исторического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова. Личный фонд М.Т.Белявского. Фронтовые дневники и заметки.
- ¹⁶⁵ Там же.
- ¹⁶⁶ Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. М., 1989. С. 340.
- ¹⁶⁷ Там же. С. 341
- ¹⁶⁸ Помнить вечно. М., 1995. С. 100.
- ¹⁶⁹ Цит. по: Рюрик Р. Немцы и война против Советского Союза // Свободная мысль. 1994. № 11. С. 77.
- ¹⁷⁰ Там же. С. 79.
- ¹⁷¹ Хастингс М. Операция «Оверлорд»: Как был открыт второй фронт. М., 1989. С. 270.
- ¹⁷² Там же.
- ¹⁷³ Там же. С. 272.
- ¹⁷⁴ Фатеев А.В. Образ врага в советской пропаганде. 1945–1954 гг. М., 1999. С. 18-19.
- ¹⁷⁵ Наринский М.М., Поздеева Л.В. и др. Указ. соч. С. 330.
- ¹⁷⁶ Леонов Л. Неизвестному американскому другу. Письмо первое. С. 158.
- ¹⁷⁷ Мировые войны XX века. Кн. 3. Вторая мировая война. Исторический очерк. М., 2002. С. 234.
- ¹⁷⁸ Фатеев А.В. Указ. соч. С. 18-19.
- ¹⁷⁹ Наринский М.М., Поздеева Л.В. и др. Указ. соч. С. 328.
- ¹⁸⁰ ЦАМО РФ. Ф. 372. Оп. 6570. Д. 33. Л. 150.
- ¹⁸¹ См.: Голубев А.В. «Образ союзника» в сознании российского общества в 1914–1945 гг. С. 287, 289.
- ¹⁸² ЦАМО РФ. Ф. 372. Оп. 6570. Д. 52. Л. 151.
- ¹⁸³ Цит. по: Голубев А.В. «Враги второй очереди»: советское общество и образ союзников в годы Великой Отечественной войны. С. 340.
- ¹⁸⁴ Наринский М.М., Поздеева Л.В. и др. Указ. соч. С. 330.
- ¹⁸⁵ Самойлов Д. Люди одного варианта. Из военных записок // Аврора. 1990. № 2. С. 89.
- ¹⁸⁶ См.: Кириллов В.В. История России. М., 2006. С. 546.
- ¹⁸⁷ См.: Фатеев А.В. Указ. соч. С. 32-33.

- ¹⁸⁸ См.: *Быстрова Н.Е.* СССР и формирование военно-блокового противостояния в Европе (1945–1955). Т. I. М., 2005. С. 69.
- ¹⁸⁹ См.: Источник. 1998. № 1. С. 93-98; *Быстрова Н.Е.* Указ. соч.; Советская внешняя политика в годы холодной войны (1945–1985). Новое прочтение. М., 1995; СССР и холодная война. М., 1995.
- ¹⁹⁰ Правда. 1946. 14 марта.
- ¹⁹¹ *Голубев А.В.* «Враги второй очереди»: советское общество и образ союзников в годы Великой Отечественной войны. С. 352.
- ¹⁹² Цит. по: *Фатеев А.В.* Указ. соч. С. 80.
- ¹⁹³ См.: *Куприянов А.И.* Поляки в представлениях русских (1760–1860-е гг.) // Россия и внешний мир. Диалог культур. Сб. статей. М., 1997. С. 31–40; *Мачевский Я.* Стереотип России и русских в польской литературе и общественном сознании // Поляки и русские в глазах друг друга. М., 2000. С. 6–21; *Фалькович С.* Восприятие русскими польского национального характера и создание национального стереотипа поляка // Там же. С. 45–71; и др.
- ¹⁹⁴ РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 633. Л. 7.
- ¹⁹⁵ РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 633. Л. 1.
- ¹⁹⁶ РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 633. Л. 52.
- ¹⁹⁷ *Войтоловский Л.Н.* Выходил кровавый Марс: По следам войны. М., 1998. С. 220–221.
- ¹⁹⁸ Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 104. Оп. 4. Д. 2782. Л. 9.
- ¹⁹⁹ РГВА. Ф. 104. Оп. 1. Д. 18. Л. 44.
- ²⁰⁰ РГВА. Ф. 104. Оп. 1. Д. 18. Л. 47–50.
- ²⁰¹ РГВА. Ф. 104. Оп. 1. Д. 18. Л. 301–304.
- ²⁰² См.: Россия и страны Балтии, Центральной и Восточной Европы, Южного Кавказа, Центральной Азии: старые и новые образы в современных учебниках истории. Научные доклады и сообщения. / Под ред. Ф.Бомсдорфа и Г.Бордюгова. Библиотека либерального чтения. Вып. 15. М., 2003. С. 45.
- ²⁰³ *Райский Н.С.* Польско-советская война 1919–1920 годов и судьба военнопленных, интернированных, заложников и беженцев. М., 1999. С. 79–82.
- ²⁰⁴ См.: Военные архивы России. 1993. Вып. 1. С. 114–121.
- ²⁰⁵ Правда. 1939. 18 сент.
- ²⁰⁶ Правда. 1939. 14 сент.
- ²⁰⁷ Гриф секретности снят. Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Стат. исслед. М., 1993. С. 86–87.
- ²⁰⁸ СССР и Польша: 1941–1945. К истории военного союза. Документы и материалы // Русский архив. Великая Отечественная. СССР и Польша. Т. 14(3-1). М., 1994. С. 13–20.
- ²⁰⁹ Там же. С. 18–20.
- ²¹⁰ Там же. С. 20; *Шишов Н.И.* В борьбе с фашизмом. 1941–1945 гг. (Интернациональная помощь СССР народам европейских стран). М., 1984. С. 44.
- ²¹¹ Из воспоминаний участника Великой Отечественной войны С.Л.Сенявского // Личный архив автора.
- ²¹² См.: *Сенявский А.С.* Поляки в Красной Армии в 1944 г.: социально-психологические проблемы // Военно-исторический архив. 2002. № 1. С. 97–112.
- ²¹³ ЦАМО. Ф. 372. Оп. 6570. Д. 51. Л. 323, 338 (оборот).
- ²¹⁴ ЦАМО. Ф. 372. Оп. 6570. Д. 51. Л. 295.
- ²¹⁵ ЦАМО. Ф. 372. Оп. 6570. Д. 51. Л. 295–296.
- ²¹⁶ ЦАМО. Ф. 372. Оп. 6570. Д. 51. Л. 296.
- ²¹⁷ ЦАМО. Ф. 372. Оп. 6570. Д. 51. Л. 297.
- ²¹⁸ ЦАМО РФ. 90олтп. Оп.179510. Д.7 (3 уч.). Л. 136.
- ²¹⁹ СССР и Польша: 1941–1945. К истории военного союза. С. 14.
- ²²⁰ Там же. С. 333.
- ²²¹ Там же. С. 333–334.
- ²²² Там же.
- ²²³ *Шишов Н.И.* Указ. соч. С.205–206.

- ²²⁴ Колосов М. Заграница // Венок славы. Антология художественных произведений о Великой Отечественной войне в 12-ти тт. Т. 10. М., 1986. С. 345-346.
- ²²⁵ Там же.
- ²²⁶ Там же. С. 342-343.
- ²²⁷ Братство по оружию. М., 1975. С. 155-156.
- ²²⁸ Самойлов Д. Люди одного варианта. Из военных записок // Аврора. 1990. № 2. С. 67.
- ²²⁹ Филимонова И., Дажин Д. А мы такие молодые... М., 1985. С. 144, 146.
- ²³⁰ Самойлов Д. Указ. соч. С. 70-71.
- ²³¹ ЦАМО РФ. Ф. 372. Оп. 6570. Д. 76. Л. 92.
- ²³² ЦАМО РФ. Ф. 372. Оп. 6570. Д. 76. Л. 85.
- ²³³ ЦАМО РФ. Ф. 372. Оп. 6570. Д. 76. Л. 94.
- ²³⁴ ЦАМО РФ. Ф. 372. Оп. 6570. Д. 76. Л. 86.
- ²³⁵ ЦАМО РФ. Ф. 372. Оп. 6570. Д. 76. Л. 120-121.
- ²³⁶ СССР и Польша: 1941-1945. К истории военного союза. С. 328.
- ²³⁷ См.: Там же. С. 329.
- ²³⁸ Там же. С. 347-348.
- ²³⁹ Там же. С. 348.
- ²⁴⁰ Там же. С. 350.
- ²⁴¹ Там же.
- ²⁴² Там же. С. 329.
- ²⁴³ Филимонова И., Дажин Д. Указ. соч. С. 145-146.
- ²⁴⁴ Там же. С. 147-148.
- ²⁴⁵ СССР и Польша: 1941-1945. К истории военного союза. С. 349.
- ²⁴⁶ Там же. С. 349-350.
- ²⁴⁷ Там же. С. 350.
- ²⁴⁸ Там же. С. 330.
- ²⁴⁹ Согласно опубликованному 21 июня 1945 г. в «Известиях» отчету ТАСС о судебном процессе по делу об организаторах, руководителях и участниках польского подполья в тылу Красной Армии на территории Польши, Литвы и западных районов Белоруссии и Украины. См.: Там же. С. 320.
- ²⁵⁰ Гриф секретности снят. Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. Статистическое исследование. М., 1993. С. 325.
- ²⁵¹ Там же. С. 403-405.
- ²⁵² Война в Афганистане. М., 1991. С. 267.
- ²⁵³ Из интервью с майором В.А.Сокирко от 1.11.1993 г. // Личный архив автора.
- ²⁵⁴ Из интервью с подполковником погранвойск В.А.Бадиковым от 29.10.1993 г. // Личный архив автора.
- ²⁵⁵ Из интервью с майором С.Н.Токаревым от 25.11.1993 г. // Личный архив автора.
- ²⁵⁶ Из интервью с майором В.А.Сокирко.
- ²⁵⁷ Из интервью с майором И.Н.Авдеевым от 23.11.1993 г. // Личный архив автора.
- ²⁵⁸ Из интервью с полковником В.В.Титаренко от 25.11.1993 г. // Личный архив автора.
- ²⁵⁹ Из интервью с майором В.А.Сокирко.
- ²⁶⁰ Постановление Съезда народных депутатов СССР «О политической оценке решения о вводе советских войск в Афганистан в декабре 1979 года» // Второй Съезд народных депутатов СССР. 12-24 декабря 1989 г. Стеногр. отчет. М., 1990. Т. IV. С. 616.
- ²⁶¹ Чикшиев А. Спецназ в Афганистане. М., 2005. С. 292.
- ²⁶² Афганистан в нашей судьбе. М., 1989. С. 130.
- ²⁶³ Там же. С. 33-34; Лосото Е. Командировка на войну. М., 1990. С. 7.
- ²⁶⁴ Группа специального назначения. Сборник авторских песен воинов-афганцев. М., 1991. С. 47.
- ²⁶⁵ Подвиг. Героико-патриотический литературно-художественный альманах. Вып. 34. М., 1989. С. 113.
- ²⁶⁶ Банников А.Г. Узелки на память // Афганистан болит в моей душе... Воспоминания, дневники советских воинов, выполнявших интернациональный долг в Афганистане. М., 1990. С. 220.

- ²⁶⁷ Земляки // Афганистан болит в моей душе... С. 205.
- ²⁶⁸ Банников А.Г. Указ. соч. С. 220-221.
- ²⁶⁹ Из интервью с гвардии подполковником В.А.Литвиненко от 18.02.2004 г. // Личный архив.
- ²⁷⁰ Земляки // Афганистан болит в моей душе... С. 204.
- ²⁷¹ Там же. С. 206.
- ²⁷² Афганистан в нашей судьбе. С. 6.
- ²⁷³ Там же. С. 11-12, 38-39; *Секачев А.В.* Граната // Афганистан болит в моей душе... С. 72; *Лосото Е.* Указ. соч. С. 8-9; Из интервью с майором С.Н.Токаревым, майором П.А.Поповым // Личный архив.
- ²⁷⁴ Из интервью с майором С.Н.Токаревым; *Лосото Е.* Указ. соч. С. 9.
- ²⁷⁵ *Мальшиева Д.Б.* Религиозный фактор в вооруженных конфликтах современности. Развивающиеся страны Азии и Африки в 70-80 годы. М., 1991. С. 85-89; Афганистан в нашей судьбе. С. 98, 127.
- ²⁷⁶ Дорогие мои... Письма из Афгана. М., 1991. С. 238.
- ²⁷⁷ *Кутрянов А.Н.* Мы вернемся // Афганистан болит в моей душе... С. 178.
- ²⁷⁸ См.: *Мальшиева Д.Б.* Указ. соч. С. 85-100.
- ²⁷⁹ Афганистан в нашей судьбе. С. 117-118.
- ²⁸⁰ Там же. С. 128.
- ²⁸¹ *Лосото Е.* Указ. соч. С. 16.
- ²⁸² Из интервью с майором П.А.Поповым, подполковником В.Д.Баженовым, прапорщиком С.В.Фигуркиным, полковником С.М.Букваревым, майором В.А.Сокирко // Личный архив автора.
- ²⁸³ *Смирнов О.* Никто не солдат для войны. М., 1990.
- ²⁸⁴ Афганистан в нашей судьбе. С. 6.
- ²⁸⁵ Из интервью с майором С.Н.Токаревым, майором П.А.Поповым, подполковником В.Д.Баженовым, прапорщиком С.В.Фигуркиным, подполковником В.А.Литвиненко // Личный архив автора.
- ²⁸⁶ Банников А.Г. Указ. соч. С. 220.
- ²⁸⁷ Из интервью с полковником С.М.Букваревым, майором И.Н.Авдеевым // Личный архив.
- ²⁸⁸ *Чикшиев А.* Указ. соч. С. 104-105.
- ²⁸⁹ Там же. С. 288-289.
- ²⁹⁰ См.: Первый съезд народных депутатов СССР. 25 мая – 9 июня 1989 г. Стенографический отчет. Т. II. М., 1989. С. 343-350.
- ²⁹¹ См.: Второй съезд народных депутатов СССР. Стенографический отчет. 12–24 декабря 1989 г. Т. IV. М., 1989. С. 432-454, 616.
- ²⁹² После Афганистана // Комсомольская правда. 1989. 21 декабря.

Заключение

- ¹ «Зверства» Красной армии, или кровавый след освобождения // Россия в зарубежном теле- и радиоэфире. РИА Новости. № 046. 6-19 апреля 2005 г. С. 9
- ² *Крестовский В.* Война и новые идеологические маркеры в англо-американских СМИ // 60-летие окончания Второй мировой и Великой Отечественной: победители и побежденные в контексте политики, мифологии и памяти. Материалы к Международному форуму (Москва, сентябрь 2005). Под ред. Ф.Бомсдорфа и Г.Бордюгова. Библиотека либерального чтения. Вып. 16. М., 2005. С. 148, 158.
- ³ *Трубникова Н.* Как публицисты Латинской Европы отмечали юбилей // Там же. С. 176.
- ⁴ Из сообщения пресс-службы Президента России, размещенного на официальном сайте МИД РФ по адресу: http://www.in.mid.ru/brp_4.nsf/sps/CC6729D638704446C3256FFC00363A0E.
- ⁵ Из сообщения для печати «О юбилее Победы за рубежом» от 7.05.2005 г., размещенного на сайте МИД РФ: http://www.in.mid.ru/brp_4.nsf/sps/091195668ECBC03FC3256FFA004E45E8.
- ⁶ *Нарочницкая Н.А.* За что и с кем мы воевали. М., 2005. С. 66.

СПИСОК АРХИВОВ И АРХИВНЫХ ФОНДОВ

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА)

Фонд 2019. Штаб Главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта, 1914–1915.

Российский государственный военный архив (РГВА).

Фонд 104. Управление армиями Западного фронта. Штаб фронта. Разведотдел. 1920–1923.

Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ)

Фонд 372. Политический отдел 19-й армии Карельского и 2-го Белорусского фронтов, 1942–1945.

Фонд 387. Политический отдел 32-й армии Карельского фронта, 1942–1944.

Фонд 90олтп. 90-й отдельный линейный танковый полк.

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ)

Фонд 17. Центральный комитет КПСС.

Центр документации «Народный архив» при Московском государственном историко-архивном институте (ЦДНА при МГИАИ)

Фонд 118. Сынгаевские-Жиглинские. Семейная переписка, 1896–1918.

Фонд 196. Письма, адресованные Е.И.Огневой, 1914–1918.

Музей Боевой Славы Исторического факультета МГУ (МБС ИФ МГУ)

Личный фонд М.Т.Белявского. Дневники. Письма с фронта. 1941–1945.

Личный фонд Ю.И.Каминского. Письма с фронта, 1942.

Личные архивы ветеранов Великой Отечественной войны

Личный архив С.Л.Сенявского. Письма с фронта. Дневники. Воспоминания. 1941–1945.

Личный архив Ю.П.Шарапова. Переписка с Н.Н.Решетниковой. 1942–1945.

Личный архив автора

Записи воспоминаний, материалы «глубокого интервью» с ветеранами Великой Отечественной и Афганской войн.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абаза А.М. 29
Абрамов К.Н. 262
Авдеев И.Н. 279-280
Александр I, имп. 124
Александр III, имп. 67
Александр Михайлович, вел. кн. 29
Александра Федоровна, имп. 30
Александров 91
Александров Г.Ф. 78
Алексеев Е.И. 28-29
Алексиевич С. 266
Амин 238, 241
Андерс В. 215
Анненкова М.П. 223
Антонеску И. 173-175, 178, 180
Арамилев А. 267
- Бабак А.** 239
Багдасарян В.Э. 258
Бадиков В.А. 233, 279
Баженов В.Д. 280
Базанов С.Н. 258
Банников А.Г. 239, 279-280
Барбюс А. 268
Барсов В. 99
Барышников В.Н. 270
Барышников Н.И. 270
Бедный Демьян 211
Безобразов А.М. 29
Белявский М.Т. 76, 88, 104, 202, 265-267, 277, 281
Беляев Ю.Д. 209
Березин М.И. 81
Берия Л.П. 117
Берлинг З. 215
Бессер фон 68
Бирнс Д. 206
Бирюков Ю.Е. 263
Бланк А. 265
Блументаль Ф.Л. 255
Богданович 217
Бок Б.И. 32
Боков Ф.Е. 95
Болдырев 38
Бомсдорф Ф. 268, 278, 280
Бордюгов Г. 268, 278, 280
Борковский Д. 91
Бранд К.-Ф. 87
Брусилев А.А. 65-66, 164, 176-177, 187-188, 194, 264, 267, 273, 275
Буденный С.М. 110, 206
Букварев С.М. 280
Бурд З. 145
Буряга 89
Бушуева Т.С. 265
Быстрова Н.Е. 278
Бэжман Й. 159, 272
- Вейцекер Э. фон 135
Веригин С.Г. 270, 273
Верховский А.И. 275
Вигребе Г. 101
Вильгельм II 127
Вильсон В. 195
Виноградов В.А. 265
Виноградов В.Н. 275
Виролайнен И. 139
Витте С.Ю. 260
Вихавайнен Т. 272
Вишневский Вс. 206
Владимирский А. 268
Власов А. 113
Войтасик Л. 255
Войтоловский Л.Н. 70, 209, 267, 278
Волин Ю. 208
Волковский Н.Л. 62, 256, 263-265
Волкогонов Д.А. 255, 267
Волобуев О.В. 256
Вольф А. 267
Воронцов И.И. 29
- Галин В.В. 261, 276-277
Гальдер Ф. 132, 203
Гамильтон Ян 27, 260
Гасанов И.Б. 256, 260
Гастелло Н. 97
Гастингс М. (Хастингс М.) 115, 203, 277
Гашек Я. 268
Герасимова В. 94, 223
Герман 85
Гирс М.Н. 167
Гитлер А. 48, 74-75, 77, 81, 90-91, 96, 111, 115, 121, 123, 125, 131, 135, 139, 147, 151, 173-175, 179-180, 183, 200-201, 203, 252-253, 265, 271
Голдин В.И. 259, 276
Голль Ш. де 204
Головин Н.Н. 186
Голубев А.В. 257-259, 275-278
Горбачев М.С. 235, 244
Гофман К. 180
Гудков Л. 256, 258, 260
Гурский 119
Гусев К.В. 270
- Дажин Д. 279
Дегтярев А.П. 261
Детлинг 87
Дмитреску 180
Дмитриев А. 79
Драбкин А.В. 271
Дроздов Ф.Б. 258
Дроздова Э.А. 257
Дубровская Е.Ю. 270
Дудоров Б.И. 32, 261

- Дынгес А.А. 255
 Дьяков Ю.Л. 265
Е
 Егоров И. 270
 Елисеев Ф.И. 168-169, 274
 Ендрещкий Г. 116
 Ефимович П.В. 32, 261
Ж
 Жарков 205
 Жбанкова Е.В. 256, 260
 Жиглинский А.Н. 105, 281
 Жилинский Я.Г. 65
 Жуков Г.К. 42, 44
 Жуков Ю. 266
 Жукова Л.В. 258-259, 261
 Журавлева В.И. 259
З
 Заиченко О.В. 258
 Зайончковский А.М. 177, 273, 275
 Зак Л.А. 255
 Занкевич 192
 Звонарева Л.У. 259
 Здравомыслов А.Г. 112-114, 255, 268
 Земцов В.Н. 258
 Зия Гекальп 166
 Златкин Д.Ф. 142-143, 271
 Зубкова Е.Ю. 255
 Зуев 46
И
 Иваненко С. 264
 Иванов 216
 Иванов В. 242
 Иванов В.Н. 269
 Ивлев И.А. 255
 Иголкин А. 255
 Игрицкий Ю.И. 256
 Ильин 120
 Ильин В. 3
 Иринчеев Б. 271
 Исламов Т.М. 273
К
 Кабанов П.С. 136-137
 Казанцев 126
 Какурин Н. 275
 Калинин М.И. 199, 277
 Калинин М. 147
 Каменев Е.В. 257
 Каминский Ю.И. 106, 267, 281
 Канарис Ф.В. 132
 Карахан Л.М. 261
 Карбышев 113
 Кассис В. 265
 Катаев В. 34, 261
 Каттонен Т.М. 141, 143, 271
 Катукова Е.С. 93
 Кауфман 204
 Керсновский А.А. 261
 Кириллов В.В. 277
 Киселев А.Ф. 277
 Клемантель 189
 Коган А. 269
 Кожевников В. 3
 Колосов М. 220-221, 279
 Колчак А.В. 38-39
 Комаров В. 265
 Комков Г.Д. 255
 Кондорова Н. 256, 258, 260
 Кондратьев В. 120, 122, 269
 Копелев Л.З. 92, 255, 260, 266
 Корн В. 103
 Корти Э. 183, 275
 Костин И.А. 273
 Костюшко Т. 215
 Котовский 110
 Кохут Т.А. 100, 267
 Кошкин А.А. 261-262
 Кравков В.П. 30-31, 261
 Крестовский В. 268-269, 280
 Кривель А.М. 51, 262-263
 Кринский Б.М. 269
 Кровицкий Б. 100
 Крутских Д.А. 141, 143, 144, 271
 Крысько В. 256
 Ксюнин А. 164, 273
 Куби Э. 115
 Кудюкина М.М. 258
 Кузнецов В.Н. 269
 Кулешова Н.Ю. 258, 265
 Кульков Е.Н. 274
 Кунцевич С. 94
 Куприн А.И. 33-34, 261
 Куприянов А.И. 255, 278
 Куприянов А.Н. 280
 Купцова И.В. 258
 Куропаткин А.Н. 29-30
 Кусманек 164
 Кустов 92
 Кэссиди 199
Л
 Лабас Ю. 77, 265
 Лазо С. 110
 Лайдинен Э.П. 270
 Лайнбарджер П. 255
 Лайне А. 273
 Лайне Э. 154
 Лайтинен Э. 145-146
 Ларан М. 97
 Ласвель Г. 255
 Ласкин Б. 57
 Латышев А. 257
 Лебедев-Кумач В. 134
 Левашов 119
 Лельчук В.С. 257
 Лемке М. 264
 Ленин В.И. 40, 152, 196, 262, 276
 Леонов Л. 95, 200, 204, 267, 277
 Лескинен Я. 270
 Летуновский 136
 Линднер Х. 86

- Линкомиес Э. 148
 Листиков С.В. 259
 Литвиненко В.А. 239, 280
 Ллойд Джордж Д. 188, 195, 276
 Ломоносов М.В. 277, 281
 Лосото Е. 279, 280
 Лугин Н. [Степун Ф.А.] 267
 Лукин А.П. 260-261
 Лукинов М.И. 142-144, 271
 Лукьянов В. 273
 Лященко Н.Г. 144
- М**
 Майский И.М. 186
 Макуров В.Г. 273
 Макшерри Дж. 48
 Малиновский Р.Я. 36, 177, 190, 261, 275-276
 Малышева Д.Б. 280
 Мамедов К. 83
 Манков А.Г. 137, 141
 Маннергейм К.-Г. 128-129, 131-132, 137-139, 147-148, 150, 270, 272
 Маннинен О. 271
 Марушевский В.В. 197, 276
 Марязуке Китен Ноги 34-35
 Матросов А. 97
 Мацук 217
 Мачевский Я. 278
 Медведев Р.А. 88, 107, 255, 266-267
 Мерещков К.А. 132, 270
 Мери Вейо 270
 Мессершмидт М. 268
 Мехлис Л.З. 136
 Миколайчик 226-227
 Минаков С.Т. 258
 Миньяр-Белоручев К.В. 258
 Миронов В.В. 257
 Молодяков В.Э. 259
 Молотов В.М. 75, 78, 80, 133-134, 136, 148, 152, 230, 268, 275
 Мольтке 186
 Мончан 217
 Морозов И. 238
 Муссолини Б. 173, 175, 182-183
 Мутсихито, имп. 35
 Мыслинска 209
 Мыщык Л.Н. 259
- Н**
 Навоев П. 264
 Назаревский Б. 264
 Назаров А. 258
 Назым 166
 Налчаджян А. 256
 Нарахаси Киитиро 261
 Наринский М.М. 259, 277
 Небогатов, адм. 33
 Невакиви Ю. 139
 Невежин В.А. 256-260, 265, 272
 Недилько 205
 Никитин Д.В. 260
- Николай II, имп. 28-30, 168
 Николай Николаевич, вел. кн. 187
 Ничволодов 37
 Нольте Х.-Х. 268
- Оболенская С.В.** 255, 257, 264
 Овсянник 217
 Овчинникова Л. 265
 Ойяма, маршал 33
 Окороков А.Д. 92
 Окунев Я. 267
 Олдингтон Р. 268
 Оленичев 205
 Орлов В.Г. 264
 Орлов Ю.Я. 255
 Орт С. 265
 Оськин Д. 267
 Отодзо Ямада 49
 Отген А. 104
- П**
 Падучев Вл. 267
 Палеолог М. 167, 189, 274
 Паулюс Ф. 81, 265
 Первухина К.М. 258
 Перикка П. 154
 Песков В. 265
 Петр I 83, 124, 209
 Петров П.В. 270
 Пивовар Е.И. 257
 Платонов 89
 Плеве В.К. 29
 Пленков О.Ю. 268
 Поздеева Л.В. 259, 277
 Полин 136
 Полторак С.Н. 255-257
 Попов П.А. 280
 Поршнева О.С. 257
 Поршнев Б.Ф. 260
 Потапов Н.М. 255, 263
 Почепцов Г.Г. 256
 Пуанкаре Р. 188, 276
 Пуришкевич 209
 Путин В.В. 114, 123, 252
 Пушкарев Л.Н. 256, 266
 Пырьев И.А. 57
- Р**
 Рагинский М.Ю. 269
 Радомский Я.Л. 258
 Райзман Ю. 152
 Райский Н.С. 278
 Райхенау Ф. Фон 126
 Рейган Р. 235
 Ремарк Э.-М. 267-268
 Репко С.И. 256
 Решетникова Н.Н. 93, 266, 281
 Риббентроп 75, 230, 275
 Рид Д. 163, 273
 Риммер А. 101
 Ричардсон У.П. 196-197, 276
 Рогожкин А. 153

- Родзянко М.В. 29
 Розанов В. 209
 Розен, барон 27
 Ройбер К. 102-103
 Ройлекке Ю. 100, 267
 Рокоссовский К.К. 91
 Ропшин В. [Савинков Б.В.] 267
 Росциус Ю. 265
 Рудая Е.Н. 258-259, 276
 Рузвельт Т. 185
 Рузвельт Ф. 201-202, 205
 Румянцев Н.М. 262
 Рупасов А.И. 270
 Рыбников 33
 Рюруп Р. 111, 114, 268-269, 277
 Рябов О.В. 257
- Саарела О. 154
 Савельев А.Н. 256
 Садуль Ж. 272
 Сазонов С.Д. 167
 Салминен М. 138, 271
 Саммерс М. 259
 Самойло А.А. 176, 186, 275-276
 Самойлов Д. 91, 95, 206, 221-222, 266, 277, 279
 Самсонов А.В. 186, 203
 Самсонов А.М. 267
 Саран А.Ю. 258
 Сахаров А.Д. 244
 Светлов М. 183-184
 Свинхувуд П.Э. 128, 131
 Себелев П.М. 82, 107
 Севрюгин В.И. 255
 Секачев А.В. 280
 Секиринский С.С. 258
 Селезнев И.А. 255
 Семанов С.Н. 263, 273
 Семенов Г.М. 38
 Семин В.П. 261
 Семиряга М.И. 266, 269, 271
 Сенигов И. 264
 Сенкевич Г. 208
 Сеньявская Е.С. 1-2, 256, 258-259, 269, 271
 Сеньявский А.С. 256, 260, 265, 271
 Сеньявский С.Л. 216, 278, 281
 Сергеев В.К. 269
 Сергеев Е.Ю. 258-259
 Сергеев-Ценский С.Н. 164-165, 267, 273
 Серов И. 117
 Серпилин 120
 Сикорский В. 215
 Симонов К.М. 44, 75, 82, 84, 89, 96, 118-120, 144, 204, 265-266, 269-271
 Синцов 119
 Славинский Б.Н. 261, 263
 Слуцкий Б. 181-182, 275
 Смеречинский Е. 264
 Смирнов А. 264
- Сокирко В.А. 233-234, 279-280
 Соколов Б.Ф. 276
 Солдатова Г.У. 256
 Соловьев 88
 Сомов В.А. 257
 Соплнеков С.В. 255
 Сотников А. 262
 Сталин И.В. 38, 49, 56, 59, 78, 80, 89-91, 132, 134, 145, 152, 155-157, 199, 202-203, 206, 215, 249, 252-253, 257-258, 261-263, 265-266, 271-272, 277
 Станкевич 217
 Стапран Н. 263
 Степаков В.Н. 270-271
 Сулимин С. 273
 Сурков А. 86, 266
 Сындзи У. 255
- Танака 41
 Таубе, барон 28
 Твердохлебов 217
 Текин Альп 167
 Теплиц Е. 272
 Тетерин М.В. 136
 Тимофеев Б. 267
 Тирпиц, адм. 30
 Титаренко В.В. 234, 279
 Тихобразов Д.Н. 70
 Тихонов Н. 267
 Того Такэхиро 58, 263
 Токарев В.А. 258
 Токарев С.Н. 233, 279-280
 Толстой А. 82, 265, 267
 Томпсон В.М. 198
 Томский В.В. 265
 Трояновский А.А. 41
 Трубецкой С.Е. 33, 261
 Трумэн Г. 206
 Тряпицин Я.И. 39
- Уборевич И.П. 73
- Фалькович С. 260, 278
 Фарутин А. 272
 Фатеев А.В. 19, 257, 260, 277-278
 Федин К. 267
 Федоркин Е. 216
 Федоров В.Г. 270
 Федорченко С. 267
 Федотов Л. 78
 Федюнинский И.И. 44-45
 Фердинанд Кобурский 172
 Фесюн С. 238
 Фиалковский В.В. 46, 262
 Фигуркин С.В. 280
 Филимонова И. 279
 Филипский 226
 Фиозов И.А. 205
 Форсель В.П. 67
 Фрай Н. 268
 Франц-Иосиф, имп. 162-163

Хавкин Б. 265
Хакцель 148
Халонен Т. 160, 273
Хастингс М. (см.: Гастингс М.)
Хаттори 52
Хемингуэй Э. 267-268
Хикман Г. 204
Хирохару Като, адм. 38
Хрушев Н.С. 134, 270
Хубилай 51

Цвейг А. 268

Чапаев В.И. 110, 225
Чемоданов Г.Н. 267
Черевко К.Е. 261-262
Черненко М.М. 257
Чернецов И.И. 69
Черных А.С. 130
Черняев В.Ю. 270
Черчилль У. 186, 194-195, 198, 202-203,
205-206, 276-277
Чикишев А. 279-280
Чингисхан 51
Чихарев 136
Чичков В. 265
Чудаков А. 271
Чумаков Г.В. 273

Шадрова Л.В. 273
Шамбаров В. 261, 273, 276
Шарапов Ю.П. 78, 93, 141, 145, 265-266,
271-272, 281
Шатров А. 240, 242
Шахпаронова Л. 222
Шведе Е. 270
Шепетов К.П. 255
Шерстяной Э. 269

Шиндель А.Д. 267
Широкорад А.Б. 261-262, 270
Шишов А.В. 261
Шишов Н.И. 278
Шкадов И.Н. 262
Шкундин Г.Д. 274
Шлиффен А. фон 63, 186
Шляхтенкова Т.В. 273
Шнейдер Е. 152
Шолох Е. 261-262
Шолохов М. 200, 267, 277
Шпанов Н.Н. 75
Шрёдер Г. 114, 123
Штайм Е. 95
Штейнгауз А.И. 255
Шубин А.В. 275
Шавинский 34
Шагин Э.М. 277
Щебеко И.А. 127
Щербина В.Р. 269

Эйсымонт В. 152
Эренбург И. 85, 91, 175-176, 179-180,
182-183, 207, 266, 275

Юденков А.Ф. 255
Юнгер Э. (Junger E.) 110, 268
Юсупова Л.Н. 273

Яковенко И.Г. 256, 258
Яковлев Н. 264
Яманов В.А. 262
Ямасита 48
Ямаути 39
Ярцева Г. 223
Яшечкин 117

Horowitz D.L. 256

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вместо введения: Проблемы теории и методологии изучения «образа врага»	3
<i>Историческая имагология: исследовательский потенциал и инструментарий .</i>	8
<i>«Образ врага» в условиях войны как предмет историко-психологического исследования</i>	14
Глава 1. Япония как противник России в войнах XX века	27
<i>Русско-японская война 1904–1905 гг.</i>	27
<i>Японская интервенция на Дальнем Востоке</i>	36
<i>У порога «большой войны»: Хасан и Халхин-Гол</i>	41
<i>Япония и СССР во Второй мировой войне</i>	48
<i>Русско-японское военное противостояние в историческом сознании двух народов</i>	58
Глава 2. Главный противник в мировых войнах: Германия в сознании россиян	62
<i>Образ врага в сознании участников Первой мировой войны</i>	62
<i>Германия и СССР в межвоенный период: динамика взаимовосприятия ..</i>	72
<i>Образ врага в сознании участников Великой Отечественной войны</i>	80
<i>Сталинградские письма советских и немецких солдат: компаративный анализ ментальностей</i>	97
<i>Общее и особенное в формировании образа врага в двух мировых войнах</i>	104
<i>Историческая память русских и немцев о мировых войнах XX века</i>	108
Глава 3. Финляндия как военный противник советского государства ...	124
<i>Становление независимой Финляндии и ее отношения с Советской Россией</i>	126
<i>Два этапа военного противостояния во Второй мировой войне: официальный взгляд с двух сторон</i>	132
<i>Эволюция образа врага в сознании участников войны</i>	140
<i>Выход Финляндии из войны в отражении финской и советской пропаганды</i>	147
<i>Русские и финны глазами друг друга в кинематографической ретроспективе.</i>	151
Глава 4. С кем еще воевала Россия в XX веке	162
<i>Союзники Германской Империи и Третьего Рейха в мировых войнах</i>	162
<i>От временных союзов к политическому противостоянию: динамика восприятия Англии, Франции и США</i>	185
<i>Польша и Россия в XX веке: взаимоотношения и взаимовосприятие</i>	207
<i>Афганистан: зона военного и социокультурного противостояния</i>	231
Заключение	246
Примечания	255
Список архивов и архивных фондов	281
Именной указатель	282

Елена Спартаковна Сенинская

**ПРОТИВНИКИ РОССИИ В ВОЙНАХ XX ВЕКА:
ЭВОЛЮЦИЯ «ОБРАЗА ВРАГА» В СОЗНАНИИ
АРМИИ И ОБЩЕСТВА**

Художественное оформление *А.К.Сорокин*

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 06.06.2006
Формат 70x100 1/16. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная
Усл. печ. л. 23,2. Тираж экз. Заказ № .

Издательство «Российская политическая энциклопедия»
(РОССПЭН)
117393, Москва, ул. Профсоюзная, д. 82
Тел. 334-81-87 (дирекция)
Тел./факс 334-82-42 (отдел реализации)

ВОЙНЫ И КОНФЛИКТЫ С ЯПОНИЕЙ

Казак швыряет в море японского солдата.
Плакат периода русско-японской войны
1904–1905 гг.

«Хоть мал, да удал!». Карикатура 1904 г.

Расправа японского патруля над красными партизанами. 1920 г.

Карикатура Кукрыниксов 1939 г., посвященная событиям на озере Хасан

Оформление наглядной агитации перед началом боевых действий. Август 1945 г.

ВОЙНЫ С ГЕРМАНИЕЙ И ЕЁ СОЮЗНИКАМИ

«Россия – за правду».
Россия побеждает двуглавого
дракона – аллегорическое
изображение австрийского
императора Франца Иосифа I
и германского кайзера
Вильгельма II.
Плакат 1914 г.

Советский плакат периода
Великой Отечественной
войны, изображающий
фашистскую Германию
в виде змеи, свернувшейся
в свастику

Казак держит «за шкуру» императора Франца Иосифа и кайзера Вильгельма. Русская патриотическая открытка 1914 г.

Советский плакат периода Великой Отечественной войны, изображающий Германию в образе Адольфа Гитлера и ее сателлитов

«Немецкие зверства».
Плакат периода Первой мировой войны.

Советские солдаты перед плакатом о зверствах
фашистских захватчиков. 1943 г.

Советские плакаты периода Великой Отечественной войны
1941-1945 гг.

Антифашистский плакат на стене дома в осажденном Ленинграде.

СОВЕТСКО-ПОЛЬСКАЯ ВОЙНА

Советские плакаты 1920 г.

ВОЙНЫ И КОНФЛИКТЫ С ФИНЛЯДИЕЙ

«За красный Петроград!
За красную Финляндию!»
Плакат 1918 г.

«Воевать мы не хотим,
но Советы отстоим!».
Советский плакат 1922 г.

«Дадим по рукам!»
Рисунок Кукрыниксов. 1939 г.

Советская агитационная
листовка с перечнем злодеяний
Маннергейма

«Встреча на кексгольмском направлении. Старые знакомые».
Советский плакат времен Великой Отечественной войны

СОЮЗНИКИ РОССИИ В МИРОВЫХ ВОЙНАХ

«Согласие».
Русский плакат периода
Первой мировой
войны, посвященный
государствам Антанты

Советский плакат
периода Великой
Отечественной войны,
посвященный
союзникам СССР
по Антигитлеровской
коалиции

ДА ЗДРАВСТВУЕТ ЕДИНЫЙ ФРОНТ
СВОБОДОЛЮБИВЫХ НАРОДОВ
ПРОТИВ ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ!

«ПРОВОКАТОРЫ И ПОДЖИГАТЕЛИ ВОЙНЫ»

Плакат «красных» периода Гражданской войны, изображающий руководителей Белого движения цепными псами Антанты

Советский плакат 1920 г., разоблачающий закулисную политику Запада

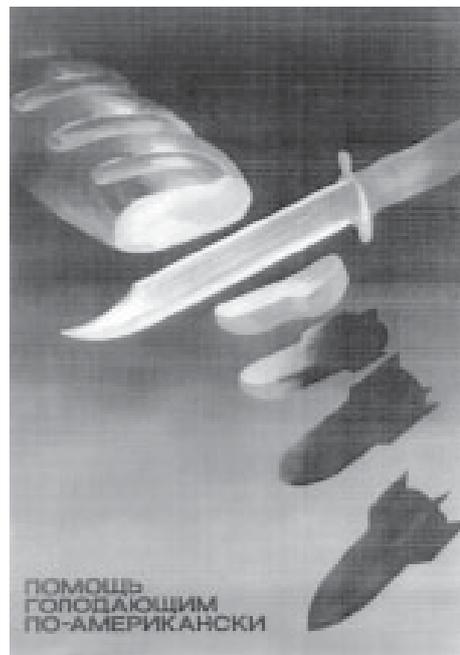
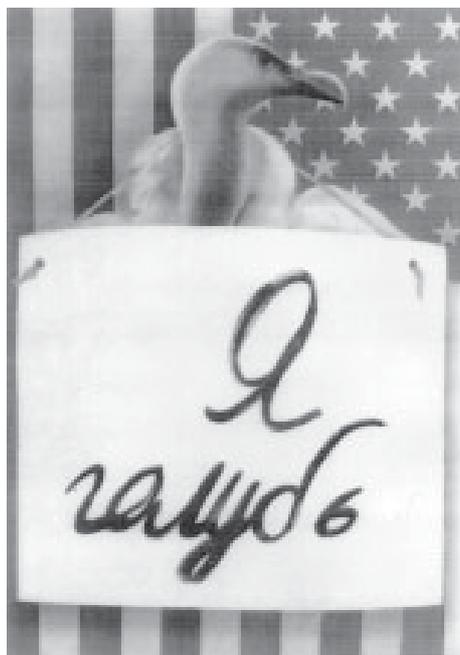
Плакат 1927 г. – реакция советской пропаганды на ноту Великобритании с угрозой разорвать дипломатические отношения с СССР

Советский плакат 1938 г., посвященный «Мюнхенскому сговору». Западные страны отдают на съедение Гитлеру Чехословакию и направляют его агрессию на Восток

Советские плакаты начала «холодной войны» (1947, 1950, 1952 гг.)

Антиамериканские плакаты
1960-х – 1970-х гг.

АФГАНСКАЯ ВОЙНА

Листовки правительства Демократической Республики Афганистан 1982 и 1988 г., разоблачающие действия вооруженной оппозиции

Листовка 1989 г., посвященная выводу советских войск из Афганистана